

Народно **население**

ISSN 1561-7785

1 . 2023

январь-март

- **Демография: вопросы теории и практики**
- **Миграционные процессы**
- **Трудовой потенциал и условия жизни населения**
- **Социально-экономические последствия пандемии**
- **Научная жизнь ИСЭПН ФНИСЦ РАН**

МОСКВА

ИНСТИТУТ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРОБЛЕМ НАРОДОНАСЕЛЕНИЯ
ИМЕНИ Н. М. РИМАШЕВСКОЙ ФНИСЦ РАН (ИСЭПН ФНИСЦ РАН)

Народонаселение

Е Ж Е К В А Р Т А Л Ы Н Ы Й Н А У Ч Н Ы Й Ж У Р Н А Л

2023. Том 26. №1 (январь-март)

DOI: 10.19181/population.2023.26.1

Учредитель и издатель:

**Федеральный научно-исследовательский
социологический центр
РАН (ФНИСЦ РАН)**

ISSN 1561-7785 (print)

Журнал зарегистрирован 21 мая 1996 г.,

перерегистрирован 20 июля 2020 г.,

серия ПИ № ФС77-78718.

Индекс подписки в каталоге агентства «Урал-пресс» «Каталог периодики» – 79183.

Журнал включен ВАК в «Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, ученой степени доктора наук», индексируется РИНЦ и WoS RSCI.

Главный редактор:

Локосов В.В., член-корр. РАН (Москва, Россия).

Редакционная коллегия:

Аганбегян А.Г., академик РАН (Москва, Россия)

Аксенова Е.И., д.э.н., проф. (Москва, Россия)

Александрова О.А., д.э.н. (Москва, Россия)

Доброхлеб В.Г., д.э.н. (Москва, Россия)

Дохолян С.В., д.э.н., проф. (Москва, Россия)

Медведева Е.И., д.э.н. (Москва, Россия)

Назарова И.Б., д.э.н. (Москва, Россия)

Риччери М., д.э.н., проф. (Рим, Италия)

Русанова Н.Е., д.э.н. (Москва, Россия)

Рыбаковский Л.Л., д.э.н., проф. (Москва, Россия)

Рыбаковский О.Л., д.э.н. (Москва, Россия)

Рюмина Е.В., д.э.н., проф. (Москва, Россия)

Рязанцев С.В., член-корр. РАН (Москва, Россия)

Синельников А.Б. д.соц.н., проф. (Москва, Россия)

Сухоцка Л., к.псх.н., проф. (Люблин, Польша)

Теодорович М.Л., д.соц.н., проф. (Н. Новгород, Россия)

Токсанбаева М.С., д.э.н. (Москва, Россия)

Фуци С., д.фил.н., проф. (Пекин, Китай)

Шабунова А.А., д.э.н. (Вологда, Россия)

Ярашева А.В. д.э.н., проф. (Москва, Россия).

Ответственный секретарь:

Симагин Ю.А., к.г.н., доцент (Москва, Россия).

Редактор перевода на английский язык:

Войтенкова Г.Ф., к. ист. н. (Москва, Россия).

© Редакция журнала «Народонаселение», 2023.

© ИСЭПН ФНИСЦ РАН, 2023.

Адрес редакции:

117218, Москва, Нахимовский пр-т, 32. Тел.: +7(499)1290801.

E-mail: isesp-population@yandex.ru. Website: <https://www.jour.fnisc.ru/index.php/population>

Отпечатано в типографии ООО «Фабрика Офсетной Печати»

www.fop.ru; e-mail: info@fop.ru

Заказ № 24100. Тираж 1000 экз.

INSTITUTE OF SOCIO-ECONOMIC STUDIES OF
POPULATION FCTAS RAS (ISESP FCTAS RAS)

IP *Population*

QUARTERLY SCIENTIFIC JOURNAL

2023. Vol. 26. No. 1 (January-March)

DOI: 10.19181/population.2023.26.1

Founder and publisher:

Federal Center of Theoretical and Applied
Sociology RAS (FCTAS RAS)

ISSN 1561-7785 (print)

The journal was registered on May 21, 1996 and
re-registered on July 20, 2020,
Series ПИ № ФС77-78718.

Subscription index in the Ural-Press catalogue of
periodicals: 79183.

The journal is included by the State Commission for
Academic Degrees and Titles in the List of Russian
peer-reviewed scientific journals, publication in which
is required for defense of Candidate's and Doctor's
theses, it is indexed in RSCI and WoS RSCI.

Editor in Chief:

Lokosov V.V., RAS Corr. Member (Moscow, Russia).

Editorial Board:

Aganbegian A.G., RAS Academician (Moscow, Russia)
Aksenova E.I., Dr.Sc. (Econ.), Prof. (Moscow, Russia)
Aleksandrova O.A., Dr.Sc. (Econ.) (Moscow, Russia)
Dobrokhleb V.G., Dr.Sc. (Econ.) (Moscow, Russia)
Dokholyan S.V., Dr.Sc. (Econ.), Prof. (Moscow, Russia)
Medvedeva E.I., Dr.Sc. (Econ.) (Moscow, Russia)
Nazarova I.B., Dr.Sc. (Econ.) (Moscow, Russia)
Riccery M., Dr.Sc. (Econ.), Prof. (Rome, Italy)
Rusanova N.E., Dr.Sc. (Econ.) (Moscow, Russia)
Rybakovsky L.L., Dr.Sc. (Econ.), Prof. (Moscow, Russia)
Rybakovsky O.L., Dr.Sc. (Econ.) (Moscow, Russia)
Ryumina E.V., Dr.Sc. (Econ.), Prof. (Moscow, Russia)
Ryazantsev S.V., RAS Corr. Member (Moscow, Russia)
Sinelnikov A.B., Dr.Sc. (Sociol.), Prof. (Moscow, Russia)
Suchocka L., Cand.Sc. (Psychol.), Prof. (Lublin, Poland)
Teodorovich M.L., Dr.Sc. (Sociol.), Prof.
(Nizhny Novgorod, Russia)
Toksanbaeva M.S., Dr.Sc. (Econ.) (Moscow, Russia)
Futsi X., Dr.Sc. (Philos.), Prof. (Beijing, China)
Shabunova A.A., Dr.Sc. (Econ.) (Vologda, Russia)
Yarasheva A.V., Dr.Sc. (Econ.), Prof. (Moscow, Russia).

Executive secretary:

Simagin Yu.A., Cand.Sc. (Geogr.) (Moscow, Russia).

Editor of English translation:

Voytenkova G.F., Cand.Sc. (Hist.) (Moscow, Russia).

© Editorial Board of the journal «Narodonaselenie» (Population), 2023.

© ISESP FCTAS RAS, 2023.

Postal address of the Editorial Board:

32 Nakhimovsky prospect, Moscow, Russia, 117218. Tel: +7(499)1290801.

E-mail: isesp-population@yandex.ru. Website: <https://www.jour.fnisc.ru/index.php/population>

Printed at the printing house «Offset Printing House» www.fop.ru; e-mail: info@fop.ru Order № 24100.
Circulation 1000 copies

СОДЕРЖАНИЕ

Народонаселение. 2023. Том 26. № 1 (январь-март)

ДЕМОГРАФИЯ: ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

Рыбаковский О. Л. ВОЗРАСТНАЯ СТРУКТУРА НАСЕЛЕНИЯ РЕГИОНОВ РОССИИ В НАЧАЛЕ XXI ВЕКА: КОМПОНЕНТЫ ФОРМИРОВАНИЯ	4
Симагин Ю. А., Муртузалиева Д. Д., Ванькина И. Н. ВЛИЯНИЕ МУНИЦИПАЛЬНО-ТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ В РЕГИОНАХ РОССИИ НА ДИНАМИКУ ЧИСЛЕННОСТИ НАСЕЛЕНИЯ	16
Гневашева В. А., Ильдарханова Ч. И. СЧИТАЮТ ЛИ СОВРЕМЕННЫЕ РОССИЙСКИЕ ЖЕНЩИНЫ СЕБЯ ОДИНОКИМИ?	29
Туктамышева Л. М., Чибилёв А. А. (мл.), Мелешкин Д. С., Григоревский Д. В. ОЦЕНКА РЕПРОДУКТИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ И РОЖДАЕМОСТИ НА ПРИМЕРЕ СТЕПНЫХ РЕГИОНОВ РОССИИ	39
Филимонова И. В., Ивершинь А. В., Комарова А. В., Кривошеева О. И. КЛЮЧЕВЫЕ ФАКТОРЫ, ОКАЗЫВАЮЩИЕ ВЛИЯНИЕ НА РЕШЕНИЕ О РОЖДЕНИИ РЕБЁНКА И КОЛИЧЕСТВЕ ДЕТЕЙ У ЖЕНЩИН В РОССИИ	55
Бледнова Н. Д. РОДИТЕЛЬСКИЙ ОТПУСК В СИСТЕМЕ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ ОБЗОР	70

МИГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ

Лукьянец А. С., Тышкевич А. И. ЭМИГРАЦИИ ИЗ РОССИИ В США И КАНАДУ В КОНТЕКСТЕ РАСШИРЕНИЯ РУССКОГОВОРЯЩИХ СООБЩЕСТВ	83
Письменная Е. А., Рязанцев Н. С., Молчанова Н. П. ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ СДВИГИ В ЯПОНИИ КАК ФАКТОР ТРАНСФОРМАЦИИ МИГРАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ	97

ТРУДОВОЙ ПОТЕНЦИАЛ И УСЛОВИЯ ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ

Попов А. В., Соловьева Т. С. ТРАНСФОРМАЦИЯ ЗАНЯТОСТИ В РОССИИ В РАКУРСЕ МЕЖСТРАНОВЫХ СРАВНЕНИЙ	110
Шабунова А. А., Леонидова Г. В. БАЛАНС РАБОТЫ И СЕМЬИ: ОЦЕНКИ УСПЕШНЫХ РАБОТАЮЩИХ РОДИТЕЛЕЙ	123
Гимбатов Ш. М., Кутаев Ш. К., Хаджалова Х. М., Абдулаева З. З., Абдулманапов П. Г. СОЦИАЛЬНЫЕ И ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ ТРУДОВОГО ПОТЕНЦИАЛА СЕВЕРНОГО КАВКАЗА	135
Шнейдерман И. М., Пилюпенко И. В. МОДЕРНИЗАЦИЯ СИСТЕМЫ ВОДОСНАБЖЕНИЯ И ВОДООТВЕДЕНИЯ В СЕЛЬСКОЙ МЕСТНОСТИ КАК ФАКТОР ПОВЫШЕНИЯ КАЧЕСТВА ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ РОССИИ	147

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ПАНДЕМИИ

Руднева О. С., Соколов А. А. ГОТОВНОСТЬ РЕГИОНОВ РОССИИ К ПАНДЕМИИ COVID-19 НА ОСНОВЕ ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ УСТОЙЧИВОСТИ И РАЗВИТИЯ СИСТЕМЫ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ	160
Логинов В. Г. ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ РАСПРОСТРАНЕНИЯ COVID-19 В АРКТИЧЕСКОМ РЕГИОНЕ	172
Александрова О. А., Проскурина А. С., Марков Д. И. ПЕРВОЕ СТОЛКНОВЕНИЕ С «ЧЁРНЫМ ЛЕБЕДЕМ»: КАК ПАНДЕМИЯ ВЛИЯЛА НА НАСТРОЕНИЯ ВЫПУСКНИКОВ ВУЗОВ	187

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ ИСЭПН ФНИСЦ РАН

VIII МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «ДОХОДЫ, РАСХОДЫ И СБЕРЕЖЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ РОССИИ: ТЕНДЕНЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ»	201
--	-----

CONTENTS

Narodonaselenie [Population]. 2023. Vol. 26. № 1 (January-March)

DEMOGRAPHY: THEORY AND PRACTICE ISSUES

Oleg L. Rybakovsky THE AGE STRUCTURE OF THE POPULATION OF THE REGIONS OF RUSSIA AT THE BEGINNING OF THE 21ST CENTURY: COMPONENTS OF THE FORMATION	4
Yury A. Simagin, Djamilya D. Murtuzalieva, Irina N. Vankina THE IMPACT OF MUNICIPAL-TERRITORIAL TRANSFORMATIONS IN THE REGIONS OF RUSSIA ON POPULATION DYNAMICS.....	16
Vera A. Gnevasheva, Chulpan I. Ildarkhanova DO MODERN RUSSIAN WOMEN CONSIDER THEMSELVES LONELY?	29
Lilia M. Tuktamysheva, Alexander A. Chibilyov (jr.), Dmitry S. Meleshkin, Dmitry V. Grigorevsky ASSESSMENT OF REPRODUCTIVE BEHAVIOR AND FERTILITY ON THE EXAMPLE OF THE STEPPE REGIONS OF RUSSIA.....	39
Irina V. Filimonova, Anastasia V. Ivershin, Anna V. Komarova, Olga I. Krivosheeva KEY FACTORS INFLUENCING THE DECISION TO HAVE A CHILD AND THE NUMBER OF CHILDREN IN WOMEN IN RUSSIA	55
Natalia D. Blednova PARENTAL LEAVE IN THE SYSTEM OF SOCIO-ECONOMIC PROCESSES: A THEORETICAL REVIEW	70

MIGRATION PROCESSES

Artem S. Lukyanets, Anna I. Tyshkevich EMIGRATION FROM RUSSIA TO THE USA AND CANADA IN THE CONTEXT OF THE EXPANSION OF RUSSIAN-SPEAKING COMMUNITIES	83
Elena E. Pismennaya, Nikita S. Ryazantsev, Natalia P. Molchanova DEMOGRAPHIC SHIFTS IN JAPAN AS A FACTOR IN THE TRANSFORMATION OF MIGRATION POLICY.....	97

LABOR POTENTIAL AND LIVING CONDITIONS OF POPULATION

Andrei V. Popov, Tatiana S. Soloveva EMPLOYMENT TRANSFORMATION IN RUSSIA FROM THE PERSPECTIVE OF CROSS-COUNTRY COMPARISONS	110
Alexandra A. Shabunova, Galina V. Leonidova WORK-FAMILY BALANCE: ASSESSMENTS OF SUCCESSFUL WORKING PARENTS.....	123
Shamil M. Gimbatov, Shihragim K. Kutaev, Khadijat M. Khadzhalova, Zaira Z. Abdulaeva, Pirmagomed G. Abdulmanapov SOCIAL AND DEMOGRAPHIC PROBLEMS OF LABOR POTENTIAL FORMATION IN THE NORTH CAUCASUS.....	135
Inna M. Schneiderman, Igor V. Pilipenko UPGRADING WATER SUPPLY AND WASTEWATER COLLECTION SYSTEMS IN RURAL AREAS AS A WAY TO IMPROVE QUALITY OF LIFE OF THE POPULATION OF RUSSIA.....	147

SOCIO-ECONOMIC CONSEQUENCES OF THE PANDEMIC

Oksana S. Rudneva, Alexander A. Sokolov ANALYSIS OF THE READINESS OF RUSSIAN REGIONS FOR THE COVID-19 PANDEMIC BASED ON DEMOGRAPHIC SUSTAINABILITY AND DEVELOPMENT OF THE HEALTHCARE SYSTEM.....	160
Vladimir G. Loginov DEMOGRAPHIC FEATURES OF THE COVID-19 SPREADING IN THE ARCTIC REGION.....	172
Olga A. Aleksandrova, Alexandra S. Proskurina, Dmitry I. Markov THE FIRST ENCOUNTER WITH THE "BLACK SWAN": HOW THE PANDEMIC AFFECTS THE MOOD OF GRADUATES	187

SCIENTIFIC LIFE AT ISESP FCTAS RAS

INTERNATIONAL RESEARCH AND PRACTICAL CONFERENCE "INCOMES, EXPENDITURES AND SAVINGS OF THE RUSSIAN POPULATION: TRENDS AND PROSPECTS"	206
--	-----

ДЕМОГРАФИЯ: ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

DOI: 10.19181/population.2023.26.1.1
EDN: JIZLYM

ВОЗРАСТНАЯ СТРУКТУРА НАСЕЛЕНИЯ РЕГИОНОВ РОССИИ В НАЧАЛЕ XXI ВЕКА: КОМПОНЕНТЫ ФОРМИРОВАНИЯ

Рыбаковский О.Л.

Федеральный научно-исследовательский социологический центр РАН
(117218, Москва, ул. Кржижановского, 24/35, корп. 5)

E-mail: 1246185@mail.ru

Для цитирования:

Рыбаковский О.Л. Возрастная структура населения регионов России в начале XXI века: компоненты формирования // Народонаселение. – 2023. – Т. 26. – № 1. – С. 4-15. DOI: 10.19181/population.2023.26.1.1; EDN: JIZLYM

Аннотация. В статье в целях улучшения системы управления демографическими процессами предложена и опробована нестандартная методика исследования итогов демографической динамики населения территорий в возрастном разрезе. Раскрыта структура их формирования за счет основных демографических компонент. Основная конкретная задача сводится к оценке по состоянию на середину 2021 г. для всех регионов России накопленных за 28 лет кумулятивных итогов демографического движения населения, имевшегося на середину 1993 г. (возраст 0 лет). Предложенная в статье методика позволяет показать итоги демографической динамики и её компонент в простой наглядной форме. По данным текущей официальной российской статистики демографическую ситуацию в регионах России по состоянию на середину 2021 г., касающуюся населения в возрасте 28 лет, можно представить следующим наглядным образом на двух типичных примерах — Москве и Курганской области. Москва: из 100 лиц в возрасте 0 лет на середину 1993 г. за 28 лет дожило (при нулевой миграции) 94 человека; миграционным приростом к ним добавилось 107 человек, в том числе 87 за счёт других российских регионов и 20 — за счёт зарубежных стран; итог — 201 человек в 2021 г. на 100 человек в 1993 году. Курганская область: из 100 лиц в возрасте 0 лет на середину 1993 г. за 28 лет дожило (при нулевой миграции) 93 человека; миграционным путём убыло 15 человек, в том числе в другие российские регионы — 25 человек, но за счёт зарубежных стран добавилось 10 человек; итог — 78 человек в 2021 г. из 100 человек в 1993 году.

Ключевые слова: возрастная структура населения регионов России, демографический баланс, рождаемость и смертность населения, постоянное население, межрегиональная и зарубежная миграция, вероятность дожития.

Введение

В статье предложен отчасти нестандартный подход к анализу демографического баланса регионов России. Рассмотрены не общие итоги их демографического развития за определённые годы по текущим данным Федеральной службы государственной статистики (Росстата)¹, как это обычно делается, а оценены кумулятивные результаты «демографического движения» [1, с. 81–88] постоянного населения регионов РФ, достигшего определённого возраста, а также компоненты этого движения. «Население, достигшее определённого возраста» взято в данной работе в качестве демонстрационного примера. В интересах планирования и прогнозирования социально-экономического развития страны и её территорий необходимо исследовать не лиц отдельного возраста, а возрастные интервалы населения, в том числе в половом разрезе. Это может касаться, к примеру, женщин наиболее активного репродуктивного возраста 25–39 лет, либо молодых мужчин мобилизационного возраста 20–34 года. Основной посыл данной статьи – предложение иного возможного пути анализа сложившейся демографической ситуации в регионах страны, выявления компонент её формирования и их пропорций. Нам важно показать принцип, как это может делаться, а расчёты по конкретным возрастным интервалам – это дело последующее.

Зачем нужен такой подход? Дело здесь не в том, что традиционный демографический баланс по текущим данным не отражает возрастную структуру населения, а при анализе генетической, или генезисной² [2, с. 58] структуры населения возрастные различия также обычно отсутствуют. Дело в том, что образующие массовые процессы отдельные демографические события (рождения, смерти, посто-

янные выбытия и постоянные прибытия)³ [3]) часто в пределах рассматриваемого периода, особенно, если он составляет не один год, а несколько, «накладываются» друг на друга. Так, число рождений и смертей дополнительно растёт за счёт постоянных прибытий и сокращается – за счёт постоянных выбытий. Миграционные потоки, корректно измеряемые не числом человек, а количеством постоянных перемещений, повторяются и часто «гасят» друг друга. И оценить по всем этим текущим общим потокам окончательные результаты демографической динамики определённых возрастных групп сложно. По такой текущей информации делать адекватные выводы об итогах и структуре формирования отдельных возрастных групп населения той или иной территории – проблематично. Попытке решить данную проблему и посвящена статья.

Цель работы – улучшение системы управления демографическими процессами на федеральном и региональном уровне за счёт альтернативной детальной информации об итогах демографической динамики населения территорий в возрастном либо половозрастном разрезе, о структуре их формирования за счёт основных компонент – воспроизводственной и миграционной. Объект исследования – население 84⁴ субъектов (регионов) РФ по состоянию 1 января 2022 года. Предмет исследования – демографическая динамика населения регионов России, имевшего на середину 1993 г. возраст 0 лет, за период с 1993 по 2021 г., а также кумулятивные (итоговые) компоненты этой динамики. Основная задача статьи сводится к оценке по состоянию на середину 2021 г. для всех регионов России накопленных за 28 лет кумулятивных итогов демографи-

³ «Постоянные выбытия», «постоянные прибытия», «постоянные перемещения» населения – термины, пришедшие на замену термину «переселения».

⁴ Ненецкий АО рассматривается вместе с Архангельской областью как один регион. Тюменская область берётся отдельно по 3 непересекающимся частям: АО Ханты-Мансийский – Югра (ХМАО), АО Ямало-Ненецкий (ЯНАО) и Тюменская область без АО – «юг Тюменской области». Информация по Республике Крым и городу Севастополь до 2015 г. оценочная.

¹ Все расчёты в тексте сделаны по данным Росстата. – URL: <https://rosstat.gov.ru/>; <https://fedstat.ru/> (даты обращения: 01.10.2022–25.11.2022).

² Структура населения по регионам рождения и/или времени проживания на той или иной территории.

ческого движения населения, имевшего на середину 1993 г. возраст 0 лет. Численность населения на середину года берётся для того, чтобы его можно было корректно сравнивать с демографическими процессами за год — рождаемостью, смертностью и миграцией. Исходным является 1993 г., так как Росстат в своей системе ЕМИСС⁵ последние, как минимум, лет пять предоставляет данные по всем регионам России касательно рождаемости и смертности с 1990 г., а по миграции — лишь с 1993 года. Вследствие чего период, по которому возможно проведение подобного исследования на основе общедоступных данных Росстата, приходится на 1993–2021 годы. В итоге получается срез динамики всех накопленных за 28 лет компонент демографического баланса выбранной для исследования возрастной когорты.

Методика исследования

Исходная когорта — численность населения в возрасте 0 лет на середину 1993 г. (S_0^{1993}). За 28 лет оценивается вероятность дожития этой когорты до середины 2021 г. (P_{0-28}). Первая величина (S_0^{1993}) умножается на вторую (P_{0-28}). Получается число доживших от 0 до 28 лет при полном отсутствии миграции, то есть по закрытому населению ($S_0^{1993} \times P_{0-28}$). Полученное произведение сравнивается с численностью постоянного населения в возрасте 28 лет на середину 2021 г. (S_{28}^{2021}). Различия между двумя величинами, ($S_0^{1993} \times P_{0-28}$) и (S_{28}^{2021}) объясняются миграцией и «накладками» четырёх компонент демографического баланса друг на друга, а также переписными поправками и регулярными улучшениями учёта постоянной миграции Росстатом и МВД РФ [4]. Оценивается роль каждой из компонент. В миграционной составляющей выделяются доли межрегионального и зарубежного миграционного прироста/убыли. При таком подходе все взаимные «накладки» компонент друг на друга «гасятся» окончательными результа-

тами. В итоге имеем лишь действия двух основных составляющих — смертности и миграции.

Как рассчитать численность населения в возрасте 0 лет на середину 1993 г., исходя из имеющейся информации Росстата? Есть 2 варианта. Первый — по данным Росстата о численности постоянного населения на начало года для возраста 0 лет за 1993 и 1994 годы. Но тогда мы будем иметь дело уже с откорректированными Росстатом данными, то есть данными с учётом переписных поправок. Вторым вариантом — по данным Росстата о числе рождений по регионам России за 1992–1993 годы. Эти данные Росстат практически не трогал во время, как минимум, двух пост-переписных ревизий демографической информации. Возраст 0 лет на середину 1993 г. имели все те, кто родился в первой половине этого года, а также все те, кто родился во второй половине 1992 года. Все они не достигли возраста 1 год к середине 1993 года. Миграция по данному возрастному интервалу нами не учитывается, ибо она несамостоятельная и мизерная (в возрастном разрезе). Младенческая смертность отнимается лишь частично, с учётом средней длины жизни до середины 1993 г. и различиями в младенческой смертности в 1992 и 1993 годах. При втором варианте расчёта приходится идти на допущение о равенстве пропорций полугодовых рождений в регионах и России, так как в Росстате доступны помесечные данные лишь для страны в целом.

Существует и проблема расчёта вероятности дожития от 0 до 28 лет в 1993–2021 годах. Показатели вероятности дожития населения регионов имеются в открытом доступе лишь по годам XXI века. Вследствие чего для оценки вероятности дожития по всему периоду 1993–2021 гг. использовалась тесная статистическая взаимосвязь этих показателей с ожидаемой продолжительностью жизни при рождении, региональная информация по которой в Росстате представлена за весь рассматриваемый период. Также учитывалась общность тенденций в бесструктур-

⁵ ЕМИСС Росстата: [сайт]. — URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/> (дата обращения: 01.11.2022).

ных показателях смертности населения для подавляющего большинства регионов России за рассматриваемый период. Минимумы почти у всех были в 1994 и 2002–2003 гг., один максимум — в 2019 году.

Следующая трудность — выделение в итоговом, внешнем для регионов миграционном приросте населения регионов России двух его составляющих — зарубежного и межрегионального сальдо миграции. Здесь мы вынуждены идти на два допущения. Первое — межрегиональный и зарубежный миграционный прирост населения регионов для рассматриваемого возраста 28 лет пропорционален общему межрегиональному и зарубежному миграционному приросту. Тем более, что основную массу мигрантов составляют молодые люди в возрасте от 16 до 40 лет. Второе допущение — для расчёта вклада двух составляющих миграционного прироста населения регионов (межрегионального и зарубежного) используются текущие данные из отчетов Росстата о миграции населения, а не расчётные величины, включающие учёт переписных поправок. Делается это вследствие того, что и сам Росстат разнести эти поправки на межрегиональный и зарубежный для регионов миграционный прирост или не может, или не решается. Да и как показывает наша многолетняя практика, индикаторы текущего учёта адекватно отражают миграционную ситуацию в регионах, даже при их основном недостатке — сопоставимости во времени. Основной фактор возникновения этого недостатка — регулярные изменения порядка учёта постоянной миграции в России Росстатом и МВД (ранее Федеральной миграционной службой) РФ [5, с. 189–194]. Более того, исходя из переписных добавок, оценить то, что с их учётом происходило в межрегиональной и зарубежной миграции по тому или иному региону в большинстве случаев вообще не представляется возможным.

Результаты

Переходя к интерпретации результатов миграции, далее будут раскрыты про-

порции рассматриваемого возраста 28 лет. Но так как эти пропорции отчасти оценены по общим объёмам информации о текущей миграции, то, соответственно, все эти умозаключения будут в равной степени касаться и миграционных процессов в целом по рассматриваемым территориям. Произведённые описанным выше образом расчёты и оценки позволили выделить среди всех регионов России четыре группы по итогам демографической динамики возрастной группы 28 лет по состоянию на середину 2021 года.

Первая группа по итогам демографической динамики — это те регионы, в которых на середину 2021 г. численность постоянного населения в возрасте 28 лет ощутимо превышала численность тех, кто выжил к середине 2021 г. из числа лиц, кому было 0 лет на данной территории 28 лет назад без учёта миграции (табл. 1). Прежде всего, это основные и локальные миграционные реципиенты России: S_0^{1995} — численность населения в возрасте 0 лет на середину 1993 г.; P_{0-28} — вероятность дожития до середины 2021 г. когорты, чей возраст был 0 лет на середину 1993 г.; $S_0^{1995} \times P_{0-28}$ — число доживших от 0 до 28 лет с середины 1993 г. при нулевой миграции; S_{28}^{2021} — численность постоянного населения в возрасте 28 лет на середину 2021 года.

Практически все регионы из табл. 1 (кроме Республики Адыгея) — крупные по численности населения и высокоразвитые в экономическом плане территории страны. За исключение сибирских регионов и ХМАО вероятность умереть от 0 до 28 лет в этих регионах за 1993–2021 гг. составляла 5,5–6,5%, что чуть ниже, чем в среднем по России (6,5%). Эти регионы практически весь постсоветский период (за исключением Севастополя, в котором не было положительного миграционного прироста по доступной ранее информации лишь в 1994–1999 гг.⁶) имели не только значительный миграционный прирост населения из зарубежья, но и выигрыва-

⁶ Державна служба статистики України: [сайт]. — URL: ukrstat.gov.ua. (дата обращения: 15.01.2022).

Таблица 1
Отдельные демографические показатели некоторых регионов России

Table 1

Selected demographic indicators of Russian regions

Регион	S_0^{1993} , тыс. человек	P_{0-28} [*] в долях 1	$S_0^{1993} \times P_{0-28}$ [*] тыс. человек	S_{28}^{2021} , тыс. человек	$S_{28}^{2021} / (S_0^{1993} \times P_{0-28})$, %
г. Санкт-Петербург	34,6	0,943	32,6	65,6	201,2
г. Москва	64,6	0,938	60,6	121,9	201,1
Московская обл.	48,3	0,937	45,2	88,3	195,3
Ленинградская обл.	13,0	0,938	12,2	23,0	188,8
г. Севастополь	3,7	0,935	3,5	6,4	184,5
Томская обл.	9,3	0,900	8,4	14,0	166,5
Калининградская обл.	8,6	0,937	8,1	12,9	160,2
Юг Тюменской обл.	14,0	0,966	13,6	20,1	148,4
Новосибирская обл.	26,0	0,918	23,9	34,5	144,6
Ставропольский край	30,5	0,944	28,8	41,3	143,5
Воронежская обл.	22,1	0,942	20,8	29,3	141,1
ХМАО	15,0	0,920	13,8	19,5	141,0
Белгородская обл.	14,1	0,948	13,4	18,8	140,5
Краснодарский край	52,2	0,938	48,9	68,2	139,5
Ростовская обл.	43,7	0,939	41,0	53,8	131,0
Калужская обл.	9,2	0,940	8,7	11,3	130,8
Самарская обл.	30,6	0,935	28,6	37,3	130,3
Республика Адыгея	5,0	0,941	4,7	6,1	130,3
Республика Татарстан	42,5	0,937	39,9	50,1	125,7
Нижегородская обл.	31,3	0,941	29,4	36,7	124,9

Источник: рассчитано на основе данных Росстата. — URL: <https://rosstat.gov.ru/>; <https://fedstat.ru/>.

ли от внутривоспитательной межрегиональной миграции. Здесь выделяются три основных миграционных магнита России. Это единые миграционные пространства-макрорегионы: Московский (Москва и Московская область), Ленинградский (Санкт-Петербург и Ленинградская область), а также Краснодарский (Краснодарский край и Республика Адыгея). Доля межрегионального миграционного прироста во всём миграционном приросте составляла для Москвы и Санкт-Петербурга — 85% и 82% соответственно, для Московской и Ленинградской областей — 73% и 74% соответственно, для Краснодарского края и республики Адыгея — 64% и 46% соответственно.

В других регионах из табл. 1 доля межрегионального миграционного прироста во всём миграционном приросте со-

ставляла 33–39%, в Самарской области — 23%, а в Севастополе по данным за 2015–2021 гг. — 44%. Лишь Томская, Ростовская и Калужская области, а также ХМАО, имели отрицательное сальдо межрегиональной миграции. Но миграционный прирост из-за рубежа эту миграционную убыль многократно превышал (в 4, 17, 8 и 5 раз соответственно).

Также в первой группе по итогам демографической динамики за регионами из табл. 1 идут крупные промышленные территории страны, отдельные области окружения Московского макрорегиона, а также Республика Крым и Республика Мордовия (табл. 2). Вероятность умереть от 0 до 28 лет в этих регионах в среднем за 1993–2021 гг. составляла 5,7–7,4%. Лишь в Пензенской, Ярославской областях и Республике Мордовии — немного ниже (5,0–5,4%).

Таблица 2

Отдельные демографические показатели некоторых регионов России

Table 2

Selected demographic indicators of Russian regions

Регион	S_0^{1993} , тыс. человек	P_{0-28} , в долях 1	$S_0^{1993} \times P_{0-28}$, тыс. человек	S_{28}^{2021} , тыс. человек	$S_{28}^{2021} / (S_0^{1993} \times P_{0-28}), \%$
Волгоградская обл.	26,6	0,940	25,0	30,9	123,6
Челябинская обл.	35,0	0,938	32,8	40,3	122,8
Свердловская обл.	41,8	0,936	39,1	47,8	122,1
Красноярский край	32,1	0,935	30,0	35,8	119,5
Тульская обл.	14,4	0,933	13,4	15,9	118,3
Рязанская обл.	11,3	0,939	10,6	12,5	118,2
Астраханская обл.	11,1	0,934	10,4	12,2	118,1
Республика Крым	19,4	0,932	18,1	21,3	118,0
Ивановская обл.	10,8	0,943	10,2	12,0	117,3
Ярославская обл.	11,2	0,950	10,7	12,5	117,2
Хабаровский край	16,3	0,936	15,3	17,9	116,7
Саратовская обл.	26,3	0,935	24,6	28,7	116,6
Липецкая обл.	11,3	0,940	10,6	12,1	114,7
ЯНАО	5,8	0,926	5,4	6,2	113,7
Пензенская обл.	14,2	0,946	13,4	15,1	112,7
Республика Мордовия	9,6	0,946	9,1	10,1	111,2
Владимирская обл.	13,8	0,939	13,0	14,4	111,0
Смоленская обл.	10,0	0,937	9,4	10,3	109,7

Источник: рассчитано на основе данных Росстата. — URL: <https://rosstat.gov.ru/>; <https://fedstat.ru/>.

В Липецкой области межрегиональная миграционная убыль была незначительной. За исключением Ярославской и Свердловской областей, Республики Крым (по данным за 2015–2021 гг.), остальные регионы из таблицы 2 за рассматриваемые 28 лет имели межрегиональную миграционную убыль населения, которая различно компенсировалась миграционным приростом населения из зарубежья. Так в Хабаровском крае эта компенсация составляла всего 23%, в Республике Мордовия — 62%, в Красноярском крае — 97%, в ЯНАО — 100%. В других регионах эта компенсация в разы превосходила межрегиональную миграционную убыль: в Астраханской области — в 1,3 раза, Пензенской — в 1,4 раза, Вологодской в 1,8 раз, Смоленской — в 2,0 раза, Ивановской — в 2,6 раза, Тульской — в 2,8 раза, Владимирской — в 3,8 раза, Челябинской — в 4,2

раза, Рязанской области — в 6,5 раз.

Вторая группа по итогам демографической динамики — это регионы, в которых на середину 2021 г. численность постоянного населения в возрасте 28 лет была заметно ниже численности тех, кто выжил к середине 2021 г. из числа лиц, кому было 0 лет на данной территории 28 лет назад (без учёта миграции). Это значительная часть основных миграционных доноров страны (табл. 3). За исключением Республики Калмыкия, все эти регионы находятся либо в азиатской части России, либо на Европейском Севере (Кировская область примыкает к нему). Вероятность умереть от 0 до 28 лет в части этих регионов в среднем за 1993–2021 гг. была самой высокой по стране: 16,6% в Республике Тыва, 12,6% в Чукотском АО, 9,7% в Еврейской АО, 9,2% в Республике Алтай, 8,9% в Республике Саха (Якутия).

Таблица 3

Отдельные демографические показатели некоторых регионов России

Table 3

Selected demographic indicators of Russian regions

Регион	S_0^{1993} , тыс. человек	P_{0-28} , в долях 1	$S_0^{1993} \times P_{0-28}$, тыс. человек	S_{28}^{2021} , тыс. человек	$S_{28}^{2021} / (S_0^{1993} \times P_{0-28})$, %
Чукотский АО	1,4	0,874	1,2	0,5	42,8
Магаданская обл.	3,1	0,926	2,9	1,5	53,2
Республика Калмыкия	5,4	0,934	5,0	3,1	62,5
Республика Коми	12,8	0,938	12,0	8,3	68,8
Еврейская АО	2,8	0,903	2,5	1,8	73,1
Курганская обл.	11,8	0,930	11,0	8,5	77,7
Республика Тыва	6,3	0,834	5,2	4,2	80,7
Сахалинская обл.	6,8	0,927	6,3	5,1	80,8
Архангельская обл.	14,8	0,943	13,9	11,3	81,1
Республика Алтай	3,0	0,908	2,8	2,3	83,1
Забайкальский край	17,0	0,936	15,9	13,4	83,8
Амурская обл.	11,7	0,928	10,9	9,2	84,1
Республика Карелия	7,4	0,945	7,0	6,0	86,1
Кировская обл.	15,3	0,948	14,5	12,5	86,4
Республика Саха (Якутия)	17,1	0,911	15,6	14,1	90,7

Источник: рассчитано на основе данных Росстата. — URL: <https://rosstat.gov.ru/>; <https://fedstat.ru/>.

Все регионы второй группы за рассматриваемые 28 лет имели межрегиональную миграционную убыль населения, которая слабо компенсировалась миграционным приростом населения из зарубежья. Более того, Чукотский АО и Еврейская АО имели миграционную убыль населения за рубеж. Около нуля она была в Республике Калмыкия. В Республике Карелия межрегиональная миграционная убыль населения компенсировалась миграционным приростом из зарубежья на 109%, в Курганской области — на 40%, Кировской области — на 33%. В Республике Саха (Якутия), Амурской области и Забайкальском крае — компенсация составляла 10%, в Архангельской области и Сахалинской области — 7–8%. В республиках Тыва и Коми, а также Магаданской области компенсация была незначительной. Республика Алтай имела близкую к нулю миграционную убыль от межрегионального обмена населением.

Третья группа по итогам демографической динамики — остальные регионы России. В них на середину 2021 г. численность постоянного населения в возрасте 28 лет

мало отличалась от численности тех, кто бы выжил (без учёта миграции) к середине 2021 г. из числа лиц, кому было 0 лет 28 лет назад на данной территории (табл. 4). Возглавляют эту группу приволжские и сибирские регионы со средним по России уровнем социально-экономического развития, отдельные области Центрального Черноземья, а также Приморский край, являющийся локальным миграционным реципиентом Дальневосточного федерального округа. Вероятность умереть от 0 до 28 лет только у 3 регионов из табл. 4 (Алтайский край, Орловская и Тамбовская области) в среднем за 1993–2021 гг. была чуть ниже средней по стране. У остальных она достигала 7,5% (Кемеровская область — Кузбасс и Республика Хакасия) и даже 9,4% (Омская область).

Республика Хакасия — единственный регион в этой группе, у которой был за 28 лет положительным межрегиональный миграционный прирост. Его доля во всём миграционном приросте региона составляла 28%. Остальные регионы имели отрицательное сальдо межрегиональной

Таблица 4

Отдельные демографические показатели некоторых регионов России

Table 4

Selected demographic indicators of Russian regions

Регион	S_0^{1993} , тыс. человек	P_{0-28} , в долях 1	$S_0^{1993} \times P_{0-28}$, тыс. человек	S_{28}^{2021} , тыс. человек	$S_{28}^{2021} / (S_0^{1993} \times P_{0-28})$, %
Орловская обл.	8,5	0,941	8,0	8,7	109,0
Республика Башкортостан	49,4	0,933	46,0	50,0	108,7
Приморский край	23,3	0,929	21,6	23,5	108,6
Курская обл.	12,3	0,940	11,6	12,6	108,3
Кемеровская обл. – Кузбасс	29,6	0,926	27,4	29,7	108,1
Тверская обл.	13,4	0,932	12,5	13,2	105,2
Алтайский край	25,8	0,946	24,4	25,5	104,7
Омская обл.	24,6	0,906	22,3	23,3	104,7
Псковская обл.	7,2	0,932	6,7	6,9	102,3
Республика Хакасия	6,4	0,925	6,0	6,1	101,6
Пермский край	31,1	0,934	29,1	29,5	101,4
Ульяновская обл.	14,8	0,937	13,9	14,0	101,1
Тамбовская обл.	11,9	0,941	11,2	11,1	99,2

Источник: рассчитано на основе данных Росстата. — URL: <https://rosstat.gov.ru/>; <https://fedstat.ru/>.

миграции, которое различно компенсировалось приростом населения из-за рубежа. Уровень этой компенсации составил: 28% в Приморском крае, 37% в Омской области, 73% в Алтайском крае, 80% в Пермском крае. Во всех остальных регионах из табл. 5 компенсация превышала 100% и доходила до 269% в Республике Башкортостан и 623% в Псковской области.

В третью группу также входят приморские регионы Европейского Севера и Дальнего Востока (Мурманская область, Камчатский край), слабо контактные в миграционном плане регионы Приволжья и Сибири со значительной долей сельского населения, а также области Костромская, Вологодская и Брянская (табл. 5).

Таблица 5

Отдельные демографические показатели некоторых регионов России

Table 5

Selected demographic indicators of Russian regions

Регион	S_0^{1993} , тыс. человек	P_{0-28} , в долях 1	$S_0^{1993} \times P_{0-28}$, тыс. человек	S_{28}^{2021} , тыс. человек	$S_{28}^{2021} / (S_0^{1993} \times P_{0-28})$, %
Новгородская обл.	6,4	0,932	6,0	5,9	98,7
Камчатский край	4,2	0,923	3,9	3,9	98,4
Вологодская обл.	12,9	0,945	12,2	11,9	97,7
Республика Бурятия	12,8	0,920	11,8	11,5	97,6
Мурманская обл.	8,7	0,953	8,3	8,1	97,5
Чувашская Республика	15,3	0,941	14,4	13,9	96,2
Удмуртская Республика	18,3	0,937	17,2	16,5	96,0
Брянская обл.	15,5	0,938	14,5	13,9	96,0
Костромская обл.	6,9	0,940	6,5	6,3	95,9
Оренбургская обл.	25,5	0,930	23,7	22,7	95,8
Республика Марий Эл	8,5	0,930	7,9	7,5	94,6
Иркутская обл.	32,6	0,937	30,5	28,7	93,9

Источник: рассчитано на основе данных Росстата. — URL: <https://rosstat.gov.ru/>; <https://fedstat.ru/>.

Камчатский край и Мурманская область активно развиваются в последнее время, в том числе благодаря развитию Северного морского пути, и требуют притока молодого населения. И те негативные процессы, которые наблюдались в них после развала СССР, постепенно меняются. Также растёт поток трудовой миграции в данные территории, а трудовая миграция является основным потенциалом для роста постоянной миграции населения в настоящее время [6], как фактически, так и отчасти юридически (по новому с 2011 г. порядку учёта мигрантов). Вероятность умереть от 0 до 28 лет в среднем за 1993–2021 гг. у населения регионов из табл. 5 средняя по стране. Самая высокая вероятность умереть была в Республике Бурятия (8,0%) и Камчатском крае (7,7%), самая низкая — в областях Мурманской (4,7%) и Вологодской (5,5%). В межрегиональном обмене населением все эти регионы были в минусе, лишь в Новгородской области эти потери были незначительными. Уровень компенсации межрегиональной убыли миграционным приростом из-за рубе-

жа заметно отличался по данным территориям. Минимальным он был в Мурманской области (8%) и Республике Бурятия (13%), максимальным — в областях Вологодской (277%), Костромской (208%) и граничащей с Украиной Брянской (150%).

Отдельной четвертой группой являются республики Северного Кавказа (табл. 6). Миграционные процессы в них длительный период постсоветского времени, особенно в период Чеченских войн и Осетино-Ингушского конфликта, носили иной характер, чем в остальных регионах России. Касательно миграции это были потоки вынужденных переселенцев и беженцев. Как известно, основные массы вынужденных переселенцев и/или беженцев устремляются в соседние территории [7, с. 179]. Так что одни из республик Северного Кавказа добавляли население за счёт таких потоков, другие его теряли. Этим, в частности, объясняется высокая доля миграционного прироста по рассматриваемому возрасту в Республике Ингушетия.

Таблица 6

Отдельные демографические показатели некоторых регионов России

Table 6

Selected demographic indicators of Russian regions

Республика	S_0^{1993} , тыс. человек	P_{0-28} в долях 1	$S_0^{1993} \times P_{0-28}$, тыс. человек	S_{28}^{2021} , тыс. человек	$S_{28}^{2021} / (S_0^{1993} \times P_{0-28})$, %
Ингушетия	6,3	0,916	5,8	8,2	142,3
Дагестан	42,9	0,933	40,0	50,5	126,1
Северная Осетия-Алания	9,0	0,941	8,5	9,3	109,2
Кабардино-Балкарская	12,6	0,943	11,9	12,1	102,2
Карачаево-Черкесская	6,1	0,951	5,8	5,9	101,3
Чеченская	23,8	0,938	22,3	21,4	96,1

Источник: рассчитано на основе данных Росстата. — URL: <https://rosstat.gov.ru/>; <https://fedstat.ru/>.

Положительные результаты по табл. 6 Республики Дагестан и Чеченской Республики объясняются поправками на естественный прирост по результатам переписей населения 2002 и 2010 гг., добавивших к их населению 562 и 425 тысяч человек соответственно [5, с. 189–194]. Вероятность дожития до 28 лет в указанных регионах была не самая высокая по стране, хотя по

показателю ожидаемой продолжительности жизни при рождении некоторые из них являются лидерами в России. Связано это, в том числе с тем, что в данных регионах высока ожидаемая продолжительность жизни не с рождения, а со старших возрастов, что и формирует высокий уровень долголетия их населения.

Выводы

Предложенный анализ позволяет показать итоги демографической динамики населения регионов в возрастном разрезе и её компонент в простой наглядной форме. Если конкретно, то демографическую ситуацию в регионах России по состоянию на середину 2021 г., касающуюся возрастной группы населения в возрасте 28 лет, можно представить следующим образом (несколько типичных примеров).

1. Москва. Из 100 лиц в возрасте 0 лет на середину 1993 года за 28 лет дожило (при нулевой миграции) 94 человека. Миграционным приростом к ним добавилось 107 человек, в том числе 87 за счёт других российских регионов и 20 — за счёт зарубежья. Итог: 201 человек на 100.

2. Новосибирская область. Из 100 лиц в возрасте 0 лет на середину 1993 года — за 28 лет дожило (при нулевой миграции) 92 человека. Миграционным приростом к ним добавилось 53 человека, в том числе 19 за счёт других российских регионов и 34 — за счёт зарубежья. Итог: 145 человек на 100.

3. Еврейская автономная область. Из 100 лиц в возрасте 0 лет на середину 1993 года за 28 лет дожило (при нулевой миграции) 90 человек. Миграционным путём убыло ещё 17 человек, в том числе 5 в другие российские регионы и 12 — за рубеж. Итог: 73 человека из 100.

4. Республика Коми. Из 100 лиц в возрасте 0 лет на середину 1993 года за 28 лет дожило (при нулевой миграции) 94 человек. Миграционным путём в другие российские регионы убыло ещё 25 человек. Миграционного прироста из-за рубежа практически не было. Итог: 69 человек из 100.

5. Курганская область. Из 100 лиц в возрасте 0 лет на середину 1993 года за 28 лет дожило (при нулевой миграции) 93 человека. Миграционным путём убыло ещё 15 чело-

век, в том числе в другие российские регионы 25 человек. Но за счёт зарубежья добавилось 10 человек. Итог: 78 человек из 100.

Одна из проблем, снижающих адекватность результатов проведённого исследования, как, впрочем, и любого другого демографического анализа современной России, к сожалению, заключается в том, что её постоянное население имеет некоторую «шапку», наслоение из «квази-постоянных мигрантов». Это те, кто, начиная с 2011 г., входят в состав постоянного населения России, но де-факто являются долговременными мигрантами, прежде всего, трудовыми. Они вынуждены регистрироваться по месту пребывания хотя бы для получения патента. А по истечении девяти месяцев регистрации эти лица автоматически переходят в разряд постоянного населения России, хотя реально лишь пребывают в ней. Росстат и МВД РФ регулярно улучшают учёт миграции населения России [8, с. 8–10]. Но эти улучшения ухудшают сопоставимость статистики постоянного населения и постоянной миграции в динамике. Они также затрудняют ответить на элементарный вопрос — сколько в России живёт граждан РФ [9], сколько лиц имеют промежуточный статус (вид на жительство, статус переселенца и подобное), а сколько лишь долговременно пребывают в России?

Надеемся, что использование предложенной методики даст возможность более точно оценить кумулятивные итоги и компоненты демографического развития регионов России в половозрастном разрезе, позволит более успешно решать задачи демографического развития страны и её территорий. Адекватному решению данных задач будет также способствовать разработка стратегии демографического развития России с учётом новых реалий.

Литература и Интернет-источники

1. **Судоплатова, В. С.** Компоненты и потенциал демографической динамики современной России и её регионов: дисс. ... канд. экон. наук: 08.00.05 / Судоплатова Валерия Сергеевна; ИСЭПН РАН. — Москва, 2015. — 150 с. EDN: XBFSON
2. Демографический понятийный словарь / под ред. Л.Л. Рыбаковского. — Москва : Центр социального прогнозирования, 2003. — 352 с. EDN: QOOXKR
3. **Рыбаковский, О. Л.** Итоги межрегионального обмена населением в России за 1993–2019 гг. / О. Л. Рыбаковский // Научное обозрение. Серия 1. Экономика и право. — 2020. — № 1. — С. 73–82. EDN: YUHVTV
4. **Рыбаковский, О. Л.** Реализация концепции демографической политики России в области постоянной миграции населения / О. Л. Рыбаковский, О. А. Таюнова // Социологические исследования. — 2016. — № 6. — С. 34–41. EDN: WBBIBB
5. Миграционные процессы в России. / под. ред. В. В. Локосова и Л. Л. Рыбаковского. — Москва : Экон-информ, 2014. — 383 с. EDN: YTKYRZ
6. **Рыбаковский, О. Л.** Трудовая миграция как потенциал роста населения России / О. Л. Рыбаковский, О. А. Таюнова // Народонаселение. — 2018. — № 4. — С. 58–67. EDN: YVSQCL
7. **Мартыненко, С. В.** Глобальная миграция населения: проблемы учета и анализа / С. В. Мартыненко; ИСПИ РАН. — Москва : Экон-Информ, 2012. — 199 с. EDN: QOPOYB
8. **Рыбаковский, О. Л.** Миграционная ситуация на Дальнем Востоке России в начале XXI века / О. Л. Рыбаковский, О. А. Таюнова // Народонаселение. — 2019. — № 3 — С. 4–14. EDN: TKGVHP
9. **Чудиновских, О. С.** Статистика приобретения гражданства как отражение особенностей миграционной политики России / О. С. Чудиновских // Вопросы статистики. — 2018. — Т. 25. — № 9. — С. 3–26. EDN: YCKIWT

Сведения об авторе:

Рыбаковский Олег Леонидович, д.э. н., зав. лабораторией, Федеральный научно-исследовательский социологический центр Российской академии наук, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: 1246185@mail.ru; ORCID: 0000-0002-8937-3166; РИНЦ AuthorID: 424430.

DOI: 10.19181/population.2023.26.1.1

THE AGE STRUCTURE OF THE POPULATION OF THE REGIONS OF RUSSIA AT THE BEGINNING OF THE 21ST CENTURY: COMPONENTS OF THE FORMATION

Oleg L. Rybakovsky

*Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences
(24/35 kor. 5, Krzhizhanovskogo str., Moscow, Russia, 117218)*

E-mail: 1246185@mail.ru

For citation:

Rybakovsky O.L. The age structure of the population of the regions of Russia at the beginning of the 21st century: components of the formation. *Narodonaselenie [Population]*. 2023. Vol. 26. No. 1. P. 4-15. DOI: 10.19181/population.2023.26.1.1 (in Russ.)

Abstract. *In order to improve the management system of demographic processes, the article proposes and tests a non-standard methodology for studying the results of the demographic dynamics of the population of territories in the age context. The structure of their formation due to the main demographic components is disclosed. The main specific task is to assess as of mid-2021 for all regions of Russia — cumulative results of the demographic movement of the population accumulated*

over 28 years, which had an age of zero years in mid-1993. The proposed and tested methodology in the article allows us to clearly show the results of demographic dynamics and its components in a simple visual form. According to the current official Russian statistics, the demographic situation in the regions of Russia as of mid-2021, concerning the population aged 28 years, can be represented as follows (we will give two typical examples). Moscow: out of 100 persons aged 0 years, in mid-1993, 94 survived in 28 years (with zero migration). Migration increase added 107 people to them, including 87 at the expense of other Russian regions and 20 at the expense of foreign countries. Total: 201 persons out of 100 in 1993; Kurgan oblast: out of 100 persons aged 0 years in mid-1993, 93 survived in 28 years (with zero migration). 15 people left by migration, including 25 people to other Russian regions. But at the expense of foreign countries, 10 people were added. Total: 78 persons out of 100.

Keywords: age structure of the population of the regions of Russia, demographic balance, birth rate and mortality rate of population, permanent population, interregional and foreign migration, probability of survival.

References and Internet sources

1. Sudoplatova V.S. Komponenty i potentsial demograficheskoy dinamiki sovremennoj Rossii i jejo regionov [Components and potential of demographic dynamics of modern Russia and its regions]. Diss. for Candidate of Economics. Moscow. 2015. 150 p. (in Russ.)
2. Demograficheskiy pon'atiynny slovar' [Demographic Conceptual Dictionary]. Ed. L.L. Rybakovsky. Moscow. CSP [Center for Social Forecasting]. 2003. 352 p. (in Russ.)
3. Rybakovsky O.L. Itogi mezhregional'nogo obmena naseleniyem v Rossii za 1993–2019 gg. [Results of interregional population exchange in Russia for 1993–2019]. Nauchnoye obozreniye. Seriya 1. Ekonomika i pravo. [Scientific Review. Series 1. Economics and Law]. 2020. No. 1. P. 73–82. (in Russ.)
4. Rybakovsky O.L., Tayunova O.A. Realizatsiya kontseptsii demograficheskoy politiki Rossii v oblasti postoyannoy migratsii naseleniya [Demographic policy concept realization in the sphere of constant migration of the population]. Sotsiologicheskiye issledovaniya [Sociological Studies]. 2016. No. 6. P. 34–41. (in Russ.)
5. Migratsionnyye protsessy v Rossii [Migration Processes in Russia]. Eds. V.V. Lokosov and L.L. Rybakovsky. Moscow. Ekon–Inform. 2014. 383 p. (in Russ.)
6. Rybakovsky O.L., Tayunova O.A. Trudovaya migratsiya kak potentsial rosta naseleniya Rossii [Labor migration as the growth potential of the population of Russia]. Narodonaselenie [Population]. 2018. No. 4. P. 58–67. (in Russ.)
7. Martynenko S.V. Global'naya migratsiya naseleniya: problemy uchyota i analiza [Global Population Migration: Problems of Accounting and Analysis]. ISPI RAN [Institute of Socio–Political Research RAS] Moscow. Ekon–Inform. 2012. 199 p. (in Russ.)
8. Rybakovsky O.L., Tayunova O.A. Migratsionnaya situatsiya na Dal'nem Vostoke Rossii v nachale 21 veka [Migration situation in the Far East of Russia at the beginning of the 21st century]. Narodonaselenie [Population]. 2019. No. 3. P. 4–14. DOI: 10.26653/1561–7785–2019–22–3–01 (in Russ.)
9. Chudinovskikh O.S. Statistika priobreteniya grazhdanstva kak otrazheniye osobennostej migratsionnoy politiki Rossii [Statistics on citizenship acquisition as a reflection of the peculiarities of the Russian migration policy]. Voprosy statistiki. [Statistical Issues]. Vol. 25. No. 9. 2018. P. 3–26. (in Russ.)

Information about the author:

Rybakovsky Oleg Leonidovich, Doctor of Economics, Head of Laboratory, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

Contact information: e– mail: 1246185@mail.ru; ORCID: 0000–0002–8937–3166; Elibrary AuthorID: 424430.

Статья поступила в редакцию 25.11.2022, одобрена в печать 15.02.2023, опубликована 30.03.2023.

DOI: 10.19181/population.2023.26.1.2

EDN: JLOBQB

ВЛИЯНИЕ МУНИЦИПАЛЬНО-ТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ В РЕГИОНАХ РОССИИ НА ДИНАМИКУ ЧИСЛЕННОСТИ НАСЕЛЕНИЯ

Симагин Ю.А.*, Муртузалиева Д.Д., Ванькина И.Н.

*Институт социально-экономических проблем
народонаселения имени Н.М. Римашевской ФНИСЦ РАН
(117218, Россия, Москва, Нахимовский проспект, 32)*

*E-mail: yas63@yandex.ru

Финансирование:

Исследование выполнено в рамках государственного задания ИСЭПН ФНИСЦ РАН по теме НИР «Основы экономического поведения и благосостояния населения: мотивы, факторы, ожидания».

Для цитирования:

Симагин, Ю. А., Муртузалиева Д.Д., Ванькина И.Н. Влияние муниципально-территориальных преобразований в регионах России на динамику численности населения // Народонаселение. – 2023. – Т. 26. – № 1. – С. 16-28. DOI: 10.19181/population.2023.26.1.2; EDN: JLOBQB

Аннотация. Демографическая проблема является одной из острейших в современной России, особенно на уровне муниципальных образований, большинство из которых испытывали депопуляцию даже в период с 2010 г., когда по стране в целом численность населения увеличивалась. Для решения демографической проблемы предпринимаются многочисленные меры и дальнейшее расширение их списка вполне оправдано, так как в перспективе ситуация может стать ещё хуже. При этом не исследован вопрос о влиянии на демографическую ситуацию проводящихся в регионах страны муниципально-территориальных преобразований, которые направлены в основном на упразднение или сокращение количества муниципальных образований второго уровня — городских и сельских поселений. Одновременно могут исчезать и учреждения обслуживания населения в сферах образования, здравоохранения и других, что негативно влияет на условия жизни населения и не способствует решению демографических проблем. Не изучены и другие последствия муниципально-территориальных преобразований. В данной статье показано, что муниципалитеты первого уровня (городские округа, муниципальные районы, муниципальные округа), которые в период 2010–2020 гг. были охвачены преобразованиями, отличаются более плохой демографической динамикой (меньше увеличение или больше сокращение численности населения) по сравнению с остальными муниципалитетами в этих же субъектах РФ, которые такими преобразованиями охвачены не были. Различаются муниципалитеты с преобразованиями и без них также по показателям естественного и миграционного движения населения. Можно сделать вывод, что муниципально-территориальные преобразования, направленные на упрощение муниципальной структуры в стране, возможно, решают какие-то сиюминутные сложности, в частности, сокращают бюджетные расходы, но в перспективе они могут иметь негативные последствия для решения главных проблем России, в том числе сохранения и увеличения численности населения страны.

Ключевые слова: динамика численности населения, муниципально-территориальные преобразования, регионы России, естественный прирост населения, миграции, муниципалитеты.

© Симагин Ю.А., Муртузалиева Д.Д., Ванькина И.Н., 2023.

Введение

Сохранение и увеличение численности населения является главной задачей деятельности органов власти России на всех уровнях, о чём многократно заявлялось руководством страны¹. Особенно актуальной эта задача является для муниципальных образований России, в большинстве из которых численность населения сокращалась даже в те периоды, когда по стране в целом население увеличивалось [1]. Общие причины такой негативной динамики понятны и довольно подробно исследовались учёными. Это такие общемировые закономерности демографического и расселенческого развития, как «демографический» и «миграционный» переходы, выражающиеся в сокращении рождаемости и увеличении смертности населения — особенно на тех территориях, откуда идёт миграционный отток жителей, а также развитие процессов урбанизации, сопровождающееся концентрацией населения в крупнейших городах и городских агломерациях, в том числе за счёт депопуляции удалённых от городов сельских территорий — например, [2; 3; 4]. Проявились и особенности российской истории XX в. — до сих пор ощущаются демографические последствия Великой отечественной войны 1941–1945 гг., острый демографический кризис 1990-х гг. фактически так и не был преодолен несмотря на определённые успехи начала XXI в. и другие [5]. В итоге стабильной численность населения остаётся в очень незначительном количестве муниципальных образований первого уровня² (это муниципальные районы — МР, городские окру-

га — ГО, а с 2019 г. ещё и муниципальные округа — МО) [6]. Количество муниципальных образований с ростом численности населения за последние 10 лет также невелико. При этом мало изучен вопрос о влиянии муниципально-территориальных преобразований (МТП) на динамику численности населения. В данной статье рассматриваются отдельные аспекты влияния проведённых МТП в период 2010–2021 гг. на динамику численности населения.

Изученность муниципально-территориальных преобразований

В соответствии со статьёй 13 Федерального закона от 06.10.2003 № 131-ФЗ (ред. от 14.07.2022) «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (ФЗ-131)³ под термином «муниципально-территориальные преобразования» подразумевается объединение или разделение муниципальных образований между собой, а также изменение статуса территории (с МР на ГО, с сельского поселения на городское поселение и другие). При этом ФЗ-131, в значительной мере скопированный с аналогичных европейских законов, поскольку и разрабатывался после ратификации Россией Европейской хартии местного самоуправления⁴, далеко не в полной мере отражал российские реалии, в том числе в аспекте выделения границ муниципальных образований. В итоге почти сразу после появления муниципальных образований в отдельных субъектах РФ начались муниципально-территориальные преобразования, в процессе которых региональные власти стреми-

¹ Президент России В. В. Путин: «Сбережение народа страны является высшим национальным приоритетом в России, и сейчас Россия должна выйти на устойчивый рост численности населения.» // Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации от 21.04.2021 г. — URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/46794> (дата обращения: 01.09.2022).

² Внутри муниципальных районов есть также муниципальные образования второго уровня — городские и сельские поселения.

³ Федеральный закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ (редакция от 14.07.2022) «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» // КонсультантПлюс: справочно-правовая система. — URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_44571/8e7789f2a509dd82c4c382a19fb179e6162a2a41 (дата обращения: 01.09.2022).

⁴ Федеральный закон от 11.04.1998 № 55-ФЗ «О ратификации Европейской хартии местного самоуправления» // Российская газета. — 1998. — № 73 (15 апреля).

лись привести муниципальное деление региона в соответствие со своими представлениями об оптимальном муниципальном устройстве и существующими на местах объективными социально-экономическими и природно-географическими особенностями.

Невозможность реализации в должной мере механизмов местного самоуправления в различных частях страны являлась значительным недостатком первоначально существовавшего состава муниципальных образований, что привело к необходимости их преобразований [7]. Отследить такие преобразования позволяет база данных «Муниципальная Россия», сформированная в Институте социально-экономических проблем народонаселения имени Н. М. Римашевской ФНИСЦ РАН⁵. На момент Всероссийской переписи населения 2010 г. в Российской Федерации насчитывалось 2341 муниципальное образование первого уровня — 1825 муниципальных районов и 516 город-

ских округов. Согласно данным Всероссийской переписи населения 2021 г. данный состав изменился — в настоящее время в России 1577 муниципальных районов, 612 городских округов, а также 157 муниципальных округов. В табл. 1 представлено количество муниципалитетов в 2010 и 2021 гг. по федеральным округам России. Изменение состава муниципальных образований первого уровня произошло на всей территории страны. Значительно увеличилось количество муниципалитетов со статусом городского округа в Центральном, Южном, Северо-Кавказском, Приволжском и Дальневосточном федеральных округах. В шести федеральных округах количество МР уменьшилось в связи с преобразованием их в ГО или же образованием новых единиц — МО. В Южном и Дальневосточном федеральных округах количество МР увеличилось за счёт присоединения новых регионов.

Направлениями МТП на первом уровне муниципального устройства страны в 2010–2021 гг. являются: 1) муниципальный район стал городским или муници-

⁵ База данных «Муниципальная Россия». Авторы и правообладатели: Пациорковский В.В., Коленникова О.А., Симагин Ю.А. Номер государственной регистрации: RU2014620760 от 27.05.2014.

Количество муниципальных образований первого уровня в 2010–2021 годах

Таблица 1

Number of municipalities of the first level in 2010–2021

Table 1

Федеральный округ	Муниципальные образования				
	2010 год		2021 год		
	ГО	МР	ГО	МР	МО
Центральный	107	416	140	344	19
Северо-Западный	40	159	38	134	27
Южный*	30	144	42	157	10
Северо-Кавказский	32	114	40	88	16
Приволжский	71	455	104	381	36
Уральский	110	93	111	78	14
Сибирский**	77	320	71	248	18
Дальневосточный**	49	124	66	147	17
Всего	516	1825	612	1577	157

*В 2016 г. Республика Крым и город Севастополь вошли в состав Южного федерального округа.

**В 2018 г. Республика Бурятия и Забайкальский край перешли из Сибирского федерального округа в Дальневосточный федеральный округ.

Источник: данные Росстата.

пальным округом — наиболее частый случай, 2) муниципальный район вошёл в состав городского округа, 3) несколько городских округов объединились в один, 4) новый муниципалитет выделился из прежнего муниципального образования — это единичный случай, который далее не учтён, 5) территории Московской области перешли в состав города Москвы (так называемая «Новая Москва») — это преобразование также далее не учтено, так как является межрегиональным, а не муниципально-территориальным, хотя в его итоге также исчезли некоторые муниципальные образования первого уровня.

Главной причиной проводимых МТП называется необходимость «оптимизации» (сокращения) бюджетных расходов, что достигается за счёт уменьшения организационных структур, на которые выделяется финансирование. Так, при преобразовании МР в ГО или МО, а также при вхождении МР в ГО (что оставило подавляющее большинство проводившихся МТП) упраздняются городские и сельские поселения. Как отмечает Л. В. Прибыткова, подобного рода преобразования, будь то создание более крупного муниципального образования или же создание на базе муниципального района городского округа, приводит к увеличению и усложнению территории муниципального образования, а также физически отдаляет местную власть от жителей [8].

Негативное влияние увеличения территории муниципального образования на доступность органов местного самоуправления в 2017 г. было подтверждено результатами исследования, проведённого Фондом «Институт экономики города» [9] способом компьютерного моделирования. Отмечено, что полученные в ходе МТП городские округа, превышающие 1 тыс. км², ставят под сомнение перспективы развития городской инфраструктуры на таких территориях в обозримом будущем. Переход от двухуровневой системы организации местного самоуправления к одноуровневой

ухудшает транспортную доступность органов местного самоуправления в несколько раз. Так, моделирование на примере Нижегородской области показало, что в тех случаях, когда большие по территории муниципальные образования, включающие множество разноплановых населённых пунктов, начинают доминировать в каком-либо субъекте РФ, возникает вопрос о доступности муниципальной власти для жителей, возможности их полноценного участия в решении вопросов местного значения и, следовательно, о самой возможности в границах таких субъектов осуществления местного самоуправления.

Аналогичные мероприятия по «оптимизации» проводились с 2010 г. и в других сферах общественной жизни (образование, здравоохранение, наука, культура и спорт). На практике это вылилось в укрупнение бюджетных организаций с превращением ранее самостоятельных организаций в подразделения (филиалы) более крупных. Возможно, это имело смысл, например, в Москве, где для жителей нет проблем с территориальной доступностью учреждений сферы обслуживания. В этом случае для «простого жителя» не очень важно, пользуется он услугами «самостоятельной» поликлиники (школы, детского сада и так далее), или теперь это филиал более крупной организации. Но в регионах, особенно слабозаселённых, это вылилось в то, что доступные для населения в территориальном плане местные больницы, поликлиники, школы, детские сады стали массово закрываться или, в лучшем случае, сокращать объёмы своей работы [10].

К. А. Чернышев исследовал проблемы сокращения числа муниципальных образований второго уровня (городских и сельских поселений) [11]. Он отмечает, что, в результате [МТП] в современной России сформированы такие «неестественные ... формы территориальной организации местной власти, как городские округа в границах районов

и муниципальные районы, включающие минимальное количество поселений. Подобная территориальная организация местного самоуправления не способна обеспечивать эффективное решение вопросов жизнеобеспечения населения, а местное сообщество вследствие упразднения муниципалитетов [второго уровня] фактически теряет возможность на представление своих интересов».

В работе Н. В. Ворошилова [12] отмечается, что опросы глав администраций муниципальных образований не показывают положительного эффекта от МТП. Так, в Вологодской области лишь 14% глав сельских поселений отметили положительные результаты МТП. То есть преобразования (объединения, изменения статуса) и по оценкам непосредственно участвующих в этих процессах лиц в большинстве случаев не дают позитивного эффекта для дальнейшего развития территории.

Муниципально-территориальные преобразования и численность населения

Социально-экономические, природно-географические и другие условия жизни населения в регионах России очень разнообразны, что влияет на жизнедеятельность населения, в том числе на демографические и миграционные процессы. Чтобы исключить влияние этого разнообразия условий, в нашем исследовании мы рассматривали только те субъекты РФ, в которых в 2010–2020 гг. проводились МТП первого уровня по трём выделенным выше основным направлениям: 1) преобразование МР в ГО, 2) вхождение МР в ГО или ГО в МР, 3) объединение двух и более ГО в один. Все они характерны тем, что муниципальные образования второго уровня упраздняются — система становится одноуровневой. Такие преобразования затронули около 200 муниципалитетов, существовавших в 2010 г., которые

располагались в 18 субъектах Российской Федерации. В начале 2021 г. преобразованных муниципалитетов первого уровня было 150 с общей численностью населения 11,3 млн человек (табл. 2).

В целом первый уровень муниципального устройства остался стабильным — преобразования затронули только 18 из 83 существовавших в 2010 г. субъектов Российской Федерации. Но в некоторых регионах МТП были очень масштабными — это области Московская, Магаданская, Сахалинская, Калининградская, края Пермский и Ставропольский. К настоящему времени в них уже не осталось муниципальных районов — все они были преобразованы в городские или муниципальные округа, то есть система муниципалитетов стала одноуровневой. При этом в каждом муниципальном образовании (в том числе в городских и сельских поселениях, которые упраздняются при одноуровневой системе) по существующему законодательству необходимо наличие определённого набора бюджетных (государственных, муниципальных) объектов сферы обслуживания населения (школа, детский сад, учреждение здравоохранения, культуры и некоторые другие). Одноуровневая система позволяет закрыть соответствующие учреждения («оптимизировать» систему), направив сэкономленные средства в оставшиеся «укрупнённые» учреждения.

Как уже говорилось, это может быть в какой-то мере допустимым в таких плотнозаселённых регионах с высоко развитой транспортной системой, как Московская и Калининградская области. Но и в этом случае, например, в состав городского округа «Шатура» Московской области вошли все посёлки городского типа бывшего Шатурского района (Черусти, Радовицкий и другие — всего 8), а также город Рошаль, являвшийся самостоятельным ГО. Все эти бывшие самостоятельные муниципалитеты теперь формально стали микрорайонами города Шатуры (хотя удале-

ны от него по автодорогам на 20–40 км), и сфера обслуживания населения в них сократилась. В Сахалинской и Магаданской областях, где сфера обслуживания развита намного хуже, чем в Московской области, а расстояния между бывшим районным центром (сейчас центр ГО) и центрами бывших городских

и сельских поселений измеряются не десятками, а сотнями километров при том, что современные автодороги, также в отличие от Московской области, почти отсутствуют, условия жизни населения в упразднённых муниципалитетах стали значительно хуже.

Таблица 2

Регионы России с МТП первого уровня в 2010–2020 годах

Table 2

Regions of Russia with municipal-territorial transformations of the first level in 2010–2020

Субъект Российской Федерации	Муниципальные образования на 1 января 2021 года, единиц	
	Без МТП	С МТП
Белгородская область	16	6
Брянская область	29	2
Костромская область	28	1
Московская область	26	38
Тверская область	37	5
Тульская область	23	3
Ярославская область	19	1
Республика Коми	19	1
Калининградская область	7	15
Чеченская Республика	16	1
Ставропольский край	23	10
Пермский край	24	22
Нижегородская область	41	11
Оренбургская область	37	5
Тюменская область	24	1
Магаданская область	1	8
Сахалинская область	1	17
Чукотский АО	4	3
Всего по 18 регионам	375	150

Источник: рассчитано по базе данных «Муниципальная Россия».

На рис. 1 показана динамика численности населения за период 2010–2020 гг. в муниципалитетах в зависимости от того, были в них МТП или нет.

Рис. 1. Динамика численности населения за период 2010–2020 гг. в муниципалитетах с муниципально-территориальными преобразованиями и без них, %

Fig. 1. Population dynamics for the period 2010–2020 in municipalities with and without municipal-territorial transformations, %

Источник: рассчитано по базе данных «Муниципальная Россия».

Хорошо видно, что почти во всех 18 регионах демографическая динамика лучше (где-то больше увеличение численности населения, где-то меньше сокращение) в тех муниципальных образованиях, которые на себе МТП не испытали. Два исключения — Тульская область и Чеченская Республика. Но в Тульской области это объясняется тем, что один из трёх преобразованных муниципалитетов в регионе — это городской округ Тула, в состав которого был включён окружающий его Ленинский муниципальный район. В большинстве субъектов РФ с сокращением численности населения (к которым относится и Тульская область) увеличивается населения именно в региональных центрах и/или в прилегающих к ним ГО и МР [13]. Гудермесский МР в Чеченской Республике является одним из лидеров по

приросту численности населения в своём регионе (высокий естественный прирост сочетается с миграционным притоком населения из горных районов республики), который и так среди всех регионов России отличается высокими темпами роста численности населения [14].

Во всех остальных регионах, где проводились МТП, динамика численности населения лучше в тех муниципалитетах, которые не были охвачены преобразованиями. Это вполне согласуется с выше сказанным об ухудшении условий жизни населения в охваченных МТП муниципалитетах, что может приводить как к миграционному оттоку жителей, так и к ухудшению показателей естественного движения населения (первоначально за счёт увеличения общего коэффициента смертности из-за закрытия учреждений здравоохранения,

а через некоторое время — после отъезда молодёжи и молодых семей — и за счёт сокращения общего коэффициента рождаемости). Рассмотрим эти составляющие

динамики численности населения отдельно для 18 субъектов РФ, в которых в 2010–2020 гг. проводились МТП первого уровня (табл. 3).

Таблица 3

Демографические показатели в муниципалитетах регионов России с МТП в 2010–2020 годах

Table 3

Demographic indicators in the regions of Russia with municipal-territorial transformations in 2010–2020

Показатель	Преобразований не было		Преобразования были	
	2010 год	2020 год	2010 год	2020 год
Естественный прирост,‰	-3,2	-5,9	-4,3	-5,4
Миграционный прирост,‰	1,9	1,0	2,8	3,9
Миграционный прирост без Московской области,‰	1,4	0,9	-3,0	-0,9
Динамика численности населения за 2010–2020 гг.,%	+2,8		+1,2	

Источник: рассчитано по базе данных «Муниципальная Россия».

Имеющиеся данные не позволяют проследить годовую динамику показателей движения населения в муниципалитетах, поэтому дано сравнение ситуации в начале рассматриваемого периода (2010 — год всероссийской переписи населения) и в его конце (2020 — последний год, за который имеются сведения в муниципальном разрезе). Видно, что при общей более благоприятной динамике численности населения за 2010–2020 гг. в тех муниципалитетах, которые не подвергались МТП, ситуация именно в 2020 г. была лучше (убыль населения меньше) там, где МТП проводились: $-4,9\%$ и $-1,5\%$ за год соответственно. Но достигается это в основном за счёт миграционного движения населения — в муниципалитетах без преобразований миграционный приток за 2010–2020 гг. сократился, тогда как в муниципалитетах с преобразованиями — вырос. При этом важно отметить, что миграционный прирост в муниципалитетах с преобразованиями достигается почти исключительно за счёт Московской области. Если исключить этот регион с большой численностью населения, интенсивным миграционным притоком населения практически из всех регионов Рос-

сии (в том числе из Москвы) и массовыми МТП, то ситуация в 2020 г. оказывается лучше в муниципалитетах без МТП, чем в тех, где они были: около -6% и -5% соответственно. Показатели естественного движения населения в 2020 г. в 18 рассматриваемых регионах и их муниципалитетах оказались хуже, чем в 2010 г., как за счёт изменения за этот период возрастной структуры населения [15], так и за счёт начавшейся пандемии COVID-19 (Московская область по показателям естественного движения населения от совокупности остальных рассматриваемых регионов не отличается). При этом в муниципалитетах без преобразований ухудшение было несколько более значительным, чем там, где МТП проводились.

Заключение

Система местного самоуправления, в основном сформированная в России в 2003–2010 гг., имела много недостатков, в том числе чрезмерную централизацию налоговых поступлений, при которой муниципалитеты второго уровня имели очень незначительные доходы при чрезмерно больших обязательствах по обеспечению работы

различных социальных и инфраструктурных систем на своих территориях, а также несоответствие границ вновь образованных муниципальных образований имеющимся социально-экономическим, природно-географическим, этнокультурным и другим особенностям разных регионов страны. Поэтому практически сразу же после реализации муниципальной реформы во многих регионах России начались муниципально-территориальные преобразования, главным направлением которых стало упрощение структуры муниципального управления за счёт упразднения муниципалитетов второго уровня (городских и сельских поселений) в основном путём преобразования муниципальных районов (где поселения были) в городские или муниципальные округа, где муниципалитетов второго уровня нет.

При этом главной целью муниципально-территориальных преобразований стала экономия бюджетных средств «сегодня» без учёта возможных долговременных социально-экономических последствий. Одним из таких последствий является ухудшение демографической ситуации, которая и так

является в современной России очень сложной. Как показало проведённое исследование, практически во всех субъектах Российской Федерации, где проводились преобразования муниципальных районов в городские округа и объединения муниципалитетов первого уровня, демографическая динамика лучше (где-то больше увеличение численности населения, где-то меньше сокращение) в тех муниципальных образованиях, которые на себе таких преобразований не испытали. То есть проводимые муниципально-территориальные преобразования не способствуют решению демографических проблем в регионах России, и поэтому должны быть прекращены или, по крайней мере, приостановлены до тех пор, пока не будут изучены их долговременные последствия. И не только демографические, но и в других социально-экономических сферах — влияние на культуру, развитие малого и среднего бизнеса, состояние здоровья населения, транспортную освоенность территории и так далее. В данном случае в долгосрочной перспективе стабильность может принести больший эффект чем непродуманные изменения.

Литература и Интернет-источники

1. **Пациорковский, В. В.** Динамика численности населения муниципальных образований России в 2010–2018 гг. / В. В. Пациорковский, Ю. А. Симагин, Д. Д. Муртузалиева // Вестник института социологии. — 2019. — Т. 10. — № 3. — С. 59–77. DOI: 10.19181/vis.2019.30.3.589; EDN: UQDWRY2
2. **Вишневецкий, А. Г.** Демографическая революция. — Москва : Статистика, 1976. — 239 с.
3. **Gibbs, J. P.** The Evolution of Population Concentration / J. P. Gibbs // Economic Geography. — 1963. — Vol. 39. — No. 2. — P. 119–129. DOI: 10.2307/142505
4. **Рыбаковский, Л. Л.** Региональный анализ миграций. Москва : Статистика, 1973. — 159 с.
5. **Симагин, Ю. А.** Результаты исследований демографических проблем России в XXI веке / Ю. А. Симагин // Народонаселение. — 2021. — Т. 24. — № 4. — С. 4–22. DOI: 10.19181/population.2021.24.4.1. EDN: GQUDHJ
6. **Пациорковский, В. В.** Муниципальные образования России со стабильной численностью населения / В. В. Пациорковский, Ю. А. Симагин, Д. Д. Муртузалиева // Народонаселение. — 2019. — Т. 22. — № 3. — С. 47–65. DOI: 10.24411/1561-7785-2019-00026; EDN: RDAVMX
7. **Симагин, Ю. А. А.** Муниципальные образования России: проблемы формирования и перспективы изменения / Ю. А. Симагин // Народонаселение. — 2013. — № 4. — С. 87–93. EDN: RWOSAX

8. **Прибыткова, Л. В.** Опыт территориальных преобразований муниципальных образований в субъектах Российской Федерации / Л. В. Прибыткова // Вестник РУДН. Серия: Государственное и муниципальное управление. — 2018. — Т. 5. — № 2. — С. 149–159. DOI: 10.22363/2312-8313-2018-5-2-149-159; EDN: VUNAVK
9. **Пузанов, А. С.** Проблемы территориальной доступности местного самоуправления Российской Федерации. Презентация к докладу на круглом столе Общественной палаты РФ «Территориальная доступность местного самоуправления в России. Как в условиях экономической оптимизации сохранить самый близкий к жителям уровень власти?» / А. С. Пузанов, Р. А. Попов. — URL: <https://komitetgi.ru/news/news/3369/> (дата обращения: 01.09.2022).
10. **Александрова, О. А.** Социальное государство: куда шло вчера, и что делать завтра / О. А. Александрова // Народонаселение. — 2022. — Т. 25. — № 2. — С. 6–18. DOI: 10.19181/population.2021.24.3.1; EDN: WPSOBF
11. **Чернышев, А. К.** Трансформация территориальной организации местного самоуправления в регионах России / А. К. Чернышев // Известия РАН. Серия географическая. — 2018. — № 2. — С. 37–47. DOI: 10.7868/S2587556618020048; EDN: YWSLQG
12. **Ворошилов, Н. В.** Муниципально-территориальное устройство в России: адаптация к разному образу / Н. В. Ворошилов // Вопросы территориального развития. — 2017. — № 2(37). — С. 1–15. EDN: YLEFKF
13. **Симагин, Ю. А.** Территориальное распределение сильной депопуляции в России на муниципальном уровне / Ю. А. Симагин // Народонаселение. — 2018. — Т. 21. — № 1. — С. 60–69. DOI: 10.26653/1561-7785-2018-21-1-05; EDN: XQCXJR
14. **Муртузалиева, Д. Д.** Динамика численности населения северокавказских регионов России в 2010–2022 годах / Д. Д. Муртузалиева, Ю. А. Симагин, И. Н. Ванькина // Народонаселение. — 2022. — Т. 25. — № 3. — С. 33–45. DOI: 10.19181/population.2022.25.3.3; EDN: BSBPER
15. **Рыбаковский, О. Л.** Структурные волны населения России и её регионов: вопросы оценки и сравнения / О. Л. Рыбаковский // Народонаселение. — 2022. — Т. 25. — № 1. — С. 65–79. DOI: 10.19181/population.2022.25.1.6; EDN: EFEGNF

Сведения об авторах:

Симагин Юрий Алексеевич, к.геогр.н., доцент, зав. лабораторией, Институт социально-экономических проблем народонаселения имени Н.М. Римашевской Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: yas63@yandex.ru; ORCID: 0000-0001-8392-8645; РИНЦ AuthorID: 76033.

Муртузалиева Джамия Джавидовна, к.э.н., научный сотрудник, Институт социально-экономических проблем народонаселения имени Н.М. Римашевской Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: djama76@list.ru; ORCID: 0000-0003-3263-3032; РИНЦ AuthorID: 500138.

Ванькина Ирина Николаевна, младший научный сотрудник, Институт социально-экономических проблем народонаселения имени Н.М. Римашевской Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: irina.vankina21@gmail.com; ORCID: 0000-0003-0242-9858; РИНЦ AuthorID: 1136635.

DOI: 10.19181/population.2023.26.1.2

THE IMPACT OF MUNICIPAL-TERRITORIAL TRANSFORMATIONS IN THE REGIONS OF RUSSIA ON POPULATION DYNAMICS

Yury A. Simagin*, Djamilya D. Murtuzalieva, Irina N. Vankina

*Institute of Socio-Economic Studies of Population of the Federal Center of
Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences
(32 Nakhimovsky prospect, Moscow, Russia, 117218)*

*E-mail: yas63@yandex.ru

Funding:

The study was carried out within the framework of research under the State assignment to ISESP FCTAS RAS "Fundamentals of economic behavior and welfare of the population: motives, factors, expectations".

For citation:

Simagin Yu. A., Murtuzalieva D. D., Vankina I. N. The impact of municipal-territorial transformations in the regions of Russia on population dynamics. *Narodonaselenie [Population]*. 2023. Vol. 26. No. 1. P. 16–28. DOI: 10.19181/population.2023.26.1.2 (in Russ.)

Abstract. *The demographic problem is one of the most acute in modern Russia, especially at the level of municipalities, most of which have experienced depopulation since 2010, when the country's population as a whole was increasing. Numerous actions are being taken to solve the demographic problem, and further expansion of their list is quite justified, since in the future the situation may become even worse. At the same time, the issue of the impact on the demographic situation of the municipal-territorial transformations carried out in the regions of the country, which are mainly aimed at abolishing or reducing the number of second-level municipalities—urban and rural settlements, has not been investigated. Meanwhile, public service institutions in the fields of education, healthcare and others may disappear, that negatively affects the living conditions of the population and does not contribute to solving demographic problems. Other consequences of municipal-territorial transformations also have not been studied. This article shows that the municipalities of the first level (urban districts, municipal areas, municipal districts), which in the period 2010–2020 were covered by transformations, are characterized by poorer demographic dynamics (less increase or more decrease in population) compared to other municipalities in the same subjects of the Russian Federation, which were not covered by such transformations. Municipalities with and without transformations also differ in terms of natural and migration movement of the population. It can be concluded that municipal-territorial transformations aimed at simplifying the municipal structure in the country may solve some momentary difficulties, in particular, reduce budget expenditures. But in the future, they may have negative consequences for solving Russia's main problems, including preserving and increasing the country's population.*

Keywords: *population dynamics, municipal-territorial transformations, regions of Russia, natural population growth, migration, municipalities.*

References and Internet sources

1. Patsiorkovsky V.V., Simagin Yu. A., Murtuzalieva D.D. Dinamika chislenosti naseleniya munitsipal'nyh obrazovaniy Rossii v 2010–2018 gg. [The population dynamic in Russian municipal formations from 2010 to 2018]. *Vestnik instituta sotsiologii [Bulletin of the Institute of Sociology]*. 2019. Vol. 10. No. 3. P. 59–77. DOI: 10.19181/vis.2019.30.3.589 (in Russ.)
2. Vishnevsky A.G. Demograficheskaya revolyutsiya [Demographic Revolution]. Moscow. Statistika [Statistics]. 1976. 239 p. (in Russ.)

3. Gibbs J. P. The Evolution of population concentration. *Economic Geography*. 1963. Vol. 39. No. 2. P. 119–129. DOI: 10.2307/142505
4. Rybakovsky L. L. Regional'nyj analiz migratsij [*Regional Analysis of Migrations*]. Moscow. Statistika [Statistics]. 1973. 159 p. (in Russ.)
5. Simagin Yu. A. Rezul'taty issledovaniy demograficheskikh problem Rossii v 21 veke [Results of the study of demographic problems in Russia in the 21st century]. *Narodonaselenie [Population]*. 2021. Vol. 24. No. 4. P. 4–22. DOI: 10.19181/population.2021.24.4.1. (in Russ.)
6. Patsiorkovsky V. V., Simagin Yu. A., Murtuzaliev D. D. Munitsipal'nyye obrazovaniya Rossii so stabil'noj chislennost'yu naseleniya [Russian municipalities with a stable population]. *Narodonaselenie [Population]*. 2019. No. 3. P. 47–65. DOI: 10.24411/1561-7785-2019-00026 (in Russ.)
7. Simagin Yu. A. Munitsipal'nyye obrazovaniya Rossii: problemy formirovaniya i perspektivy izmeneniya [Municipal units in Russia: problems of formation and prospects for changes]. *Narodonaselenie [Population]*. 2013. No. 4. P. 87–93. (in Russ.)
8. Pribytkova L. V. Opyt territorial'nyh preobrazovaniy munitsipal'nyh obrazovaniy v sub'yektah Rossijskoj Federatsii [The experience of territorial transformations of the municipalities in Russian regions]. *Vestnik RUDN. Seriya: Gosudarstvennoe i munitsipal'noye upravleniye [RUDN Journal of Public Administration]*. 2018. Vol. 5. No. 2. P. 149–159. DOI: 10.22363/2312-8313-2018-5-2-149-159 (in Russ.)
9. Puzanov A. S., Popov R. A. Problemy territorial'noj dostupnosti mestnogo samoupravleniya Rossijskoj Federatsii. Prezentatsiya k dokladu na kruglom stole Obshestvennoj palaty RF «Territorial'naya dostupnost' mestnogo samoupravleniya v Rossii. Kak v usloviyah ehkonomicheskoy optimizatsii sohranit' samyj blizkij k zhitelyam uroven' vlasti?» [Problems of territorial accessibility of local self-government of the Russian Federation. Presentation for the report at the round table of the Civic Chamber of the Russian Federation “Territorial accessibility of local self-government in Russia. How in conditions of economic optimization maintain the most closest level to the inhabitants?]. Available at: <https://komitetgi.ru/news/news/3369/> (Accessed: 1 September 2022). (in Russ.)
10. Aleksandrova O. A. Sotsial'noye gosudarstvo: kuda shlo vchera, i chto delat' zavtra [Welfare State: where it went yesterday, and what to do tomorrow]. *Narodonaselenie [Population]*. 2022. Vol. 25. No. 2. P. 6–18. DOI: 10.19181/population.2022.25.2.1 (in Russ.)
11. Chernyshev K. A. Transformatsiya territorial'noj organizatsii mestnogo samoupravleniya v regionah Rossii [Transformation of territorial organization of local self-government in Russia's regions]. *Izvestiya Rossiiskoy Akademii Nauk. Seriya Geograficheskaya [News of the Russian Academy of Sciences. Geographic Series]*. 2018. No. 2. P. 37–47. DOI: 10.7868/S2587556618020048 (in Russ.)
12. Voroshilov N. V. Munitsipal'no-territorial'noye ustrojstvo v Rossii: adaptatsiya k raznoobraziyu [Municipal-territorial system in Russia: adaptation to diversity]. *Voprosy territorial'nogo razvitiya [Territorial Development Issues]*. 2017. No. 2. P. 1–15. (in Russ.)
13. Simagin Yu. A. Territorial'noye raspredeleniye sil'noj depopulyatsii v Rossii na munitsipal'nom urovne [Territorial coverage of intensive depopulation in Russia at the municipal level]. *Narodonaselenie [Population]*. 2018. Vol. 21. No. 1. P. 60–69. DOI: 10.26653/1561-7785-2018-21-1-05 (in Russ.)
14. Murtuzaliev D. D., Simagin Yu. A., Vankina I. N. Dinamika chislennosti naseleniya severokavkazskikh regionov Rossii v 2010–2022 godah [Dynamics of the population of the North Caucasian regions of Russia in 2010–2022]. *Narodonaselenie [Population]*. 2022. Vol. 25. No. 3. P. 33–45. DOI: 10.19181/population.2022.25.3.3 (in Russ.)
15. Rybakovsky O. L. Strukturnye volny naseleniya Rossii i yeyo regionov: voprosy otsenki i sravneniya [Structural waves of the population of Russia and its regions: issues of assessment and comparison]. *Narodonaselenie [Population]*. 2022. Vol. 25. No. 1. P. 65–79. DOI: 10.19181/population.2022.25.1.6 (in Russ.)

Information about the authors:

Simagin Yury Alekseyevich, Candidate of Geography, Associate Professor, Head of Laboratory, Institute of Socio-Economic Studies of Population of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: yas63@yandex.ru; ORCID: 0000-0001-8392-8645; Elibrary AuthorID: 76033.

Murtuzalieva Djamilya Djavidovna, Candidate of Economics, Researcher, Institute of Socio-Economic Studies of Population of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: djama76@list.ru; ORCID: 0000-0003-3263-3032; Elibrary AuthorID: 500138.

Vankina Irina Nikolaevna, Junior Researcher, Institute of Socio-Economic Studies of Population of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: irina.vankina21@gmail.com; ORCID: 0000-0003-0242-9858; Elibrary AuthorID: 1136635.

Статья поступила в редакцию 03.09.2022, одобрена 15.02.2023, опубликована 30.03.2023.

DOI: 10.19181/population.2023.26.1.3
EDN: JSWBYO

СЧИТАЮТ ЛИ СОВРЕМЕННЫЕ РОССИЙСКИЕ ЖЕНЩИНЫ СЕБЯ ОДИНОКИМИ?

Гневашева В. А.¹, Ильдарханова Ч. И.^{1,2*}

¹Центр семьи и демографии Академии наук Республики Татарстан
(420111, Россия, Казань, ул. Лево-Булачная, 36а)

²Казанский филиал Всероссийского государственного
университета юстиции Минюста России
(420126, Россия, Казань, ул. Фатыха Амирхана, 14)

*E-mail: chulpanildusovna@gmail.com

Финансирование:

Статья подготовлена в рамках выполнения гранта Российского научного фонда № 22-28-01980 «Социальное одиночество: моделирование новых семейных конструктов». – URL: <https://rscf.ru/project/22-28-01980/>.

Для цитирования:

Гневашева В. А., Ильдарханова Ч. И. Считают ли современные российские женщины себя одинокими? // Народонаселение. – 2023. – Т. 26. – № 1. – С. 29-38. DOI: 10.19181/population.2023.26.1.3; EDN: JSWBYO

Аннотация. Архитектоника авторского исследования отражает парадоксы общественного сознания, касающиеся восприятия феномена социального одиночества через призму полноты семьи и наличия детей. Прерогатива материального достатка во имя перспектив будущего семейного благополучия в условиях современного рынка труда в ряде случаев приводит к социальному одиночеству, когда возмещающим результатом жизненного цикла женщины выступает профессиональная состоятельность при отсутствии семьи и детей. Социальное одиночество начинает утрачивать негативный контекст в восприятии самого индивида, что выражается в увеличении доли россиян в возрасте от 30 до 45 лет, ни разу не состоявших в браке. Авторы раскрывают женские рефлексии феномена социального одиночества в контексте существующих семейных конструктов, а также аспекты стигматизации матерей-одиночек и детей, растущих без отца. Объективно и с позиции интересов демографической политики РФ откладывание важных демографических событий на более поздние возраста увеличивает риски социального одиночества, выраженные в меньших шансах создания семьи и рождения детей. Исследование направлено на выяснение особенностей восприятия социального одиночества женщинами, идентификацию ими своей роли в обществе, значимости для них основных социальных позиций, их желания быть причастными тем или иным социальным группам. Результаты исследования представлены на основе проведенного общероссийского социологического опроса. Первичная обработка полученных эмпирических данных позволила сделать ряд выводов относительно ценностных ориентаций женщин и формирования ими социального поведения в контексте построения профессиональной, семейной и брачной жизненной траектории. Исследовательский фокус представления результатов ориентирован на поиск путей минимизации социального одиночества в общественных представлениях.

Ключевые слова: социальное одиночество, семья, женщины, репродуктивное и брачное поведение.

© Гневашева В. А., Ильдарханова Ч. И., 2023.

Введение

Социальная роль женщины в российском обществе традиционно связывалась с реализацией супружеской и материнской функции. Устранение противоречивости значимости статуса женщины-матери в современных реалиях, сопряжённая, с одной стороны, тем, что государство мотивирует женщин целевыми пособиями к деторождению, с другой стороны, с момента зачатия ребёнка женщина попадает в зону риска и неопределённости на рынке труда (в наибольшей степени это затрагивает девушек самых молодых возрастов, с которыми работодатели заключают краткосрочные трудовые договора), нашло отражение в утверждённой Распоряжением Правительства Российской Федерации от 8 марта 2017 г. № 410-р Национальной стратегии действий в интересах женщин на 2017–2022 годы¹.

Постановка вопроса, когда современная женщина в ходе выстраивания собственного жизненного благополучия прежде всего ориентирована на достижение профессиональной стабильности, в перспективе обеспечивающей ей более устойчивое материальное обеспечение на период декретного отпуска, отдаляет её сначала от вступления в брак, далее от рождения ребёнка (в ряде случаев это сопровождается абортным поведением, обусловленным, в том числе, страхом потерять работу).

Приближение к моменту профессиональной стабильности удлиняется с учётом срока обучения в современных вузах. Социальная норма среднего возраста вступления в брак в российском обществе за последние 30 лет выросла на 8 лет: с 22–24 лет в начале 1990-х гг. до 30,33 года у женщин и 32,11 года у мужчин в 2021 г.; средний возраст матери по РФ в 2021 г. составлял 28,89 лет: минимальный — в Северо-Кавказском федеральном округе (27,93 года), максимальный —

в Северо-Западном федеральном округе (29,67 года).

«Старородящие матери» стали нормой российской демографии. Текущие показатели среднего возраста брачности и материнства отражают и медицинскую проблему потенциального здоровья матери и новорожденного, снижение репродуктивного здоровья с возрастом, увеличение риска нерождения детей. Демографический мониторинг Центра семьи и демографии Академии наук Республики Татарстан выявил, что «наибольшая доля умерших детей в возрасте до 1 года зафиксирована у женщин возрастной группы 35–39 лет (1,1% от количества рождений), 18–19 лет (1%) и 40–44 года (0,9%). И, наоборот, наименьшая доля смертей детей в возрасте до 1 года приходилась на матерей в возрасте 20–29 лет. Возрастная беременность объективно представляет риск. Анализ данных Росстата выявил, что с возрастом повышается вероятность преждевременных родов и рождения детей весом менее 500 грамм. В 2018 г. 16 новорожденных с таким весом родились у матерей в возрасте от 25 до 44 лет (у женщин возрастной группы до 25 лет рождение ребёнка с критичным весом не зарегистрировано)². Драматизм анализируемой проблемы усугубляется увеличением доли никогда не состоявших в браке в возрасте от 30 до 49 лет, статистически подтверждаемый сравнительными данными переписей населения 2002 и 2010 гг. (рис. 1).

Представленный ракурс проблемы позволяет очертить канву исследования: как стремление обрести будущее семейное благополучие в условиях современного рынка труда может привести к социальному одиночеству, когда возмещающим результатом жизненного цикла женщины выступает профессиональная состоятельность при отсутствии детей. По сути, женщина стоит перед выбором — реализоваться как мать и ощущать свое счастье и самореализацию в детях или ориентиро-

¹ Официальный сайт Минтруда России / Национальная стратегия действий в интересах женщин на 2017–2022 годы <https://mintrud.gov.ru/uploads/magic/ru-RU/6fbee78a-1500964810.pdf> (дата обращения: 08.08.2022).

² Демографический доклад-2020. Демографическое самочувствие Республики Татарстан: статистический мониторинг и рефлексии населения / ред. Ч.И. Ильдарханова. — Казань: Изд-во Академии наук РТ, 2020. — 578 с. С. 187.

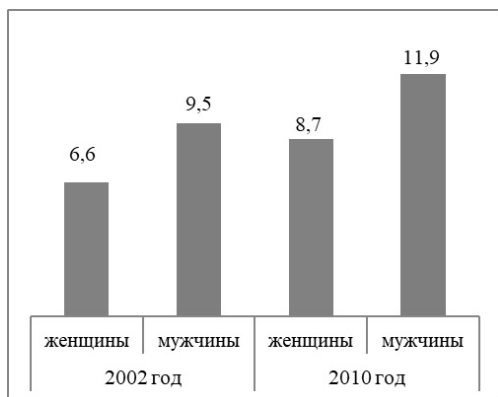

Рис. 1. Доли мужчин и женщин в возрасте 30–49 лет в РФ, никогда не состоявших в браке

Fig. 1. Proportion of men and women aged 30–49 years in the RF who have never been married
 Источник: рассчитано авторами по данным: Всероссийская перепись населения 2002 года—URL: <http://www.perepis2002.ru/index.html?id=31>; Всероссийская перепись населения 2010 года—URL: https://gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm (дата обращения: 08.08.2022).

ваться на профессиональный рост, которому наличие детей не способствует.

Теоретические предпосылки, материалы и методы

Методологические подходы к изучению одиночества варьируются от интерпретации его как нормы, присущей природе человека, до отклонения. В соответствии с теориями экзистенциальной психологии реальности одинокого существования предшествует некоторая пограничная жизненная ситуация: смерть, жизненные потрясения и трагедии, переживаемые индивидом в одиночку [1]. В основе трактования социального одиночества экзистенциальной философией лежит принцип конфликтности в отношении объективного мира, при этом экзистенциалисты определяют причины одиночества в условиях бытия индивида [2–5]. В парадигме психоаналитического подхода предпосылки одиночества определяются некоторыми событиями

и переживаниями детства (в части неофрейдистской парадигмы) [6–8]. В рамках данного направления [6] различаются понятия одиночество как явление непреодолимое, причины которого заключаются в самой личности, и уединение, расцениваемое как нормальное состояние. Значимость влияния внешней среды на человека в контексте одиночества интерпретирует гуманистическая социология [9; 4; 10]. Одиночество как неотъемлемая характеристика современного общества, где социальные связи с малой социальной группой ослаблены настолько, что социальная включенность индивида в общество определяется как «одинокая толпа», отражено в концепциях социально-психологического подхода [11; 10]. Несоответствие личностного и социального опыта индивида как базис одиночества представлено учеными-представителями когнитивного подхода [12–14].

В ряде теорий одиночество рассматривается как элемент более общей социальной проблемы [13], или, наоборот, более мелкие причины определяют как мотиваторы к социальному одиночеству. Э. Фромм описывает общество потребления и сам процесс потребления как причину социальной автономии [4]. Проблемы социальной автономии на уровне семьи, по мнению К. Хорни, провоцируют и дальнейшее развитие социальной автономии у её членов [10]. Интересна и более комплексная интегративная модель [16; 17], которая в основе социальной автономии рассматривает внутренний мир индивида и его реакцию на внешнее взаимодействие [12]. Проблемы одиночества сводятся к определению особенностей межличностных отношений и, в первую очередь, в семье как малой группе. В этой связи можно отметить гендерный аспект социального одиночества в соответствии с репродуктивным и брачным поведением мужчин и женщин.

Необходимо также определиться в понимании субъективного благополучия, определяемого как отношение человека

к своей личности, жизни и процессам [17]. Все это характеризует ощущение удовлетворённости. Изменение сущности такого социального явления как социальное одиночество ведёт и к трансформации сетевых взаимодействий субъектов, в том числе, и в рамках малой социальной группы, к трансформации понимания семьи как социальной группы.

Социологическое исследование проводилось в 2022 г. в форме онлайн опроса в регионах РФ (N = 2500), выборка сплошная, случайная, на последнем этапе — гнездовая (выборочная совокупность: женщины — 1075 человек). Анкетой исследования предполагалось определить общие социально-экономические характеристики респондентов; получить их субъективные оценки самореализации: общественной, профессиональной, семейной. В рамках открытых вопросов респонденты могли определить собственное понимание одиночества и соотнести данное явление со своим текущим положением. Результаты исследования были обработаны с помощью инструментов статистического анализа. В опросе приняли участие преимущественно женщины в возрасте 26–35 лет (37%), имеющие высшее образование (55%). Свой уровень материального обеспечения женщины оценивают как «средний» (56%), второй по численности является группа с доходом «ниже среднего» (27%). Тех, кто определяет свой доход как выше среднего или отметивших, что вполне удовлетворён своим материальным положением в целом, по выборке менее 10%. Наиболее многочисленная среди опрошенных — полные семьи: «я, мой муж и дети» (41%). Далее, неполные семьи: «я и мои дети» (22%). Эта группа респондентов вовлечена в дискурс социального одиночества, когда женщине не хватает поддержки мужчины в воспитании ребёнка (стигматизацией со стороны общества («мать-одиночка»), а ребёнок испытывает недостаток отцовского внимания, что усугубляется навешиванием ярлыка «безотцовщина». И бездетные семьи: «я и муж» (12%).

Феномен одиночества в конструкте социального пространства женщин

Важным локусом исследования является сложившийся в российском обществе стереотип о том, что только в семье человек не чувствует себя одиноким. Мотивация создания семьи во многом связана в общественном восприятии с ожиданиями того, что в старости индивид будет окружён вниманием и поддержкой детей и внуков: «будет, кому подать стакан воды».

Цель вступления в брак женщины видят, в первую очередь, в «создании семьи» (68%), далее в том, чтобы «не быть одинокими» (15%) и чуть меньше в том, чтобы «завести детей» (10%). Необходимо учитывать, что традиционно российские женщины отождествляют создание семьи с регистрацией брака в ЗАГСе. Поведенческие траектории, способствующие регистрации брака, разнообразны: от взаимного желания мужчины и женщины создать брачную пару с последующим рождением детей до добрачной беременности, выступающей регулятором и стимулятором со стороны женщины в отношении намерения мужчины идти в ЗАГС. Ребёнок в ряде случаев выступает инструментом для создания семьи, что впоследствии усугубляет вероятность социального одиночества всех членов этой семьи (женщина беременеет, чтобы удержать мужчину, он женится из чувства долга).

На вопрос «Чувствуете ли Вы себя одиноким?», ответили «нет, никогда» 29,2% опрошенных женщин, преимущественно в возрасте 26–35 лет, проживающие с мужем и детьми и определяющие в качестве цели вступления в брак создание семьи. А вот групп социального риска по критерию «социальное одиночество» в представленной выборке две: 1) женщины, которые определяют целью вступления в брак «завести детей», и 2) женщины, целью вступления в брак которых является «создание семьи», но по каким-то причинам на момент опроса проживает лишь с детьми (без мужа). Представители этих

обеих групп на вопрос о самоощущении себя одинокими на момент опроса выбрали позицию «часто». Однако доля таких женщин невысока: в целом по выборке — это 7,3% респондентов. Таким образом, многие респонденты, являясь в восприятии общества одинокими, не чувствуют себя таковыми. Социальное одиночество начинает утрачивать негативный контекст в восприятии самого индивида.

Причины одиночества женщины видят далеко не в области социального диссонанса в отношении брачного или репродуктивного поведения. Каждая третья (36,5%) отметила, что «причина в самом человеке», и еще 26,8% респондентов сказали, что причина в том, что «нет любимого дела». Этим подчёркивается важность социальной идентификации женщин, социальная включённость, но по критерию общественной значимости, а не по семейной или репродуктивной роли женщины.

Критерии «хорошей жизни» женщины видят в здоровье (70,7%), наличии семьи (56%), материальном обеспечении (53,6%), наличии детей (26,8%). Расположенные в порядке уменьшения значимости в ответах респондентов обозначенные позиции ставят на передний план важность для женщин материальной стороны их жизни, наличия семьи и их здоровья, и в меньшей мере — наличия детей. Практически каждая вторая смотрит в будущее позитивно — «с надеждой и оптимизмом» (48,7%). Примерно половина респондентов отметили, что у них нормальные отношения с родителями (48,8%). Вспоминая себя в детстве, респонденты отмечают, что преимущественно своё свободное время они проводили с «друзьями», «с братом (сестрой)», «с родителями», «с бабушкой (дедушкой)». При этом, вспоминая, когда респонденты не ощущали себя одинокими в большей степени, они в основном вспоминают своё детство и выбирают позицию «с родителями» (31,7%), а уже потом позиции: «в своей семье с мужем и/или детьми» (29,2%) и «среди друзей» (26,8%).

Определяя критерии успеха своей сегодняшней жизни, и отмечая, что, по их

мнению, им уже удалось сделать, женщины выбрали в порядке снижения значимости следующие позиции: наличие семьи (53,6%), наличие людей, которые меня понимают (51,2%), доверительные отношения с детьми (41,4%), хорошие отношения с родителями (39%), собственное хорошее здоровье (38,5%), много друзей (14,6%). В приоритете находятся социальные связи, позволяющие человеку не чувствовать себя одиноко, ощущать признание значимости и необходимости своего существования и своей деятельности. Женщины, которые сумели обрести крепкие межличностные отношения со своей семьёй, как правило, отмечают, что в других сферах им не удалось достичь такого же баланса, им не хватает: материального благополучия (51,2%), здоровья (31,7%), верного друга (14,6%), жилья (14%), детей (7,3%).

В современном мире установились вариативные жизненные векторы индивида: от традиционного семейно-центристского поведения до «синглтонов» и «чайлдфри» — категория людей, которые соответственно не чувствуют себя одиноко без брачного партнера и детей. Частично этот тип людей характеризуется как самодостаточный. Результаты опроса выявили, что доминирует группа женщин, нуждающихся в поддержке детей (51,2%), при этом существенна доля ощущающих себя самодостаточными (26,8%).

В какой мере женщины чувствуют себя одинокими?

Градации ощущения одиночества от максимального до его отсутствия в целом позволяет по-новому осмыслить феномен одиночества, сопрягаемого в общественном сознании, в том числе, с такими понятиями как отсутствие мужа-отца ребёнка и отсутствие детей (рис. 2). Концептуализация «одиночества» устами женщин включает в себя следующие характеристики: ощущение грусти, отсутствие опоры, состояние пустоты, отсутствие близких людей, когда никого нет рядом, когда о тебе редко вспоминают, когда нет «плеча».

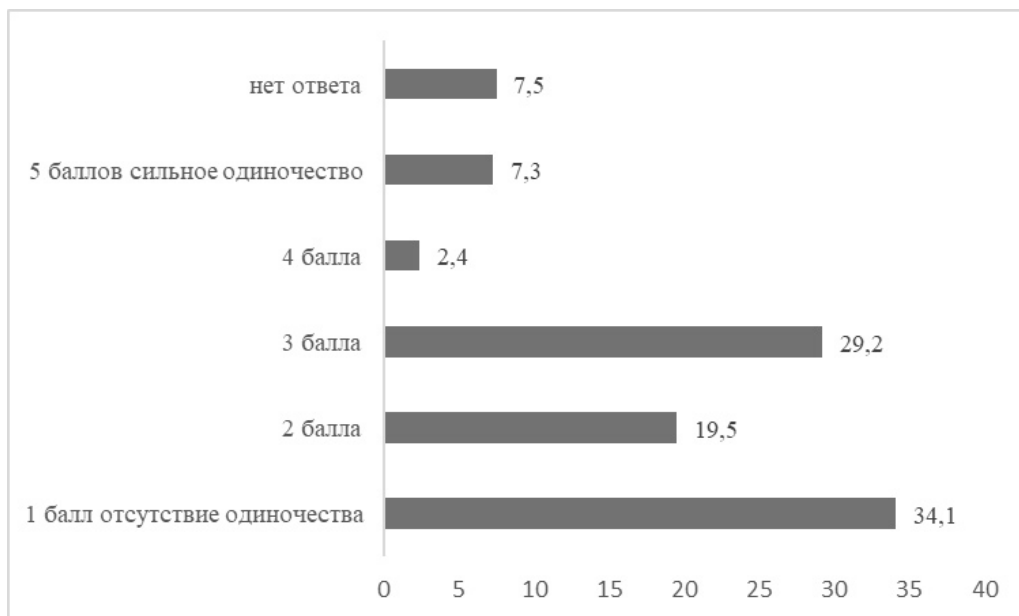

Рис. 2. Самоощущение женщинами одиночества, %

Fig. 2. Women's sense of loneliness, %

Источник: составлено по данным авторского исследования.

В целом по исследованию можно сделать вывод об отсутствии прямой корреляции в ответах респондентов их состояния социальной причастности, внутренней социальной реализованности с семейной и репродуктивной реализацией. В ответах не прослеживается значимый акцент на выраженность в понимании социальной позиции женщины как жены и матери. Кроме того, особенно важно подчеркнуть общую обеспокоенность женщин собственным материальным положением, которое играет, по их мнению, значимую роль при формировании семьи и рождении детей, также важным маркером озабоченности женщин выступает как собственное здоровье, так и их близких.

В соответствии с общей системой мотивации такое распределение ответов может говорить о низкой и недостаточной удовлетворённости базовых потребностей женщин: материальное благополучие, жизненная стабильность, здоровье, что не позволяет женщинам рационально перейти в своём

самоощущении на иной уровень мотивационной пирамиды и определить в качестве доминантного фактора мотивации своей дальнейшей жизни именно социальный компонент, который в рамках представленной тематики выражен факторами семейности, брачности и детности.

Отмеченные повышенные ожидания женщин в отношении своих детей и их острое желание иметь их поддержку подчёркивает наличие проблемы межпоколенческого непонимания и/или боязнь его наступления. Вместе с тем в отношении собственных родителей респонденты отмечают сохранение нормальных отношений. Базовая мотивационная неготовность к исполнению социальной роли жены и матери и угроза мотивационного диссонанса со стороны мужа, и особенно детей ещё более демотивирует женщин в отношении формирования в собственной системе жизненной мотивации социальных позиций жены и матери как значимых на данном жизненном этапе.

Заключение

Следуя полученным результатам исследования, мотивы репродуктивного поведения женщин предопределены преимущественно компонентами материальной обеспеченности и здоровья, при этом материальное обеспечение также включает социальный компонент самореализации женщин, но в рамках трудового сообщества, коллектива, друзей. Также важным, но в меньшей степени, определяются компоненты внутреннего принятия социальной роли жены и матери и, наоборот, социальная и внутренняя готовность к принятию и исполнению роли жены и матери, однако обусловленная преимущественно внутренним стремлением и внутренней мотивацией женщин, отчасти вопреки внешне сформированным социальным предпосылкам.

Рассматривая социальное одиночество в контексте брачного и репродуктивного поведения женщин, можно отметить значимые выявленные факторы, позволяющие искать пути преодоления подобного социального и личного состояния. В целом группа факторов формирования со-

циального одиночества женщин определяется степенью их реализованности, как личностной, так и общественной, посредством включения в три основные социально-ценностные поля: профессиональное, брачное (семейное), репродуктивное (наличие детей). Причём значимость и последовательность включённости в самооценках распределяется от профессиональной через брачную к репродуктивной. В этой связи социальное одиночество опрошенными женщинами детерминируется как недостаточная реализованность или ее отсутствие в одном (или нескольких) из этих социально-ценностных полей.

Исследование затрагивает важные аспекты формирования семейно-ориентированного поведения современных российских женщин. Социальное одиночество предопределяется в оценках респондентов рядом факторов, которые преимущественно сводятся к поиску стабильности: в работе, доходе, профессиональном, социальном и личном признании. Снижение стигматизации одиноких женщин негативно скажется на устойчивости института семьи и брака в его традиционном для России виде.

Литература и Интернет-источники

1. **Ялом, И. Д.** Экзистенциальная психотерапия / И. Д. Ялом. — Москва, 2014. — 574 с.
2. **Бердяев, Н. А.** Самопознание / Н. А. Бердяев. — Москва : Эксмо, 2021. — 544 с.
3. **Сартр, Ж. — П.** Экзистенциализм — это гуманизм: пер. с фр. М. Грецкого / Ж. — П. Сартр. — Москва : Издательство иностранной литературы, 1953. — 42 с.
4. **Лабиринты одиночества: сб. статей / пер. с англ., сост., общ. ред. и предисл. Н. Е. Покровского.** — Москва : Прогресс, 1989. — 624 с.
5. **Поварёнков, Ю. П.** Системогенетическая концепция профессионального становления человека / Ю. П. Поварёнков. — Москва : Институт психологии РАН, 2005. — С. 360–384. EDN: SFTDUT
6. **Zilboorg, G.** Loneliness / G. Zilboorg // Atlantic Monthly. — January 1938. — P. 45–54.
7. **Sullivan, H. S.** The interpersonal theory of psychiatry / H. S. Sullivan. — New York : Psychology Press, 2001. — 416 p.
8. **Reichmann, F. F.** Loneliness / F. F. Reichmann // Psychiatry. — 1959. — Vol. 22. — No. 1. — P. 1–15. DOI: 10.1080/00332747.1959.11023153
9. **Роджерс, К.** Консультирование и психотерапия: новейшие подходы в области практической / К. Роджерс. — Москва : Психотерапия, 2006. — 507 с.
10. **Корчагина, С. Г.** Психология одиночества: учебное пособие / С. Г. Корчагина. — Москва : Московский психолого-социальный институт, 2008. — 228 с. EDN: TSTLQV

11. **Risman, D., Denney R., Glazer N.** The lonely crowd / D. Risman, R. Denney, N. Glazer. — New Haven : Yale University Press, 1950. — 188 p.
12. **Смирнова, А. О.** Социальное одиночество: сущность, типы, причины, методы преодоления / А. О. Смирнова // Вестник РГГУ. — 2010. — № 3(46). — С. 161–175.
13. **Перлман, Д.** Теоретические подходы к одиночеству / Д. Перлман // Лабиринты одиночества / сост., общ. ред. и предисл. Н. Е. Покровского. — Москва : Прогресс, 1989. — 624 с.
14. **Пепло, Л.** Одиночество и самооценка / Л. Пепло, М. Мицели, Б. Мораш // Лабиринты одиночества / сост., общ. ред. и предисл. Н. Е. Покровского. — Москва : Прогресс, 1989. — 623 с.
15. **Sadler, W. A.** Existence and love: new approach in existential phenomenology / W. A. Sadler. — New York : Charles Scribner's Sons, 1969. — 427 p.
16. **Jhonson, S. C.** Hierarchical clustering schemes / S. C. Jhonson // Psychometrika. — 1967. — No. 32. — P. 241–254.
17. **Шамионов, Р. М.** Субъектное благополучие личности / Р. М. Шамионов. — Саратов, 2008. — 296 с.

Информация об авторах:

Гневашева Вера Анатольевна, д.э.н., главный научный сотрудник Центра семьи и демографии Академии наук Республики Татарстан, Казань, Россия.

Контактная информация: vera_cos@rambler.ru; ORCID: 0000-0002-3596-661X; Researcher ID Web of Science: E-3157-2014; РИНЦ AuthorID: 298524.

Ильдарханова Чулпан Ильдусовна, д.социол.н., директор Центра семьи и демографии Академии наук Республики Татарстан; проф. Казанского филиала Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), Казань, Россия.

Контактная информация: e-mail: chulpanildusovna@gmail.com; ORCID: 0000-0002-3992-0336; РИНЦ AuthorID: 331216.

DOI: 10.19181/population.2023.26.1.3

DO MODERN RUSSIAN WOMEN CONSIDER THEMSELVES LONELY?

Vera A. Gnevasheva¹, Chulpan I. Ildarkhanova^{1,2*}

¹*Family and Demography Center of the Tatarstan Academy of Sciences
(36a Levo-Bulachnaya str., Kazan, Russia, 420111)*

²*Kazan Institute of the All-Russian State University
of Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russia
(14 Fatykh Amirkhan str., Kazan, Russia, 420126)*

**E-mail: chulpanildusovna@gmail.com*

Funding:

The article was prepared within the frames of the RSF grant № 22-28-01980 "Social loneliness: modeling new family constructs". URL: <https://rscf.ru/project/22-28-01980/>.

For citation:

Gnevasheva V.A., Ildarkhanova Ch.I. Do modern Russian women consider themselves lonely? Narodonasilenie [Population]. 2023. Vol. 26. No. 1. P. 29-38. DOI: 10.19181/population.2023.26.1.3 (in Russ.)

Abstract. *The architectonics of the authors' research reflects the paradoxes of public consciousness concerning the perception of the phenomenon of social loneliness through the prism of the completeness of family and the presence of children. The prerogative of material prosperity in the name of the prospects for future family well-being in the conditions of the modern labor market*

in some cases results in social loneliness, when the compensating result of a woman's life cycle is professional solvency in the absence of family and children. Social loneliness begins to lose its negative context in the perception of the individual himself, which is expressed in an increase in the proportion of Russians aged 30 to 45 years who have never been married. The authors reveal women's reflections on the phenomenon of social loneliness in the context of existing family constructs, as well as aspects of the stigmatization of single mothers and children growing up without a father. Objectively and from the standpoint of the interests of the demographic policy of the Russian Federation, postponing important demographic events to later ages increases the risks of social loneliness, expressed in lower chances of starting a family and having children. Subjectively, the segment of people who, according to various indicators can be considered lonely, is an established demographic and social reality and does not feel lonely. The study is aimed at clarifying the peculiarities of women's perception of social loneliness, their identification of their role in society, the significance of their main social positions for them, their wish to be involved in one or another social group. The results of the study are presented on the basis of a sociological survey conducted in the all-Russian format. The sample is characterized as continuous, random, at the last stage nested (one cluster of the sample is selected — women, N=1075). The initial processing of the empirical data provided an opportunity to draw a number of conclusions regarding the value orientations of women and their formation of social behavior in the context of building a professional, family and marital life trajectory. The research focus of presenting the results is on finding ways to minimize social loneliness in public perceptions.

Keywords: social loneliness, family, women, reproductive and marital behavior.

References and Internet sources

1. Yalom I.D. Ekzistentsial'naya psikhoterapiya [*Existential Psychotherapy*]. Moscow. 2014. 574 p. (in Russ.)
2. Berdyayev N. A. Samopoznaniye [*Self-Knowledge*]. Moscow. Eksmo. 2021. 544 p. (in Russ.)
3. Sartre J.— P. Ekzistentsializm — eto gumanizm [*L'Existentialisme est un humanisme*]. Transl. from French by M. Gretzky. Moscow. Izdatel'stvo inostrannoy literatury [Foreign Languages Publishing House]. 1953. 42 p. (in Russ.)
4. Labirinty odinochestva [*Labyrinths of Loneliness*]. Collection of articles. Transl. from English, comp., ed. by N. E. Pokrovsky. Moscow. Progress.1989. 624 p. (in Russ.)
5. Povarenkov Yu. P. Sistemogeneticheskaya kontseptsiya professional'nogo stanovleniya cheloveka [*System Genetic Concept of Professional Development of a Person*]. Moscow. Institut psikhologii RAN [Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences]. 2005. P. 360–384. (in Russ.)
6. Zilboorg G. Loneliness. *Atlantic Monthly*. January 1938. P. 45–54.
7. Sullivan H. S. *The Interpersonal Theory of Psychiatry*. New York. Psychology Press. 2001. 416 p.
8. Reichmann F. F. Loneliness. *Psychiatry*. 1959. Vol. 22. No. 1. P. 1–15. DOI:10.1080/00332747.1959.11023153
9. Rogers K. Konsul'tirovaniye i psikhoterapiya: noveyskiye podkhody v oblasti prakticheskoy [*Counseling and Psychotherapy: The Latest Approaches in the Field of Practice*]. Moscow. Psikhoterapiya [Psychotherapy]. 2006. 507 p. (in Russ.)
10. Korchagina S. G. Psikhologiya odinochestva [*Psychology of Loneliness*]. Textbook. Moscow. Moskovskiy psikhologosotsial'nyy institut [Moscow Psychological and Social Institute]. 2008. 228 p. (in Russ.)
11. Risman D., Denney R., Glazer N. *The Lonely Crowd*. New Haven. Yale University Press. 1950. 188 p.
12. Smirnova A. O. Sotsial'noye odinochestvo: sushchnost', tipy, prichiny, metody preodoleniya [Social loneliness: essence, types, reasons, methods of overcoming]. Vestnik RGGU [Bulletin of the Russian State University for the Humanities]. 2010. No. 3. Vol. 46. P. 161–175. (in Russ.)

13. Perlman D. Teoreticheskiye podkhody k odinochestvu [Theoretical approaches to loneliness]. In: Labirinty odinochestva [*Labyrinths of Loneliness*]. Collection of articles. Transl. from English, comp., ed. by N. E. Pokrovsky. Moscow. Progress. 1989. 624 p. (in Russ.)
14. Peplo L., Mitseli M., Morash B. Odinochestvo i samoostenka. [Loneliness and self-esteem]. In: Labirinty odinochestva [*Labyrinths of Loneliness*]. Transl. from English, comp., ed. by N. E. Pokrovsky. Moscow. Progress. 1989. 624 p. (in Russ.)
15. Sadler W.A. *Existence and Love: New Approach in Existential Phenomenology*. New York. Charles Scribner's Sons. 1969. 427 p.
16. Jhonson S. C. Hierarchical clustering schemes. *Psychometrika*. 1967. No. 32. P. 241–254.
17. Shamionov R. M. Sub'yektnoye blagopoluchiye lichnosti [*Subjective Well-Being of Person*]. Saratov. 2008. 296 p. (in Russ.)

Information about the authors:

Gnevasheva Vera Anatolyevna, Doctor of Economics, Professor, Chief Researcher, Family and Demography Center of the Tatarstan Academy of Sciences, Kazan, Russia.

Contact information: e-mail: vera_cos@rambler.ru, ORCID: 0000–0002–3596–661X, Researcher ID: E-3157–2014; Elibrary AuthorID: 298524.

Ildarkhanova Chulpan Ildusovna, Doctor of Sociology, Director, Family and Demography Center of the Tatarstan Academy of Sciences; Professor, Kazan institute (branch) of the All-Russian State University of Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russia), Kazan, Russia.

Contact information: e-mail: chulpanildusovna@gmail.com; ORCID: 0000–0002–3992–0336; Elibrary AuthorID: 331216.

Статья поступила в редакцию 01.09.2022, одобрена в печать 15.02.2023, опубликована 30.03.2023.

DOI: 10.19181/population.2023.26.1.4
EDN: MECYJU

ОЦЕНКА РЕПРОДУКТИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ И РОЖДАЕМОСТИ НА ПРИМЕРЕ СТЕПНЫХ РЕГИОНОВ РОССИИ

Туктамышева Л. М.^{1,2}, Чибилёв А. А. (мл.)¹,
Мелешкин Д. С.^{1*}, Григоревский Д. В.¹

¹Институт степи Уральского отделения РАН
(460000, Россия, Оренбург, ул. Пионерская, 11)

²Оренбургский государственный университет
(460000, Россия, Оренбург, проспект Победы, 13, корп. 3)

*E-mail: economgeo-is@mail.ru

Финансирование:

Статья подготовлена в рамках темы НИР «Проблемы степного природопользования в условиях современных вызовов: оптимизация взаимодействия природных и социально-экономических систем» № АААА-А21-121011190016-1.

Для цитирования:

Туктамышева Л. М., Чибилёв А. А. (мл.), Мелешкин Д. С., Григоревский Д. В. Оценка репродуктивного поведения и рождаемости на примере степных регионов России // Народонаселение. – 2023. – Т. 26. – № 1. – С. 39–54. DOI: 10.19181/population.2023.26.1.4; EDN: MECYJU

Аннотация. Статья посвящена исследованию репродуктивного поведения и прогнозу рождаемости в степных регионах России. Цель работы заключается в выявлении основных закономерностей и определяющих факторов репродуктивного поведения населения в регионах степной зоны России. В задачи исследования входило описание основных характеристик показателей рождаемости, установление ответственности различий в показателях репродуктивного поведения, расчёт интегрального показателя репродуктивного поведения и прогнозирование рождаемости в исследуемых регионах. В период 1990–2020 гг. на рассматриваемой территории отмечено общее сокращение численности населения на 847 тыс. человек, основными причинами которого является снижение естественного прироста населения и отрицательные показатели миграции. По регионам степной зоны наблюдается тенденция к увеличению территорий с более низкими коэффициентами рождаемости, растёт средний возраст матери при рождении первого ребёнка, наблюдаются процессы откладывания рождения детей и более позднего вступления в брак. Расчёт интегрального показателя позволил провести рейтинговую оценку степных регионов России по репродуктивному поведению. Установлено, что значение интегрального показателя репродуктивного поведения максимальное в Республике Калмыкия, минимальное — в Саратовской области. В результате моделирования и прогнозирования рождаемости в исследуемых регионах до 2025 г. было выявлено, что для большинства субъектов степной зоны прогнозы неутешительны. Равномерное снижение коэффициентов рождаемости наблюдается в 16 регионах, из которых наибольший спад прогнозируется в Республике Башкортостан (на 0,9 родившихся на 1000 человек), Республике Калмыкия (на 0,8) и Оренбургской области (на 0,8). Только в 2 регионах рассчитанные прогнозы имеют положительный тренд — в Белгородской (на 0,4) и Омской областях (на 0,6).

Ключевые слова: прогноз рождаемости, степные регионы, население, репродуктивное поведение, метод k-средних.

© Туктамышева Л. М., Чибилёв А. А. (мл.), Мелешкин Д. С., Григоревский Д. В., 2023.

Введение

Первые десятилетия XXI в. показали, что обеспечение устойчивого социально-экономического развития регионов России невозможно без адаптации мер демографической политики к изменяющимся условиям, когда эффект роста рождаемости от реализации конкретных мер со временем нивелируется внешними и внутренними факторами. Например, значительный положительный эффект материнского капитала на второго и последующих детей, проявившийся в конце первого десятилетия XXI в., постепенно снижался, а к концу второго десятилетия возникла необходимость разработки мер поддержки рождения первенцев, что обусловило запуск материнского капитала на первого ребёнка. Однако, оказываемая поддержка рождения первого и даже второго ребёнка не позволяет в ближайшем будущем обеспечить рост рождаемости. Противостоять естественной убыли населения можно только повышая уровень рождаемости за счёт увеличения детности семей. Процесс этот сложный и многогранный, и одним из основных его условий является изменение репродуктивного поведения населения.

Территория исследования представлена 18 степными регионами России (области Белгородская, Воронежская, Волгоградская, Ростовская, Оренбургская, Самарская, Саратовская, Курганская, Челябинская, Новосибирская, Омская, республики Адыгея, Калмыкия, Башкортостан, Крым и края Краснодарский, Ставропольский, Алтайский) [1, с. 921]. Объектом исследования является население степных регионов, предметом исследования — его репродуктивное поведение. Демографические риски для развития обширных приграничных территорий степной зоны страны обусловлены сокращением населения и уменьшением доли молодых людей в его структуре. Снижение численности населения, вступающего в трудоспособный возраст, серьёзно осложняет ситуацию на рынке труда, представляя собой один из сдерживающих факторов ре-

гионального социально-экономического развития.

Материалы и методы

Вопросы репродуктивного поведения и убыли населения в России, являются стратегическими для устойчивого развития страны. На уровне Правительства России разработан Национальный проект «Демография» и связанные с ним программы¹. Отечественными учёными по данной проблеме опубликовано значительное количество работ, в которых рассматриваются различные подходы и критерии изучения демографической ситуации в России и проведено сравнение её показателей с мировыми².

Вопросы развития демографических процессов в степных регионах России освещены в работах О.С. Рудневой и А.А. Соколова. Ими дана оценка состояния демографической безопасности регионов степной зоны, при которой анализ проводился на основе показателей рождаемости, смертности и естественного прироста населения. В результате авторами было выявлено, что демографическая ситуация в большинстве регио-

¹ Национальный проект «Демография» // Минтруд РФ: [сайт]. – URL: <https://mintrud.gov.ru/ministry/programms/demography> (дата обращения: 14.02.2022).

² В монографии О.Н.Калачиковой и А.А.Шабуновой изучая факторы, определяющие репродуктивное поведение населения, авторы выявили причины снижения эффективности демографической политики [2]. Анализируя позитивные и негативные тенденции демографического развития России, В.В.Локосов делает вывод о том, что «причина депопуляции российского общества» тесно связана с негативными последствиями неолиберального этапа трансформации общества [3]. Оценивая демографическую ситуацию, Н.В.Проказина делает вывод, что происходит уменьшение числа рождения детей на фоне снижения численности городской и сельской молодёжи [4]. При изучении демографических проблем России в XXI в., Ю.А.Симагин прогнозирует, что демографическая ситуация в России останется кризисной на протяжении нескольких десятилетий [5]. Проанализировав динамику демографических показателей в условиях пандемии COVID-19, Г.В.Семеко отмечает, что избыточная смертность в период пандемии превышает смертность от коронавируса [6]. Рассматривая социально-экономические факторы смертности от внешних причин, А.В.Кашепов сделал вывод, что она поддаётся регулированию, а смертность от COVID-19 хоть и продолжает расти, но её роль в общей смертности незначительна [7]. В исследованиях демографических процессов для оценки значимости уравнений регрессии в публикациях Т.В.Лебедевой и А.А.Мухина использовался F-критерий Фишера-Снедекора [8; 9].

нов степной зоны оценивается как кризисная, но с тенденцией к улучшению и переходу в предкризисную [10]. Проводя анализ качества жизни сельского населения в степной зоне России, выраженного в косвенных показателях (уровень смертности, развитие здравоохранения и образования), авторы выявили, что инфраструктура является значительным фактором эффективного экономического роста региона и повышения жизненного уровня населения [11]. На примере одного из субъектов степной зоны (Оренбургской области) О.Г. Павловская и А.К. Екимов с целью выявления закономерностей тенденции демографической ситуации, определили значения 23 признаков, отражающих социально-экономические показатели. Полученные данные были обработаны методом факторного анализа [12].

При составлении базы данных по 18 регионам степной зоны были использованы показатели из открытых источников Росстата, отражающие репродуктивное поведение населения. В её основу легли статистические сборники: «Регионы России», «Демографические ежегодники», а также данные, собранные из «Витрины статистических данных» за период 2019–2020 годов. Для анализа рождаемости населения расчёты проводились за 1990–2020 годы³. Расчёты производились с помощью прикладного программного пакета для эконометрического моделирования Gretl. Для установления существенности различий в показателях репродуктивного поведения степных регионов в 2019 и 2020 гг. были использованы критерий Фишера и критерий знаковых рангов Уилкоксона [13]. В силу того, что обычное сравнение средних значений показателей, в том числе и репродуктивного поведения и выводы по ним являются в определённой степени субъективными, авторами были использованы непараметрические критерии определения существенности различий. Используемые критерии не требуют нормального распределения совокупности и используются при объёмах выборки не

превышающих 25 наблюдений.

Для описания основных характеристик исследуемого показателя использовался визуальный метод «ящик с усами» (Boxplot) [14]. Он был разработан Д. Тьюки более 50 лет назад и с тех пор повсеместно применяется статистиками как самостоятельный метод для наглядного и доступного изложения характеристик распределения. «Ящик с усами» имеет ряд преимуществ и позволяет увидеть аномально высокие или низкие значения, изменения размаха колебаний, разместить на одном графике данные распределения более чем за один период. Края «усов» диаграммы соответствуют минимальному и максимальному значению показателя в выборке, расстояние между ними соответствует размаху вариации. Нижний край ящика соответствует 25% процентилю (1-й квартиль), верхний край — 75% процентилю (3-й квартиль). Внутри ящика отмечена медиана, которая показывает значение показателя, делящего ранжированный ряд пополам. При смещении медианы к какому-то краю ящика или при разной длине усов можно говорить об асимметрии распределения.

Интегральный показатель репродуктивного поведения рассчитан как линейная комбинация пяти показателей (X_1 — рождаемость; X_2 — число родившихся 3-ми и более; X_3 — суммарный коэффициент рождаемости; X_4 — возрастной коэффициент рождаемости до 30 лет; X_5 — возрастной коэффициент рождаемости после 30 лет), характеризующая латентный показатель с разными весами. Вес показателю присваивается в зависимости от важности признака для формирования интегрального показателя [15; 16, с. 447]. Весовые коэффициенты представляют собой элементы собственного вектора (соответствующего наибольшему собственному числу) корреляционной матрицы исходных признаков. При этом весовые коэффициенты удовлетворяют свойству нормированности — сумма их квадратов равна 1. Интегральный показатель разрабатывается на основе данных приведённых в безразмерный (сопоставимый) вид на

³ Росстат: [сайт]. — URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/12781> (дата обращения: 01.02.2022).

основе центрирования и нормирования, то есть применяется процедура позволяющая сопоставить не сопоставимые показатели. Сведение в интегральный показатель производится с учётом вклада каждого показателя в общую дисперсию.

Использование первой главной компоненты метода главных компонент позволяет не только объективно оценить эти веса, исходя из вклада вариации призна-

ков, но и решить проблему дублирования информации, то есть мультиколлинеарности. Первая главная компонента может быть использована как интегральный показатель в случае, если она позволит учесть не менее 55% информации, которые несут исходные показатели. Значения интегрального показателя Z_j определяются по формуле:

$$z_i = w_1 x_{i1} + w_2 x_{i2} + w_3 x_{i3} + w_4 x_{i4} + w_5 x_{i5}, \quad (1)$$

где $w_j, j=1, \dots, 5$ — веса пропорционально вкладу каждого j -го исходного показателя в интегральный показатель; x_{ij} — значение j -го показателя для i -го региона.

Для выделения однородных групп регионов по типу изменения репродуктивного поведения населения использован кластерный анализ⁴. Предварительное число кластеров определено на основе метода Уорда, не требующего задания числа кластеров. Окончательное разделение проведе-

но на основе метода k -средних, так как он требует задания числа кластеров, но даёт более устойчивый результат по сравнению с иерархическим методом. Кластерный анализ выполнен на основе данных абсолютного изменения указанных пяти показателей с 2019 по 2020 годы. Метод прогнозирования основан на методологии Бокса-Дженкинса моделей авторегрессии. Общий вид модели авторегрессии:

$$\Delta \eta_t = \alpha_1 \Delta \eta_{t-1} + \gamma k_t + \varepsilon_t, \quad (2)$$

где $\Delta \eta_t$ — прирост рождаемости в степном регионе РФ; α_1 — параметр авторегрессии; γ — параметр при переменной-переключателе; k_t — переменная переключатель, которая принимает значение 1 в периоды, в которых наблюдались самые низкие значения рождаемости по регионам (с 1993 по 2000 гг. и с 2020 по 2021 гг.) и 0 в другие периоды; ε_t — регрессионный остаток (случайная ошибка отклонения реального значения от модельного)⁴. Оценка параметров осуществлялась точным методом максимального правдоподобия в программном продукте Gretl. Выбор переключателя осуществлён на основе применения классификации без учителя к данным по рождаемости по степным регионам, где объектами выступили годы, а признаками классификации регионы. Параметры модели содержательно не интерпретируются, а преимущество модели состо-

ит в адаптивности и высоком качестве модели в краткосрочном прогнозировании.

Результаты и обсуждение

Анализ абсолютных и относительных данных выбранных показателей за период с 2019 по 2020 гг. показал рост числа родившихся детей по очередности рождения третьими и более в 15 исследуемых регионах, кроме Саратовской и Омской областей, Алтайского края. Максимальные значения прироста наблюдаются в Республике Башкортостан и Челябинской области — 980 и 697 родившихся третьими и далее по очередности рождения детей соответственно. Наибольшее снижение произошло в Алтайском крае, где с 2019 по 2020 гг. число родившихся третьими и более детей снизилось на 180 человек. Стоит отметить, что если рассматривать этот показатель относительно общего числа рождённых, то рост наблюдается повсеместно. Так, в Челябин-

⁴ Сошникова Л.А. и другие. Многомерный статистический анализ в экономике: учебное пособие для вузов. — Москва: ЮНИТИ, 1999. — С. 468.

ской области, республиках Башкортостан и Калмыкия доля рождённых третьими и более к общему числу рождённых увеличилась на 0,03%, в 9 исследуемых субъектах — на 0,02%, в 6 — на 0,01%.

Показатель числа родившихся детей у женщин, не состоявших в зарегистрированном браке, демонстрирует отрицательные значения в 11 регионах степной зоны. В Омской и Оренбургской областях родилось на 352 и 241 соответственно ребёнка меньше за рассматриваемый период. Высокий рост зафиксирован в Ставропольском крае (210 человек) и Алтайском крае (146 человек). Суммарный коэффициент рождаемости сокращается в более половине степных регионов. Так, максимальное снижение произошло в Саратовской и Белгородской областях — на 0,05 детей на 1 женщину. Повышение коэффициента произошло в Республике Адыгея — на 0,08. В 8 субъектах мезорегиона произошло снижение численности детей, родившихся живыми, на 1000 женщин в возрасте

как до 30 лет, так и после. В областях Белгородской (на 2,0 до 30 лет и на 1,2 после 30 лет) и Саратовской (на 2,5 и на 0,8 соответственно) снижение максимальное. В 5 регионах степной зоны России женщины в возрасте до 30 лет стали рожать меньше, в отличие от женщин после 30 лет, например, в Курганской области женщины в возрасте до 30 лет в 2020 г. родили на 3 ребёнка меньше, чем в 2019 г., а женщины после 30 лет — на 2 больше. В Ростовской области и Ставропольском крае складывается обратная ситуация, женщины в возрасте до 30 лет стали рожать больше, а после 30 — меньше. Рост по этим двум показателям отмечен в Республиках Калмыкия (на 4,8 до 30 лет и на 1,8 после 30 лет), Адыгея (2,4 и 2,2), Башкортостан (0,1 и 0,6).

Для анализа репродуктивного поведения населения степных регионов на основе существенности различий для данных за 2019 и 2020 гг. использованы непараметрические критерии знаков Фишера и критерий знаковых рангов Вилкоксона (табл. 1).

Таблица 1

Результаты проверки гипотезы об отсутствии различий между данными за 2019 и 2020 годы

Table 1

Results of testing the hypothesis about the absence of differences between the data for 2019 and 2020

Показатель репродуктивного поведения	Критерий знаков Фишера (p-value вероятность принятия нулевой гипотезы об отсутствии различий)	Критерий знаковых рангов Вилкоксона p-value вероятность принятия нулевой гипотезы об отсутствии различий)
Рождаемость, число родившихся на 1000 человек населения	Существенные различия на уровне значимости 1%, (p=0,000407)	Существенные различия на уровне значимости 1%, (p=0,001177)
Число родившихся 3-ми и более, человек	Существенные различия на уровне значимости 1%, (p=0,009522)	Существенные различия на уровне значимости 1%, (p=0,004970)
Число родившихся у женщин, не состоявших в зарегистрированном браке, человек	Нет существенных различий, (p=0,479500)	Нет существенных различий, (p=0,184085)
Суммарный коэффициент рождаемости, число детей на 1 женщину	Нет существенных различий, (p=0,238593)	Нет существенных различий, (p=0,150673)
Возрастной коэффициент до 30 лет, число родившихся живыми на 1000 женщин в возрасте до 30 лет	Существенные различия на уровне значимости 10%, (p=0,098960)	Существенные различия на уровне значимости 10%, (p=0,055339)
Возрастной коэффициент после 30 лет, число родившихся живыми на 1000 женщин в возрасте после 30 лет	Нет существенных различий, (p=0,813664)	Нет существенных различий, (p=0,878851)

Источник: составлено авторами по данным из официальных статистических сборников Росстата.

В качестве нулевой гипотезы принято отсутствие существенных различий в среднем уровне исследуемого показателя для 2019 и 2020 годов. Альтернативная гипотеза — в 2020 г. по сравнению с 2019 г. в исследуемом показателе произошёл существенный сдвиг в средних. Нулевая гипотеза принимается, если p -value (вероятность принятия нулевой гипотезы) больше 0,05 (уровень значимости 5%). Если нулевая гипотеза отвергается, то произошёл существенный сдвиг в средних в 2020 г. по сравнению с 2019 г. в исследуемом показателе. В 2020 г. существенные различия

наблюдались в показателях рождаемости, числе родившихся третьим ребёнком и более у женщины, а также возрастном коэффициенте рождаемости до 30 лет. Таким образом, можно сделать вывод, что женщины моложе 30 лет отложили решение о рождении детей на более поздний период.

Для визуального представления изменения распределения показателя «Рождаемость» (в %) в степных регионах в 2019 и 2020 гг. использован метод «ящика с усами» (рис. 1).

Построение двух ящиков позволяет

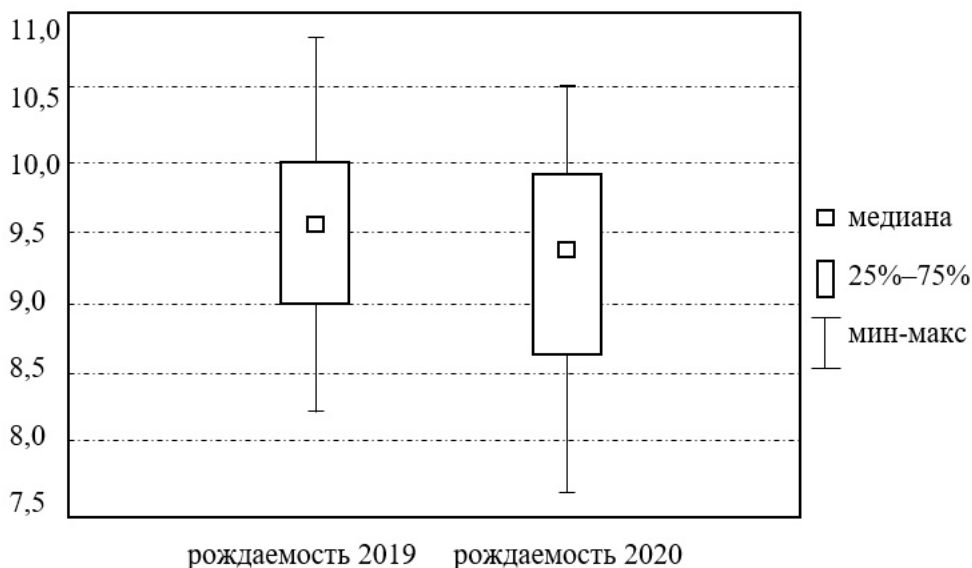

Рис. 1. График «ящик с усами» (рождаемость в %)

Fig. 1. Boxplot (birth rate in %)

Источник: составлено авторами по данным из официальных статистических сборников Росстата.

проводить сравнения в изменениях показателя в двух совокупностях. Из графика следует, что в 2020 г. существенно возросла вариация между квартилями коэффициента рождаемости в регионах. Так в 2019 г. нижний квартиль рождаемости составил 9%, а верхний — 10%, в 2020 г. эти показатели составили уже 8,6% и 9,9%, максимальный коэффициент ро-

ждаемости упал с 10,8% до 10,5%, а минимальный коэффициент рождаемости — с 8,3% до 7,7%.

Репродуктивное поведение рассматривается как сводная характеристика пяти показателей (рождаемость, число родившихся 3ми и более; суммарный коэффициент рождаемости; возрастной коэффициент рождаемости до 30 лет; возрастной

коэффициент рождаемости после 30 лет), неподдающаяся непосредственному количественному измерению. Построение интегрального показателя позволяет провести рейтинговую оценку степных регионов РФ по репродуктивному поведению. Интегральный показатель рассчи-

тан на основе метода первой главной компоненты. Формула линейной комбинации интегрального показателя с рассчитанными весовыми коэффициентами выглядит следующим образом:

$$z_i = 0,237x_1 + 0,167x_2 + 0,254x_3 + 0,231x_4 + 0,238x_5, \quad (3)$$

Полученные значения интегрального показателя не имеют единиц измерения и используются только для присвоения рейтинга региона в зависимости от репродуктивного поведения (табл. 2). Для удоб-

ства рейтинг регионов рассчитан от 1 путём суммирования значений интегрального показателя с поправочным коэффициентом (2,635873052) – рис. 2.

Выявление однородных групп иссле-

Таблица 2

Рейтинговая оценка регионов степной зоны России по репродуктивному поведению

Table 2

Rating assessment of the regions of the steppe zone of Russia by reproductive behavior

Регион	Значение интегрального показателя	Рейтинг
Саратовская область	-1,63587	1,00
Белгородская область	-1,60386	1,03
Воронежская область	-1,37408	1,26
Волгоградская область	-1,35498	1,28
Ростовская область	-0,7882	1,85
Самарская область	-0,54705	2,09
Алтайский край	-0,24815	2,39
Омская область	0,086144	2,72
Ставропольский край	0,146285	2,78
Челябинская область	0,260133	2,90
Республика Адыгея	0,281491	2,92
Оренбургская область	0,658087	3,29
Республика Башкортостан	0,788176	3,42
Новосибирская область	0,811949	3,45
Республика Крым	0,965966	3,60
Курганская область	1,115246	3,75
Краснодарский край	1,166652	3,80
Республика Калмыкия	1,272065	3,91

Источник: составлено авторами по данным из официальных статистических сборников Росстата.

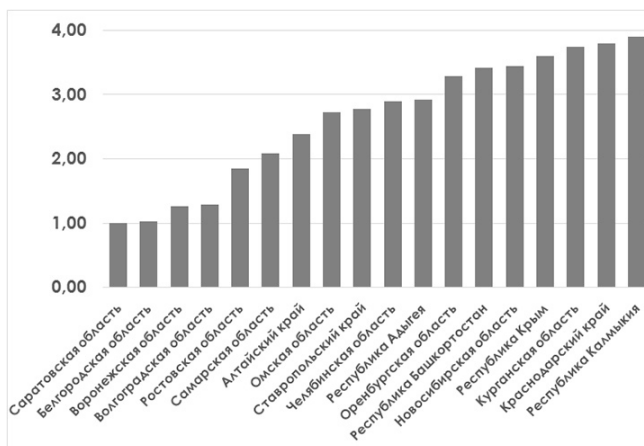

Рис. 2. Рейтинговая оценка степных регионов России по репродуктивному поведению

Fig. 2. Rating assessment of the steppe regions of Russia by reproductive behavior

Источник: составлено авторами по данным из официальных статистических сборников Росстата.

дугемых регионов по характеру изменения репродуктивного поведения населения демонстрирует проведённый кластерный анализ. По методу *k-means* степные регионы разделились на два кластера по 8 и 10 субъектов РФ в зависимости от изменения репродуктивного поведения по итогам пандемийного 2020 года. 1-й кластер включает в себя регионы: Белгородская, Волгоградская, Оренбургская, Самарская, Саратовская, Новосибирская, Омская области и Алтайский край. Во 2-й кластер вошли регионы: Воронежская, Ростовская, Курганская и Челябинская области, Республики Адыгея, Калмыкия, Крым и Башкортостан, Краснодарский и Ставропольский края, в которых суммарный коэффициент рождаемости вырос в 2020 г. по сравнению с 2019 г., выросла доля рождённых третьими и более к общему числу рождённых, а также выросли возрастные коэффициенты рождаемости до и после 30 лет на 0,15 и 0,76 соответственно. В регионах 1-го кластера проживает в среднем 71,3% городского населения, а в регионах 2-го кластера это показатель — 60,3%. На рис. 3 показан график средних центрировано-нормированных значений при-

знаков, который наглядно демонстрирует разный характер изменения репродуктивного поведения в регионах. График средних значений позволяет выявить характерные особенности для каждого кластера и охарактеризовать основные черты регионов, отнесённые к кластерам.

Согласно данным представленным в табл. 3 можно увидеть, что и в 1-м, и во 2-м кластере в среднем наблюдалось снижение рождаемости $-0,48\%$ и $-0,14\%$ соответственно, однако во 2-м кластере это снижение несущественно (в Республике Адыгея, вошедшей в этот кластер, в 2020 г. наблюдался прирост рождаемости на $0,4\%$). В обоих кластерах возросла доля рождённых третьими и более по счету родившихся у одной матери детей. Что касается возрастных коэффициентов рождаемости, то в 2020 г. наибольшее снижение наблюдалось в среднем коэффициенте рождаемости матерей до 30 лет в первом кластере ($-1,575\%$). При этом в регионах 2-го кластера этот показатель возрос на $0,15\%$. Это значит, что в 2020 г. женщины регионов 1-го кластера в возрасте до 30 лет в большей степени предпочитали не заводить детей. На это указывает и среднее значение числа

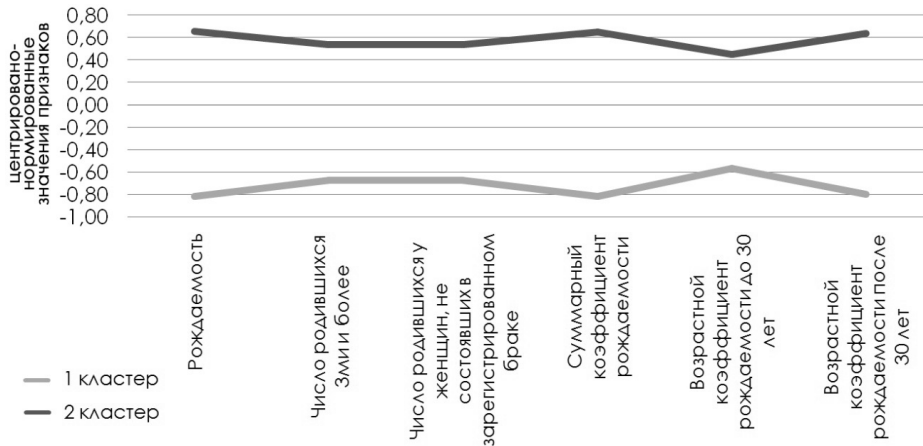

Рис. 3. График средних центрировано-нормированных значений абсолютных приростов (снижений) в 2020 году показателей репродуктивного поведения населения степных регионов по сравнению с данными 2019 года

Fig. 3. Graph of average centered-normalized values of the absolute increases (decreases) in 2020 in indicators of the reproductive behavior of the population of the steppe regions compared to 2019 data
Источник: составлено авторами по данным из официальных статистических сборников Росстата.

аборт. Расчёты показали, что на 100 родов в 1-м кластере приходилось 43 аборта, а во 2-м кластере 33 аборта. Анализ общего коэффициента ро-

Таблица 3

Средние значения изменения показателей репродуктивного поведения в степных регионах в 2020 году по сравнению с 2019 годом

Table 3

Average values of increases (decreases) in indicators of reproductive behavior in the steppe regions in 2020 compared to 2019

Кластер	Рождаемость, на 1000 человек	Родившиеся живыми 3 и более	Доли рождённых третьими и более к общему числу рождённых	Число родившихся у женщин, не состоявших в зарегистрированном браке	Суммарный коэффициент рождаемости	Возрастной коэффициент рождаемости до 30 лет	Возрастной коэффициент рождаемости после 30 лет
Средние значения абсолютных приростов (снижений) в 2020 году по сравнению с 2019 годом							
Кластер 1	-0,4875	9,125	0,015	-152,5	-0,03463	-1,575	-0,7
Кластер 2	-0,14	360,7	0,021	25,6	0,011	0,15	0,76
Средние значения показателей в 2020 году							
Кластер 1	8,77	5197,9	0,254	4277,7	1,383	55,9	27,01
Кластер 2	9,56	6584,3	0,288	4939,5	1,488	59,9	29,25

Источник: составлено авторами по данным из официальных статистических сборников Росстата.

ждаемости проводился за 1990–2021 гг. по 17 степным регионам, кроме Республике Крым из-за отсутствия статистических данных за рассматриваемый период. Графики динамики коэффициентов рождаемости в 1990–2021 гг. всех исследуемых регионов имеют «волнообразный вид», с экстремумами максимума в 1990 и 2014 гг. и экстремумами минимума в 1999 и 2020 годах. По результатам прогнозирования, согласно модели (2), в большинстве степных регионов ожидается снижение рождаемости в ближайшие два года, что будет связано с кризисными явлениями, связанными с эпидемиологи-

ческой и внешнеполитической ситуацией. К концу прогнозируемого периода в ряде регионов будет наблюдаться замедление падения рождаемости и сохранении его на одном уровне, что будет связано с тем, что в фертильный возраст входят поколения детей начала 2000-х гг., когда начался рост рождаемости в РФ (табл. 4). Пространственное распределение результатов исследования представлено на карте-схеме дифференциации регионов степной зоны России по репродуктивному поведению (рис. 4).

Таблица 4

Результаты моделирования и прогнозирования рождаемости в степных регионах до 2025 года

Table 4

Results of fertility modeling and forecasting in the steppe regions till 2025

Регион	Оценка параметра при авторегрессии (расчётное значение a_1)	Оценка параметра при переменном переключателе (расчётное значение γ)	Прогноз общих коэффициентов рождаемости в %			
			2022	2023	2024	2025
Белгородская область	0,658	-0,361	8,0	8,0	8,4	8,4
Воронежская область	0,629	-0,384	8,0	8,0	7,6	7,6
Республика Адыгея	0,535	0,591	10,1	10,1	9,6	9,6
Республика Калмыкия	0,688	0,426	9,5	9,3	8,8	8,7
Краснодарский край	0,668	0,663	9,9	9,5	9,3	9,2
Волгоградская область	0,704	0,568	7,5	7,2	7,0	6,9
Ростовская область	0,658	0,565	8,2	7,9	7,7	7,6
Ставропольский край	0,529	0,586	9,5	9,4	8,8	8,8
Республика Башкортостан	0,655	0,618	9,5	9,4	8,6	8,6
Оренбургская область	0,651	0,561	9,3	9,2	8,6	8,5
Самарская область	0,581	0,541	8,5	8,3	8,2	8,1
Саратовская область	0,661	0,754	7,2	6,9	6,7	6,5
Курганская область	0,685	0,793	8,8	8,8	8,0	7,9
Челябинская область	0,621	0,622	9,4	9,2	9,0	9,0
Алтайский край	0,685	0,435	8,1	8,0	7,4	7,4
Новосибирская область	0,684	0,448	9,8	9,6	9,4	9,3
Омская область	0,546	-0,588	9,1	9,1	9,7	9,7
Республика Крым	0,623	-	9,4	9,3	9,2	9,2

Источник: составлено авторами по данным из официальных статистических сборников Росстата.

Рис. 4. Дифференциация регионов степной зоны России по репродуктивному поведению

Fig. 4. Differentiation of the regions of the steppe zone of Russia by reproductive behavior

Источник: составлено авторами по данным из официальных статистических сборников Росстата.

В результате кластерного анализа выявлены и сгруппированы регионы со схожим характером изменения (в 2020 г. по сравнению с 2019 г.) репродуктивного поведения населения, причём картосхема показывает, что регионы 1-го кластера приурочены к западной и восточной части территории, а регионы 2-го кластера — к центральной и юго-западной части. Картосхема демонстрирует не только региональные диспропорции распределения индексов, но и различия результатов применяемых методов за счёт введения дополнительных коэффициентов, отражающих степень влияния каждого показателя на интегральный. Кластеризация проведена для выявления групп регионов и не в полной мере коррелирует с интегральным показателем. Так, в 1-й кластер, характеризующийся снижением исследуемых показателей, вошли регионы с интегральными рейтингами выше среднего: области Новосибирская (2,71) и Оренбургская (2,66), а во 2-й кластер с интегральными показателями ниже

среднего вошли области Ростовская (1,21) и Воронежская (0,63).

Выводы

Результаты прогноза рождаемости неутешительны для большинства регионов степной зоны России. Равномерное снижение коэффициентов рождаемости наблюдается в 16 регионах, из которых наибольший спад прогнозируется в Республике Башкортостан — на 0,9%, Республике Калмыкия (на 0,8%) и Оренбургской области (на 0,8%). Только в 2 регионах рассчитанные прогнозы имеют положительный тренд — в Белгородской (на 0,4%) и Омской областях (на 0,6%).

Анализ возрастных коэффициентов рождаемости проводился по данным 2000–2020 годов. Экстремумы минимумов возрастных коэффициентов рождаемости у женщин, как до, так и после 30 лет во всех регионах степной зоны России приходятся на начало исследуемого периода. Период с 2014 по 2015 гг. характеризуется тем, что

в большинстве регионов наблюдался рост рождаемости у женщин в возрасте до 30 лет, а период с 2015 по 2016 гг. — рост рождаемости у женщин в возрасте после 30 лет. Таким образом, пик рождаемости пришёлся на 2015 г., после которого фиксируется повсеместный спад, в некоторых регионах он доходит до уровня 2000 года. Среди всех исследуемых регионов наибольшие значения коэффициентов рождаемости до 30 лет в областях Курганской (97,2 родившихся живыми на 1000 женщин в возрасте до 30 лет в 2013 г.) и Оренбургской (92,2 родившихся живыми на 1000 женщин в возрасте до 30 лет в 2013 г.), а после 30 лет — в Курганской области (37,1 родившихся живыми на 1000 женщин в возрасте после 30 лет в 2015 г.) и Республике Башкортостан (36,3 родившихся живыми на 1000 женщин в возрасте после 30 лет в 2014 г.).

В период 1990–2020 гг. на рассматриваемой территории отмечается общее сокращение численности населения на 847 тыс. человек, основными причинами которого является снижение естественного прироста населения и отрицательные показатели миграции. Если в 1990 г. численность трудоспособного населения составляла 25,3 млн. человек, то в 2020 г. этот по-

казатель составил 24,6 млн. человек. Для понимания внутренних закономерностей и специфики самого процесса воспроизводства населения в степной зоне России необходимо более углублённое изучение происходящей трансформации в возрастной структуре населения.

Возможности увеличения численности населения рассматриваемой территории напрямую зависят от развития демографического потенциала и наличия благоприятных условий и факторов, влияющих на репродуктивное поведение населения. Вместе с этим, миграционная убыль оказывает влияние не только с точки зрения современных потерь численности населения, но и влияет на то, каким оно будет в будущем. По регионам степной зоны наблюдается тенденция к увеличению территорий с более низкими коэффициентами рождаемости, растёт средний возраст матери при рождении первого ребёнка, наблюдаются процессы откладывания рождения детей и более позднего вступления в брак. Настоящее исследование может быть дополнено исследованиями репродуктивного поведения на основе социологических обследований ключевых (модельных) территорий степной зоны.

Литература и интернет источники

1. **Чибилёв, А. А. (мл.)** Административно-территориальная характеристика степной зоны РФ / А. А. Чибилёв (мл.) // Степи Северной Евразии: Материалы VII международного симпозиума — Оренбург : ИС УрО РАН, 2015. — С. 920–924. EDN: UKZDKV
2. **Калачикова, О. Н.** Репродуктивное поведение как фактор воспроизводства населения: тенденции и перспективы: монография / О. Н. Калачикова, А. А. Шабунова — Вологда : ИСЭРТ РАН, 2015. 172 с. EDN: TXDCGL
3. **Локосов, В. В.** Демографическое развитие России: динамика и социально-экономические риски / В. В. Локосов // Вестник российской академии наук. — 2020. — Т. 90. — № 3. — С. 251–258. EDN: BOPSEX
4. **Проказина, Н. В.** Демографическая ситуация в регионе: особенности репродуктивного поведения населения / Н. В. Проказина // Среднерусский вестник общественных наук. — 2019 — Т. 14. — № 6. — С. 190–200. DOI: 10.22394/2071-2367-2019-14-6-190-200; EDN: XTSHPV
5. **Симагин, Ю. А.** Результаты исследований демографических проблем России в XXI веке / Ю. А. Симагин // Народонаселение. — 2021. — Т. 24. — № 4. — С. 4–22. DOI: 10.19181/population.2021.24.4.1; EDN: GQUdHJ
6. **Семеко, Г. В.** Демографическое развитие в условиях пандемии COVID-19: вызовы для экономики / Г. В. Семеко // Экономические и социальные проблемы России. — 2021. — № 3. — С. 123–140. EDN: AOIUAN

7. **Кашепов, А. В.** Социально-экономические факторы смертности в период с 2000 по 2020 гг. / А. В. Кашепов // Социально-трудовые исследования.— 2020.— № 3(40).— С. 18–30. DOI: 10.34022/2658–3712–2020–40–3–18–30; EDN: DUNFIM
8. **Лебедева, Т. В.** Развитие методов периодизации демографических процессов / Т. В. Лебедева // Интеллект. Инновации. Инвестиции.— 2019.— № 5.— С. 86–93. EDN: NNUU9Q
9. **Мухин, А. А.** Применение методов статистического моделирования в оценке факторных зависимостей численности населения Российской Федерации / А. А. Мухин // Вестник Удмуртского университета. Серия экономика и право.— 2016.— Т. 26.— № 3.— С. 29–39. EDN: WNNFMV
10. **Руднева, О. С.** Прогноз пространственного развития территорий на основе анализа демографической безопасности регионов степной зоны / О. С. Руднева, А. А. Соколов // Вестник Челябинского государственного университета. Экономические науки. Вып. 63.— 2018.— № 12(422).— С. 81–87. DOI 10.24411/1994–2796–2018–11209; EDN: VRGMDU
11. **Руднева, О. С.** Демографические предпосылки формирования устойчивого развития сельских территорий степной зоны России / О. С. Руднева, А. А. Соколов // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Экономика и менеджмент.— 2017.— Т. 11.— № 4.— С. 13–21. EDN: ZWGYHZ
12. **Павловская, О. Г.** Современные тенденции демографической ситуации в Оренбургской области / О. Г. Павловская, А. К. Екимов // Оренбургский медицинский вестник.— 2021.— Т. 9.— № 3(35).— С. 51–55. EDN: OZDUKU
13. **Fisher, R. A.** Statistical Methods for Research Workers / R. A. Fisher, S. Kotz, N. L. Johnson // Breakthroughs in Statistics.— 1992.— P. 66–70. DOI: 10.1007/978–1–4612–4380–9_6
14. **Frigge, M.** Some Implementations of the Boxplot / M. Frigge, D. C. Hoaglin, B. Iglewicz // The American Statistician.— 1989.— Vol. 43(1).— P. 50–54. DOI: 10.2307/2685173
15. **Айвазян, С. А.** Эмпирический анализ синтетических категорий качества жизни населения / С. А. Айвазян // Экономика и математические методы.— 2003.— Т. 39.— № 3.— С. 19–53. EDN: OOOMWN1
16. **Реннер, А. Г.** К вопросу о ранжировании объектов исследования по изучаемому латентному показателю / А. Г. Реннер, О. И. Стебунова // Вестник ОГУ.— 2014.— № 14(175).— С. 447–451. EDN: VATZLD

Сведения об авторах:

Туктамышева Лилия Мухаммадиевна, к.э. н., научный сотрудник отдела социально-экономической географии Института степи Уральского отделения Российской академии наук; доцент кафедры математических методов и моделей в экономике Оренбургского государственного университета, Оренбург, Россия.

Контактная информация: e-mail: lmtuktamisheva@mail.ru; ORCID: 0000–0002–0633–6766; РИНЦ AuthorID: 632647.

Чибилёв Александр Александрович, к.э. н., зав. отделом социально-экономической географии Института степи Уральского отделения Российской академии наук, Оренбург, Россия.

Контактная информация: e-mail: a.a.ml@mail.ru; ORCID: 0000–0003–1109–6231; РИНЦ AuthorID: 717517.

Мелешкин Дмитрий Сергеевич, младший научный сотрудник отдела социально-экономической географии Института степи Уральского отделения Российской академии наук, Оренбург, Россия.

Контактная информация: e-mail: economgeo-is@mail.ru; ORCID: 0000–0001–8023–3071; РИНЦ AuthorID: 808065.

Григорьевский Дмитрий Владимирович, научный сотрудник отдела социально-экономической географии Института степи Уральского отделения Российской академии наук, Оренбург, Россия.

Контактная информация: e-mail: grag92@mail.ru; ORCID: 0000–0003–2354–3035; РИНЦ AuthorID: 808029.

DOI: 10.19181/population.2023.26.1.4

ASSESSMENT OF REPRODUCTIVE BEHAVIOR AND FERTILITY ON THE EXAMPLE OF THE STEPPE REGIONS OF RUSSIA

Lilia M. Tuktamysheva^{1,2}, Alexander A. Chibilyov (jr.)¹,
Dmitry S. Meleshkin^{1*}, Dmitry V. Grigorevsky¹

¹*Institute of Steppe of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences
(11 Pionerskaya str., Orenburg, Russia, 460000)*

²*Orenburg State University
(13 building 3 Victory prospect, Orenburg, Russia, 460000)*

*E-mail: economgeo-is@mail.ru

Funding:

The article was prepared within the frames of the study “Problems of steppe land use in the context of modern challenges: optimization of the interaction of natural and socio-economic systems” № AAAA-A21-121011190016-1

For citation:

Tuktamysheva L.M., Chibilyov A.A. (jr.), Meleshkin D.S., Grigorevsky D.V. Assessment of reproductive behavior and fertility on the example of the steppe regions of Russia. *Narodonaselenie [Population]*. 2023. Vol. 26. No. 1. P. 39–54. DOI: 10.19181/population.2023.26.1.4 (in Russ.)

Abstract. *The article is devoted to the study of reproductive behavior and fertility forecast in the steppe regions of Russia. The purpose of the work is to identify the main patterns and determinants of the reproductive behavior of population in the regions of the steppe zone of Russia. The objectives of the study included a description of the main characteristics of fertility indicators, establishing the significance of differences in reproductive behavior indicators, calculating an integral indicator of reproductive behavior and predicting fertility in the regions under study. In the period 1990–2020 in the territory under consideration, there was a general decrease in the population by 847 thousand people, the main reasons for which were a decrease in the natural population growth and negative migration rates. In the regions of the steppe zone, there is a tendency to increase in the territories with lower birth rates, the average age of a mother at the birth of her first child is growing, there are processes of postponing the birth of children and later marriage. Calculation of the integral indicator made it possible to conduct a rating assessment of the steppe regions of Russia in terms of reproductive behavior. As a result, the values of the integral indicator of reproductive behavior are maximum in the Republic of Kalmykia, and minimum in Saratov oblast. As a result of modeling and forecasting the birth rate in the studied regions till 2025, it was found that the forecasts for most subjects of the steppe zone are disappointing. A uniform decrease in fertility rates is observed in 16 regions, of which the largest decline is forecast in the Republic of Bashkortostan – by 0.9 births per 1,000 people, the Republic of Kalmykia (by 0.8) and Orenburg oblast (by 0.8). Only in 2 regions the calculated forecasts have a positive trend – in Belgorod (by 0.4) and Omsk (by 0.6) oblasts.*

Keywords: *birth rate forecast, steppe regions, population, reproductive behavior, k-means method.*

References and Internet sources

1. Chibilyov A. A. (jr). Administrativno-territorial'naya kharakteristika stepnoy zony RF [Administrative-territorial characteristics of the steppe zone of the Russian Federation]. Stepi Severnoy Evrazii: Materialy 7 mezhdunarodnogo simpoziuma [Steppes of Northern Eurasia: Proceedings of the VII International Symposium]. Orenburg. IS UrO RAN [IS UB RAS]. 2015. P. 920–924. (in Russ.)
2. Kalachikova O. N., Shabunova A. A. Reproktivnoye povedeniye kak faktor vosproizvodstva naseleniya: tendentsii i perspektivy [Reproductive Behavior as a Factor of Population Reproduction: Trends and Prospects]. Vologda. ISERT RAN [Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences]. 2015. 172 p. (in Russ.)
3. Lokosov V. V. Demograficheskoye razvitiye Rossii: dinamika i sotsial'no-ekonomicheskiye riski [Demographic development of Russia: dynamics and socio-economic risks]. Vestnik rossiiskoy akademii nauk [Herald of the Russian Academy of Sciences]. 2020. Vol. 90. No. 3. P. 251–258. (in Russ.)
4. Prokazina N. V. Demograficheskaya situatsiya v regione: osobennosti reproductivnogo povedeniya naseleniya [Demographic situation in the region: features of reproductive behavior of the population]. Srednerusskiy vestnik obshchestvennykh nauk [Central Russian Journal of Social Sciences]. 2019. Vol. 14. No. 6. P. 190–200. DOI: 10.22394/2071–2367–2019–14–6–190–200 (in Russ.)
5. Simagin Yu. A. Rezul'taty issledovaniy demograficheskikh problem Rossii v 21 veke [Results of the study of demographic problems in Russia in the 21st century]. Narodonaselenie [Population]. 2021. Vol. 24. No. 4. P. 4–22. DOI: 10.19181/population.2021.24.4.1 (in Russ.)
6. Semeko G. V. Demograficheskoye razvitiye v usloviyakh pandemii COVID-19: vyzovy dlya ekonomiki [Demographic development in the context of the COVID-19 pandemic: challenges for the economy]. Ekonomicheskiye i sotsial'nyye problemy Rossii [Economic and Social Problems of Russia]. 2021. No. 3. P. 123–140. (in Russ.)
7. Kashepov A. V. Sotsial'no-ekonomicheskiye factory smertnosti v period s 2000 po 2020 gg. [Socio-economic factors of mortality in the period from 2000 to 2020]. Sotsial'no-trudovyye issledovaniya [Social and Labor Research]. 2020. No. 3(40). P. 18–30. DOI: 10.34022/2658–3712–2020–40–3–18–30 (in Russ.)
8. Lebedeva T. V. Razvitiye metodov periodizatsii demograficheskikh protsessov [Development of methods for periodization of demographic processes]. Intellekt. Innovatsii. Investitsii [Intellect. Innovations. Investments]. 2019. No. 5. P. 86–93. (in Russ.)
9. Mukhin A. A. Primeneniye metodov statisticheskogo modelirovaniya v otsenke faktornykh zavisimostey chislennosti naseleniya Rossiiskoy Federatsii [Application of statistical modeling methods to the estimation of factor dependencies of the Russian Federation population]. Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya ekonomika i pravo [Bulletin of Udmurt University. Series Economics and Law]. 2016. Vol. 26. No. 3. P. 29–39. (in Russ.)
10. Rudneva O. S., Sokolov A. A. Prognoz prostranstvennogo razvitija territorij na osnove analiza demograficheskoy bezopasnosti regionov stepnoy zony [Forecast of spatial development of territories on the basis of the analysis of demographic security of the regions of the steppe zone]. Vestnik Cheljabinskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of Chelyabinsk State University]. 2018. No. 12(422). P. 81–87. DOI 10.24411/1994–2796–2018–11209 (in Russ.)
11. Rudneva O. S., Sokolov A. A. Demograficheskije predposylki formirovaniya ustojchivogo razvitija sel'skih territorij stepnoy zony Rossii [Demographic basis for forming sustainable development of rural territories of the steppe zone of Russia]. Vestnik Juzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika i menedzhment [Bulletin of the South Ural State University. Series: Economics and Management]. 2017. Vol. 11. No. 4. P. 13–21. (in Russ.)
12. Pavlovskaja O. G., Ekimov A. K. Sovremennyye tendentsii demograficheskoy situatsii v Orenburgskoy oblasti [Current trends in the demographic situation in the Orenburg region]. Orenburgskij meditsinskij vestnik [Orenburg Medical Bulletin]. 2021. Vol. 9. No. 3(35). P. 51–55. (in Russ.)
13. Fisher R. A., Kotz S., Johnson N. L. Statistical methods for research workers. *Breakthroughs in Statistics*. 1992. P. 66–70. DOI: 10.1007/978–1–4612–4380–9_6

14. Frigge M., Hoaglin D. C., Iglewicz B. Some implementations of the boxplot. *The American Statistician*. 1989. Vol. 43(1). P. 50–54. DOI: 10.2307/2685173
15. Ayvazian S. A. Empiricheskiy analiz sinteticheskikh kategoriy kachestva zhizni naseleniya [Empirical analysis of the population's life quality synthesized categories]. *Ekonomika i matematicheskiye metody [Economics and Mathematical Methods]*. 2003. Vol. 39. No. 3. P. 19–53. (in Russ.)
16. Renner A. G., Stebunova O. I. K voprosu o ranzhirovaniy ob'yektov issledovaniya po izuchaemomu latentnomu pokazatelyu [On the issue of ranking research objects by the studied latent indicator]. *Vestnik OGU [Bulletin of Orenburg State University]*. 2014. No. 14(175). P. 447–451. (in Russ.)

Information about the authors:

Tuktamysheva Lilia Mukhammadievna, Candidate of Economics, Researcher, Institute of Steppe of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences; Associate Professor, Orenburg State University, Orenburg, Russia.

Contact information: e-mail: lmtuktamisheva@mail.ru; ORCID: 0000–0002–0633–6766; Elibrary AuthorID: 632647.

Chibilyov Alexander Alexandrovich (jr.), Candidate of Economics, Head of Department, Institute of Steppe of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Orenburg, Russia.

Contact information: e-mail: a.a.ml@mail.ru; ORCID: 0000–0003–1109–6231; Elibrary AuthorID: 717517.

Meleshkin Dmitry Sergeevich, Junior Researcher, Institute of Steppe of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Orenburg, Russia.

Contact information: e-mail: economgeo-is@mail.ru; ORCID: 0000–0001–8023–3071; Elibrary AuthorID: 808065.

Grigorevsky Dmitry Vladimirovich, Researcher, Institute of Steppe of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Orenburg, Russia.

Contact information: e-mail: grag92@mail.ru; ORCID: 0000–0003–2354–3035; Elibrary AuthorID: 808029.

Статья поступила в редакцию 13.05.2022, одобрена в печать 15.02.2023, опубликована 30.03.2023.

DOI: 10.19181/population.2023.26.1.5
EDN: NLQTTN

ФАКТОРЫ ВЛИЯНИЯ НА РЕШЕНИЕ О РОЖДЕНИИ РЕБЁНКА И КОЛИЧЕСТВЕ ДЕТЕЙ У ЖЕНЩИН В РОССИИ

Филимонова И. В.^{1,2,*}, Ивершинь А. В.², Комарова А. В.^{1,2}, Кривошеева О. И.²

¹Институт экономики и организации промышленного
производства Сибирского отделения РАН
(630090, Россия, Новосибирск, ул. Лаврентьева, 17)

²Новосибирский государственный университет
(630090, Россия, Новосибирск, ул. Пирогова, 1)

E-mail: filimonoivaiv@list.ru

Финансирование:

Работа выполнена по плану НИР Института экономики и организации промышленного производства Сибирского отделения РАН, проект 5.6.6.4. (0260–2021–0008) «Методы и модели обоснования стратегии развития экономики России в условиях меняющейся макроэкономической реальности».

Для цитирования:

Филимонова И. В., Ивершинь А. В., Комарова А. В., Кривошеева О. И. Факторы влияния на решение о рождении ребёнка и количестве детей у женщин в России // Народонаселение. – 2023. – Т. 26. – № 1. – С. 55–69. DOI: 10.19181/population.2023.26.1.5; EDN: NLQTTN

Аннотация. Показатель рождаемости имеет особое место среди демографических факторов, определяющих рост численности населения. Решение проблемы низкой рождаемости в России заключается в выстраивании эффективной государственной демографической политики, основанной на стимулировании ключевых детерминантов воспроизводственного процесса. Работа посвящена выявлению ключевых факторов принятия решения о рождении ребёнка в российских семьях, понимание которых позволит обосновать пути повышения эффективности демографической политики по стимулированию рождаемости. Для исследования факторов рождаемости были построены две эконометрические модели: логистическая регрессия для зависимой переменной факта рождения ребёнка в течение года и порядковая логистическая регрессия для количества имеющихся детей. В моделях учтена проблема эндогенности — был использован метод инструментальных переменных. В качестве основного источника данных выступает база данных RLMS HSE. Первичный анализ данных показал, что в России продолжается переход к европейскому типу семьи: наблюдается рост возраста, в котором женщины рожают детей, распространяются внебрачные союзы. В результате регрессионного анализа выявлено, что наибольшее влияние на вероятность женщиной рождения ребёнка в течение года оказывают личностные и социально-экономические факторы, а также условия труда. На количество имеющихся у женщины детей влияют все типы факторов, в особенности — социально-экономические факторы и условия работы. Семьи, не уверенные в своей будущей материальной стабильности, в том числе своих жилищных условий, менее склонны иметь большое количество детей. Даны рекомендации для повышения эффективности государственной демографической политики в России.

Ключевые слова: рождаемость, факторы рождаемости, демографическая политика, репродуктивное поведение.

© Филимонова И. В., Ивершинь А. В., Комарова А. В., Кривошеева О. И., 2023.

Рождаемость как один из фундаментальных факторов экономического роста

Одним из главных приоритетов социально-экономического развития России является рост численности населения, что зафиксировано в ряде стратегических документов федерального уровня — Концепции демографической политики РФ до 2025 г., Национальном проекте «Демография» и ряде других. Отмечается, что коэффициент рождаемости в России нестабилен: наблюдаются фазы подъёма и спада, при этом колебания и временные сдвиги фаз динамики суммарного коэффициента рождаемости частично связаны с политическими вмешательствами [2]. Вместе с тем, остаётся актуальным вопрос о том, какие меры по поддержанию численности населения в России являются наиболее эффективными, и какие направления демографической политики целесообразно скорректировать.

Особое место в поддержании и росте численности населения страны занимает показатель рождаемости — важнейший демографический фактор, влияющий на воспроизводство населения и как следствие на темпы экономического роста. Согласно исследованию, опубликованному в журнале *The Lancet*, с 1950 г. общий глобальный коэффициент фертильности снизился вдвое [1]. Проблема низкой рождаемости актуальна и для России: в 2020 г. суммарный коэффициент рождаемости (среднее количество детей у российских женщин) составлял 1,50, однако для обеспечения простого воспроизводства коренного населения России данный показатель должен был достигнуть 2,1. Таким образом, уровень рождаемости в России находится на крайне низком уровне. Несмотря на наличие демографических циклов, даже в их возрастающей фазе естественный прирост населения в ‰ близок к нулю (рис. 1).

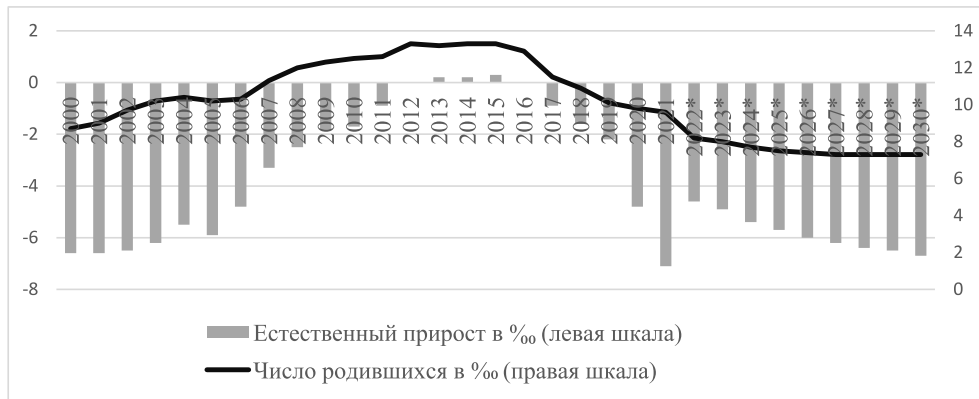

Рис. 1. Показатели естественного прироста и числа родившихся в России в 2000–2030 годах
Fig. 1. Indicators of natural increase and number of births in Russia in 2000–2030

Источник: Естественное движение населения, демографический прогноз до 2035 г. // Росстат: [сайт]. — URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/12781> (дата обращения: 19.08.2022).

По мнению ряда исследователей, снижение рождаемости в России обусловлено увеличением доли женщин, имеющих одного ребёнка, при этом заметно существенное снижение коэффициента

рождаемости для второго ребёнка. Кроме того, снижение рождаемости в России сопровождается смещением возрастной структуры рожающих женщин — растёт доля женщин, впервые рожающих в воз-

расте 25 лет и старше [3]. Исследователи отмечают, что снижение рождаемости приводит к старению населения и замедлению темпов долгосрочного экономического роста [4; 5]. Это также, вероятно, оказывает давление на темпы роста производства, естественный уровень безработицы и долгосрочную равновесную процентную ставку [6; 7]. Более того, снижение плотности населения препятствует инновациям, передаче технологий и обмену знаниями, которые стимулируют производительность труда и капитала и, следовательно, рост доходов [8; 9]. Кроме того, высокий коэффициент доли пожилых людей в структуре населения увеличивает расходы на здравоохранение и пенсии, что приводит к уменьшению инвестиций в образование, исследования и разработки [10].

Поскольку рождаемость влияет на рост численности населения и его возрастную структуру, происходящие в настоящее время изменения рождаемости будут иметь широкие последствия для экономического развития и всей системы социального обеспечения в ближайшем будущем [11]. Многие исследователи отмечают, что в европейских странах, в том числе в России, сложно прогнозировать будущую динамику показателя фертильности ввиду того, что среди населения данных стран нет объединяющего ориентира, который помог бы предсказать изменения в тенденциях рождаемости [2].

Методика исследования

Для выявления факторов, влияющих на рождаемость в России, были использованы эконометрические методы, так как они в наибольшей степени позволяют выявить зависимости между факторами и целевой переменной — как направление, так и степень влияния факторов, а также статистически подтвердить гипотезы исследования. Для моделирования регрессионных уравнений используются кросс-секционные данные по индивидам. В качестве объектов исследования были отобраны женщины фертильного возраста от 15 до 44 лет (по критерию ВОЗ). В качестве основного источника данных выступает база данных за 2018 г. Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS-HSE). Выборка является репрезентативной для России в целом. Региональные показатели получены из открытых данных Росстата. Были отобраны два типа зависимой переменной: факт рождения ребёнка в течение года и количество имеющихся у женщины детей. Первая зависимая переменная является бинарной, поэтому для неё была выбрана модель логистической регрессии, вторая переменная является дискретной и принимает значения от 0 до 6, которые ранжируются между собой, поэтому была использована модель упорядоченной логистической регрессии (табл. 1).

Таблица 1

Зависимые переменные исследуемых моделей

Table 1

Dependent variables of the studied models

Обозначение переменной	Описание	Значения переменной
Numbchild	Сколько всего у респондента детей?	от 0 до 6
Newchild	Родит ли ребёнка респондент в течение следующих 12 месяцев?	0 – нет 1 – да

Источник: составлено авторами.

Для моделирования исследуемых зависимостей на основе анализа литературы и доступности данных были отобраны 53 фактора. В модель входят факторы различного типа: дискретные (преиму-

щественно бинарные) и непрерывные. Все факторы для целей исследования по источникам влияния можно разделить на группы: личностные, психологические, социально-экономические, жилищные

условия, условия труда и региональные. При моделировании факта рождения ребёнка и количества имеющихся детей присутствует проблема самоотбора — женщины делают сознательный выбор, поэтому отбор не является случайным. Наличие проблемы эндогенности связано с коррелированностью регрессоров и ошибки, поэтому оценки являются смещёнными и несостоятельными [12]. При этом ряд факторов, влияющих на принятие решений, остаётся недоступным для моделирования: ценности, убеждения, воспитание. Поэтому для устранения проблемы эндогенности необходимо использовать инструментальные переменные.

В рамках данной работы было выделено четыре типа эндогенных переменных: наличие высшего образования, факт отношения работы женщины к «мужскому типу» (сферы деятельности, в которых большую долю занятых составляют мужчины) и наличия большого количества общения с людьми во время работы, а также уровень дохода женщины. Данные переменные могут быть эндогенными по отношению к количеству детей, так как их выбор происходит осознанно — женщины на основе определенных факторов выбирают получать ли им высшее образование, тип своей работы и насколько важна для них карьера, причём эти факторы являются ненаблюдаемыми и могут также влиять и на принятие решений о рождении детей. В качестве инструментальных переменных были отобраны следующие показатели, которые скоррелированы с эндогенными переменными, но не скоррелированы с ошибкой: количество студентов, соотношение полов, численность населения и средний уровень дохода на душу населения в регионе проживания, а также факт того, что в течение последних 12 месяцев женщине уменьшали заработную плату или сокращали часы работы не по собственному желанию.

Для получения итоговой модели отбор факторов происходил по следующему алгоритму (рис. 2): 1) коррелированные признаки (корреляция больше 0,75) отбрасывались

по уровню значимости и наименьшему значению permutation importance (показатель важности признаков по перестановкам); 2) отбрасывались незначимые признаки с p-value (вероятностью того, что мы ошибемся, если отвергнем гипотезу о незначимости признака) большим 0,05 в порядке величины permutation importance, рассчитанных для каждой конкретной модели, при условии, что выполняются следующие условия: а) информационный критерий Акаике (AIC) и байесовский информационный критерий (BIC), использующие логарифмическую функцию правдоподобия с корректировкой на количество факторов в модели, не увеличивались на модели при отбрасывании фактора; б) в тесте Вальда для вложенных моделей принималась гипотеза о выборе сокращённой модели при уровне значимости 0,05.

Результаты моделирования рождаемости в России

Результаты исследования состоят в оценке предельных эффектов от влияния ключевых факторов: 1) на решение о рождении ребёнка и 2) на количество имеющихся детей среднестатистического индивида. Все эффекты статистически значимы: p-value менее 0,05.

1. Решение о рождении ребёнка. Так, если женщина считает себя верующей и посещает религиозные службы, то вероятность рождения ребёнка вырастает на 0,09, что связано с тем, что религии, преимущественно распространённые на территории России (православие, ислам и другие), утверждают высокую ценность семьи, а значит и влияют на стремление женщины родить ребёнка.

Факт употребления алкоголя в течение года уменьшает вероятность родить ребёнка в течение следующих месяцев на 0,06. В интерпретации данного показателя можно выделить два аспекта. С одной стороны, женщины, придерживающиеся здорового образа жизни и не употребляющие алкоголь, имеют большие намерения родить де-

ис. 2. Алгоритм построения регрессионных моделей

Fig. 2. Algorithm for building regression models

Источник: составлено авторами.

тей. С другой стороны, это может быть связано с тем, что при планировании ребёнка женщина беспокоится о своём здоровье и здоровье будущего ребёнка, поэтому исключает алкоголь из своей жизни.

Число имеющихся детей влияет на вероятность рождения ребёнка разнонаправленно в зависимости от значения величины (квадратичная зависимость). После рождения второго ребёнка вероятность рождения последующих детей значительно падает. Вывод согласуется со статистикой по выборке — абсолютное большинство имеет не более двух детей: 36% респондентов не имеют детей, 30% имеют одного, 27% — двух детей (данные сопоставимы с Выборочным наблюдением репродуктивных планов населения в 2017 г. Росстата, где доли составляли 30%, 37% и 27% соответственно).

Фактор уровня образования имеет по модулю один из наибольших предельных эффектов — женщины, имеющие высшее образование, менее склонны к рождению детей. Разница в вероятности рождения ребёнка при одинаковых значениях всех

других факторов модели составляет 0,44. Такая значительная разница объясняется различными жизненными позициями и целями — женщина с высшим образованием стремится к реализации полученных во время обучения знаний и навыков и карьерному росту, что вступает в противоречие с целями создания семьи и рождения детей.

От уровня дохода вероятность рождения ребёнка находится в квадратичной зависимости, что объясняет противоречивость выводов в ряде исследований по аналогичной тематике. При росте дохода с низкого уровня до среднего вероятность рождения ребёнка растёт: до того, как доход женщины достигнет 1,28 минимальных потребительских корзин, увеличение дохода повышает вероятность родить ребёнка, так как растёт возможность обеспечить хорошие жизненные условия будущему ребёнку. Иначе говоря, бедные семьи могут быть и имея желание родить детей не могут это себе позволить из материальных соображений. Данные выводы согласуются с результатами работ Т.М. Ма-

левой, В. Пау [13; 14]. Дальнейший рост уровня дохода приводит к постепенному снижению вероятности рождения ребёнка, что также согласуется с выводами таких исследователей как Т. Martin-Garcia, Р. Baizan, N. Ogawa [15; 16]. Для женщин со средним по выборке уровнем дохода его увеличение приводит к снижению вероятности рождения ребёнка. Женщины, больше зарабатывающие, вероятно, больше заинтересованы в развитии карьеры, чем в рождении детей. Отметим, что при принятии решения о рождении ребёнка в течение следующего года, женщины ориентируются на свой совокупный доход, включая премии, пособия, материальную помощь и другие денежные поступления, а не только на уровень заработной платы. Кроме того, женщины часто «близоруки», так как учитывают доходы за последний месяц, а не в долгосрочной динамике, не учитывая возможные изменения в уровне дохода в будущем.

Среди региональных факторов значимым оказались факторы уровня безработицы среди женщин и мужчин. Важно отметить, что агрегированная величина — уровень безработицы в регионе в целом не является значимым, т.к. влияние отдельных составляющих разнонаправленно, при этом по модулю эффекты приблизительно равны. Рост безработицы в регионе среди женщин негативно влияет на вероятность рождения женщиной ребёнка, так как ведёт к росту конкуренции на рынке труда, повышает ценность имеющегося у женщины рабочего места, а для неработающих женщин — к ухудшению материального положения ввиду более долгого поиска работы, потери квалификации и навыков, усилению социальной и психологической напряжённости. Женщина, не имеющая детей, в особенности боится ощутить на себе последствия растущей в регионе безработицы, потеряв за время декрета уровень квалификации и снизив свою конкурентоспособность на рынке труда.

На вероятность рождения ребёнка влияет также тип занятости. В среднем, если женщина имеет работу, вероятность рожде-

ния ею ребёнка в течение следующего года падает на 0,09 по сравнению с теми, кто не имеет определённого типа занятости (например, является безработным). Опираясь на ранее полученные выводы о женщинах, не имеющих детей, можно говорить о том, что влияние наличия работы в большей степени распространяется на женщин, принимающих решение о рождении второго и последующих детей. При этом если женщина занимается предпринимательской деятельностью, вероятность рождения ею ребёнка в течение следующего года падает ещё значительно — на 0,13, что связано с высокой интенсивностью рабочей деятельности и стремлением развивать бизнес. Если женщина идентифицирует себя домохозяйкой, она имеет большие намерения к рождению детей (вероятность на 0,4 больше по сравнению с безработными), так как полностью посвящена дому и семье. Женщины, которые продолжают образование, демонстрируют низкие намерения родить ребёнка в ближайшее время, так как нацелены на завершение образовательных программ и получение диплома.

Наибольший по модулю предельный эффект наблюдается у эндогенной переменной, обозначающей выбор типа своей профессии женщиной. Данный вывод согласуется с результатами других исследований, которые утверждают, что профессиональная сегрегация по половому признаку влияет на деторождение [16–18]. Если выбранная профессия предполагает необходимость применения физической силы и/или высокий уровень ответственности, т.е. относится к тем типам деятельности, в которых работают преимущественно мужчины, вероятность принятия решения о рождении ребёнка значительно уменьшается. Данный факт можно связать с рациональностью принимаемых решений, существующими у женщины ценностями и её жизненным опытом.

Таким образом, наибольшее влияние на вероятность женщиной рождения ребёнка оказывают личностные и социально-экономические факторы, а также условия труда.

2. Количество имеющихся детей для

среднестатистического индивида. Наличие высшего образования снижает вероятность иметь ребёнка. Чаще всего женщины с высшим образованием имеют одного ребёнка, однако встречаются исключения в виде четырёх и пяти детей в семье. Данный вывод подтверждает результаты исследования М. Hazan и Н. Zoabi, в котором показано, что связь между количеством детей и образованием женщин имеет U-образную форму [19].

Зависимость количества детей от уровня дохода, выраженного в количестве корзин минимальных потребительских наборов, в агрегированном виде аналогична зависимости вероятности рождения ребёнка — квадратичная. Увеличение дохода на единицу значительно увеличивает вероятность иметь в семье двух, трёх или четырёх детей по сравнению с тем, чтобы не иметь детей вовсе, однако вероятности иметь одного или больше четырёх детей значительно снижаются относительно вероятности иметь от двух до четырёх детей. Проанализировав график изменения вероятностей для каждого класса целевой переменной при росте уровня дохода, можно сделать вывод о том, что вероятности иметь более одного ребёнка растут при росте уровня дохода. При этом скорость роста вероятности иметь двух детей при уровне дохода 1,8 корзин начинает снижаться. Вероятность же иметь одного ребёнка имеет квадратичных характер — смена монотонности происходит при уровне дохода 1,7 корзин минимальных потребительских наборов. Таким образом, уровень дохода женщины — важный фактор числа детей семье.

Женщины, имеющие работу, по сравнению с другими женщинами менее вероятно имеют большое число детей. Вероятность иметь одного ребёнка по отношению к вероятности не иметь детей снижается не столь значительно по сравнению с вероятностью иметь двух детей — чем больше детей в семье, тем больше времени необходимо уделять их воспитанию, что для работающей женщины затруднительно. Однако, если женщина является предпринимателем, наблюдается другая тенден-

ция: наибольшая вероятность приходится на наличие двух или трёх детей. Возможность управлять своим рабочим временем позволяет женщине успевать как развивать свой бизнес, так и создать условия для воспитания детей. При этом наблюдается высокая вероятность для наибольшего в рамках рассматриваемых данных числа детей (5–6), что может быть связано с возможностью удалённой работы для женщины-предпринимателя.

Для домохозяек среди различных типов занятости наблюдается наибольший эффект роста вероятности иметь большее число детей. Их жизнь посвящена семье и воспитанию детей, при возможности партнёра обеспечить семью ничто не препятствует созданию большой семьи. Данный вывод подтверждает и интерпретация наличия факта вынужденного неоплачиваемого отпуска в течение года: вероятность иметь меньшее число детей по сравнению с вероятностью не иметь детей вовсе снижается, что говорит о негативном влиянии нестабильности поступлений доходов на деторождение.

Для переменных, обозначающих страх потерять работу и боязнь не найти работу не хуже той, что есть сейчас, при потере текущего рабочего места, наблюдается иная тенденция. Чем больше женщина испытывает страх наступления данных событий, тем менее вероятно, что женщина рождает ребёнка, что может быть связано с тем, что, посвятив много времени воспитанию детей, женщины теряют необходимый уровень квалификации, чтобы удовлетворять требования работодателя, а также возможно с тем, что работодатели часто не заинтересованы нанимать сотрудниц с большим количеством детей, так как это в определённых обстоятельствах может влиять на эффективность работы и число отпусков.

Если работа женщины предполагает преимущественно взаимодействие с людьми, это не способствует намерениям рожать детей. Чаще всего такие женщины не имеют детей. Причиной данного факта выступает то, что женщины часто компенсируют большим социальным кругом общения

потребность заботы и ухода за кем-либо, в частности, за детьми. Ребёнок в большей степени — это склонность к заботе и выражение материнского инстинкта, чем просто логический и рациональный поступок. А социальное общение означает коммуникабельность женщины, общительность, её чувствительность к чужим проблемам, что отчасти замещает потребность иметь детей.

Жилищные условия, а именно жилая площадь, на которой проживает семья, значимы для целевой переменной. При увеличении площади жилья на единицу вероятность иметь детей по сравнению с отсутствием детей в семье растёт. При этом чем большую жилую площадь имеет семья, тем выше вероятность иметь большее число детей, чем одного ребёнка. Можно сделать вывод о том, что существенным препятствием при решении о рождении ребёнка являются неблагоприятные жилищные условия, что отмечали в своих работах Т.М. Малева, О.В. Синявская, Т.Л. Журавлева и Я.А. Гаврилова [13; 20]. Однако, отметим, что при жилой площади, превышающей 100 м², вероятность иметь одного ребёнка с ростом показателя начинает падать аналогично вероятности не иметь детей, а скорость роста вероятности иметь двух детей начинает снижаться. Многие зарубежные исследователи, такие как S. Tudor, J. Liu и другие, утверждали, что помимо площади жилья важным фактором является и факт собственности жилья [17; 21], что подтвердилось и в данной работе для России. Если жильё находится в собственности семьи, то вероятность рождения детей в ней снижается — вероятнее всего препятствием служат материальные причины: большие выплаты по ипотеке как основного способа покупки жилья для среднестатистической российской семьи, высокие расходы на содержание жилья и жилищно-коммунальные услуги. Однако рождение большого числа детей (больше трёх) падает не столь сильно по сравнению с, например, вероятностью иметь двух детей, если жильё находится в собственности, что говорит о важности фактора стабильности условий для жизни для создания большой семьи.

Данный вывод коррелирует и с тем, что, если семья пользуется услугами страхования своего жилья, вероятность рождения детей значительно повышается. Так, например, семья, пользующаяся данной услугой, в 2,5 раза более вероятно имеет четырёх детей, чем не имеет детей вовсе по сравнению с семьёй, не имеющей страховку дома. Отметим, что для наличия большего числа детей (5 или 6) данный фактор имеет обратное действие: семьи, не уверенные в своей будущей материальной стабильности, в том числе своих жилищных условий, менее склонны иметь большое количество детей. Таким образом, результаты данного исследования согласуются с выводами О.Г. Горелкиной, Т.Л. Журавлёвой и другими исследователями о том, что важными факторами деторождения являются семейное благополучие и уверенность в завтрашнем дне [20; 22].

Последняя группа факторов — психологические. Женщины, удовлетворённые оплатой труда и своим финансовым положением, с большей вероятностью не имеют детей. Удовлетворённость женщины жизнью в целом, что помимо материального положения включает психологический комфорт, социальное окружение, экологическую обстановку в месте жительства и другие факторы, положительно коррелирует с вероятностью иметь детей и отсутствием детей. Таким образом, на решение о количестве детей влияют все группы факторов, в особенности — социально-экономические факторы и условия работы.

Рекомендации выбора направлений и мер демографической политики, направленных на повышение рождаемости

Национальный проект «Демография» (2019–2024 гг.) направлен на формирование механизма финансовой поддержки семей при рождении ребёнка, обеспечение благоприятных условий для жизни семей и рождения детей. Меры, обозначенные в национальном проекте, соответствуют плану мероприятий, изложен-

ному в Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года. Рассмотрим основные меры и проанализируем их соответствие объективным детерминантам принятия решения о рождении ребёнка и количества имеющихся детей.

1. Финансовая поддержка семей при рождении детей (ежемесячные субсидии, материнский капитал и другое). В части финансовой поддержки меры имеют в основном поддерживающий характер — они направлены на минимизацию последствий изменения материального положения семьи после рождения ребёнка. Положительное влияние финансовых стимулов на рождаемость было доказано в ряде зарубежных исследований. Например, L. Gonzalez сделал вывод о том, что введение детского пособия в Испании с 2007 г. в размере 2500 евро имело эффект повышения рождаемости на 6% [23]. Однако настоящее исследование на российских данных показало незначимость пособий на ребёнка на целевые переменные. Причина может скрываться в учёте доходов при распределении пособий, то есть адресности, в условиях низкой величины самих пособий. Выходом из данной ситуации в условиях ограниченности финансовых ресурсов государственного бюджета может быть перераспределение пособий в сторону их увеличения для более бедных семей с большим числом детей. Кроме этого, представляется возможным снижение налоговой нагрузки на доходы работающих родителей с детьми, например, в форме налогового вычета, что реализовано во многих развитых странах с эффективной государственной демографической политикой.

Таким образом, на обеспеченные семьи пособия на ребёнка не оказывают должного эффекта, а для бедных слоёв населения величина пособий оказывается недостаточной, чтобы покрыть затраты на содержание и воспитание ребёнка. В данный момент адресный характер имеет только выплата для семей, имеющих трёх и более детей, проживающих в регионах с неблагоприятной демографической ситуацией,

где суммарный коэффициент рождаемости не превышает 2 (около 415,5 тыс. семей), при этом распределение происходит по географическому и демографическому признаку, а не по величине доходов семьи.

2. Льготная ставка по ипотеке для семей с детьми. Введение мер по обеспечению доступности жилищных условий соответствует выводам данной работы о том, что это важный фактор при принятии решений о рождении ребёнка, — препятствием к рождению детей служат высокие выплаты по ипотеке. Однако, помимо данных мер необходимо рассмотреть возможность внедрения системы адресной помощи при оплате жилищно-коммунальных услуг в зависимости от количества имеющихся детей и материального положения семьи. Как было выявлено в исследовании, детерминантом дополнительного роста уровня рождаемости может стать распространение услуг страхования жилья, что позволит семьям быть уверенными в будущей стабильности своих жилищных условий.

3. Содействие занятости женщин. Создание дополнительных мест в учреждениях дошкольного образования для детей в возрасте до трёх лет. Данная мера государственной поддержки позволяет преодолеть сложности с возвращением женщин к активной трудовой деятельности после рождения ребёнка за счёт доступности возможности посещения детьми дошкольных образовательных учреждений. Однако масштаб принятых мер не позволит решить проблему за короткий промежуток времени. Отметим, что в нацпроекте напрямую не заложено строительство социальной инфраструктуры для их реализации, указаны лишь цели по количеству человек, воспользовавшихся данными мерами государственной поддержки, хотя их недостаточность и плохое состояние — основная проблема в данный момент. Кроме этого, важным направлением данной группы мер должно стать обеспечение дошкольных образовательных учреждений высококвалифицированным

педагогическим составом, сокращение числа детей в группах и очередей для получения мест в детских садах [24].

4. Содействие переобучению женщин. Организация переобучения и повышения квалификации женщин в период отпуска по уходу за ребёнком в возрасте до трёх лет. Данная мера предполагает появление у женщины возможности пройти профессиональное обучение и вернуться к трудовой деятельности на прежнее рабочее место, либо устроиться на другое рабочее место, более подходящее для совмещения с обязанностями по воспитанию ребёнка. Как было выявлено в результате моделирования рождаемости, одним из препятствий при принятии решений о рождении ребёнка является страх потерять работу и существующий уровень дохода. Данная мера должна способствовать решению этой проблемы и развитию занятости женщин, имеющих детей, повышая конкурентоспособность и профессиональную мобильность женщин. Однако масштаб реализации меры небольшой — предполагается, что всего 50 тыс. женщин в год будут участвовать в данной программе, что не решит проблему и, следовательно, незначительно скажется на изменении рождаемости в масштабах страны.

Женщины, имеющие высшее образование и хорошую работу, чаще всего не успевают реализовать свои репродуктивные намерения, поэтому помимо организации переобучения и повышения квалификации женщин для содействия их занятости стоит уделить внимание развитию и распространению гибких форм занятости на рынке труда среди женщин, в том числе домашнего труда, частичной занятости, позволяющих совмещать работу с выполнением семейных обязанностей. Важным фактором роста рождаемости в России является снижение уровня безработицы среди женщин.

5. Формирование системы мотивации граждан к здоровому образу жизни. Меры данной области государственной полити-

ки направлены на формирование у населения мотивации к здоровому питанию, защиту от табачного дыма, снижение потребления алкоголя. Как было показано в исследовании, употребление алкогольных напитков негативно влияет на показатели рождаемости, что свидетельствует о важности формирования привычек здорового образа жизни у населения. Но не стоит забывать, что частое употребление алкоголя — это уход от повседневного неблагополучия: как материального, так и психологического, поэтому одновременно с информационной кампанией популяризации здорового образа жизни необходимо принимать меры по улучшению качества жизни населения и формирования благоприятного психологического климата в обществе.

6. Информационное воздействие через СМИ, направленное на сохранение семейных ценностей, поддержку материнства и детства. Вывод о том, что на принятие решений о рождении ребёнка и количестве имеющихся детей влияют субъективные факторы, позволяет говорить о важности информационного воздействия на молодое поколение с целью укрепления семейных ценностей.

* * *

Направления государственной политики в целом соответствуют тем факторам, которые оказывают наибольшее влияние на принятии решения о рождении ребёнка и количестве имеющихся детей, однако необходимо скорректировать реализацию ряда мер государственной поддержки и обратить внимание на упущенные из внимания факторы, влияющие на рождаемость в России. Финансовые, социокультурные и инфраструктурные аспекты государственной политики, направленной на повышение рождаемости, должны рассматриваться и реализовываться как комплекс синергетических инструментов, направленных прежде всего на молодёжь.

Литература и Интернет-источники

1. **Wang, H.** Global age-sex-specific fertility, mortality, healthy life expectancy (HALE), and population estimates in 204 countries and territories, 1950–2019: a comprehensive demographic analysis for the Global Burden of Disease Study 2019 / H. Wang [и др.] // *The Lancet*.— 2020.— No. 10258.— P. 1160–1203. DOI: 10.1016/S0140-6736(20)30977-6; EDN: EWPFHL
2. **Sobotka, T.** What's special about Russia's fertility and reproduction? A comparative European perspective / T. Sobotka // *Demographic Trends in Russia*.— Moscow : HSE, 2019.— URL: https://demogr.hse.ru/data/2019/12/10/1523705288/Sobotka_Fertility%20reproduction%20Russia%20and%20Europe_Nov2019.pdf (дата обращения: 01.10.2022).
3. **Архангельский, В.Н.** Факторы рождаемости / В.Н. Архангельский.— Москва : ТЕИС, 2006.— 399 с. EDN: QOPDZV
4. **Lindh, T.** Age Structure Effects and Growth in the OECD, 1950–90: Further Evidence / T. Lindh, B. Malmberg // *Working Paper Series*.— 1999.— No. 12.— P. 431–449. DOI: 10.1007/s001480050107
5. **Beaudry, P.** Population Growth, Technological Adoption and Economic Outcomes in the Information Era. Mimeo NBER / P. Beaudry, D. Green // *Review of Economic Dynamics*.— 2000.— Vol. 5.— No. 4.— P. 749–774. DOI: 10.3386/w8149
6. **Cairo, I.** Human Capital and Unemployment Dynamics: Why More Educated Workers Enjoy Greater Employment Stability / I. Cairo, T. Cajner // *FEDS Working Paper*.— 2014.— No. 2014–9.— P. 652–682. DOI: 10.1111/econj.12441
7. **Bernanke, B.S.** The Global Saving Glut and the U.S. Current Account Deficit / B.S. Bernanke // *Remarks at the Sandridge Lecture. Virginia Association of Economists. Richmond. Virginia*.— 2005.— P. 385–666.
8. **Boserup, E.** Women's Role in Economic Development / E. Boserup // *Economic Development and Cultural Change*.— 1972.— P. 283. DOI: 10.1086/450619
9. **Lucas, R.** On the Mechanics of Economic Development / R. Lucas // *Journal of Monetary Economics*.— 1988.— Vol. 22.— P. 3–42. DOI: 10.1016/0304-3932(88)90168-7
10. **Blanchet, D.** Demographic trends and pensions: fifteen years of debate / D. Blanchet // *Population and Societies*.— 2002.— No. 383.— P. 1–5.
11. **Barro, R.** Fertility Choice in a Model of Economic Growth / R. Barro, G. Becker // *Econometrica*.— 1989.— Vol. 57.— P. 481–501. DOI: 10.2307/1912563
12. **Цыплаков, А.А.** Экскурс в мир инструментальных переменных / А.А. Цыплаков // *Квантиль*.— 2007.— № 2.— С. 21–47.
13. **Малева, Т.М.** Социально-экономические факторы рождаемости в России: эмпирические измерения и вызовы социальной политике / Т.М. Малева, О.В. Синявская // *SPERO*.— 2006.— № 5.— С. 70–97. EDN: ТТАКХХ
14. **Pau, B.** Linking social class inequalities, labor market status, and fertility: An empirical investigation of second births / B. Pau // *Advances in Life Course Research*.— 2020.— Vol. 46.— P. 306–338. DOI: 10.1016/j.alcr.2020.100377
15. **Naohiro, O.** Women's changing work arrangements, career paths, and marital fertility in Japan / O. Naohiro, R. Matsukur, S.—H. Lee // *Advances in Life Course Research*.— 2020.— Vol. 46.— P. 82–93. DOI: 10.1016/j.alcr.2020.100375
16. **Martin-Garcia, T.** The Impact of Type of Education and of Educational Enrolment on First Births / T. Martin-Garcia, P. Baizan // *European Sociological Review*.— 2006.— No. 22.— P. 259–275. DOI: 10.1093/esr/jci056
17. **Tudor, S.** Financial incentives, fertility and early life child outcomes / S. Tudor // *Labour Economics*.— 2020.— Vol. 64.— P. 58–66. DOI: 10.1016/j.labeco.2020.101839
18. **Begall, K.** The Influence of Educational Field, Occupation, and Occupational Sex Segregation on Fertility in the Netherlands / K. Begall, M. C. Mills // *European Sociological Review*.— 2013.— No. 29.— P. 720–742. DOI: 10.1093/esr/jcs051
19. **Hazan, M.** Do Highly Educated Women Choose Smaller Families? / M. Hazan, H. Zoabi // *CEPR*

- Discussion Paper.— 2011.— No. DP8590.— P. 1–43. DOI: 10.2139/ssrn.1932835
20. **Журавлева, Т.Л.** Анализ факторов рождаемости в России: что говорят данные РМЭЗ НИУ ВШЭ / Т.Л. Журавлева, Я.А. Гаврилова // Экономический журнал ВШЭ.— 2017.— Т. 21.— № 1.— С. 145–187. EDN: YMIQTF
 21. **Liu, J.** House price, fertility rates and reproductive intentions / J. Liu, C. Xing, Q. Zhang // China Economic Review.— 2020.— No. 62.— P. 77–89. DOI: 10.1016/j.chieco.2020.101496
 22. **Горелкина, О.Г.** Микроанализ рождаемости в России: роль неэкономических факторов / О.Г. Горелкина // Прикладная эконометрика.— 2007.— № 1.— С. 58–74. EDN: HZNBZD
 23. **Gonzalez, L.** The Effect of a Universal Child Benefit on Conceptions, Abortions, and Early Maternal Labor Supply / L. Gonzalez // American Economic Journal: Economic Policy.— 2013.— Vol. 50.— No. 3.— P. 160–188. DOI: 10.1257/pol.5.3.160
 24. **Андрюшина Е.В.** Государственная политика по стимулированию рождаемости и поддержки семей с детьми: практика современной России / Е.В. Андрюшина, Е.А. Панова // Власть.— 2019.— Т. 27.— № 5.— С. 105–111. EDN: RERELB

Сведения об авторах:

Филимонова Ирина Викторовна, д.э.н., старший научный сотрудник, Институт экономики и организации промышленного производства Сибирского отделения Российской академии наук; зав. кафедрой политической экономии Экономического факультета, Новосибирский государственный университет, Новосибирск, Россия.

Контактная информация: e-mail: filimonovaiv@list.ru, ORCID: 0000–0003–4447–6425; РИНЦ AuthorID: 461478.

Ивершинь Анастасия Викторовна, магистрант Новосибирского государственного университета, Новосибирск, Россия.

Контактная информация: e-mail: a.ivershin@g.nsu.ru, ORCID: 0000–0003–1289–2467.

Комарова Анна Владимировна, к.э.н., старший научный сотрудник Института экономики и организации промышленного производства Сибирского отделения РАН; доцент, Новосибирский государственный университет, Новосибирск, Россия.

Контактная информация: e-mail: a.komarova@g.nsu.ru, ORCID: 0000–0002–5844–1648; РИНЦ AuthorID: 748266.

Кривошеева Ольга Игоревна, специалист, Новосибирский государственный университет, Новосибирск, Россия.

Контактная информация: e-mail: o.krivosheeva@g.nsu.ru.

DOI: 10.19181/population.2023.26.1.5

FACTORS INFLUENCING THE DECISION TO HAVE A CHILD AND THE NUMBER OF CHILDREN IN WOMEN IN RUSSIA

**Irina V. Filimonova^{1,2*}, Anastasia V. Ivershin²,
Anna V. Komarova^{1,2}, Olga I. Krivosheeva²**

¹*Institute of Economics and Organization of Industrial Engineering
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
(17 Lavrentiev str., Novosibirsk, Russia, 630090)*

²*Novosibirsk State University
(1 Pirogova str., Novosibirsk, Russia, 630090)*

**E-mail: filimonovaiv@list.ru*

Funding:

The work was carried out according to the research plan of the Institute of Economics and Industrial Engineering of the Siberian Branch RAS, project 5.6.6.4. (0260–2021–0008) «Methods and models for substantiating the strategy for development of the Russian economy in the context of a changing macroeconomic reality».

For citation:

Filimonova I.V., Ivershin A.V., Komarova A.V., Krivosheeva O.I. Factors affecting the decision about having a child and the number of children by women in Russia. *Narodonaselenie [Population]*. 2023. Vol. 26. No. 1. P. 55–69. DOI: 10.19181/population.2023.26.1.5 (in Russ.)

Abstract. *Birth rate has a special place among the demographic factors determining the growth of population and the pace of the country's economic development. Solution to the problem of proper fertility in Russia is in building a powerful state demographic policy based on strengthening the key determinants of the reproductive process. The work is devoted to identifying the determinants of making a decision about the birth of a child in Russian families, understanding of which will allow substantiating the ways to improve the effectiveness of the demographic policy to stimulate the birth rate. To study fertility factors, two econometric models were built: a logistic regression for dependent variable of having a child during the year and an ordinal logistic regression for the number of children. The models took into account the problem of endogeneity—there was used instrumental variables method. The main data source was the RLMS HSE statistical database. The primary analysis of the data showed that in Russia the transition to European family type continues: there is an increase in the age at which women have children, and extramarital unions are spreading. As a result of the regression analysis, it was found out that the probability of having a child during the year is influenced primarily by personal and socio-economic factors, as well as working conditions. The number of children a woman has is affected by all types of factors, in particular—socio-economic factors and working conditions. Families that are not sure of their future financial stability, including their living conditions, are less likely to have a large number of children. The paper gives recommendations for assessing the effectiveness of the state demographic policy in Russia.*

Keywords: *fertility, fertility factors, demographic policy, reproductive behavior.*

References and Internet sources

1. Wang H. et. al. Global age-sex-specific fertility, mortality, healthy life expectancy (HALE), and population estimates in 204 countries and territories, 1950–2019: a comprehensive demographic analysis for the Global Burden of Disease Study 2019. *The Lancet*. 2020. No. 10258. P. 1160–1203. DOI: 10.1016/S0140–6736(20)30977–6
2. Sobotka T. What's special about Russia's fertility and reproduction? A comparative European perspective. *Demographic Trends in Russia*. Moscow. Higher School of Economics, 2019. Available at: https://demogr.hse.ru/data/2019/12/10/1523705288/Sobotka_Fertility%20reproduction%20Russia%20and%20Europe_Nov2019.pdf (Accessed: 1 October 2022).
3. Arkhangel'sky V.N. *Faktozy rozhdaemosti. [Fertility Factors]*. Moscow. TEIS. 2006. 399 p. (in Russ.)
4. Lindh T., Malmberg B. Age structure effects and growth in the OECD, 1950–90: Further evidence. *Working Paper Series*. 1999. No. 12. P. 431–449. DOI: 10.1007/s001480050107
5. Beaudry P., Green D. Population growth, technological adoption and economic outcomes in the information era. Mimeo NBER. *Review of Economic Dynamics*. 2000. Vol. 5. No. 4. P. 749–774. DOI: 10.3386/w8149
6. Cairo I., Cajner T. Human capital and unemployment dynamics: Why more educated workers enjoy greater employment stability. *FEDS Working Paper*. 2014. No. 2014–9. P. 652–682. DOI: 10.1111/eoj.12441

7. Bernanke B.S. The global saving glut and the U.S. current account deficit. *Remarks at the Sandridge Lecture*. Virginia Association of Economists. Richmond. Virginia. 2005. P. 385–666.
8. Boserup E. Women's Role in Economic Development. *Economic Development and Cultural Change*. 1972. P. 283. DOI: 10.1086/450619
9. Lucas R. On the mechanics of economic development. *Journal of Monetary Economics*. 1988. Vol. 22. P. 3–42. DOI: 10.1016/0304-3932(88)90168-7
10. Blanchet D. Demographic trends and pensions: fifteen years of debate. *Population and Societies*. 2002. No. 383. P. 1–5.
11. Barro R., Becker G. Fertility choice in a model of economic growth. *Econometrica*. 1989. Vol. 57. P. 481–501. DOI: 10.2307/1912563
12. Cyplakov A. A. Ekskurs v mir instrumental'nyh peremennyh. [A guide to the world of instrumental variables]. *Kvantil' [Quantile]*. 2007. No. 2. P. 21–47. (in Russ.)
13. Maleva T.M., Sinyavskaya O.V. Sotsial'no-ekonomicheskiye faktory rozhdaemosti v Rossii: empiricheskiye izmereniya i vyzovy sotsial'noj politike [Socioeconomic factors in fertility in modern Russia: the empirical measurement and social challenges politics]. *SPERO*. 2006. No. 5. P. 70–97. (in Russ.)
14. Pau B. Linking social class inequalities, labor market status, and fertility: An empirical investigation of second births. *Advances in Life Course Research*. 2020. Vol. 46. P. 306–338. DOI: 10.1016/j.alcr.2020.100377
15. Naohiro O., Matsukur R., Lee S.—H. Women's changing work arrangements, career paths, and marital fertility in Japan. *Advances in Life Course Research*. 2020. Vol. 46. P. 82–93. DOI: 10.1016/j.alcr.2020.100375
16. Martin-Garcia T., Baizan P. The Impact of Type of Education and of Educational Enrolment on First Births. *European Sociological Review*. 2006. No. 22. P. 259–275. DOI: 10.1093/esr/jci056
17. Tudor S. Financial incentives, fertility and early life child outcomes. *Labour Economics*. 2020. Vol. 64. P. 58–66. DOI: 10.1016/j.labeco.2020.101839
18. Begall K., Mills M.C. The Influence of Educational Field, Occupation, and Occupational Sex Segregation on Fertility in the Netherlands. *European Sociological Review*. 2015. No. 29. P. 720–742. DOI: 10.1093/esr/jcs051
19. Hazan M., Zoabi H. Do highly educated women choose smaller families? *CEPR Discussion Paper*. 2011. No. DP8590. P. 1–43. DOI: 10.2139/ssrn.1932835
20. Zhuravleva T.L. Gavrilova Ya. A. Analiz faktorov rozhdaemosti v Rossii: chto govoryat dannye RMEZ NIU VShE [Analysis of fertility determinants in Russia: what do RLMS data say?]. *Ekonomicheskij zhurnal VShE [Higher School of Economics Economic Journal]*. 2017. Vol. 21. No. 1. P. 145–187. (in Russ.)
21. Liu J., Xing C., Zhang Q. House price, fertility rates and reproductive intentions. *China Economic Review*. 2020. No. 62.—P. 77–89. DOI: 10.1016/j.chieco.2020.101496
22. Gorelkina O. G. Mikroanaliz rozhdaemosti v Rossii: rol' neekonomicheskikh faktorov [Microanalysis of fertility in Russia: the role of non-economic considerations]. *Prikladnaya ekonometrika [Applied Econometrics]*. 2007. No. 1. P. 58–74. (in Russ.)
23. Gonzalez L. The Effect of a universal child benefit on conceptions, abortions, and early maternal labor supply. *American Economic Journal: Economic Policy*. 2013. Vol. 50. No. 3. P. 160–188. DOI: 10.1257/pol.5.3.160
24. Andryushina E.V., Panova E. Gosudarstvennaya politika po stimulirovaniyu rozhdaemosti i podderzhki semejs det'mi: praktika sovremennoj Rossii [Government policy on fertility stimulation and support of families with children: the practice of modern Russia]. *Vlast' [The Authority]*. 2019. Vol. 27. No. 5. P. 105–111. (in Russ.)

Information about the authors:

Filimonova Irina Viktorovna, Doctor of Economics, Senior Researcher, Institute of Economics and Organization of Industrial Engineering, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences; Head of Chair, Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russia.

Contact information: e-mail: filimonovaiv@list.ru; ORCID: 0000-0003-4447-6425; Elibrary AuthorID: 461478.

Ivershin Anastasia Viktorovna, graduate student, Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russia.

Contact information: e-mail: a.ivershin@g.nsu.ru; ORCID: 0000-0003-1289-2467.

Komarova Anna Vladimirovna, Candidate of Economics, Senior Researcher, Institute of Economics and Organization of Industrial Engineering, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences; Associate Professor, Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russia.

Contact information: e-mail: a.komarova@g.nsu.ru; ORCID: 0000-0002-5844-1648; Elibrary AuthorID: 748266.

Krivosheeva Olga Igorevna, specialist, Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russia.

Contact information: e-mail: o.krivosheeva@g.nsu.ru.

Статья поступила в редакцию 03.10.2022, одобрена в печать 15.02.2023, опубликована 30.03.2023.

DOI: 10.19181/population.2023.26.1.6
EDN: NWWTSG

РОДИТЕЛЬСКИЙ ОТПУСК В СИСТЕМЕ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ ОБЗОР

Бледнова Н. Д.

Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина
(620002, Россия, Екатеринбург, ул. Мира, 19)

*E-mail: n.d.blednova@urfu.ru

Финансирование:

Исследование выполнено за счёт гранта Российского научного фонда № 22-28-01847. – URL: <https://rscf.ru/project/22-28-01847/>.

Для цитирования:

Бледнова Н. Д. Родительский отпуск в системе социально-экономических процессов: теоретический обзор // Народонаселение. – 2023. – Т. 26. – № 1. – С. 70-82. DOI: 10.19181/population.2023.26.1.6; EDN: NWWTSG

Аннотация. Родительские отпуска являются одной из важнейших составляющих в структуре семейной политики большинства развитых государств. В зарубежной практике выделяются три вида отпусков: материнский отпуск (аналог отечественного отпуска по беременности и родам), отцовский отпуск и родительский отпуск (аналог отпуска по уходу за ребёнком). Исследователи отмечают, что развитие политики отпусков имеет благоприятный экономический, социальный и демографический эффект. По этой причине проблематика отпусков с каждым годом становится более популярной и привлекает внимание широкого круга учёных. Тем не менее, в отечественной научной литературе феномен родительских отпусков остаётся малоизученным. Настоящая статья посвящена изучению влияния родительских отпусков на другие социально-экономические процессы – занятость, гендерное равенство и рождаемость – и связанные с ними направления государственной политики. Исследуя эту взаимосвязь, автор отмечает позитивное воздействие отцовских отпусков и отцовских квот на распределение обязанностей между мужчинами и женщинами в профессиональной и семейной сферах жизнедеятельности. Описываются положительные экономические эффекты от использования родительских отпусков как одного из инструментов защиты работников на рынке труда. Эти эффекты заключаются, преимущественно, в увеличении уровня занятости женщин и снижении разрыва в оплате труда мужчин и женщин. Кроме того, рассматривается влияние родительских отпусков на уровень рождаемости – с одной стороны, использование отцовских отпусков стимулирует родителей на последующее деторождение, с другой – возрастают альтернативные издержки, которые негативно сказываются на репродуктивных установках матерей. Сделан вывод о взаимосвязи политики родительских отпусков и других направлений государственной политики: занятости, гендерного равенства и рождаемости. По мнению автора, эта взаимосвязь свидетельствует о важности проблематики родительских отпусков и необходимости её изучения в России.

Ключевые слова: родительский отпуск, материнский отпуск, отцовский отпуск, отпуск по беременности и родам, отпуск по уходу за ребёнком, родители, работники с детьми.

© Бледнова Н. Д., 2023.

Введение

Понятие «родительский отпуск» редко встречается в отечественной научной литературе. В зарубежных странах, напротив, проблематика родительских отпусков всё чаще привлекает внимание учёных. Особый интерес к политике родительских отпусков обусловлен, с одной стороны, изменившимся положением женщин в обществе и их активным включением в экономико-трудовые отношения, с другой стороны — потребностью в поиске новых механизмов стимулирования рождаемости. В настоящее время регулирование родительских отпусков является важным элементом семейной политики в странах экономического сотрудничества и развития (OECD) [1, с. 1]. Как правило, под родительским отпуском (parental leave) понимается период времени, в течение которого родители приостанавливают свою деятельность на рынке труда с целью ухода за ребёнком или детьми [2]. Под политикой отпусков мы понимаем комплекс мероприятий органов государственной власти, направленных на регулирование системы родительских отпусков в стране. В зарубежной практике политика родительских отпусков регулируется на уровне отдельных нормативно-правовых актов и коллективных договоров организаций. Например, в европейских странах основным документом, регулирующим политику отпусков, является Директива Совета Европы 2010/18/EU. В России виды отпусков, а также порядок их использования закреплены в Трудовом кодексе РФ (ТК РФ). Система родительских отпусков (в зарубежной литературе её, как правило, обозначают термином «дизайн отпусков») включает в себя сразу несколько элементов — размер родительских выплат, продолжительность отпусков и их виды. На практике существует три типа родительских отпусков.

1. Материнский отпуск (maternity leave). В России его принято называть отпуском по беременности и родам. Чаще всего он предоставляется исключительно матери

ребёнка до родов и после них. Считается, что в это время мать готовится к родительству, а после — осуществляет уход за своим новорождённым ребёнком. Отметим, однако, что сегодня в некоторых европейских странах (например, в Болгарии, Великобритании, Хорватии) часть материнского отпуска может быть передана отцу ребёнка [3, с. 5].

2. Отцовский отпуск (paternity leave). Этот вид отпуска так же, как и материнский, предоставляется одному родителю — отцу ребёнка. Сегодня отцовский отпуск есть почти во всех европейских странах. Под отцовским отпуском понимается непродолжительный период времени сразу после рождения ребёнка (от 2 до 30 дней в зависимости от страны), в течение которого отец помогает матери справляться с родительскими обязанностями, а также оказывает ей физическую и эмоциональную поддержку [4, с. 3]. В России подобный вид отпуска отсутствует.

3. Родительский отпуск (parental leave) является аналогом российского отпуска по уходу за ребёнком. Он может быть полностью или частично предоставлен любому из родителей ребёнка. При этом в некоторых странах (например, в Польше, Нидерландах, Словении, Франции, Германии и других) право на отпуск может быть использовано обоими родителями одновременно. Продолжительность родительского отпуска варьируется от 4,2 месяцев в Великобритании до 36 месяцев в России и 72 месяцев в Германии [4, с. 18].

Как правило, родительские отпуска в разных странах существенно отличаются по ряду параметров — продолжительности, размеру пособий, наличию или отсутствию элементов гибкости. Международная сеть родительских отпусков и развития выделяет 8 элементов гибкости, среди которых — возможность использования отпуска обоими родителями одновременно, выбор продолжительности отпуска в зависимости от размера пособия (схема «более короткий отпуск — более высокая оплата» или «более продолжительный отпуск — более низкая оплата»).

та»), возможность работать в режиме неполного рабочего дня во время отпуска и другое [4, с. 20]. На рис. 1 представлены общие характеристики родительских отпусков и особенности политики отпусков в России.

Исторически становлению системы родительских отпусков в том виде, в котором она существует сейчас, предшествовала необходимость решения гендерного вопроса. На рубеже XIX–XX вв. в России и странах Европы обязанность по воспитанию детей возлагалась на женщин. Как правило, женщины не работали и в случае потери кормильца оказывались в тяжёлом материальном положении [5, с. 36]. Постепенно женщины вовлекались в экономическую деятельность, однако рождение ребёнка препятствовало их возвращению на рынок труда. В 1917 г. в РСФСР декретом ВЦИК «О страховании на случай болезни» был введён оплачиваемый отпуск по беременности и родам продолжительностью 168 дней. В течение этого времени работнице запрещалось трудиться на предприятии (56 дней до родов и 112 дней после). В Европе материнский отпуск получил нормативный статус в 1919 г. — в этом году МОТ утвердила Конвенцию «Об охране материнства», направленную на защиту работающих женщин до и после родов [6, с. 173]. С течением времени возникала потребность в более длительном отпуске, который бы позволил одному или обоим родителям участвовать в воспитании детей.

В 1996 г. Совет Европы обязал страны ЕС ввести неоплачиваемые родительские отпуска продолжительностью более 3 месяцев. Спустя 20 лет начали появляться первые отцовские отпуска [7, с. 2]. Несмотря на то, что становление системы родительских отпусков сопровождалось постоянными трансформациями, их первоначальное предназначение осталось неизменным — это охрана здоровья матери и ребёнка, обеспечение гендерного равенства и защита работающих родителей на рынке труда. Многоаспектность родительских отпусков является причиной их

популярности среди зарубежных учёных. Цель данной статьи — изучить влияние политики родительских отпусков на социально-экономические процессы (обеспечение гендерного равенства, защита занятости населения и повышение уровня рождаемости) и связанные с ними направления государственной политики.

Родительские отпуска и гендерное равенство

Гендерное равенство является одним из приоритетных направлений политики современных демократических государств. Женщины всё активнее вовлекаются в экономическую деятельность, стремятся к самореализации и карьерному росту. Исследователи отмечают, что гендерное равенство практически достигнуто в публичной сфере [5, с. 5]. Однако в России сохраняется значительный разрыв в оплате труда мужчин и женщин — например, в 2019 г. средняя заработная плата специалистов высшего уровня квалификации среди мужчин составила 62 тыс. рублей, а среди женщин аналогичного уровня этот показатель был ниже на 43%¹. Тем не менее прослеживается положительная динамика. Например, в 2016 г. количество руководителей-мужчин на 28% превышало количество руководителей-женщин. К 2020 г. этот разрыв сократился до 16%². Но несмотря на успехи в преодолении гендерной асимметрии в сфере занятости, разделение домашних обязанностей остаётся несбалансированным. Как правило, забота о детях и старших родственниках, а также организация быта традиционно возлагаются на плечи женщин.

Первые попытки поддержать беременных женщин и молодых матерей начали предприниматься после промышленной революции в конце XIX в., когда женщины стали чаще работать вне дома. В 1877 г. в Швейцарии был впервые запре-

¹ Труд и занятость в России. 2021: Стат. сб. / Росстат. — Москва, 2021. — 177 с.

² Труд и занятость в России. 2017: Стат. сб. / Росстат. — Москва, 2017. — 261 с.

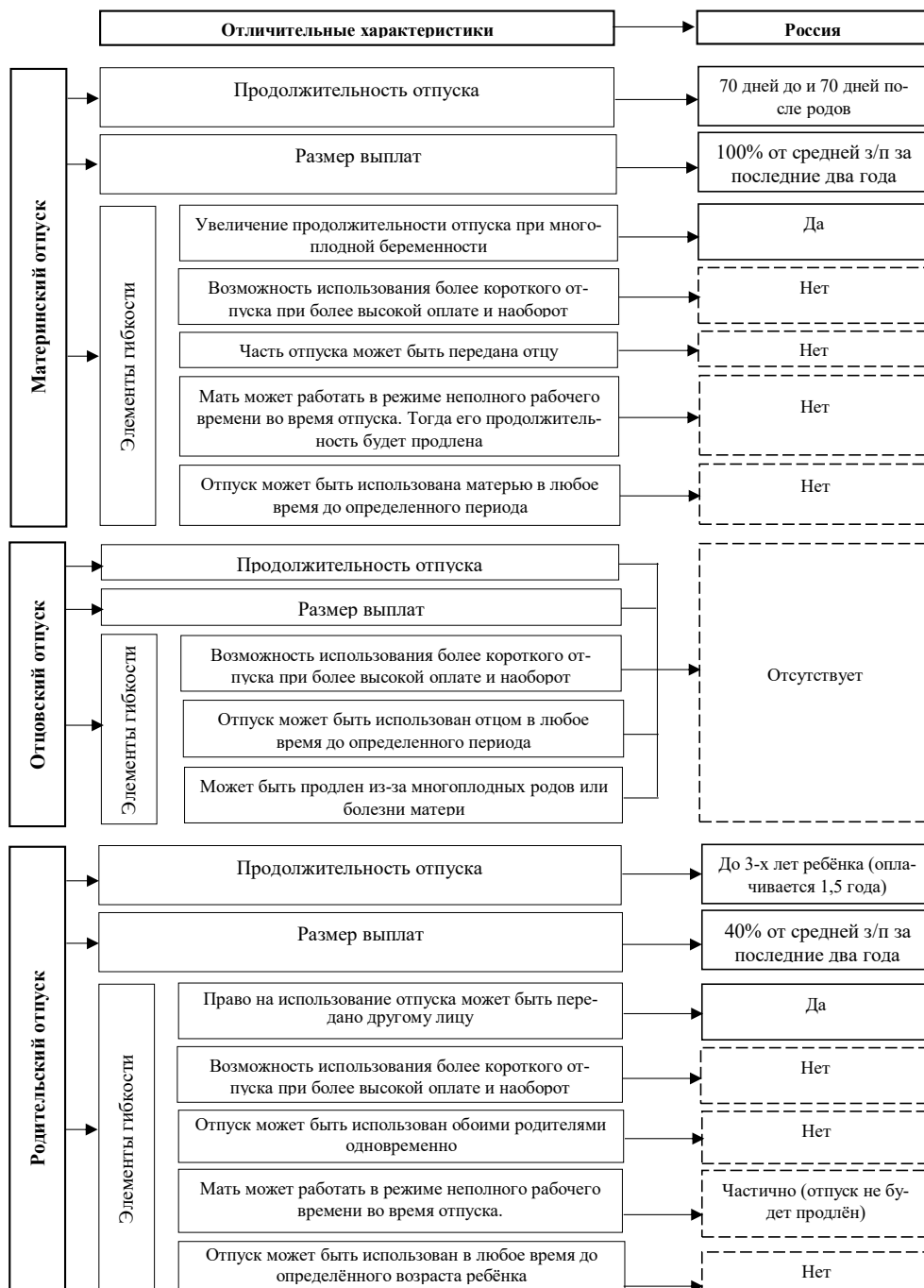

Рис. 1. Отличительные элементы родительских отпусков (на примере России)

Fig. 1. Distinctive elements of parental leave (on the example of Russia)

Источник: составлено автором на основе ТК РФ и [4].

щён труд женщин на производстве в течение двух недель до родов и шести — после. В последующие 10 лет аналогичные законы были приняты в Германии, Венгрии, Австрии, Норвегии и Швеции [8]. Изначально эти законы предполагали полный запрет на трудоустройство беременных женщин. Однако впоследствии политика занятости в отношении молодых женщин была пересмотрена — возникла потребность в сохранении рабочего места и дохода женщин в период их отсутствия на рынке труда. Эта необходимость обусловила появление первых материнских отпусков. До конца 1970-х гг. в большинстве европейских государств продолжал действовать гендерный контракт, согласно которому мужчина являлся кормильцем, а женщина — хранительницей домашнего очага [9, с. 201]. В обществе было распространено представление о ключевой роли матери в жизни ребёнка. По этой причине на протяжении всего XX в. в законодательстве закреплялись только материнские отпуска. Со временем женщины всё активнее вовлекались в экономическую деятельность, поэтому использование материнских отпусков стало практически повсеместным. Отметим, что в период своего становления родительские отпуска в большинстве европейских государств оплачивались частично или не оплачивались совсем. По этой причине семьи делали экономически рациональный выбор — право на отпуск использовал родитель с меньшим доходом. Поскольку заработная плата женщины чаще всего уступала уровню дохода её супруга, в большинстве случаев родительский отпуск использовала именно она [5, с. 37].

Для того, чтобы обеспечить гендерное равенство в профессиональной и семейной сферах жизнедеятельности многие страны предприняли дополнительные попытки вовлечения мужчин в воспитание детей на ранних этапах их развития. Первые практики отцовских отпусков появились в конце XX в. в Норвегии, Дании, Исландии и Швеции. Эти страны предложили новую модель отпусков — часть оплачивае-

мого отпуска («отцовская квота») закреплялась за отцом и «сгорала» в случае её неиспользования [10, с. 190]. В последнее время подобные квоты стали внедряться и в других странах, например, в Германии и Португалии [11]. Несмотря на то, что «отцовские квоты» не являются основным и исчерпывающим инструментом для достижения гендерного равенства, многие исследователи отмечают, что они способствуют более интенсивному включению мужчин в воспитание детей. Кроме того, фиксируются трансформации в общественном сознании — постепенно ломаются традиционные гендерные стереотипы о роли мужчин и женщин, в частности, представление о том, что забота о маленьких детях — это прерогатива матери [12, с. 5].

Использование «отцовских квот» — не повсеместная практика, однако с каждым годом она становится более популярной, особенно в странах-флагманах в области родительских отпусков. Так, результаты исследования норвежских учёных продемонстрировали, что в 2015 г. 39% отцов в Норвегии воспользовались своим правом на отпуск. Ранее, когда «отцовских квот» не существовало, этот показатель составлял 4% [13, с. 815]. Наиболее активное использование отпусков отцами отмечается в Швеции и Португалии — в 2019 г. доля «вовлечённых отцов» в этих странах составляла 76% и 77% соответственно [14, с. 354]. В России отцовский отпуск отсутствует, однако отцы вправе полностью или частично воспользоваться отпуском по уходу за ребёнком. Эта перспектива привлекает мало семей — в 2019 г. лишь 2% отцов пошли в отпуск по уходу за ребёнком вместо матери³. Но такой низкий показатель связан не только с нежеланием отцов. Иногда работодатели отказывают отцам в праве на отпуск, ссылаясь на то, что это женская обязанность⁴.

³ Каждый пятидесятый отец в России берет «декретный» отпуск // Сайт Фонда социального страхования. — URL: <https://fss.gov.ru/ru/news/2019/365644.shtml> (дата обращения: 19.06.2022).

⁴ Отцы-силовики выиграли в ЕСПЧ иск о праве на отпуск по уходу за ребёнком // РБК. — URL: <https://www.rbc.ru/society/08/07/2021/60e6977b9a7947d296f36a53> (дата обращения: 10.01.2023).

Слабый интерес мужчин к использованию родительских отпусков наблюдается не только в России. Практика показывает, что только малая часть европейских мужчин проводит в родительском отпуске больше времени, чем это предписано квотой. Квоты создают норму, согласно которой отцы должны находиться в родительском отпуске фиксированное количество времени. При этом оставшаяся часть отпуска может быть использована как матерью, так и отцом. Исследователи отмечают, что остаток отпуска используется преимущественно женщинами [15, с. 323].

Сегодня родители большинства европейских государств вправе использовать весь родительский отпуск или его часть одновременно. Однако, как утверждают учёные, такая возможность имеет свои недостатки. Совместный отпуск приводит к смещению ролей — отец становится, скорее, помощником матери, которая,

согласно традиционным представлениям, обладает более глубокими знаниями о правильном уходе за детьми. В результате мужчина не имеет возможности проявить свою инициативность и самостоятельность в процессе воспитания ребёнка [16, с. 20]. Тем не менее, в отношении самостоятельных отцовских отпусков вердикт большинства исследователей более однозначен — это полезная практика. Во-первых, отцовские отпуска позволяют достичь гендерного равенства внутри семьи — супруги пропорционально разделяют домашние обязанности между собой. Во-вторых, ответственное отцовство оказывает положительное воздействие на семью и общество в целом (рис. 2). В частности, вовлечение мужчин в родительство способствует сохранению эмоционального и психического здоровья матери и ребёнка.

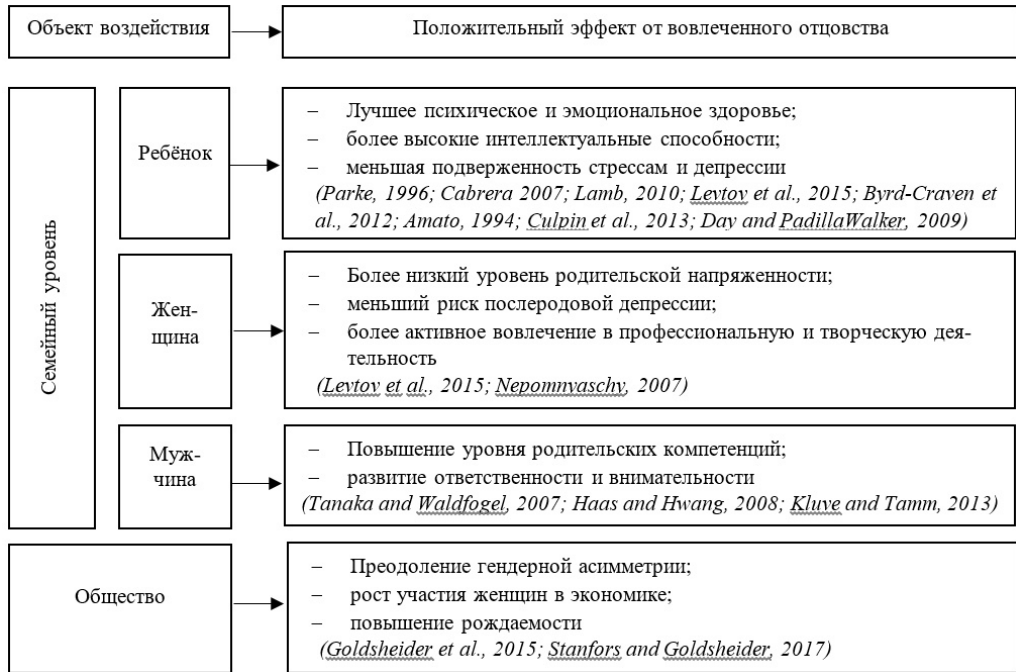

Рис. 2. Положительные эффекты от вовлечённого отцовства

Fig. 2. Positive effects of involved paternity

Источник: составлено автором.

Отметим, что феномен «вовлечённого отцовства» все чаще попадает в фокус внимания отечественных исследователей (Т.В. Авдеева, Т.А. Гурко, Е.Ю. Рождественская, И.Н. Тартаковская, Ж.В. Чернова). Учёные отмечают, что в России по-прежнему сильны гендерные установки относительно роли мужчины и женщины в семье, а дискурс отцовства по-разному воспринимается среди различных социальных групп [17]. Тем не менее, наблюдается сдвиг в сторону признания ответственного отцовства как одного из факторов благополучного развития ребёнка. Примером развития движения «заботливого отцовства» в России является появление «папа-школ», направленных на формирование у отцов навыков взаимодействия с ребёнком [18, с. 28].

Родительские отпуска и рынок труда

Исторически материнский отпуск предназначался для того, чтобы сохранить здоровье матери и ребёнка, а также обеспечить безопасные условия для физического и эмоционального состояния женщины после родов. Однако родительские отпуска преследовали и другие цели — их введение было обусловлено социально-экономическими процессами и необходимостью защитить работника во время его отсутствия на рынке труда [19, с. 428].

Как правило, фокус внимания исследователей направлен на занятость женщин на рынке труда. Здесь прослеживается связь с гендерным вопросом — считается, что женщины чаще мужчин подвергаются ущемлению своих прав на рынке труда по признаку семейного положения [5, с. 36]. Учёные не раз говорили о том, что наличие детей может оказывать существенное влияние на профессиональные результаты женщины и её продвижение по карьерной лестнице. Во-первых, работодатели с осторожностью относятся к соискателям с детьми. Считается, что такие работники менее продуктивны и работоспособны, поскольку вынуждены отвлекаться на решение семейных проблем. Во-вторых, совмещение профессиональных и семейных обязанностей од-

новременно может приводить к высокому уровню эмоционального и физического напряжения работника. Эмоциональный дисбаланс, в свою очередь, провоцирует неудовлетворённость человека обеими сферами своей жизнедеятельности [20, с. 150].

Для того, чтобы снизить градус социальной напряжённости и повысить уровень занятости женщин, сначала на Западе, а затем и в России начали вводиться родительские отпуска. Исследователи отмечают положительное влияние отпусков на участие женщин в экономике. Родительские отпуска мотивируют их включаться в профессиональную деятельность ещё до рождения ребёнка, поскольку законодательство гарантирует право работников на сохранение занимаемой ими должности и части заработка (а в некоторых государствах — полного заработка) в период ухода за детьми. Ранее, когда родительские отпуска ещё не существовали, девушки не спешили устраивать свою профессиональную жизнь до деторождения, опасаясь потери работы после появления детей. Кроме того, родительские отпуска повышают вероятность возвращения женщин на рынок труда после рождения ребёнка. Учёные связывают эту тенденцию со снижением издержек, связанных с повторным включением женщин в экономическую деятельность — им не нужно переживать о потере работы и тратить силы на поиски нового рабочего места [7].

Тем не менее, политика родительских отпусков не раз подвергалась критике. Основные исследовательские споры связаны с продолжительностью отпусков. Некоторые учёные утверждают, что длительное отсутствие на рабочем месте приводит к снижению человеческого капитала работников (они теряют часть своих профессиональных навыков, с трудом приступают к реализации новых задач и пр.). Для того, чтобы поддерживать стабильный уровень занятости среди молодых женщин, многие европейские государства постепенно отходят от политики длительных отпусков и сокращают период оплачиваемого отпуска. Как правило, это мотивирует женщин активнее

включаться в экономическую деятельность после деторождения. Исследователи отмечают, что отцовские квоты также благоприятно сказываются на занятости матерей. Поскольку отцы могут какое-то время заменять женщину дома (осуществлять домашние обязанности и уход за детьми), матери имеют возможность вернуться к своим профессиональным задачам намного раньше, заведомо облегчая свою адаптацию на рабочем месте после долгого перерыва⁵.

С 1969 по 1993 г. К. Рахм проводил лонгитюдное исследование о связи родительских отпусков с уровнем занятости и доходов женщин в 9 европейских странах. Результаты продемонстрировали положительное влияние менее длительных отпусков (от 3 до 9 месяцев) на экономическую активность женщин — такие отпуска способствуют повышению уровня их занятости на 3–4%, однако практически не влияют на размер заработной платы. Родительские отпуска продолжительностью более 9 месяцев не оказывают существенного воздействия на занятость женщин, но негативно влияют на уровень доходов [21]. В России отпуск по уходу за ребёнком является одним из самых продолжительных — 36 месяцев (оплачивается 18 из них). При этом женщины отмечают, что такое длительное отсутствие на рынке труда может пагубно сказываться на профессиональной деятельности. В частности, после длительного отсутствия женщины испытывают на себе давление со стороны работодателя и чувствуют себя «чужими» в коллективе [22, с. 161].

Защита занятости женщин в период родительского отпуска приводит и к другим экономически значимым последствиям. Во-первых, нивелируется гендерный дисбаланс на рынке труда. Во-вторых, снижается разница в оплате труда мужчин и женщин. Эта тенденция, как правило, характерна для стран, где активно практикуются отцовские отпуска и квоты. Участие отцов в воспита-

нии детей позволяет женщинам вернуться к своей профессиональной деятельности и получать заработную плату в полном объёме. В долгосрочной перспективе снижение разрыва в оплате труда уменьшает разницу в размере пенсий мужчин и женщин [23, с. 10].

Родительские отпуска и рождаемость

Родительские отпуска оказывают, скорее, косвенное влияние на уровень рождаемости. В рамках реформы родительских отпусков в Германии в 2007 г. была уменьшена продолжительность оплачиваемого родительского отпуска до 12 месяцев и введён отцовский отпуск. Также была установлена новая система оплаты — находясь в отпуске, родитель мог получать пособие в размере 65% от своей заработной платы. В результате уровень рождаемости среди женщин с более высоким уровнем образования и дохода возрос на 23% [24, с. 220]. Но сократилось количество последующих рождений среди молодых матерей. После возвращения на рынок труда матери отдавали предпочтение профессиональной карьере, а не второму или третьему деторождению.

Такие же неоднозначные результаты наблюдались после внедрения практики отцовских отпусков. С одной стороны, участие отцов в воспитании детей и равное распределение обязанностей между супругами снижает уровень материнской нагрузки, способствует установлению благоприятного психологического климата в семье. В результате вероятность развода в таких парах снижается (особенно в первые годы после рождения ребёнка), а репродуктивные установки матери смещаются в пользу рождения второго и последующих детей.

С другой стороны, вовлечение отца в уход за ребёнком позволяет женщине вернуться на рынок труда и посвятить своё время профессиональным и творческим задачам. Успех в карьере обуславливает увеличение альтернативных издержек женщины в случае рождения ребён-

⁵ Cnaan S., Lassen A.S., Rosenbaum P., Steingrimsdottir H. Maternity Leave and Paternity Leave: Evidence on the Economic Impact of Legislative Changes in High Income Countries // IZA Discussion Papers. — No. 15129. — Institute of Labor Economics (IZA), 2022. — P. 17, 431.

ка (упущенная профессиональная выгода, которая возникает в процессе воспитания детей – родители теряют часть своего потенциального дохода, снижаются темпы их карьерного роста). По этой причине родители (преимущественно матери) отдадут предпочтение карьере, нежели рождению детей или откладывают деторождение на более поздний срок.

Обсуждение и выводы

Сегодня теме родительских отпусков посвящён большой объём зарубежной научной литературы – родительские отпуска являются одним из важнейших инструментов не только семейной, но и социально-экономической политики государства в целом. Учёные говорят о положительном воздействии родительских отпусков (преимущественно отцовских) на установление гендерного равенства (в частности, на преодоление разрыва между заработной платой мужчин и жен-

щин), на формирование благоприятного эмоционального климата в семье, обеспечение психологического здоровья родителей и ребёнка. Основной экономической эффект от использования родительского отпуска связан с увеличением уровня занятости родителей – законодательство гарантирует сохранение их рабочего места и уровня дохода в период отсутствия на рынке труда.

Результаты проведённого теоретического анализа позволяют нам говорить о тесной взаимосвязи политики родительских отпусков с другими направлениями государственной политики. Каждый из видов отпусков преследует конкретные цели, которые соотносятся с задачами отдельных политик – демографической политики, политики занятости населения и политики гендерного равенства. Взаимосвязь политики родительских отпусков с другими направлениями государственной политики представлена на рис. 3.

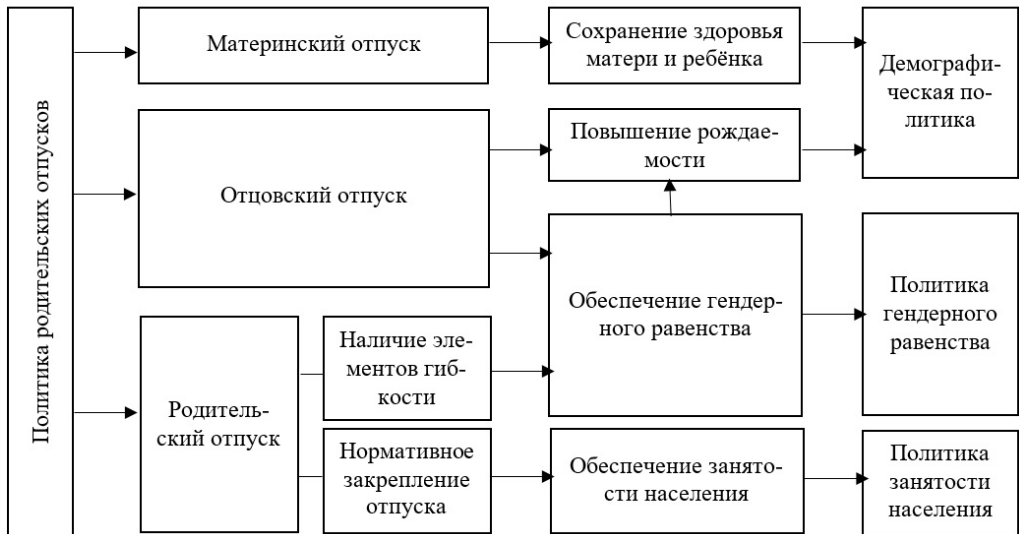

Рис. 3. Взаимосвязь политики родительских отпусков с другими направлениями государственной политики

Fig. 3. Interrelation of the parental leave policy with other areas of state policy

Источник: составлено автором.

Само по себе наличие взаимосвязи между политикой отпусков и другими направлениями государственной политики формирует почву для целого ряда исследований. Российская система родительских отпусков существенно отличается от аналогичной практики в европейских странах — в частности, отсутствуют отцовские отпуска и некоторые элементы гибкости (например, возможность использовать отпуск по уходу за ребёнком обоими родителями одновременно). Между тем, в раз-

вити политики родительских отпусков, равно как и в исследовании этого феномена на примере отечественного опыта, видится существенная перспектива. Сегодня родительские отпуска, будучи одним из направлений государственной политики, заслуживают особенного внимания со стороны представителей органов власти, поскольку трансформация родительских отпусков в России может способствовать преодолению ряда негативных тенденций в сферах занятости и демографии.

Литература и Интернет-источники

1. **Del Rey, E.** Labour Market Effects of Reducing the Gender Gap in Parental Leave Entitlements / E. Del Rey, M. Racionero, J.L. Silva // *Labour Economics*. — 2021. — Vol. 72. — No. 1. — P. 1–12. DOI: 10.1016/j.labeco.2021.102036
2. **Bergemann, A.** Maternal employment effects of paid parental leave / A. Bergemann, R. T. Riphahn // *Journal of Population Economics*. — 2022. DOI: 10.1007/s00148-021-00878-7
3. **Strang, L.** Maternity leave policies: Trade-offs between labour market demands and health benefits for children / L. Strang, B. Miriam. — Santa Monica, CA : RAND Corporation, 2016. — URL: https://www.rand.org/pubs/research_reports/RR1734.html (дата обращения: 11.06.2022).
4. **Koslowski, A.** 17th International Review of Leave Policies and Related Research 2021 / A. Koslowski, S. Blum, I. Dobrotić, G. Kaufman, P. Moss — 2021. — 641 p. DOI: 10.18445/20210817-144100-0
5. **Miriam, R.** Promoting gender equality through regulation: the case of parental leave / R. Miriam // *The Theory and Practice of Legislation*. — 2021. — Vol. 9. — No. 1. — P. 35–57. DOI: 10.1080/20508840.2020.1830565
6. **O'Neill, M. S.** The history of welfare and paid maternity leave in Australia / M. S. O'Neill, R. E. Johns // *Proceedings of the IERA 2009 17th Annual Conference*. — 2009. P. 172–196. Available at: <https://opus.lib.uts.edu.au/handle/10453/11435> (дата обращения: 11.06.2022).
7. **Akgunduz, Y.E.** Labour Market Effects of Parental Leave in Europe / Y.E. Akgunduz, J. Plantenga // *Cambridge Journal of Economics*. — 2013. — Vol. 37. — No. 4. — P. 45–62. DOI: 10.1093/cje/bes052
8. **Wikander, U.** Protecting women labor legislation in Europe, the United States, and Australia, 1880–1920. / U. Wikander, A. Kessler-Harris, J. Lewis. — Chicago : University of Illinois Press. — 1995. DOI: 10.1080/00213624.1996.11505885
9. **Crompton, R.** Discussion and Conclusions // *Restructuring Gender Relations and Employment. The Decline of the Male Breadwinner* / R. Crompton. — Oxford and NY : Oxford University Press. — 1999. — P. 200–214.
10. **Tamm, M.** Fathers' parental leave-taking, childcare involvement and labor market participation / M. Tamm // *Labour Economics*. — 2019. — Vol. 59. — P. 184–197. DOI: 10.1016/j.labeco.2019.04.007
11. **Reimer, T.** Germany country note / T. Reimer, D. Erler, S. Blum // *International review of leave policies and research*. — 2017. — P. 173–184.
12. **Boll, C.** Paternal childcare and parental leave policies: Evidence from industrialized countries / C. Boll, J. Leppin, N. Reich // *Review of Economics of the Household*. — 2014. — Vol. 12. — P. 129–158. DOI: 10.1007/s11150-013-9211-z
13. **Cools, S.** Causal effects of paternity leave on children and parents / S. Cools, J.H. Fiva, L.J. Kirkeboen // *The Scandinavian Journal of Economics*. — 2015. — Vol. 117. — No. 3. — P. 801–828. DOI: 10.1111/sjoe.12113
14. **Duvander, A. Z.** Parental leave use for different fathers: A study of the impact of three Swedish parental leave reforms / A. Z. Duvander, M. Johansson // *Fatherhood in the Nordic welfare states: Comparing care policies and practice*. — 2014. — P. 349–369. DOI: 10.1332/policypress/9781447310471.003.0016

15. **Arnalds, Á.A.** Equal rights to paid parental leave and caring fathers—the case of Iceland / A.A. Arnalds, G. B. Eydal, I. V. Gíslason // *Stjórnmál og stjórnsýsla*. — 2013. — Vol. 9. — No. 2. — P. 323. DOI: 10.13177/irpa.a.2013.9.2.4
16. **Brandth, B.** Masculinity and fathering alone during parental leave / B. Brandth, E. Kvande // *Men and Masculinities*. — 2018. — Vol. 21. — No. 1. — P. 72–90. DOI: 10.1177/1097184X16652659
17. **Рождественская, Е. Ю.** Вовлечённое отцовство. Заботливая маскулинность / Е. Ю. Рождественская // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. — 2020. — № 5. — С. 155–185. DOI: 10.14515/monitoring.2020.5.1676; EDN: DMPPZW
18. **Римашевская, Н. М.** Отцовство в России сегодня / Н. М. Римашевская, М. М. Малышева, М. П. Писклакова-Паркер [и др.]. — Москва : ИСЭПН РАН, 2016. — 120 с. EDN: SQYEIJ
19. **Valentova, M.** The impact of parental leave policy on the intensity of labour-market participation of mothers: Do the number of children and pre-birth work engagement matter? / M. Valentova // *Journal of European Social Policy*. — 2018. — Vol. 29. — No. 3. DOI: 10.1177/0958928718776826
20. **Kluve, J.** Back to work: Parental benefits and mothers' labor market outcomes in the medium run / J. Kluve, S. Schmitz // *Industrial and Labor Relations Review*. — 2018. — Vol. 71. — No. 1. — P. 143–173. DOI: 10.1177/0019793917710933
21. **Ruhm, C. J.** The economic consequences of parental leave mandates: Lessons from Europe / C. J. Ruhm // *The Quarterly Journal of Economics*. — 1998. — Vol. 113. — No. 1. — P. 285–317. DOI: 10.1162/003355398555586
22. **Багирова, А. П.** Совмещение профессионального и родительского труда в оценках уральских женщин: объективные и субъективные барьеры / А. П. Багирова, Н. Д. Бледнова // *Женщина в российском обществе*. — 2021. — № 0. — С. 150–167. DOI: 10.21064/WinRS.2021.0.10; EDN: RQREMU
23. **Janta, B.** Paternity and parental leave policies across the European Union / B. Janta, K. Stewart — Luxembourg: European Commission, 2018. — 6 p. DOI: 10.2767/51284
24. **Raute, A.** Can financial incentives reduce the baby gap? Evidence from a reform in maternity leave benefits A. Raute // *Journal of Public Economics*. — 2019. — Vol. 169. — P. 203–222. DOI: 10.1016/j.jpubeco.2018.07.010

Сведения об авторе:

Бледнова Наталья Дмитриевна, ассистент, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия.

Контактная информация: e-mail: n.d.blednova@urfu.ru; ORCID: 0000-0001-5362-7905; РИНЦ AuthorID: 1075000.

DOI: 10.19181/population.2023.26.1.6

PARENTAL LEAVE IN THE SYSTEM OF SOCIO-ECONOMIC PROCESSES: A THEORETICAL REVIEW

Natalia D. Blednova

Ural Federal University

(19 Mira str., Ekaterinburg, Russia, 620002)

**E-mail: n.d.blednova@urfu.ru*

Funding:

This work is supported by the Russian Science Foundation under grant № 22-28-01847. URL: <https://rscf.ru/project/22-28-01847/>.

For citation:

Blednova N.D. Parental leave in the system of socio-economic processes: a theoretical review. *Narodonaselenie [Population]*. 2023. Vol. 26. No. 1. P. 70-82. DOI: 10.19181/population.2023.26.1.6 (in Russ.)

Abstract. Parental leave is one of the most important components in the structure of family policy in most developed countries. In foreign practice, three types of leaves are available: maternity leave, paternity leave and parental leave. The researchers note that development of the leave policy has a favorable economic, social and demographic effect. For this reason, the issue of leaves is becoming more and more popular every year and attracts attention of a wide range of scientists. Nevertheless, in the domestic scientific literature, the phenomenon of parental leave remains practically unexplored. This article is devoted to the study of the impact of parental leave on other socio-economic processes — employment, gender equality and fertility — and related areas of government policy. Exploring this relationship, the author notes positive impact of paternity leave and paternity quotas on the distribution of responsibilities between men and women in the professional and family spheres of life. The positive economic effects from the use of parental leave as one of the tools to protect workers in the labor market are described. These effects consist mainly in increasing the employment rate of women and reducing the wage gap between men and women. In addition, the impact of parental leave on the birth rate is considered — on the one hand, the use of paternity leave stimulates parents for subsequent childbearing, on the other hand, opportunity costs increase, which negatively affect the reproductive attitudes of mothers. The author draws a conclusion about the relationship between parental leave policy and other areas of state policy — employment policy, gender equality policy and demographic policy. In the author's opinion, the discovered relationship indicates the importance of the issue of parental leave and the need to study it in Russia.

Keywords: parental leave, maternity leave, paternity leave, parents, employees with children.

References and Internet sources

1. Del Rey E., Racionero M., Silva J. Labour market effects of reducing the gender gap in parental leave entitlements. *Labour Economics*. 2021. Vol. 72. No. 1. P. 1–12. DOI: 10.1016/j.labeco.2021.102036
2. Bergemann A., Riphahn R.T. Maternal employment effects of paid parental leave. *Journal of Population Economics*. 2022. DOI: 10.1007/s00148-021-00878-7
3. Strang L., Miriam B. *Maternity Leave Policies: Trade-offs between Labour Market Demands and Health Benefits for Children*. Santa Monica, CA: RAND Corporation. 2016. Available at: https://www.rand.org/pubs/research_reports/RR1734.html (Accessed 11 June 2022).
4. Koslowski A., Blum S., Dobrotić I., Kaufman G., Moss P. *17th International Review of Leave Policies and Related Research 2021*. 2021. 641 p. DOI: 10.18445/20210817-144100-0.
5. Miriam R. Promoting gender equality through regulation: the case of parental leave. *The Theory and Practice of Legislation*. 2021. Vol. 9. No. 1. P. 35–57. DOI: 10.1080/20508840.2020.1830565
6. O'Neill M. S., Johns R.E. The history of welfare and paid maternity leave in Australia. *Proceedings of the IERA 2009 17th Annual Conference*. 2009. P. 172–196. Available at: <https://opus.lib.uts.edu.au/handle/10453/11435> (Accessed 11 June 2022).
7. Akgunduz Y.E., Plantenga J. Labour market effects of parental leave in Europe. *Cambridge Journal of Economics*. 2013. Vol. 37. No. 4. P. 45–62. DOI: 10.1093/cje/bes052
8. Wikander U., Kessler-Harris A., Lewis J. *Protecting Women Labor Legislation in Europe, the United States, and Australia, 1880–1920*. University of Illinois Press. 1995. DOI: 10.1080/00213624.1996.11505885
9. Crompton R. Discussion and conclusions. *Restructuring Gender Relations and Employment. The Decline of the Male Breadwinner*. Oxford and NY: Oxford University Press. 1999. P. 200–214.
10. Tamm M. Fathers' parental leave-taking, childcare involvement and labor market participation. *Labour Economics*. 2019. Vol. 59. P. 184–197. DOI: 10.1016/j.labeco.2019.04.007
11. Reimer T., Erler D., Blum S. Germany country note. *International Review of Leave Policies and Research*. 2017. P. 173–184.

12. Boll C., Leppin J., Reich N. Paternal childcare and parental leave policies: Evidence from industrialized countries. *Review of Economics of the Household*. 2014. Vol. 12. P. 129–158. DOI: 10.1007/s11150–013–9211-z
13. Cools S., Fiva J.H., Kirkeboen L.J. Causal effects of paternity leave on children and parents. *The Scandinavian Journal of Economics*. 2015. Vol. 117. No. 3. P. 801–828. DOI: 10.1111/sjoe.12113
14. Duvander A.Z., Johansson M. Parental leave use for different fathers: A study of the impact of three Swedish parental leave reforms. *Fatherhood in the Nordic Welfare States: Comparing Care Policies and Practice*. 2014. P. 349–369. DOI: 10.1332/policypress/9781447310471.003.0016
15. Arnalds Á.A., Eydal G.B., Gíslason I.V. Equal rights to paid parental leave and caring fathers—the case of Iceland. *Stjórnmal og stjórnsýsla*. 2013. Vol. 9. No. 2. P. 323. DOI: 10.13177/irpa.a.2013.9.2.4
16. Brandth B., Kvande E. Masculinity and fathering alone during parental leave. *Men and Masculinities*. 2018. Vol. 21. No. 1. P. 72–90. DOI: 10.1177/1097184X16652659
17. Rozhdestvenskaya E. Y. Vovlechonnoye ottsovstvo. zabotlivaya maskulinnost [Involved fatherhood, caring m masculinity]. Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskiye i sotsialnyye peremeny [Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes]. 2020. No. 5. P. 155–185. DOI: 10.14515/monitoring. 2020.5.1676. (in Russ.)
18. Rimashevskaya N.M., Malysheva M.M. Pisklakova-Parker M. P., Morozova T.V., Limanskaya V.O. Ottsovstvo v Rossii segodnya [Fatherhood in Russia Today]. 2016. Moscow. ISEPN RAN [Institute of Socio-Economic Studies of Population RAS]. 120 p. (in Russ.)
19. Valentova M. The impact of parental leave policy on the intensity of labour-market participation of mothers: Do the number of children and pre-birth work engagement matter? *Journal of European Social Policy*. 2018. Vol. 29. No. 3. DOI: 10.1177/0958928718776826
20. Kluge J., Schmitz S. Back to work: Parental benefits and mothers' labor market outcomes in the medium run. *Industrial and Labor Relations Review*. 2018. Vol. 71. No. 1. P. 143–173. DOI: 10.1177/0019793917710933
21. Ruhm C.J. The economic consequences of parental leave mandates: Lessons from Europe. *The Quarterly Journal of Economics*. 1998. Vol. 113. No. 1. P. 285–317. DOI: 10.1162/003355398555586
22. Bagirova A.P., Blednova N.D. Sovmeshcheniye professional'nogo i roditel'skogo truda v otsenakh ural'skikh zhenshchin: ob"ektivnyye i sub"ektivnyye bar'yery [Combination of professional and parental labor in assessments of Ural women: Objective and subjective barriers]. *Zhenshchina v rossijskom obshchestve [Woman in Russian Society]*. 2021. No. 0. P. 150–167. DOI: 10.21064/WinRS.2021.0.10 (in Russ.)
23. Janta B., Stewart K. *Paternity and Parental Leave Policies across the European Union*. Luxembourg: European Commission. 2018. 6 p. DOI: 10.2767/51284
24. Raute A. Can financial incentives reduce the baby gap? Evidence from a reform in maternity leave benefits. *Journal of Public Economics*. 2019. Vol. 169. P. 203–222. DOI: 10.1016/j.jpubeco.2018.07.010

Information about the author:

Blednova Natalia Dmitrievna, Assistant, Ural Federal University, Ekaterinburg, Russia.

Contact information: e-mail: n.d.blednova@urfu.ru; ORCID: 0000–0001–5362–7905; РИНЦ AuthorID: 1075000.

Статья поступила в редакцию 29.09.2022, одобрена в печать 15.02.2023, опубликована 30.03.2023.

МИГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ

DOI: 10.19181/population.2023.26.1.7
EDN: NZGFVX

ЭМИГРАЦИИ ИЗ РОССИИ В США И КАНАДУ В КОНТЕКСТЕ РАСШИРЕНИЯ РУССКОГОВОРЯЩИХ СООБЩЕСТВ

Лукьянец А. С. * Тышкевич А. И.

Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН
(119333, Россия, Москва, ул. Фотиевой, 6, корп. 1)

*E-mail: artem_ispr@mail.ru

Финансирование:

Исследование выполнено за счёт гранта Российского научного фонда № 22-68-00210. – URL: <https://rscf.ru/project/22-68-00210>.

Для цитирования:

Лукьянец А. С., Тышкевич А. И. Эмиграции из России в США и Канаду в контексте расширения русскоговорящих сообществ // Народонаселение. – 2023. – Т. 26. – № 2. – С. 83-96. DOI: 10.19181/population.2023.26.1.7; EDN: NZGFVX

Аннотация: В статье рассматриваются эмиграционные потоки из России в США и Канаду. Принимающие страны своим существованием обязаны иммиграции, как в части экономического, так и геополитического положения в современном мире. С конца XIX в. из России фиксируется стабильно высокий эмиграционный поток в указанные страны. Наибольший отток пришёлся на последнее десятилетие XX в., когда с распадом СССР в эти страны, а особенно в США, резко увеличился поток эмигрантов из России. Увеличение эмиграционного оттока привело к расширению и укреплению русскоговорящего сообщества, эмигрировавшего из России в США и Канаду. В США наибольшая концентрация русскоговорящего населения сконцентрирована в трёх агломерациях: Нью-Йорк, Лос-Анджелес и Майами. На эти три агломерации приходится свыше 35% всех эмигрантов из России. В Канаде, при значительно меньшем эмиграционном потоке чем в США, наибольшая доля выходцев из России сконцентрирована в таких агломерациях как Торонто и Монреаль. С началом пандемии COVID-19 миграционные потоки в США и Канаду снизились из всех стран мира, включая и Россию. Что стало следствием как антиковидных ограничений, так и прекращением со стороны посольства США в России выдачи сначала неиммиграционных виз, а в последствии, и всех остальных типов виз. Если в пиковый 2014 г. было зафиксировано почти 390 тыс. пересечений границы США гражданами РФ, то в 2021 г. – только 77,7 тысячи. Подобная тенденция наблюдается и с эмиграционным потоком из России в Канаду. Основу миграционного потока в США в настоящее время составляют граждане России, имеющие вид на жительство или гражданство США, а также лица, получившие визы в консульских учреждениях США на территории других стран.

Ключевые слова: эмиграция, русскоговорящие сообщества, Россия, США, Канада.

Введение

Большая часть государств по всему миру сталкивалась с массовой миграцией населения. В современном мире миграция представляет собой не только простую смену места жительства, но и является для некоторых стран мощным фактором, воздействующим на демографическую, экономическую и политическую ситуации в стране. К таким странам относятся США и Канада. Эти страны обязаны своим положением на современной карте мира именно миграции, в частности иммиграции. Помимо того, что они ранее были образованы иммигрантами и их потомками, в настоящее время и США, и Канада, по-прежнему зависят от иммиграции, хотя и видят в ней угрозу национальной безопасности, когда речь заходит о нелегальной миграции, проблемы, которая в США усугубилась с приходом к власти президента Дж. Байдена.

Несмотря на то, что Россия сама активно привлекает мигрантов и до миграционного кризиса в Европе находилась на втором месте после США (в настоящее время на третьем, уступив второе место Германии), острой проблемой является эмиграционный отток преимущественно трудоспособного, высокообразованного населения в США, Канаду, Австралию и страны Европы.

Целью данного исследования является выявление основных тенденций эмиграционных потоков из России в США и Канаду и характеристика русскоязычных сообществ в этих странах. Задачами исследования являются: анализ динамики эмиграционных процессов из России в США и Канаду; исследование факторов рассматриваемых эмиграционных процессов; оценка масштабов русскоязычных сообществ в изучаемых странах. Методологическую и теоретическую базу исследования составили труды российских и зарубежных ученых по демографии, истории, экономики, социологии, международному праву, а также российские и американские нормативно-правовые акты, регули-

рующие миграционные процессы на федеральном и региональном уровнях. Гипотеза исследования: планомерное, целенаправленное взаимодействие институтов власти с русскоговорящими сообществами США и Канады, являющимися одними из самых многочисленных, будет способствовать укреплению связей с Россией и может стать одним из факторов возвращения наших соотечественников на свою историческую Родину.

Масштабы эмиграции из России в США

Пожалуй, ни в одной стране мира иммиграция не сыграла такую роль и не продолжает играть, как в США. Своим становлением, развитием, укреплением эта страна всецело обязана иммиграции. По прошествии двух веков иммиграция по-прежнему оказывает заметное влияние на социально-экономические процессы в этих двух странах. Сегодня в США каждый седьмой житель (2 из 15) является или являлся иммигрантом, то есть был рожден за пределами США. Это самый высокий уровень иммигрантов в общей численности населения страны со времён 1920-х гг. [1].

Эмиграция из России внесла свой вклад в демографическое развитие США. По данным департамента внутренней безопасности США (U.S. Department of Homeland Security) с момента статистического учёта эмиграции по конец 2021 г. из России (включая Российскую Империю и СССР) в США прибыло 4,07 млн человек¹. Это не ставит нашу страну в топ первых стран по числу прибывших, но позволяет сделать вывод, что с учётом численности населения России, данный показатель весьма чувствителен для самой России, которая при большой площади территории имеет низкую плотность населения.

Иммиграция в США из России имеет свою предысторию. Несмотря на то, что первые иммигранты из России появились в США в 1812 г., их число было незначи-

¹ Yearbook of Immigration Statistics: 2021. U.S. Department of Homeland Security, Washington, D.C. 2022. – 124 p.

тельным: с 1819 по 1855 гг. в США иммигрировало 938 человек. В некоторых годах указанного периода, такие как 1829, 1848 гг., уровень иммиграции составлял 1 человек в год. Значительное увеличение иммиграционного потока началось после отмены крепостного права в России в 1861 году. В период 1860–1869 гг. поток составил 1670 человек, в 1870–1879 гг. — 35 тыс. человек, а в 1880–1889 гг. — 183 тыс. человек [2].

В 1890–1930 гг. иммиграция из России была на третьем месте в структуре иммиграции. За этот период число иммигрантов, прибывших из России, составило 3,15 млн человек. Основную часть этого потока составляли евреи, которые пытались укрыться от преследований, которые имели место как в Европе, так и в Российской Империи. Наряду с евреями сюда входили украинцы, белорусы, литовцы и поляки. Необходимо отметить, что в конце XIX — начале XX вв. доля этнических русских среди иммигрантов была незначительна. Как показала перепись США 1910 г., в стране насчитывалось 65 тыс. этнических русских², хотя за два десяти-

леток³. Иммиграционный поток этого периода качественно отличался от предыдущих. Основную его часть составляли «белые эмигранты» — люди, которые отказались жить при новом политическом строе. Они были представителями высших классов, имеющих хорошее образование, из-за чего они быстро адаптировались и влились в американское общество [3].

В советский период эмиграция в США носила в большинстве своём эпизодический характер, в связи с закрытостью границ для подавляющей численности населения. Но с распадом СССР миграционные потоки из России в США увеличились в несколько раз. В период с 1990 по 1999 гг. гражданам России было выдано 433, 4 тыс. Green Card (разрешений на постоянное проживание), что в 11,5 раз больше, чем за предыдущее десятилетие. В период с 2000 по 2009 гг. было выдано 167,2 тыс. разрешений на постоянное проживание, в 2010–2019 гг. — 91,8 тыс. Более детальные данные по числу выданных разрешений на постоянное проживание в США (Green Card) и числу натурализованных граждан России представлены в табл. 1. Заметные

Таблица 1

Динамика выдачи разрешений на постоянное проживание в США, тыс. человек

Table 1

The dynamics of the issuance of permanent residence permits in the United States, thousands of persons

Вид разрешения	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021
Green Card	9,97	9,75	9,08	8,80	9,30	8,92	8,62	9,82	7,97	5,53
Гражданство	8,15	8,22	6,82	6,55	6,07	5,54	6,23	7,63	5,36	7,30

Источник: Yearbook of Immigration Statistics: 2021. — Washington, D.C.: U. S. Department of Homeland Security, 2022. — 124 p.

летия Российскую Империю покинуло 1,95 млн человек.

Совсем другая картина наблюдается в иммиграции в 1920–е годы. Причиной послужила революция в России, после которой началась массовая эмиграция, прежде всего, во Францию и США. За эти годы из России эмигрировало в США 1,1 млн че-

тенденции к сокращению выдачи Green Card в последние два года обусловлены, в первую очередь, пандемией COVID-19, а не снижением эмиграционного потенциала, который, как показывают исследования и опросы общественного мнения, остаётся высоким. Вторая строка таблицы отражает в целом относительную стабиль-

² Официальный сайт библиотеки конгресса. — URL: <http://memory.loc.gov/learn/features/immig/polish2.html> (дата обращения: 10.09.2022 г.)

³ Yearbook of Immigration Statistics: 2007. U.S. Department of Homeland Security. Washington, D.C. 2008. — 125 p.

ность приёма в гражданство США граждан России, так как этот показатель в меньшей зависимости находится от ограничений, вызванных COVID-19, т.к. практически все лица, получившие гражданство, уже находились на территории США, имея статус постоянных жителей.

Миграционные потоки в любую страну включают как постоянную, так и временную миграцию. Более подробно динамика временной миграции представлена на рис. 1. Видно, что пандемия COVID-19 значительно сократила миграционный поток

из России в США. Вместе с ограничением на осуществление полётов посольство США в России сначала ограничило, а потом и полностью приостановило выдачу как иммиграционных, так и неиммиграционных виз. Рассматривая динамику выезда из России в США по неиммиграционным визам необходимо понимать, что цифры показывают только факты пресечения границы, а не численность мигрантов — один человек может за года несколько раз пересечь границу, имея на руках действующую визу.

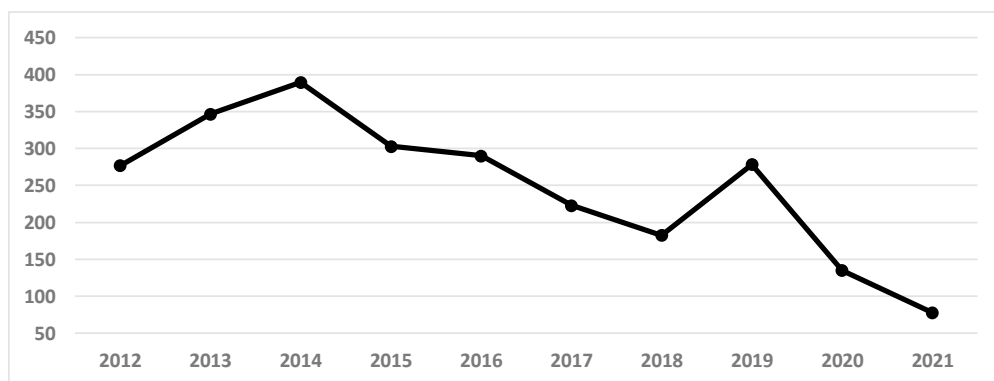

Рис. 1. Динамика въезда граждан России в США по неиммиграционным визам в 2012–2021 гг., тыс. человек

Fig. 1. Dynamics of the entry of Russian citizens to the United States on nonimmigrant visas in 2012–2021., thousands of persons

Источник: Yearbook of Immigration Statistics: 2021.— Washington, D.C.: U.S. Department of Homeland Security, 2022.— 124 p.

Не менее интересным представляется анализ эмиграционного потока из России в США в разрезе причины приобретения (категории приема) статуса постоянного жителя или проще говоря — на основе чего, гражданину России было предоставлено право на постоянное проживание. На рис 2. показано, как в 2021 г. эмигранты из России были распределены по причине приобретения статуса постоянного жителя. Видно, что $\frac{1}{2}$ приходится на категорию «Близкие родственники граждан США», следом идёт преференциальная категория, основанная на занятости в экономике США (27%) и замыкает тройку категория, основанная на гуманитарной ми-

грации, в частности предоставления статуса беженца или убежища, в том числе политического.

Эмигранты из России, получившие статус постоянных жителей в 2021 г., компактно проживают относительно большой территории США. В 2021 г., как и во все предыдущие года основными местами расселения эмигрантов из России являются три городские агломерации США: 19% или почти каждый пятый эмигрант из России проживает в Нью-Йорке или его окрестностях, 11% или каждый 10 проживает в Лос-Анжелесе и его окрестностях, 6% или каждый 20 проживает в Майами и его окрестностях. Таким образом,

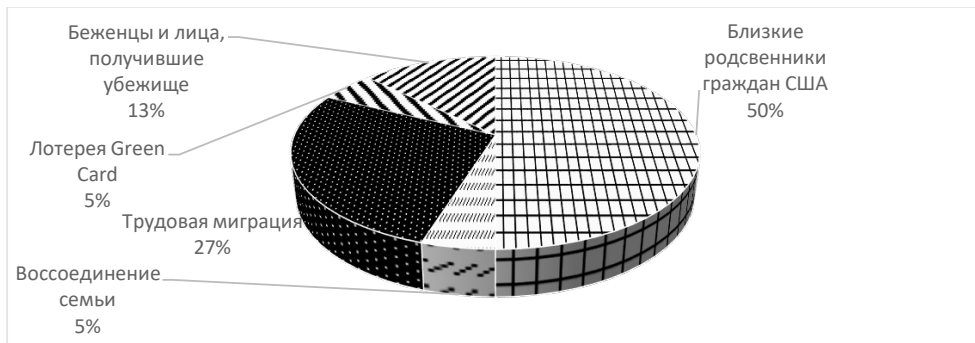

Рис. 2. Распределение эмигрантов из России в США, получивших статус постоянного жителя в 2021 г., по причине приобретения статуса

Fig. 2. Distribution of immigrants from Russia to the USA who obtained permanent resident status in 2021 by broad class of admission and country of the last residence

Источник: Yearbook of Immigration Statistics: 2021. — Washington, D.C.: U.S. Department of Homeland Security, 2022. — 124 p.

более трети всех эмигрантов из России, получивших статус постоянного жителя в 2021 году, проживают в трёх крупных агломерациях США, в которых доля иммигрантского населения является одной из самых высоких в США.

Распределение временных мигрантов, въезжающих в США по неиммиграционным визам, по целям прибытия в 2021 г. выглядело так: бизнес и туризм — 67,8 тыс. человек (83,7%); студенты и участники программ обмена — 5,0 тыс. человек (6,2%); временные работники и их семьи — 2,9 тыс. человек (3,5%); дипломаты и представители официальных делегаций — 1,2 тыс. человек (1,5%); другие категории — 4,1 тыс. человек (5,1%)⁴.

Отметим, что по данным Росстата, поток в США в разы ниже. Например, в 2021 г. в США из России выбыло 632 человека⁵, что никак не соотносится с данными статистических служб США. Такая же ситуация наблюдается и по остальным странам

⁴ Рассчитано авторами по данным: United States. Department of Homeland Security. 2021 Yearbook of Immigration Statistics. — Washington, D.C.: U.S. Department of Homeland Security, Office of Immigration Statistics, 2022. — 124 p.

⁵ Численность и миграция населения Российской Федерации в 2021. Статистический бюллетень / Росстат. — Москва, 2022. — URL <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13283> (дата обращения: 18.10.2022).

мира. Так, в Канаду в 2021 г. выехало всего 144 человека. Это связано с несколькими причинами. Во-первых, большинство российских граждан не снимается с регистрационного учета в России. Во-вторых, как правило, большинство граждан России при выезде в США в качестве цели выезда указывают туризм или посещение родственников, учёбу, хотя истинная причина совсем иная. Таким образом, при пересечении границ временная миграция для России трансформируется в постоянную для США, когда эмигрант, уже находясь на территории США по неиммиграционной визе, запрашивает разрешение на постоянное проживание по совсем иным целям, нежели те, которые он указывал при въезде. Поэтому проводить сопоставления данных отечественной статистики и зарубежной некорректно. Статистические данные по выезду в одной стране всегда значительно меньше данных по выезду в другой стране.

Для граждан РФ посольство США выдавало неиммиграционные визы типа B1/B2 сроком на три года. Из-за ограничений, вызванных пандемией COVID-19, а также последующей геополитической обстановкой, можно ожидать дальнейшего сокращения эмиграции из России в США по

всем категориям эмигрантов. Это связано как с упомянутой выше причиной, так и с постепенным сокращением миграционного потенциала России как донора для США, и главное — проводимой на сегодняшний день политикой США в отношении России и её граждан.

Эмиграция из России в Канаду

Канада была страной иммигрантов со времён первых европейских колонизаторов XVI в., эта тенденция продолжается и сегодня. В настоящее время ежегодная иммиграция в Канаду составляет около 300 тыс. новых иммигрантов — один из самых высоких показателей на душу населения в мире. По состоянию на 2021 г. в Канаде проживало более 8 млн иммигрантов, имевших статус постоянного жителя, что составляет 21,5% от общей численности населения страны. Согласно официальным данным статистического управления Канады, в 2021 г. наибольшая доля мигрантов пришлась на выходцев из Индии — 18,6%, хотя ещё в 2016 г. это показатель был равен 12,1%. На втором месте идут выходцы из Филиппин — 11,4% (в 2016 г. — 15,6%), на третьем — из Китая (8,9%, в 2016 г. — 10,6%). Далее в порядке убывания идут представители таких стран как Сирия (4,8%), Нигерия (3,0%), США (3,0%), Пакистан (2,7%), Франция (2,0%), Иран (1,9%) и Великобритания (1,7%). Доля выходцев из России не превышает 0,2%. В 2016 г. (год проведения переписи населения) в Канаде проживало 78685 иммигрантов из России, большинство из которых проживало в провинциях Онтарио (52%), Квебек (15%), Британская Колумбия (12%)⁶. По данным Центрального статистического управления Канады (Canada's central statistical office), доля жителей Канады, как мигрантов, так уже и натурализованных граждан, считающих русский язык родным, в последние годы снижается.

Среди тех эмигрантов из России, доля тех, кто указал русский язык своим родным, составляет 79,7%. Среди граждан

Канады русский язык был указан родным только у 35,5 тыс. человек, что менее 0,1% от всей численности населения. В целом же выходцы из России живут в Канаде с конца XVIII века. По данным переписи населения 2016 г., 622445 канадцев сообщили о своём русском происхождении, что составляет около 1,8% от всей численности населения. С 2006 по 2015 г. в Канаду прибыло 24426 новых постоянных жителей из России.

Представленные на рис. 4 данные, характеризуют число граждан России, получивших разрешение на постоянное пребывание в Канаде в межпереписной период. Последняя перепись в Канаде была проведена в 2021 г., но окончательные итоги подведены ещё не были. Можно отметить, что по сравнению с США, эмиграция в Канаду носит не столь масштабный характер, но при этом поток достаточно стабилен и колеблется в районе 2000 человек в год. Пандемия COVID-19 и последующие геополитические события сильно сократили эмиграцию в Канаду.

Экономический фактор является основным при мотивации граждан России иммигрировать в США и Канаду. Иммигранты прибывают с ожиданиями, что здесь им будет лучше, что, работая здесь, они смогут прокормить себя и свою семью, а также вести полноценный образ жизни. В некоторых случаях иммигрант заранее знает, что в США или Канаде экономические условия будут хуже, чем в России, однако тогда и причины, побудившие его покинуть свою страну, будут иными, чаще всего — политическими. Особенно это стало актуальным в свете современных геополитических процессов.

Русскоязычные общины в США

США входят в тройку стран, в которых проживает наибольшее количество этнических русских в абсолютных цифрах. Исторически сложилось так, что было пять «волн» русской эмиграции в США. Первые русские начали прибывать в США в XVIII–XIX вв., внося свой вклад в разви-

⁶ Canada's central statistical office. — URL: <https://www150.statcan.gc.ca/n1/en/type/data?MM=1> (дата обращения: 01.09.2022).

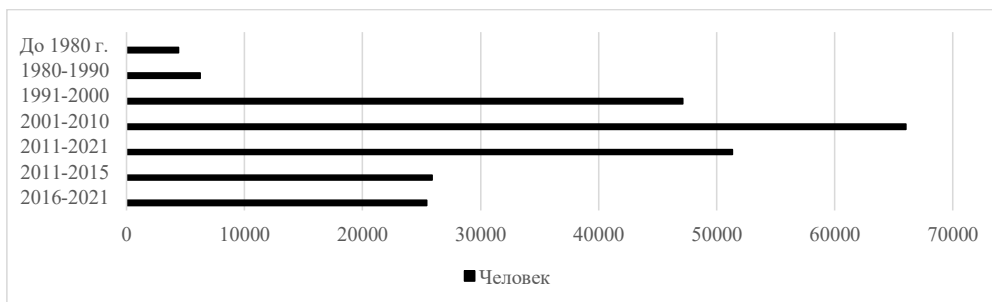

Рис. 3 Динамика численности лиц, считающий русский язык родным в Канаде, человек
 Fig. 3. Dynamics of the number of persons in Canada who consider Russian their native language, persons
 Источник: Canada's central statistical office.— URL: <https://www150.statcan.gc.ca/n1/en/type/data?MM=1> (дата обращения: 01.09.2022).

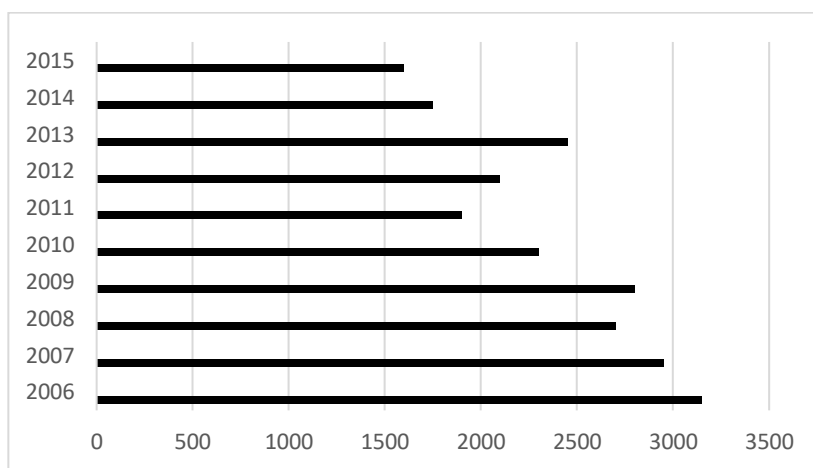

Рис. 4. Динамика иммигрантов из России в Канаду, получивших статус постоянного жителя в 2006–2015 годах

Fig. 4. Dynamics of immigrants from Russia to Canada who received permanent resident status in 2006–2015

Источник: Russian Immigrants to Canada // The Canadian magazine of immigration. May 9, 2019.— URL: <https://canadaimmigrants.com/russian-immigrants-canada/> (дата обращения: 08.08.2022).

тие новой страны, включая создание знаменитого Форта Росс в Калифорнии. Вторая волна иммиграции состояла в основном из евреев, покинувших Российскую Империю в поисках лучшей жизни в США, и офицеров Белой армии, бежавших от нового политического режима в начале XX века. Советские диссиденты, покидавшие СССР, составили третью волну иммиграции. Четвертая волна произошла по-

сле распада СССР в 1991 году. Последняя пятая волна эмиграции началась в начале XXI в. и длится по сей день, она спровоцирована, в основном, экономическими и политическими факторами: граждане России уезжали в США в основном в поисках финансовой стабильности и повышения качества жизни⁷. Анализируя запро-

⁷ ТАСС. Эксперт: волны эмиграции из России в США прошли.— URL: <https://tass.ru/obschestvo/4712691> (дата обращения: 10.07.2022).

сы с фразами «как уехать на постоянное место жительства», «как иммигрировать» в российском браузере «Яндексе» за 2017 и 2018 гг., специалисты по контекстной ре-

кламе пришли к выводу, что самыми популярными странами для переезда у российских граждан являются США, Канада и Германия (рис. 5).

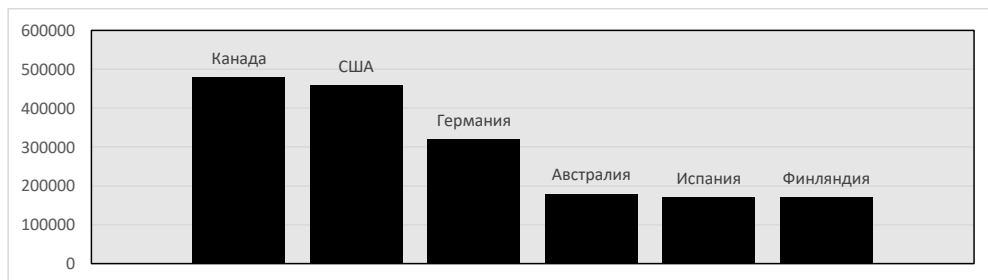

Рис 5. Распределение ответов, относительно предпочтительной страны для эмиграции

Fig. 5. Distribution of respondents' answers regarding the preferred country for emigration

Источник: Куда хотят переехать россияне: анализ поисковых запросов об эмиграции.—URL: <https://www.sostav.ru/publication/kuda-khotyat-pereekhat-rossiyane-analiz-poiskovykh-zaprosov-ob-emigratsii-32731.html>. (дата обращения: 15.09.2022).

Российская диаспора в США составляет, по разным оценкам, от 3 до 7 млн человек [4]. В эту категорию включают всех российских граждан — выходцев с территории Российской Империи и Советского Союза, покинувших страну в ходе одной из пяти эмиграционных волн XX–XXI веков. Неудивительно, что община разделена по этническим и социокультурным признакам, не имеет общих политических целей ни внутри страны, ни за её пределами. Электоральная активность, один из ключевых показателей социальной зрелости диаспоры в американском обществе, обозначена пока только в Нью-Йорке, где кандидаты от русскоязычной общины имеют опыт представления её интересов в законодательных органах на уровне штата. Точных статистических данных относительно численности русскоговорящих общин нет и быть не может, так как большинство из них или уже получили гражданство США, или являются потомками эмигрантов предыдущих волн, которые в статистических службах могут быть никак неидентифицированы с Россией, но они сами себя относят к русским, могут частично или хорошо говорить на русском языке, при этом никогда не посещая Россию.

В общественном пространстве всё большее распространение получает термин «соотечественники». В августе 2014 г. V Форум соотечественников США был отмечен бурным обсуждением вопроса о том, кого можно относить к этой группе. Победили сторонники расширительного толкования этого термина, и теперь «соотечественники» в Америке — это не только эмигранты, получившие в США вид на жительство или гражданство, но и все выходцы из России, временно проживающие в Америке, в том числе по студенческой или рабочей визе. Складывается впечатление, что российская диаспора в США, всё более увеличиваясь количественно, теряет последние отличительные черты правового и этнического характера и по своей аморфности приближается к такому объединению, как «Русский Мир», в который входят «и соотечественники, и симпатизирующие, и специализирующиеся на России»⁸, то есть буквально все, кто интересуется Россией, вне зависимости от этнических, социальных и правовых характеристик.

⁸ Косачёв К.И. Не рыбу, а удочку: в чём состоит особенность «мягкой силы» России // Россия в глобальной политике. — № 4. — 4 сентября 2012. — URL: <http://globalaffairs.ru/number/Ne-rybu-a-udochku-15642> (дата обращения: 10.12.2015).

Основная часть русскоговорящих граждан (1,6 млн человек) проживает в восточной части страны в трёх штатах — Коннектикут, Нью-Джерси и Нью-Йорк. Штат Нью-Йорк лидирует в стране по количеству русских американцев: около 600 тыс. человек проживает в городе Нью-Йорк, что составляет 8% населения. Цифры похожи на показатели других ведущих этнических групп, таких как китайцы (760 тыс.) и доминиканцы (620 тыс.). А самым главным русским районом в мегаполисе считается Брайтон-Бич на юге Бруклина, а также соседние Шипсхед-Бей и Манхэттен-Бич.

Русскоязычное сообщество также активно действует в Сан-Франциско и составляет 75 тыс. человек. Русская диаспора в Сан-Франциско состоит из нескольких сообществ, которые мало контактируют между собой. Самая старая из них — это потомки наших соотечественников, приехавших в США ещё в XIX в. или после революции 1917 года. На протяжении многих поколений эти люди хранят культурное наследие своей родины и коммуницируют между собой на русском языке. Вторая русская община — люди, переехавшие в Америку в последние 10–20 лет. Ещё одна русская община — это программисты и IT-специалисты из России и других стран СНГ, поселившиеся в Кремниевой долине. Как правило, это молодые люди 25–35 лет, община насчитывает около 10 тыс. человек, а 12 лет назад даже была создана «Ассоциация русскоговорящих профессионалов Кремниевой долины» — своеобразный профсоюз русскоязычных программистов.

Кроме того, в Лос-Анджелесе живёт порядка 600 тыс. русскоговорящих жителей США. Этот мегаполис считается наиболее крупным средоточием русскоговорящих американцев на Западном побережье США. Это сообщество ведёт активную общественную и культурную жизнь: в Лос-Анджелесе есть в большом количестве русские рестораны, газеты и журналы на русском языке и даже свой театр (театр им. Чехова). Кроме того, порядка 70 тыс. «русских» семей живёт в городе Сан-Диего,

расположенном недалеко от мегаполиса⁹.

В Техасе постоянно проживают около 60 тыс. граждан США, говорящих на русском языке. Из них около 30 тыс. живут в Хьюстоне, в основном на западных окраинах города, в солидном торговом районе Галерея. Особенно много здесь русских специалистов нефтяной отрасли: ведь Хьюстон считается своеобразным энергетическим центром США, в нём находятся штаб-квартиры пяти из шести основных нефтяных компаний мира — «Конoco-Филлипс», «Эксон-Мобил», «Шелл», «Би-Пи» и «Шеврон». В конце 1990-х гг. в этом американском городе начала выпускаться русскоязычная газета «Наш Техас» и открылся русский театр.

Не стоит забывать и Аляску, ранее российскую территорию, где на сегодняшний день проживает порядка 3–4 тыс. русских. Аляска и Россия находятся менее чем в 3 милях друг от друга в ближайшей точке Берингова пролива. Несмотря на то, что Россия владела этой землёй меньше века, русские корни здесь почти на каждом шагу: на Аляске много исторических русских зданий; примерно в 80 общинах Аляски действуют русские православные церкви, многие из которых до сих пор используют русский православный календарь старого стиля и празднуют Рождество 7 января; многие представители коренных народов Аляски имеют русские фамилии, происходящие от тех дней, когда они были подданными Российской Империи и многие вступали в смешанные браки.

В США, как и во всех остальных странах, русскоговорящие сообщества, несмотря на языковую и культурную общность имеют значительные различия, как в способах взаимодействия между собой, так и в части участия в жизни принимающего общества [5].

Русскоязычные общины в Канаде

Первыми русскими в Канаде были охотники за мехом, жившие на территории со-

⁹ Наши в городе. Пять самых русских городов Америки. — URL: <https://elitnoe.ru/magazines/103-russkie-goroda-ssha> (дата обращения: 01.09.2022).

временной Аляски [6]. Большинство первых иммигрантов были крестьянами, которые нашли работу в различных отраслях промышленности. После Первой мировой войны многие из 1 млн русских, спасавшихся от последствий революций в России, стремились получить разрешение на въезд в Канаду. Великая депрессия и Вторая мировая война практически остановили иммиграцию всех национальностей, но между 1948 и 1953 гг. в Канаду иммигрировало значительное количество русских [7]. Большинство российских граждан были среди миллионов перемещённых лиц, оказавшихся в Германии после Второй мировой войны — многие из них либо потому, что выступали против советского политического режима, либо потому, что были отправлены туда на принудительные работы. Обе группы в целом были достаточно молодыми, хорошо образованными, ориентированными на город и осознававшими своё русское происхождение. После 1953 г. иммиграция из России резко сократилась. В начале 1970-х гг. среднее количество мигрантов в год из СССР составляло всего 230 человек. Однако в то время советское правительство начало разрешать некоторым евреям эмигрировать из страны. К концу 1980-х гг. в Канаду было допущено около 1500 советских еврейских иммигрантов. После распада СССР в 1991 г. российские евреи оставались важной частью иммиграции из Российской Федерации.

На сегодняшний день, по разным оценкам, русскоязычное население, которое постоянно проживает в Канаде, составляет примерно 700 тыс. человек. Доля русского населения присутствует больше всего в провинциях Манитоба (4% от общего населения провинции, или 58 тыс.), Саскачеван (3%, 40 тыс.) и Британская Колумбия (3%, 131 тыс.). Крупные общины русских есть в городах Эдмонтон (около 26 тыс.) и Виннипег (25 тыс.), а также в Торонто, Монреале и Ванкувере¹⁰.

¹⁰ Русскоязычные диаспоры в Канаде: помогают ли они адаптироваться.—URL: <https://immigrant.today/canada/14822-russkojazychnye-diaspory-v-kanade-pomogajut-li-oni-adaptirovatsja.htm> (дата обращения: 01.09.2022).

Наиболее активной русской организацией является Русское культурное общество в Торонто, основанное в 1950 году. Антикоммунистическое по направленности, оно издавало журнал «Русское слово в Канаде» и имело центр общественной и культурной деятельности. Малый литературный кружок (1949 г.), Драматический кружок и Издательское объединение «Современник» (1960 г.), выпускающее литературный журнал «Современник» тоже были весьма популярны. Однако многие русско-канадские социальные группы и публикации пришли в упадок к 1980-х гг., поскольку численность и влияние старшего поколения уменьшились. Молодые иммигранты меньше интересуются политикой и культурной деятельностью и растворились в канадском обществе [8].

По данным Центрального статистического управления Канады, русский язык является одним из популярных языков в ряде районов Торонто, особенно в северной части города. Кроме того, русские в Торонто проживают в следующих районах: Вестминстер–Брэнсон, Ньютонбрук Уэст, поместье Батерст, Уиллоудейл Ист, Уиллоудейл–Уэст, Северный Хай–Парк, Ислингтон, Лансинг–Вест, Маунт–Плезант–Уэст и Мимико, включая Хамбер–Бей–Шор¹¹. Монреаль — второй по величине канадский город. Вместе с пригородами агломерация насчитывает около 4 млн человек. По разным данным, этот город выбрали для проживания от 60 до 80 тыс. русских мигрантов. Монреаль является ярким примером населённого пункта, где приезжие находятся в двуязычной среде. Большинство населения общается на французском, остальная часть — на английском. В русском квартале часто можно услышать на улицах речь наших соотечественников¹².

¹¹ Russian in Toronto: 10 neighbourhoods where you're likely to hear it.—URL: <https://www.sachem.ca/news-story/5588878-russian-in-toronto-10-neighbourhoods-where-you-re-likely-to-hear-it/> (дата обращения: 08.08.2022).

¹² Русские города в Канаде.—URL: <https://travelask.ru/articles/russkie-goroda-v-kanade> (дата обращения: 05.09.2022).

Таким образом, в Канаде проживает более 700 тыс. канадцев, заявивших о полном или частичном русском происхождении. Русские канадцы оказали значительное влияние на канадское искусство, бизнес, политику, науку и спорт. Большинство россиян приезжают в Канаду с целью остаться там навсегда. Многие россияне решили переехать в Канаду в поисках безопасности и лучшего качества жизни.

Заключение

Конец XX — начало XXI вв. характеризовались невиданными до этого глобализационными процессами, которые вызвали активное движение капитала через национальные границы государств. Вслед за этим капиталом пошли большие массы людей. Сейчас трудно встретить человека, который прямо или косвенно не столкнулся с происходящими повсюду миграционными процессами. От того, насколько эффективно и своевременно государство способно решать вопросы, связанные с миграцией, будет отчасти зависеть национальная и геополитическая безопасность страны.

Из-за ограничений, вызванных пандемией COVID-19, а также последующей геополитической обстановкой, можно ожидать дальнейшего сокращения эмиграции из России в США и Канаду по всем

типам виз. Однако данное снижение носит вынужденный и временный характер. Если в РФ не будут решены наиболее острые социально-экономические проблемы, с большой долей вероятности после стабилизации и последующей нормализации геополитической обстановки мы станем свидетелями новой, «отложенной» волны эмиграции из России в США, в первую очередь высокообразованных граждан, в активном трудоспособном и репродуктивном возрасте, что ещё усугубит и без того непростую демографическую ситуацию в России, вызванную естественной убылью населения. В этой связи РФ в непростых геополитических и экономических условиях целесообразно более активно взаимодействовать с русскоязычными диаспорами за рубежом, выстраивая конструктивные диалоги [9], что будет способствовать укреплению связей с родиной, а в перспективе для кого-то станет одним из факторов возвращения в Россию. Это актуально для нашей страны, которая переживает демографический кризис, представляющий серьёзную угрозу геополитической безопасности. Продуманная, научно обоснованная миграционная политика, отвечающая национальным интересам страны, может стать одним из основных рычагов по преодолению сложившейся демографической ситуации.

Литература и Интернет-источники:

1. **Цапенко, И. П.** Миграционная политика США в отношении государств североамериканского континента / И. П. Цапенко // Вестник МГИМО-Университета. — 2021. — Т. 14(5). — С. 101–129. DOI: 10.24833/2071-8160-2021-5-80-101-129; EDN: NHCBN
2. **Bromwell, W.** History of Immigration to the United States / W. Bromwell. — New York., 1856. — 225 p.
3. **Лукьянец, А. С.** Иммиграция в США: тенденции и подходы к регулированию. Диссертация на соискание учёной степени кандидата экономических наук по специальности 08.00.05 / А. С. Лукьянец; Институт социально-политических исследований Российской академии наук. — Москва, 2009. — 115 с. EDN: QEIMQX
4. **Belousova, M.** The Russian diaspora in the US / M. Belousova // Russian Analytical Digest. — 2012. — № 107. — P. 2–3.
5. **Ань, Д. Н.** Русскоязычные сообщества в странах юго-восточной Азии в период пандемии COVID-19 / Д. Н. Ань, С. В. Рязанцев, М. Н. Храмова, С. Ю. Сивоплясова // Научное обозрение. Серия 1: Экономика и право. — 2022. — № 1. — С. 5–26. DOI: 10.26653/2076-4650-2022-1-01; EDN: GHNRWP

6. **Кукушкин, В. Е.** Славянская трудовая эмиграция из Российской империи в Канаду в начале XX века / В. Е. Кукушкин // Этнографическое обозрение.— 2002.— № 4.— С. 126–138.
7. **Черкасов, А. И.** Этнокультурная мозаика и межэтнические отношения в Канаде / А. И. Черкасов // Канада: взгляд из России: Экономика, политика, культура.— 2002.— 288 с. EDN: UDEANT
8. **Казачун, Г. А.** Русско–канадское культурно–просветительное общество / Г. А. Казачун, В. А. Хабибулин // Владивосток — точка возвращения: прошлое и настоящее русской эмиграции: материалы Второй междунар. Науч. Конф. (Владивосток, 12–14 октября 2016 г.).— Хабаровск : РИО ДВЮИ МВД России.— 2017.— С. 24–28. EDN: ZXCTOV
9. **Рязанцев, С. В.**, Опыт зарубежных стран в сферах регулирования эмиграции и взаимодействия с диаспорами / С. В. Рязанцев, М. Н. Храмова, А. С. Лукьянец, С. Ю. Сивоплясова // Научное обозрение. Серия 1: Экономика и право.— 2017.— № 6.— С. 5–20. DOI: 10.26653/2076-4650-2017-6-01; EDN: UORIQM

Сведения об авторах:

Лукьянец *Артём Сергеевич*, к.э.н., ведущий научный сотрудник, Институт демографических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: artem_ispr@mail.ru; ORCID: 0000-0002-6451-6693; Researcher ID Web of Science: N-6320-2019; PИНЦ AuthorID: 605126.

Тышкевич *Анна Ивановна*, младший научный сотрудник, Институт демографических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: anna.tyshkevich@internet.ru; ORCID: 0000-0003-1923-8521; Researcher ID Web of Science: HJY-7412-2023; PИНЦ AuthorID: 1093083.

DOI: 10.19181/population.2023.26.1.7

EMIGRATION FROM RUSSIA TO THE USA AND CANADA IN THE CONTEXT OF THE EXPANSION OF RUSSIAN-SPEAKING COMMUNITIES

Artem S. Lukyanets*, Anna I. Tyshkevich

*Institute for Demographic Research of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences
(6, bldg. 1, Fotievoy str., Moscow, Russia, 119333)*

*E-mail: artem_ispr@mail.ru

Funding:

The study was funded by the Russian Science Foundation grant No. 22-68-00210. URL: <https://rscf.ru/project/22-68-00210>.

For citation:

Lukyanets A. S., Tyshkevich A. I. Emigration from Russia to the USA and Canada in the context of the expansion of Russian-speaking communities. *Narodonaselenie [Population]*. 2023. Vol. 26. No. 2. P. 83-96. DOI: 10.19181/population.2023.26.1.7 (in Russ.)

Abstract. *The article discusses emigration flows from Russia to the USA and Canada. The host countries owe their existence to immigration due both to the economic and geopolitical situation in the modern world. Since the late 19th century a consistently high emigration flow has been recorded from Russia to these countries. The greatest outflow occurred in the last decade of the 20th*

century, when with the collapse of the USSR the flow of emigrants from Russia to these countries, and particularly to the USA, sharply increased. The increase in emigration has led to expansion and strengthening of the Russian-speaking community that emigrated from Russia to the United States and Canada. In the USA the largest concentration of the Russian-speaking population is in three agglomerations: New York, Los Angeles and Miami. These three agglomerations account for over 35% of all immigrants from Russia. In Canada, with a much smaller immigration flow than in the United States, the largest share of immigrants from Russia is concentrated in such agglomerations as Toronto and Montreal. Since the beginning of the COVID-19 pandemic, migration flows to the United States and Canada have decreased from all countries of the world, including Russia. This was the result of both the anti-visa restrictions and the termination by the US Embassy in Russia of issuing non-immigrant visas a first, and subsequently, all other types of visas. If in peak 2014 almost 390 thousand border crossings by citizens of the Russian Federation were recorded, then in 2021 only 77.7 thousand. A similar trend is observed in the emigration flow from Russia to Canada. The main part of the migration flow to the United States consists of Russian citizens who have a residence permit or U.S. citizenship, as well as persons who have received visas at U.S. consular offices in other countries.

Keywords: emigration, Russian-speaking communities, Russia, the USA, Canada.

References and Internet Sources:

1. Tsapenko I.P. Migratsionnaya politika SShA v otnoshenii gosudarstv severoamerikanskogo kontinenta [US migration policy towards the States of the North American continent]. Vestnik MGIMO-Universiteta [MGIMO Review of International Relations]. 2021. Vol. 14(5). P. 101–129. DOI: 10.24833/2071–8160–2021–5–80–101–129 (in Russ.)
2. Bromwell W. *History of Immigration to the United States*. New York. 1856. 225 p.
3. Lukyanets A. S. Immigratsiya v SShA: tendentsii i podhody k regulirovaniyu [Immigration to the USA: trends and approaches to regulation]. Cand. Diss. in Econ. Institut social'no-politicheskikh issledovanij Rossijskoj akademii nauk [Institute of Socio-Political Research of the Russian Academy of Sciences]. Moscow. 2009. 115 p. (in Russ.)
4. Belousova M. The Russian diaspora in the US. *Russian Analytical Digest*. 2012. No. 107. P. 2–3.
5. Ahn D. N., Ryazantsev S. V., Khramova M. N., Sivoplyasova S. Yu. Russkoyazychnye soobshchestva v stranah yugo-vostochnoj Azii v period pandemii COVID-19. [Russian-speaking communities in Southeast Asia during the COVID-19 pandemic]. Nauchnoje obozrenije. Seriya 1: Ekonomika i pravo [Scientific Review. Series 1: Economics and Law]. 2022. No. 1. P. 5–26. DOI: 10.26653/2076–4650–2022–1–01 (in Russ.)
6. Kukushkin V. E. Slavyanskaya trudovaya emigratsiya iz Rossijskoj imperii v Kanadu v nachale 20 veka [Slavic labor emigration from the Russian Empire to Canada at the beginning of the XXth century]. Etnograficheskoe obozrenije [Ethnographic Review]. 2002. No. 4. P. 126–138. (in Russ.)
7. Cherkasov A. I. Etnokul'turnaya mozaika i mezhetnicheskije otnosheniya v Kanade [Ethno-cultural mosaic and interethnic relations in Canada]. Kanada: vzglyad iz Rossii: Ekonomika, politika, kul'tura [Canada: A View from Russia: Economy, Politics, Culture]. 2002. 288 p. (in Russ.)
8. Kazachun G. A., Habibulin V. A. Russko-kanadskoe kul'turno-prosvetitel'noje obshchestvo [Russian-Canadian Cultural and Educational Society]. Vladivostok – tochna vozvrashcheniya: proshloje i nastoyashcheje russkoj emigratsii [Vladivostok – the Point of Return: the Past and the Present of Russian Emigration]. Proceedings of the Second International Scientific Conference (Vladivostok, October 12–14, 2016). Khabarovsk. 2017. P. 24–28. (in Russ.)
9. Ryazantsev S. V., Khramova M. N., Lukyanets A. S., Sivoplyasova S. Yu. Opyt zarubezhnyh stran v sferah regulirovaniya emigratsii i vzaimodejstviya s diasporami [Experience of foreign countries in the fields of regulation of emigration and interaction with diasporas]. Nauchnoje obozrenije. Seriya 1: Ekonomika i pravo [Scientific Review. Series 1: Economics and Law]. 2017. No. 6. P. 5–20. DOI: 10.26653/2076–4650–2017–6–01 (in Russ.)

Information about the authors:

Lukyanets Artem Sergeevich, Candidate of Economics, Leading Researcher, Institute for Demographic Research of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: artem_ispr@mail.ru; ORCID: 0000-0002-6451-6693; Researcher ID Web of Science: N-6320-2019; Elibrary AuthorID: 605126.

Tyshkevich Anna Ivanovna, Junior Researcher, Institute for Demographic Research of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: anna.tyshkevich@internet.ru; ORCID: 0000-0003-1923-8521; Researcher ID Web of Science: HJY-7412-2023; Elibrary AuthorID: 1093083.

Статья поступила в редакцию 20.12.2022, одобрена в печать 15.02.2023, опубликована 30.03.2023.

DOI: 10.19181/population.2023.26.1.8
EDN: OKWKJO

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ СДВИГИ В ЯПОНИИ КАК ФАКТОР ТРАНСФОРМАЦИИ МИГРАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ

Письменная Е. Е.^{1,2}, Рязанцев Н. С.², Молчанова Н. П.^{3*}

¹Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации
(125167, Россия, Москва, Ленинградский проспект, 49/2)

²Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН
(119333, Россия, Москва, улица Фотиевой, 6, корп. 1)

³Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
(119991, Россия, Москва, Ленинские горы, 1)

*E-mail: 2520641a@gmail.com

Для цитирования:

Письменная Е. Е., Рязанцев Н. С., Молчанова Н. П. Демографические сдвиги в Японии как фактор трансформации миграционной политики // Народонаселение. – 2023. – Т. 26. – № 1. – С. 97-109. DOI: 10.19181/population.2023.26.1.8; EDN: OKWKJO

Аннотация. Статья посвящена исследованию демографических сдвигов в Японии в контексте их влияния на изменение миграционной и внешней образовательной политики страны. Одни из них носили перманентный характер, другие возникали периодически и были вызваны стремительными социально-демографическими и экономическими сдвигами в японском обществе. В статье проанализировано развитие демографического кризиса в Японии в начале XXI века. Данный период характеризуется продолжающейся депопуляцией японского населения, его активным старением и неблагоприятными изменениями на рынке труда, вызванными распространением информационных технологий, автоматизацией и роботизацией производства. В статье проанализированы усугубляющиеся неблагоприятные демографические тенденции, следствием которых стали дефицит рабочей силы, снижение экономического потенциала страны, увеличение демографической нагрузки на работающее население. Исследовано влияние на демографические процессы в Японии фактора образовательной иммиграции, которая рассматривается в качестве одного из наиболее приемлемых ресурсов компенсации возможных демографических потерь населения в будущем. Изучены законодательные новации и нормативно-правовое обеспечение внешней иммиграции, а также их практическая реализация. Установлена ключевая роль ведущих университетов Японии в деле активизации процесса образовательной иммиграции. Представлены результаты деятельности высшей школы Японии по обучению иностранных граждан и сглаживанию негативно складывающейся динамики демографической ситуации в стране. Интерес для дальнейших исследований представляет углублённое изучение причин и выявления последствий современного демографического кризиса в Японии, а также предметный анализ экономической и социальной эффективности изменений миграционной политики страны в сложившихся условиях.

Ключевые слова: Япония, демографическая ситуация, миграционная политика, образовательная иммиграция, интернационализация высшего образования, международное сотрудничество.

© Письменная Е. Е., Рязанцев Н. С., Молчанова Н. П., 2023.

Неотъемлемой частью жизни социума являются тенденции в сфере воспроизводства и трансформации структуры и состава населения страны. В Японии демографические изменения происходят под влиянием закономерностей экономического и научно-технологического развития общества, которые имеют непосредственные взаимосвязи с количественными и качественными характеристиками рабочей силы. Именно опыт решения возникающих социально-демографических проблем такой развитой страны и вызывает интерес. При этом современная ситуация складывается так, что демографические сдвиги в стране детерминируют эволюцию миграционного законодательства и, как следствие, изменения различных видов иммиграционных потоков: трудовых и образовательных. Состояние совокупного экономического потенциала страны находится в зависимости от человеческих ресурсов, их количественных и качественных характеристик. Численность экономически активного населения и демографические процессы тесно взаимосвязаны. Феноменальность сложившейся ситуации состоит в наблюдающемся абсолютном сокращении численности населения вследствие сочетания высокой скорости его старения с низким коэффициентом рождаемости. Под влиянием данной демографической тенденции происходят нежелательные изменения в экономике и социальной сфере.

Цель исследования — выявление особенностей трансформации миграционной политики Японии в контексте сокращения численности населения, снижения рождаемости, старения населения. Объект исследования — демографические и миграционные процессы в Японии в период с 1965 по 2022-й годы. Предмет исследования — трансформация миграционной политики Японии с учётом динамики изменений демографической ситуации.

Степень разработанности проблемы

Депопуляция населения и демографическое старение японского общества су-

ществуют достаточно давно, но в научных публикациях представлены отдельные аспекты данной проблемы: анализ динамики и структуры демографических данных, различных сторон миграционной политики и законодательства Японии. Например, Д.В. Стрельцов низко оценивает вероятность того, что миграционное законодательство будет кардинально пересмотрено, несмотря на усиливающийся демографический кризис. Причину этого он усматривает в консерватизме японского общества, нацеленного на использование внешних трудовых ресурсов в ограниченном объёме и исключительно в качестве временной меры [1]. М.А. Шипилова указывает на зависимость экономического благосостояния Японии в будущем от аккуратного проведения миграционной политики, подчёркивая временную длительность этого процесса, необходимость своевременного принятия мер по либерализации миграционного законодательства [2].

Этнокультурные традиции, на которых построена деятельность высшей школы в Японии, имеют многовековую историю. Высокий уровень подготовки специалистов в университетах даёт возможность предпринимательским и бизнес структурам проводить селективную кадровую политику, оперативно решать производственные задачи и опережающими темпами внедрять новые технологии. Так, И.П. Лебедева полагает, что во второй половине XX в. именно благодаря ежегодному притоку в экономику страны десятков тысяч хорошо образованных и дисциплинированных молодых специалистов, получивших образование в университетах Японии, было достигнуто «японское экономическое чудо» [3].

Конкурентные преимущества вузов Японии состоят в умении предоставлять востребованные направления образования, оперативно внедрять передовые технологии обучения [4]. Сочетание особенностей построения японского социума с достижениями образовательной деятельности стало основанием для поддержания в стране высоких темпов роста эко-

номики и уровня жизни населения во второй половине XX в. [5]. Однако, негативные изменения демографической ситуации инициировали разработку мер по интернационализации образования и привлечению иностранных граждан для обучения в Японии [6]. Разносторонняя политика приносит существенные результаты в деле воспитания молодёжи и её подготовки к работе в изменяющихся геополитических условиях. Вместе с тем, наблюдается несогласованность действий полномочных структур по вопросам влияния на демографическую и миграционную политику в стране [7; 8].

В работах ряда учёных рассматривается понятие выборочной миграции¹, которая основывается на сохранении этнокультурной идентичности японцев. Представляет интерес поиск средств более активно привлечения молодёжи из сопредельных государств для получения высшего образования в Японии в контексте развития интеграционных процессов на евразийском континенте. Немаловажную роль в этом вопросе играет углубление сотрудничества со странами-партнёрами по Азиатско-Тихоокеанскому региону [9]. Существует мнение о необходимости разработки Японией «Стратегии развития человеческих ресурсов и перемещения людей», в которой обосновывалась бы целесообразность использования человеческого потенциала стран Юго-Восточной Азии для обеспечения экономического роста в данном регионе. По мнению Ю. Игути, эти страны длительное время были источником рабочей силы для Европы и Северной Америки, но настало время использовать располагаемый кадровый состав для собственного развития стран данного региона и самой Японии [10].

¹ Выборочная миграция предусматривает рекрутинг близкого к японцам в этнокультурном отношении населения из соседних стран Азии: Higuchi, N. Brazilian migration to Japan: Trends, Modalities and Impact. Working Paper for UN Expert Group Meeting on International Migration and Development in Latin America and the Caribbean. – Mexico City: Population Division Department of Economic and Social Affairs United Nations Secretariat, 2006; West, J. Immigration Changes are Imperative for Japan. – Migration Asia Century Institute, 2018; Iguchi, Yu. Prospects on migration policy reform from the standpoint of economic integration in East Asia // Migration Policy Review. – 2009. – No. 1. – P. 18–35.

Особенности демографического развития Японии

На протяжении второй половины XX в. численность населения Японии росла: в 1965 г. она составляла 98,3 млн человек, а к 2015 г. выросла до 127,9 млн человек, то есть почти на 1/3. Но на конец 2022 г. численность составила 126,2 млн человек, сократившись за год на 149 тыс. человек². Сокращение численности идёт на фоне постепенного снижения доли трудоспособного населения (от 15 до 64 лет) и увеличения доли пожилых в структуре населения. Так, доля населения трудоспособного возраста в 2021 г. сократилась до 75,1 млн человек, что на 2,3 млн меньше, чем в 2015 году³. Вместе с тем доля пожилого населения возросла с 6,3% в 1965 г. до 29,1% в 2021 г.,⁴ поставив мировой рекорд по старению населения. Следствием данных процессов стало снижение доли детей и молодёжи в общей структуре населения Японии с 25,6% в 1965 г. до 12,5% в 2015 году. Медианный возраст населения в 2020 г. составил 48,4 года⁵ – это самый высокий показатель в мире. В связи с этим общий коэффициент демографической нагрузки в 2022 г. равен 56,2%. Это означает, что «каждый работающий человек в Японии должен обеспечить более чем в 1,5 раза большее количество товаров и услуг, чем было бы необходимо для него»⁶. Согласно демографическому прогнозу, к 2065 г. доля населения трудоспособного возраста сократится до 51,4%, а пожилых – увеличится до 38,4%; медианный возраст вырастет к 2050 г. до

² Население Японии. – URL: [https://countrymeters.info/ru/Japan#:~:text=\(дата обращения: 26.01.2023\)](https://countrymeters.info/ru/Japan#:~:text=(дата%20обращения:26.01.2023)).

³ Население Японии. – URL: [https://www.tadviser.ru/index.php/\(дата обращения: 26.01.2023\)](https://www.tadviser.ru/index.php/(дата%20обращения:26.01.2023)).

⁴ В Японии число пожилых старше 75 лет впервые превысило 15% от всего населения. – URL: [https://tass.ru/obschestvo/15789813\(дата обращения: 26.01.2023\)](https://tass.ru/obschestvo/15789813(дата%20обращения:26.01.2023)).

⁵ Мир стремительно стареет, и Россия вместе с ним: что это значит. – URL: [https://thebell.io/mir-stremitelno-stareet-i-rossiya-vmeste-s-nim-chto-eto-znachit\(дата обращения: 26.01.2023\)](https://thebell.io/mir-stremitelno-stareet-i-rossiya-vmeste-s-nim-chto-eto-znachit(дата%20обращения:26.01.2023)).

⁶ Население Японии: [https://countrymeters.info/ru/Japan#:~:text=\(дата обращения: 26.01.2023\)](https://countrymeters.info/ru/Japan#:~:text=(дата%20обращения:26.01.2023)).

55,7 лет⁷. Процесс демографического старения населения в стране идёт за счёт роста самой старшей возрастной группы пожилых (от 75 лет и старше) с 2,3% в 1950 г. до 15,5% в 2022 г. (19,7 млн человек⁸). По прогнозу экспертов, их доля увеличится к 2060 г. в 2 раза — до 33,2%, а доля возрастной когорты 65–74 года увеличится до 32,6%. Процессы демографического старения наиболее активно протекают в столице Токио, а также префектурах Канагава и Окинава (в 2020–2040 гг. доля жителей в возрасте старше 65 лет возрастёт в них на 50%), в префектурах Сайтама, Тиба, Айти, Сига доля пожилых возрастёт на 40–50%, в префектурах Мияги, Ибараки, Тотиги, Хего, Фукуока, Осака — на 30–40%⁹.

Процесс демографического старения обусловлен не только снижением рождаемости, но и ростом продолжительности жизни, что требует значительных экономических затрат со стороны государства в части медицинской помощи, социальной поддержки, пенсионного обеспечения пожилых людей. Например, по данным Национального полицейского управления Японии, растёт численность пропавших без вести людей, страдающих старческой деменцией¹⁰. Всё большее число пожилых людей требуют внимания и заботы, которую не может обеспечить сокращающееся трудоспособное население. В этой связи Япония приглашает медицинских сестёр и сиделок из стран Юго-Восточной Азии, прежде всего Вьетнама, Таиланда и Филиппин.

По прогнозу ООН, к 2050 г. в ряде стран мира численность населения может сокра-

таться более чем на 15%¹¹; а численность населения Японии к середине XXI в. составит около 106 млн человек. По данным Министерства по административным делам и коммуникациям Японии, к 2053 г. население страны может составить менее 100 млн человек¹². При сохранении данной тенденции к 2075 г. численность населения Японии практически вернётся к показателям 1950 г. и составит примерно 87 млн человек, то есть снизится почти на 50% по сравнению с текущими показателями¹³. Более того, по прогнозам Национального исследовательского института народонаселения и социальной безопасности Японии, при условии сохранения сложившейся ситуации к 3776 г. японская нация полностью исчезнет¹⁴. Вполне оправданы опасения отдельных экспертов о том, что Япония «не застанет следующий миллениум»¹⁵. Необходимо противодействовать влиянию негативных демографических изменений структуры общества посредством введения новых эффективных мер господдержки и изменения демографической и миграционной политики государства.

Ряд конкретных мер уже реализуется. Например, практикуется выплата пособий женщинам в связи с рождением детей; разрабатываются инвестиционные решения по развитию социальной инфраструктуры для семей и женщин с детьми; принимаются меры по стимулированию

¹¹ Официальный сайт ООН. — URL: <https://www.un.org/ru/global-issues/population> (дата обращения: 27.07.2022).

¹² Население Японии за год рекордно сократилось до 125,5 млн человек. — URL: https://tass.ru/obschestvo/14384873?utm_source=yandex.ru&utm_medium=organic&utm_campaign=yandex.ru&utm_referrer=yandex.ru (дата обращения: 27.07.2022).

¹³ United Nations, Department of Economic and Social Affairs, Population Division 6 World Population Prospects 2019, Volume II: Demographic Profiles. — URL: <https://www.un-ilibrary.org/content/books/9789210046435> (дата обращения: 20.07.2022).

¹⁴ Край демографии. — URL: https://www.kommersant.ru/doc/3676547?from=doc_vrez (дата обращения: 22.07.2022).

¹⁵ Японцы не застанут следующий миллениум. Демографический кризис в Стране Восходящего Солнца. — URL: https://zondnews.ru/material/3345?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop&utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.ru%2Fnews%2Fsearch%3Ftext%3D (дата обращения: 04.05.2022).

⁷ Старение и сокращение населения Японии: как преодолеть депопуляцию? // Nippon.com: Современный взгляд на Японию. — URL: <https://www.nippon.com/ru/currents/d00336/> (дата обращения: 17.08.2022)

⁸ В Японии побит максимум по числу пожилых людей. — URL: <https://bigasia.ru/content/news/society/v-yaaponii-pobit-maksimum-po-chislu-pozhilykh-lyudey/> (дата обращения: 26.01.2023).

⁹ Старение и сокращение населения Японии: как преодолеть депопуляцию? — URL: <https://www.nippon.com/ru/currents/d00336/> (дата обращения: 25.01.2023).

¹⁰ В Японии стали пропадать пожилые люди с деменцией. — URL: <https://rossaprimavera.ru/news/624a38fd?ysclid=ldbnyuct2554722336> (дата обращения: 01.08.2022).

более активного участия пожилых людей в общественной и экономической жизни, использованию их трудового и социального опыта для воспитания подрастающего поколения; создаются дома престарелых и специальные программы здравоохранения для пожилых людей; продумываются возможности по усыновлению (удочерению) детей, от которых отказались родители в Японии или за рубежом, но которых хотят усыновить японские граждане; развивается политика привлечения мигрантов из-за рубежа, прежде всего, из стран с молодой возрастной структурой населения и приоритетно — из стран Восточной и Юго-Восточной Азии, близких по этнокультурным параметрам к японскому населению, а также этнических японцев из Латинской Америки; активизируется привлечение женщин на рынок труда для компенсации нехватки рабочей силы.

Несмотря на стремительное сокращение численности населения, вследствие наличия ряда позитивных факторов (развитой медицинской системы, благоприятной экологической обстановки и другого) в Японии, как и в других развитых странах (например, Швейцарии, Франции или Люксембурге), продолжает увеличиваться продолжительность жизни. И если к концу XXI в. средняя продолжительность жизни в общемировом формате достигнет 82 лет (что сопоставимо с текущей ситуацией в Японии на уровне 80–83 лет), то в течение последующих пятнадцати лет продолжительность жизни в Японии может увеличиться ещё на 7 лет — до 90–91 лет¹⁶. При этом число японских долгожителей в возрасте старше 100 лет в 2022 г. впервые превысило 90 тыс. человек. Об этом сообщило Министерство здравоохранения, труда и благосостояния Японии по случаю предстоящего 19 сентября Дня почитания старших. Количество долгожителей растёт уже более 50 лет подряд, ежегодно устанавливая новый рекорд. И в 2022 г.

лиц старше 100 лет в стране стало почти на 4 тыс. больше. Более 88% долгожителей приходится на женщин и лишь 11,4% — на мужчин¹⁷.

Трансформация миграционной политики современной Японии

С 1980-х гг. экономика Японии начала испытывать дефицит рабочей силы на фоне начавшегося демографического кризиса. Согласно разработанной в 1983 г. программе, к началу XXI в. предполагалось привлечь в Японию до 100 тысяч иностранных студентов [11]. Результатом стало принятие на обучение в японские вузы более 110 тысяч иностранцев в 2003 году. Эти результаты заслуживают внимания по нескольким причинам. Во-первых, высшая школа Японии имеет высокий рейтинг в международном академическом сообществе. Во-вторых, высокий уровень образования населения страны отражает накопление образовательного потенциала, который лежит в основе формирования креативного класса. В-третьих, высокая квалификация персонала организаций в определённой мере компенсирует демографические потери страны, возникающие в результате депопуляции. В-четвёртых, привлечение граждан зарубежных стран для получения образования в принимающей стране отражает успешность реализации внешней миграционной политики¹⁸.

В 1983 г. были внесены изменения в миграционное законодательство в отношении процедуры получения визы иностранцами и их трудоустройства в Японии под контролем соответствующих госорганов. В 1990 г. в закон «Об иммиграционном контроле» были внесены изменения, упростившие иностранцам

¹⁶ ООН недооценила россиян. — URL: <https://www.rbc.ru/newspaper/2019/06/24/5d0b43749a794718129aa169/>; Население мира будет расти, стареть, дольше жить и меньше мигрировать. — URL: <https://iq.hse.ru/news/177669242.html> (дата обращения: 27.07.2022).

¹⁷ Число жителей Японии старше 100 лет впервые превысило 90 тысяч. — URL: <https://tass.ru/obschestvo/15770537> (дата обращения: 26.01.2023).

¹⁸ Внешняя миграционная политика понимается как «идеология и механизм активного формирования миграционных потоков, необходимых для социально-экономического и демографического развития страны... использования потенциала иммигрантов и ресурса диаспор за рубежом» [12, с. 26].

прежде всего лицам японского происхождения, въезд в страну. Изменения в законе «О регистрации иноподданных» от 1993 г. позволили ускорить процедуру рассмотрения новых заявок на въезд в страну для иммигрантов, а также урегулировать меры по их трудоустройству. Акцент был сделан на возвращении в Японию граждан с японскими корнями, предки которых в XVIII–XIX вв. эмигрировали в Америку. Для поддержки международного сотрудничества была запущена программа «технических стажёров» — предоставление иностранным гражданам возможности трудоустройства в Японии сроком от 1 до 5 лет в зависимости от квалификации¹⁹. В 1993 г. 64% японцев поддержали предоставление японским фирмам, испыты-

ном контроле» увеличили сроки пребывания иммигрантов.

Благодаря ослаблению миграционных правил Япония постепенно стала более привлекательной для иностранных работников, число которых с 2011 по 2021 г. почти утроилось, (увеличилось с 686 тыс. до 1 млн 727 тыс. человек — табл. 1), при этом общее число иностранцев, проживающих в стране, достигло почти 2,8 млн человек к 2021 году²¹. Основными странами-донорами для Японии являются страны Юго-Восточной Азии. Так, в 2021 г. численность граждан Китая в Японии составила более 716 тыс. человек, граждан Республики Корея, Филиппин, Вьетнама и Бразилии — 409, 276, 432 и 204 тыс. человек соответственно²².

Таблица 1

**Динамика численности иностранной рабочей силы
в Японии за 2011–2021 гг., тыс. человек**

Table 1

Number of foreign workers in Japan in 2011–2021, thousand people

Год	Общее число иностранных работников	Рабочая виза	Виза стажёра	Студенческая виза	Вид на жительство	Иной тип визы
2011	686	121	130	93	320	23
2012	682	124	134	92	309	24
2013	718	133	137	103	319	20
2014	788	147	145	125	339	31
2015	908	167	168	168	367	37
2016	1084	201	211	210	413	49
2017	1279	238	258	260	459	64
2018	1460	277	308	-	496	-
2019	1659	329	384	-	532	-
2020	1724	360	402	-	546	-
2021	1727	395	352	-	580	-

Источник: Report of the Ministry of Health, Labour and Welfare of Japan.—URL: <https://www.mhlw.go.jp/content/11655000/000887554.pdf> (дата обращения: 25.01.2023).

вавшим нехватку рабочей силы, возможности нанимать неквалифицированных иностранных работников²⁰. С 1999 г. новые поправки в закон «Об иммиграцион-

Идеи по полноценному смягчению миграционного законодательства Японии

¹⁹ Japan International Trainee & Skilled Worker Cooperation Organization. What is the Technical Intern Training Program?—URL: <https://www.jitco.or.jp/en/regulation/index.html> (дата обращения: 09.08.2022).

²⁰ Simon R.J., Lynch J.P. A Comparative Assessment of Public Opinion toward Immigrants and Immigration Policies.—1999.—P. 455–467.

²¹ e-Stat. Portal Site of Official Statistics of Japan. Statistics Bureau, Ministry of Internal Affairs and Communications of Japan.—URL: <https://www.e-stat.go.jp/stat-search/file-download?statInfId=000032213254&fileKind=0> (дата обращения: 25.01.2023).

²² e-Stat. Portal Site of Official Statistics of Japan. Statistics Bureau, Ministry of Internal Affairs and Communications of Japan.—URL: <https://www.e-stat.go.jp/stat-search/files?page=1&toukei=00250012&tstat=000001018034> (дата обращения: 19.08.2022).

для создания более благоприятных условий для проживания и работы иностранных граждан начали активно обсуждаться в конце XX века. Однако только С. Абэ стал первым премьер-министром, решившимся на проведение масштабной реформы миграционной политики, которая открыла новые возможности для иностранцев. В 2012 г. правительством Японии был предпринят ряд мер, направленных на активизацию иммиграционных потоков, защиту иностранных работников, создание более благоприятных условий труда и жизни в стране. Внимание акцентировалось на привлечении высококвалифицированных специалистов, иностранных студентов, защите прав стажёров, борьбе с нелегальной миграцией, а также на доработке визовой политики. Предпринятые действия стали началом практической либерализации миграционных процессов.

Образовательная иммиграция

По данным ОЭСР, в 2017 г. Япония заняла 4% мирового рынка образовательных услуг, в том числе 4% рынка бакалавриата, 2% рынка магистратуры и 4% мирового рынка аспирантуры и докторантуры²³. Согласно информации Японской ассоциации помощи иностранным студентам («Japan Student Services Organization, JASSO»), по состоянию на 1 мая 2020 г. на обучении в Японии было почти 280 тыс. иностранных студентов. Это на 10% меньше уровня «допандемийного» 2019 г., показатели которого были лучшими за ряд лет²⁴. При этом, с 1998 г. (51,2 тыс. человек) число иностранных студентов в Японии увеличилось более чем в 5 раз. Основными странами-донорами образовательных иммигрантов стали граждане Китая (более 121 тыс.), а также Вьетнама, Непала, Республики Корея, Тайваня (соответственно

62, 24, 16, 7 тыс. студентов). Однако в статистику попадают и те иностранцы, которые получают образовательные визы не в целях обучения, а только для трудоустройства на неофициальную работу.

Япония продолжает улучшать условия для обучения иностранных студентов в национальной системе высшего образования. Внешняя политика Японии по привлечению иммигрантов по образовательной линии является важным элементом общей миграционной политики. Предполагается сформировать адаптированную к социально-экономическим реалиям систему полноценной интеграции высококвалифицированной и профессионально подготовленной рабочей силы иностранного происхождения в социум страны. Это позволит удовлетворить потребности бизнеса и сгладить последствия демографического кризиса при одновременном учете интересов государства и японского общества в целом.

Можно выделить несколько направлений внешней миграционной политики Японии в сфере привлечения образовательных иммигрантов: 1) распространение и продвижение японского языка и культуры за рубежом; 2) распространение сети японских университетов и прямой рекрутинг ими иностранных студентов; 3) интернационализация образования внутри японских университетов; 4) развитие канала стажировок, де-юре являющихся образовательной миграцией, но де-факто представляющих собой канал организованного рекрутинга рабочей силы; 5) усиление деловой активности японского бизнеса и компаний в странах Азиатско-Тихоокеанского региона [13].

Особенности современной внешней миграционной политики

Ухудшение демографической ситуации в стране в начале XXI в. негативно влияло на рынок труда и требовало кардинального изменения. Рассчитываемый по стране коэффициент на работу (вакансии/заявки) по состоянию на начало 2017 г. достиг 1,59,

²³ Education at a Glance 2019: OECD Indicators.—URL: https://www.oecd-ilibrary.org/education/education-at-a-glance-2019_f8d7880d-en (дата обращения: 09.08.2022).

²⁴ Japan Student Services Organization (JASSO), Result of an Annual Survey of International Students in Japan 2020.—URL: <https://www.studyinJapan.go.jp/en/statistics/zaiseiki/data/2020.html> (дата обращения: 22.08.2022).

то есть на каждые 159 рабочих мест претендовало лишь 100 соискателей. В 2021 г. безработица в Японии находилась на отметке 2,8%²⁵. Если в конце XX в. численность трудоспособного населения Японии составляла 87 млн человек, то к 2017 г. данный показатель сократился до 77 млн человек²⁶. В 2021 г. число людей в возрасте от 15 до 64 лет уменьшилось до 74,5 млн человек, что составляет рекордно низкие 59,4% от общей численности населения²⁷.

В феврале 2018 г. премьер-министр С. Абэ указал на дефицит рабочей силы, особенно высококвалифицированной, и призвал Совет по экономике и финансам Японии подготовить предложения по либерализации миграционного законодательства²⁸. Предполагалось, что ослабление правовых норм позволит в короткие сроки получить необходимое количество иностранных работников, которые смогли бы заполнить увеличивающийся дефицит рабочей силы. Решение проблемы привлечения иностранных человеческих ресурсов затруднялось наличием среди местного населения противников иммиграционной политики, проводимой правительством — решения не соответствовали националистическим настроениям части населения страны. Общественность была обеспокоена тем, что постепенная либерализация миграционного законодательства может привести к частичной потере контроля над иностранцами.

В мае 2018 г. японские СМИ заявили о дефиците в экономике страны около 500 тысяч работников в строительстве, сельском хозяйстве, судостроении, гостиничном бизнесе, социальном обслужива-

нии. В ответ правительством была объявлена инициатива по привлечению к 2025 г. до 500 тыс. иностранцев с низкой и средней квалификацией, рабочая виза которых рассчитывается на 5 лет²⁹. В декабре 2018 г. Верхняя палата парламента Японии одобрила поправки к закону о контроле над въездом в страну трудовых мигрантов из зарубежных стран. Для минимизации рисков была принята концепция чёткого регулирования новых потоков внешней миграции. Обязательным условием при проведении миграционной реформы стал ввод «лимитов на время пребывания членов семей». Важным дополнением стала рекомендация Минюста Японии: «Новым работникам нельзя будет приезжать на работу по разовому временному контракту без права продления»³⁰. Были обозначены виды деятельности и отрасли, в которые планировалось привлечение иностранных работников: уход за детьми и престарелыми людьми, строительство, автоперевозки, розничная торговля и сельское хозяйство. Одновременно с этим была сформулирована идея о необходимости изучения возможностей замещения иностранных трудовых мигрантов путём широкомасштабного внедрения инновационных технологий роботизации производств и искусственного интеллекта.

С 1 апреля 2019 г. был разрешён въезд в страну до 345 тыс. иностранных специалистов, которым разрешалось трудоустроиться в 14 отраслях японской экономики. Ключевым уточнением в изменении законодательства стало разделение иностранцев в соответствии с их трудовыми навыками и квалификацией на высоко- и низкоквалифицированных. Первая категория получила право пребывания в стране сроком до 5 лет с возможностью продления своей визы, а также приглашения страну своих близких родственников. Низкоквал-

²⁵ Сентябрьская безработица в Японии неожиданно выросла до 2,6%. — URL: <http://www.finmarket.ru/database/news/5830122> (дата обращения: 26.01.2023).

²⁶ Япония шокирована: правительство просит увеличения трудовой миграции. — URL: <https://www.sularu.com/theme/10269> (дата обращения: 14.07.2022).

²⁷ В 2021 г. население Японии уменьшилось на рекордные 644 тыс. человек // Население мира будет расти, стареть, дольше жить и меньше мигрировать. — URL: <https://iq.hse.ru/news/177669242.html> (дата обращения: 27.07.2022).

²⁸ Япония шокирована: правительство просит увеличения трудовой миграции. — URL: <https://www.sularu.com/theme/10269> (дата обращения: 14.07.2022).

²⁹ Япония доавтоматизировалась до дефицита рабочих рук. — URL: https://www.kommersant.ru/doc/3644326?from=doc_vrez (дата обращения: 06.08.2022).

³⁰ Парламент Японии принял поправки к закону о трудовых мигрантах. — URL: <https://ria.ru/20181208/1547644621.html> (дата обращения: 06.08.2022).

лифицированные иностранные работники были ограничены единоличным проживанием в Японии.

Работу по улучшению условий пребывания иностранных работников в Японии преждевременно считать завершённой. После внесения поправок в законодательство японское направление трудовой эмиграции, скорее всего, останется востребованным только среди выходцев из стран Юго-Восточной Азии. Соответственно, ожидать иммиграции работников из более развитых стран, пусть даже и на высококвалифицированную работу, не следует. В законодательных поправках было уточнено: власти Японии оставляют за собой право на досрочное прекращение выдачи иммиграционных разрешений на работу и въезд в том случае, если спрос на трудовые услуги иностранных работников будет удовлетворён. Тем самым частично выполнены общественные запросы о возможном возникновении проблем по пребыванию иностранцев в стране. В период пандемии COVID-19 (октябрь 2020 г. — октябрь 2021 г.), несмотря на активное привлечение иностранных граждан, общая численность населения Японии (включая постоянно проживающих на её территории иностранцев) сократилась на рекордные 644 тыс. человек (0,51%) до 125,5 млн человек³¹ (это наибольшее снижение численности населения страны с середины XX в.). Продолжается тенденция к ускорению процесса естественной убыли, иммиграционные потоки не компенсируют сокращающуюся численность населения Японии.

Важной подвижкой в сознании японцев стало изменение их отношения к иностранным работникам. Опрос информационного агентства «Nikkei» в 2019 г. показал: 69% респондентов считают увеличение числа трудовых мигрантов «правильным решением». Характерно, что лица с высшем образованием и особенно молодого возраста на 50% чаще указывают на

«экономическую и культурную оправданность трудовой иммиграции» и полагают, что Японии «нужно ещё активнее привлекать трудовых мигрантов»³². Предположительно, такое мнение граждан сложилось под влиянием рассмотренных выше мер правительства в области образовательной иммиграции и интернационализации образовательного процесса.

Заключение

Депопуляция и демографическое старение остаются ключевыми проблемами общества, которые влияют на различные стороны жизни в Японии и обусловлены не только снижением рождаемости, но и ростом качества и продолжительности жизни. Их преодоление сопровождается значительными экономическими вложениями со стороны государства в части медицинской помощи, социальной поддержки, пенсионного обеспечения пожилых людей. Решение накопившихся проблем и их последствий делает необходимым развитие нескольких направлений демографической и миграционной политики. Некоторые из них уже нашли отражение в принятых правительством Японии конкретных действиях. Несмотря на глубокий демографический кризис, Япония остаётся одной из высокоразвитых стран мира и справляется с современными вызовами и угрозами. Привлечение иностранной рабочей силы происходит селективно, а либерализация миграционных правил осуществляется точно, то есть в регламентированном объёме и для наиболее нуждающихся отраслей хозяйства. Иммиграционная политика проводится достаточно осторожно и направлена на привлечение в некоторые сегменты экономики ограниченного потока мигрантов, молодёжи и квалифицированных кадров из схожих в этнокультурном отношении стран Азии.

Предположительно, полноценной либе-

³¹ Население Японии за год сократилось на рекордные 644 тысячи человек. — URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5307189?ysclid=ldbnc456d260592694> (дата обращения: 25.01.2023).

³² Nearly 70% of Japanese Say More Foreigners are 'Good': Survey. — URL: <https://asia.nikkei.com/Spotlight/Japan-immigration/Nearly-70-of-Japanese-say-more-foreigners-are-good-survey> (дата обращения: 12.08.2022).

рализации миграционного законодательства в Японии, по крайней мере в краткой и среднесрочной перспективе не произойдёт, и этнический состав пока всё ещё консервативного японского общества не претерпит каких-либо существенных изменений. При этом, роботизация и цифровизация позволят качественно изменить экономические и производственные процессы в стране, сформировать устойчивую основу для наращивания объёмов производства, качества продукции и оказываемых услуг как внутри Японии, так и за рубежом. Представленные меры, при их последовательном исполнении, будут способствовать созданию необходимых социально-экономических условий по улучшению качества жизни в Японии, благоприятной почвы для укрепления института семьи и увеличения рождаемости, обеспечения достойного

государственного пенсионного обеспечения граждан. Данный опыт может быть использован для разработки мер по преодолению депопуляции в странах, столкнувшихся с подобной проблемой. Для стабилизации ситуации требуется разработка мер по стимулированию возвращения мигрантов в азиатские страны и применение разнообразных способов их практического исполнения. Для реализации этой идеи необходимо обновление государственной миграционной политики в направлении продвижения региональных интеграционных процессов. Ценность такого подхода для Японии состоит в расширении практики привлечения молодёжи разных стран в систему высшего образования в целях придания нового импульса развитию человеческого потенциала.

Литература и Интернет-источники:

1. Япония в эпоху великих трансформаций / ред. Д. В. Стрельцов. — Москва : АИРО-XXI, 2020. — 320 с. EDN: IGVGRQ
2. **Шипилова, М. А.** Миграционные реформы кабинетов Абэ: незначительные дополнения или структурный элемент Абэномики? / М. А. Шипилова // Японские исследования. — 2020. — № 3. — С. 44–64. EDN: OWTYOF
3. **Лебедева, И. П.** Японский рынок труда в XXI веке. Экономические и социальные проблемы / И. П. Лебедева. — Москва : Институт востоковедения РАН, 2019. — 314 с. EDN: CXGMQA
4. **Гугелев, А. В.** Управление качеством в системе высшего образования Японии / А. В. Гугелев, А. А. Семченко // Информационная безопасность регионов. — 2014. — № 2(15). — С. 65–71. EDN: TJHAXL
5. **Петиненко, И. А.** Система образования Японии: что ведёт эту страну к успеху? / И. А. Петиненко, А. А. Ткач // Вестник Томского государственного университета. Экономика. — 2012. — № 2(18). — С. 174–178. EDN: OZZLQN
6. **Белов, А. В.** Экономические аспекты деятельности университетов в Японии / А. В. Белов, А. В. Золотов // Вопросы образования. — 2014. — № 3. — С. 30–53. EDN: SXHKAV
7. **Карпова, И. В.** Правовой статус Иммиграционного бюро Японии / И. В. Карпова, К. А. Карпов // Актуальные проблемы российского права. — 2019. — № 7(104). — С. 141–147. EDN: PYQAQM
8. **Шевцова, Е. В.** Миграционная политика Японии: уроки для совершенствования федеральной и региональной миграционной политики России / Е. В. Шевцова // Вестник НГУЭУ. — 2009. — № 2. — С. 60–67. EDN: MUCZEV
9. **Шалина, И. В.** Особенности внешней политики Японии в отношении стран Азиатско-Тихоокеанского региона / И. В. Шалина, С. А. Зыкова // III Готлибовские чтения: Востоковедение и регионоведение Азиатско-Тихоокеанского региона в фокусе современности: материалы международной научной конференции (Иркутск, 10–16.09.2019). — Иркутск : Изд-во ИГУ, 2019. — 541 с. EDN: AASTOT

10. **Iguchi, Yu.** Possibilities and Limitations of Japanese Migration Policy in the Context of Economic Partnership in East Asia / Yu. Iguchi // Working Paper for UN Expert Group Meeting on International Migration and Development (New York, 6–8 July 2005). — New York : Population Division Department of Economic and Social Affairs United Nations Secretariat, 2005. — P. 1–19.
11. **Кречетников, К. Г.** Японский подход к интернационализации образования / К. Г. Кречетников, В. Р. Шойнхорова // Фундаментальные и прикладные исследования: проблемы и результаты. — 2015. — № 23. — С. 58–63. EDN: VDFWXZ
12. **Рязанцев, С. В.** Внешняя миграционная политика России: концептуальное обоснование и инструменты реализации / С. В. Рязанцев // Международные процессы. — 2016. — № 4 (14). — С. 22–29. DOI: 10.31857/S013216250006666-5; EDN: ZCPYTT
13. **Рязанцев, С. В.** Японская модель привлечения иностранной молодёжи в систему высшего образования / С. В. Рязанцев, Т. К. Ростовская, Н. С. Рязанцев // Образование и наука. — 2020. — Т. 22. — № 9. — С. 148–173. EDN: QMPXRD

Сведения об авторах:

Письменная Елена Евгеньевна, д.социол.н., проф. Департамента социологии Финансового университета при Правительстве РФ; главный научный сотрудник Института демографических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: nikitar@list.ru; ORCID: 0000-0002-0401-2071; РИНЦ AuthorID: 124770.

Рязанцев Никита Сергеевич, младший научный сотрудник Института демографических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: ryazantsev080700@ya.ru; ORCID: 0000-0001-6835-310X; РИНЦ AuthorID: 1032293.

Молчанова Наталья Петровна, д.э.н., проф. кафедры теории и технологий управления факультета глобальных процессов Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: 2520641a@gmail.com; ORCID: 0000-0002-3019-0672; РИНЦ AuthorID: 491799.

DOI: 10.19181/population.2023.26.1.8

DEMOGRAPHIC SHIFTS IN JAPAN AS A FACTOR IN THE TRANSFORMATION OF MIGRATION POLICY

Elena E. Pismennaya^{1,2}, Nikita S. Ryazantsev², Natalia P. Molchanova^{3*}

¹ *Financial University under the Government of the Russian Federation
(49/2 Leningradsky prospect, Moscow, Russia, 125167)*

² *Institute for Demographic Research of the Federal Center of Theoretical
and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences
(6 bld. 1 Fotievoy str., Moscow, Russia, 119333)*

³ *Lomonosov Moscow State University
(1 Leninskie Gory, Moscow, Russia, 119991)*

*E-mail: 2520641a@gmail.com

For citation:

Pismennaya E. E., Ryazantsev N. S., Molchanova N. P. Demographic shifts in Japan as a factor in the transformation of migration policy. *Narodonaselenie [Population]*. 2023. Vol. 26. No. 1. P. 97–109. DOI: 10.19181/population.2023.26.1.8 (in Russ.)

Abstract. *The article is devoted to study of the demographic shifts in Japan in the context of their impact on the transformation of migration and foreign educational policy. Some of them were permanent, others arose periodically and were caused by rapid socio–demographic and economic shifts in the Japanese society. The article analyzes the development of the demographic crisis in Japan at the beginning of the 21st century. This period is characterized by ongoing depopulation of the Japanese population, its active aging and unfavorable changes in the labor market caused by the spread of IT technologies and robotization of production. The article analyzes the worsening unfavorable demographic trends, which resulted in a shortage of labor, a decrease in the economic potential of the country, and an increase in the demographic burden on the working population. There have been studied the impact on the demographic processes in Japan of the factor of educational immigration, which is considered as one of the most appropriate resources for compensating for possible demographic losses in the population in the future. Legislative innovations and legal support of external immigration, as well as their practical implementation, have been studied. The results of the activities of the higher school of Japan in teaching foreign citizens and smoothing out the negative dynamics of the demographic situation in the country are presented. Of interest for further research is an in–depth study of the causes and identification of the consequences of the demographic crisis, as well as a substantive analysis of the economic and social effectiveness of changes in Japan’s migration policy.*

Keywords: *Japan, demographic situation, migration policy, migration legislation, labour migrants, educational immigration, internationalisation of higher education, international cooperation.*

References and Internet sources

1. Yaponiya v epokhu velikik transformatsij [*Japan in the Era of Great Transformations*]. Ed. D. V. Streltsov. Moscow. AIRO-XXI. 2020. 320 p. (in Russ.)
2. Shipilova M. A. Migratsionnyye reformy kabinetov Abe: neznachitel`nyye dopolneniya ili strukturnyyj element Abenomiki? [Abe Cabinet migration reforms: minor additions or structural element of Abenomics?]. Yaponskiye issledovaniya [*Japanese Studies in Russia*]. 2020. No. 3. P. 44–64. (in Russ.)
3. Lebedeva I. P. Yaponskij rynek truda v 21 veke. Ekonomicheskiye i social`nyye problemy [*Japanese Labor Market in the 21st Century. Economic and Social Problems*]. Moscow. Institut vostokovedeniya RAN [Institute of Oriental Studies RAS]. 2019. 314 p. (in Russ.)
4. Gugelev A. V., Semchenko A. A. Upravleniye kachestvom v sisteme vysshego obrazovaniya Yaponii [Quality management in the system of higher education in Japan]. Informatsionnaya bezopasnost` regionov [*Informational Security of the Regions*]. 2014. No. 2 (15). P. 65–71. (in Russ.)
5. Petinenko I. A., Tkach, A. A. Sistema obrazovaniya Yaponii: chto vedyet etu stranu k uspekhu? [Education system of Japan: What is the secret of its success?]. Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomika [*Tomsk State University Journal of Economics*]. 2012. No. 2(18). P. 174–178. (in Russ.)
6. Belov A. V., Zolotov A. V. Ekonomicheskiye aspekty deyatel`nosti universitetov v Yaponii [Economic aspects of university activities in Japan]. Voprosy obrazovaniya [*Educational Studies*]. 2014. No. 3. P. 30–53. (in Russ.)
7. Karpova I. V., Karpov K. A. Pravovoy status Immigratsionnogo byuro Yaponii [Legal status of the Immigration Bureau of Japan]. Aktual`nyye problemy rossiyskogo prava [*Actual Problems of Russian Law*]. 2019. No. 7 (104). P. 141–147. (in Russ.)
8. Shevtsova E. V. Migratsionnaya politika Yaponii: uroki dlya sovershenstvovaniya federal`noj i regional`noj migratsionnoj politiki Rossii [Japan migration policy: Lessons for improving the federal and regional Russia migration policy]. Vestnik NGUEU [*Bulletin of Novosibirsk State University of Economics and Management (NSUEM)*]. 2009. No. 2. P. 60–67. (in Russ.)

9. Shalina I.V., Zykova S.A. Osobennosti vneshnej politiki Yaponii v otnoshenii stran Aziatsko-Tikhookeanskogo regiona [Features of Japan foreign policy towards the countries of the Asia-Pacific region]. III Gotlibovskie chteniya: Vostokovedeniye i regionovedeniye Aziatsko-Tikhookeanskogo regiona v fokuse sovremennosti: materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferentsii [III Gotlib Readings: Oriental and Regional Studies of the Asia-Pacific Region in the Focus of Present Day]. Proceedings of international scientific conference (Irkutsk. 10–16.09.2019). Irkutsk. IGU [Irkutsk State University]. 2019. P. 487–491 (in Russ.)
10. Iguchi Yu. *Possibilities and Limitations of Japanese Migration Policy in the Context of Economic Partnership in East Asia*. Working paper for UN Expert Group Meeting on International Migration and Development. Population Division Department of Economic and Social Affairs United Nations Secretariat. New York. 2005. P. 1–19.
11. Krechetnikov K. G., Shoynkhorova V. R. Yaponskij podkhod k internatsionalizatsii obrazovaniya [Japanese approach to internationalization of education]. Fundamental'nyye i prikladnyye issledovaniya: problemy i rezul'taty [Fundamental and Applied Research: Problems and Results]. 2015. No. 23. P. 58–63. (in Russ.)
12. Ryazantsev S.V. Vneshnyaya migratsionnaya politika Rossii: kontseptual'noye obosnovaniye i instrumenty realizatsii [Foreign migration policy of Russia: conceptual substantiation and implementation tools]. Mezhdunarodnyye protsessy [International Trends]. 2016. No. 4(14). P. 22–29. DOI: 10.31857/S013216250006666–5 (in Russ.)
13. Ryazantsev S.V., Rostovskaya T.K., Ryazantsev N.S. Yaponskaya model' privilecheniya inostranno molodyozhi v sistemu vysshego obrazovaniya [Japanese model of attracting foreign youth in the higher education system]. Obrazovaniye i nauka [The Education and Science Journal]. 2020. Vol. 22. No. 9. P. 148–173. (in Russ.)

Information about the authors:

Pismennaya Elena Evgenievna, Doctor of Sociology, Professor, Financial University under the Government of the Russian Federation; Chief Researcher, Institute for Demographic Research of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: nikitar@list.ru; ORCID: 0000–0002–0401–2071; Elibrary AuthorID: 124770.

Ryazantsev Nikita Sergeevich, Junior Researcher, Institute for Demographic Research of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: ryazantsev080700@ya.ru; ORCID: 0000–0001–6835–310X; Elibrary AuthorID: 1032293.

Molchanova Natalia Petrovna, Doctor of Economics, Professor, Department of Global Processes, Lomonos Moscow State University, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: 2520641a@gmail.com; ORCID: 0000–0002–3019–0672; Elibrary AuthorID: 491799.

Статья поступила в редакцию 13.09.2022, одобрена в печать 15.02.2023, опубликована 30.03.2023.

ТРУДОВОЙ ПОТЕНЦИАЛ И УСЛОВИЯ ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ

DOI: 10.19181/population.2023.26.1.9
EDN: PFZXCA

ТРАНСФОРМАЦИЯ ЗАНЯТОСТИ В РОССИИ В РАКУРСЕ МЕЖСТРАНОВЫХ СРАВНЕНИЙ

Попов А.В. *, Соловьева Т.С.

Вологодский научный центр РАН
(160014, Россия, Вологда, ул. Горького, 56А)

*E-mail: ai.popov@yahoo.com

Финансирование:

Исследование выполнено за счёт гранта Российского научного фонда № 22-28-01986. – URL: <https://rscf.ru/project/22-28-01986/>.

Для цитирования:

Попов А.В., Соловьева Т.С. Трансформация занятости в России в ракурсе межстрановых сравнений // Народонаселение. – 2023. – Т. 26. – № 1. – С. 110-122. DOI: 10.19181/population.2023.26.1.9; EDN: PFZXCA

Аннотация. Предметом нашего внимания стала занятость населения, которая не только претерпела существенные изменения за последнее время, но и подвержена серьёзному влиянию глобальных вызовов. Цель статьи заключается в анализе особенностей и закономерностей трансформации занятости в России на основе международных сопоставлений. Выбранный ракурс исследования позволил нам проследить ситуацию в передовых экономиках мира (G7) и выявить характерные тенденции для индустриально развитых стран. Эмпирическую базу работы составили данные Международной организации труда, Организации экономического сотрудничества и развития, Всемирного банка, а также открытых источников из сети интернет. Проведённый анализ продемонстрировал многогранность изучаемого феномена, который раскрыт нами в рамках отраслевой структуры и форм занятости, институциональной среды и развития человеческого капитала. В целом трансформация занятости в России имеет много общего со странами «большой семёрки», что выражается, прежде всего, в перераспределении рабочей силы в сферу услуг, распространении нестандартной занятости, сокращении степени юнионизации работников и адаптации трудовых практик к выполнению работ, связанных с решением когнитивных и технологических задач, а также межличностным взаимодействием. При этом по ряду направлений наблюдается некоторое «запаздывание», что может быть обусловлено более поздним началом изменений. В заключение подчёркивается важность поиска новых возможностей для анализа различных сторон трансформации занятости, а также делается вывод о необходимости обеспечения оптимального баланса между гибкостью занятости и достойным трудом.

Ключевые слова: занятость, рынок труда, трансформация занятости, глобальные вызовы, межстрановой анализ, нестандартная занятость.

Введение

Переход развитых стран к постиндустриальному обществу ознаменовал трансформационные сдвиги в занятости населения, отголоски которых прослеживались со второй половины XX века. Немаловажная роль в этом процессе отводится и глобальным вызовам (демографическое старение, цифровизация, экологизация), способствующим формированию нового облика человека труда и сферы социально-трудовых отношений в целом.

В самом общем виде под трансформацией занятости понимается процесс глубоких преобразований социально-экономических отношений, что приводит к качественным изменениям сложившихся практик участия населения в оплачиваемой общественно полезной деятельности [1, с. 20]. Подобные тенденции являются результатом накопления количественных изменений, затрагивающих вопросы отраслевой структуры рабочих мест, форм занятости, мотивов и стимулов к труду, «правил игры» на рынке труда [2] и так далее. Учитывая динамизм и противоречивость современного развития, в результате чего разрушение становится нормой¹, занятость населения все чаще ассоциируется с гибкостью, разнообразием и неопределённостью. При этом в зависимости от страны ситуация будет меняться, сохраняя национальную специфику. В этой связи мы поставили перед собой цель выявить особенности и закономерности трансформации занятости в России на основе международных сопоставлений.

К числу наиболее обсуждаемых аспектов трансформационного процесса относятся структурные сдвиги в занятости населения. С точки зрения формирования спроса и предложения на рынке труда исследователи, как правило, анализируют проблемы обеспечения потребностей экономики в кадрах [3], а также изменения требований работодателей к ка-

чественным характеристикам соискателей [4]. Ещё один широкий спектр работ посвящён изучению отраслевых перемещений работников в рамках первичного, вторичного и третичного секторов [5]. Принимая во внимание значимость последнего в постиндустриальном мире, отдельно выделяют подсекторы сферы услуг, включающие, например, оптовую и розничную торговлю, рестораны и гостиницы; транспорт, хранение и связь; финансы, страхование, недвижимость и бизнес-услуги; общественные социальные и персональные услуги [6].

Структурные сдвиги в экономике наряду с ростом глобальной конкуренции и другими факторами влекут за собой распространение гибких форм занятости, среди которых временная, неполная, случайная, самозанятость и другие [7]. Данный процесс наиболее характерно прослеживается в промышленно развитых странах, где ещё в прошлом веке был сформирован определённый стандарт, регламентирующий трудовые отношения между работником и работодателем. Этому способствует возникновение принципиально новых форм занятости (удалённая, платформенная, коллективная), где особая роль отводится цифровым возможностям. В этом плане технологические изменения зачастую рассматриваются как важнейший триггер трансформации, результатом которой может стать отмирание ряда профессий и замещение человеческого труда машинным [8; 9]. Согласно другим исследованиям, вероятность полной автоматизации труда весьма мала, поскольку масштабы появления новых рабочих мест будут перекрывать их потерю². В частности, расчёты по России свидетельствуют об отсутствии реальных предпосылок для наступления масштабной технологической безработицы в обозримой перспективе [10].

Повышение гибкости занятости, с одной стороны, позитивно сказывается на формировании условий для вовлечения в трудовую деятельность социально уязвимых категорий населения и обеспече-

¹ OECD Employment Outlook 2019: The Future of Work // OECD: [сайт]. – URL: <https://www.oecd.org/employment/employment-outlook-2019-highlight-en.pdf> (дата обращения: 19.12.2022).

² The Future of Jobs Report 2020 // WEF: [сайт]. – URL: https://www3.weforum.org/docs/WEF_Future_of_Jobs_2020.pdf (дата обращения: 10.09.2022).

ния более благоприятного баланса между работой и личной жизнью, с другой же — нередко оборачивается рисками прекаризации [11]. Так, дистанционный труд, несмотря на достоинства, может повлечь за собой размытие границ рабочего времени [12, с. 109]. Этому «благоприятствует» законодательное регулирование, которое не всегда успевает за новыми практиками, однако в полной мере определяет контуры наметившихся изменений. Наряду с правовыми нормами влияние на динамику трансформации занятости оказывают и другие институциональные факторы. К ним относятся формальные институты (профсоюзы, минимальная заработная плата, пособия по безработице и т.д.), а также неформальные правила и ограничения со стороны субъектов рынка труда [13, с. 26–27].

Трансформация занятости происходит и на мотивационном уровне, детерминирующем профессиональные и карьерные траектории населения. Особенно это касается молодого поколения, которое предпочитает работу в творческой и инновационной среде, в профессиональном отношении ориентировано на ближайшее будущее, а не на длительную перспективу³. В современном обществе фокус внимания смещается в сторону досуга, ценность которого по сравнению с трудом повышается. Несмотря на то, что работа и семья остаются приоритетными сторонами человеческой жизни [14, с. 105–107], высокая самооценочность труда вновь уступает место вопросам материального благополучия, выходящим на первый план при выборе трудовых стратегий [15, с. 64].

Материалы и методы

При проведении анализа мы ориентировались на подходы к изучению процесса трансформации занятости, которые были

выделены нами ранее, что позволяет рассмотреть его особенности в разных ракурсах (табл. 1).

В силу ограниченности информационной базы были использованы показатели, характеризующие только четыре из них: отраслевой (структура занятости), организационно-правовой (формы занятости), институциональный (институциональная среда) и компетентностный (человеческий капитал). В качестве объекта исследования послужили страны «большой семёрки» (G7), которые стали основой для сравнения с Россией. Такой выбор обусловлен необходимостью учёта тенденций, происходящих в передовых экономиках мира, поскольку фактор общественного благосостояния непосредственно сказывается на занятости населения. Временные границы исследования заданы периодом с 2000 г., при этом верхняя граница интервала не была установлена для отображения наиболее актуальных сведений, что важно в случаях, когда данные по отдельным странам за определённые годы отсутствовали.

Результаты исследования

Структура занятости. Обращение к трехсекторной модели экономики служит одним из наглядных способов, позволяющих проследить трансформационные сдвиги в занятости населения. Так, постиндустриальный мир ознаменовал ярко выраженное перераспределение рабочей силы в пользу сферы услуг (табл. 2). В странах G7 её доля в структуре занятого населения превышает 70% и продолжает расти. С начала 2000-х гг. значения показателя в России увеличились на 11,1 процентных пункта (п.п.), достигнув отметки в 67%, что свидетельствует о наиболее сильной динамике среди рассматриваемых территорий. Этому способствовал эффект «низкой базы», в результате чего тенденция приобрела более масштабный характер.

Относительная стабильность наблюдается в первичном секторе экономики, где

³ What's next: future global trends affecting your organization. Evolution of Work and the Worker // SHRM: [сайт]. – URL: <https://www.shrm.org/foundation/ourwork/initiatives/preparing-for-future-hr-trends/publishingimages/pages/evolution-of-work/2-14%20theme%201%20paper-final%20for%20web.pdf> (дата обращения: 10.09.2022).

Таблица 1

Основные подходы к изучению трансформации занятости

Table 1

Main approaches to the study of employment transformation

Название подхода	Проявление трансформации занятости	Измерение трансформации занятости
Системный	Комплексные изменения в занятости населения, протекающие в неразрывном единстве со стадиями общественного развития.	Исследования носят преимущественно общетеоретический характер (в редких случаях используются показатели социально-экономического развития территорий).
Отраслевой	Структурные сдвиги в занятости населения, представляющие «переток» рабочей силы из одних отраслей в другие.	Показатели секторального распределения рабочей силы: доля занятых в первичном, вторичном и третичном секторах экономики.
Институциональный	Эволюция общественных институтов, приводящая к глубинным изменениям в характере трудовых отношений.	Показатели развития общественных институтов (например, степень юнионизации работников).
Организационно-правовой	Трансформация социально-экономических отношений по поводу организации трудового процесса и характера взаимодействия между работником и работодателем.	Показатели распространения различных форм занятости (неполная, временная и т.д.).
Компетентностный	Изменение требований экономики к качественным характеристикам населения, способствующее преобразованию сложившихся практик участия в трудовой деятельности.	Показатели вклада различных навыков в экономику и их востребованности в будущем.
Мотивационно-ценностный	Переосмысление места труда в обществе, что приводит к изменению поведения людей на рынке труда.	Показатели развития трудовой мотивации населения.

Источник: составлено по [1].

Таблица 2

Структура занятости населения по секторам экономики в России и странах G7, %

Table 2

Employment structure by sectors of the economy in Russia and the G7 countries, %

Страна*	Первичный сектор			Вторичный сектор			Третичный сектор		
	2000 г.	2019 г.	+/-, п.п.	2000 г.	2019 г.	+/-, п.п.	2000 г.	2019 г.	+/-, п.п.
Великобритания	1,5	1,0	-0,5	25,2	18,1	-7,0	73,3	80,8	+7,5
Канада	2,5	1,5	-1,0	23,3	19,3	-4,0	74,2	79,2	+5,0
США	1,6	1,4	-0,3	24,4	19,9	-4,5	73,9	78,7	+4,8
Франция	4,1	2,5	-1,6	26,3	20,4	-5,8	69,6	77,0	+7,5
Япония	5,1	3,4	-1,7	31,4	24,2	-7,2	63,5	72,4	+8,9
Германия	2,6	1,2	-1,4	33,5	27,2	-6,3	63,8	71,6	+7,8
Италия	5,2	3,9	-1,3	31,8	25,9	-5,9	63,0	70,2	+7,3
Россия	14,5	5,8	-8,7	29,2	26,8	-2,4	56,3	67,4	+11,1

*страны ранжированы по предпоследнему столбцу.

Источник: World Bank Open Data — URL: <https://data.worldbank.org> (дата обращения: 10.09.2022).

преобладают отрасли, связанные с добычей сырья (сельское и лесное хозяйство, добыча полезных ископаемых). В G7 на их долю приходится всего несколько процентов занятого населения (от 1% в Великобритании до 4% в Италии), и потенциал к дальнейшему сокращению практически исчерпан. Россия проходит аналогичный путь: в период 2000–2019 гг. занятость в первичном секторе снизилась с 15 до 6%, что, по всей видимости, означает приближение к предельным значениям показателя, в том числе в силу ограниченного роста добавленной стоимости в сельском хозяйстве⁴.

В свою очередь перспективы занятости в промышленности носят противоречивый характер. С одной стороны, мы видим повсеместное сокращение удельного веса работников, что может быть следствием как деиндустриализации экономики, так и внедрения технологических инноваций, позволяющих оптимизировать трудовые издержки. С другой стороны, масштабы самого сектора остаются внушительными (в пределах 18–27% от числа занятых), впрочем, как и его вклад в создание национального дохода. Принимая во внимание главенствующую роль промышленности в системе материального производства, сложно спрогнозировать последующие изменения в структуре занятости. В этом плане куда больше ясности может внести выделение подсекторов сферы услуг, поскольку в текущем виде она является слишком неоднородной и не отражает приоритетные для современной экономики направления деятельности. На сегодняшний день в международной статистике отсутствует информация на этот счёт, однако попытки проведения такого анализа уже предпринимаются [6].

Формы занятости. Распространение различных форм трудовых отношений также часто рассматривается как проявление глобального процесса трансформации занятости. В этом случае ключевое зна-

чение отводится изменению привычных практик участия населения в труде, что выражается в постепенном отходе индустриально развитых стран от стандартной занятости, на место которой приходят как хорошо известные, так и новые её формы. Поскольку данная тенденция имеет продолжительную историю, в ходе анализа нами сделан акцент не на динамике, а на абсолютных значениях показателей, доступных для проведения межстрановых сопоставлений, а именно — на уровне неполной, временной и самозанятости.

Когда мы говорим о формах занятости, важно понимать, что масштабы их распространения заметно отличаются в территориальном разрезе (табл. 3). Так, по состоянию на 2021 г., уровень неполной занятости в G7 варьировался от 14% (Франция) до 26% (Япония). При этом за прошедшие 20 лет значения показателя претерпели существенные изменения только в Японии (+9,6 п.п.), Италии (+5,8 п.п.) и Германии (+4,6 п.п.). В остальных странах картина осталась прежней. В этой связи можно констатировать, что работа неполное время не только активно используется в кризисные периоды⁵, но и является неотъемлемой чертой современности. Вместе с тем опыт России свидетельствует об обратном: подобного рода практики не получили широкого распространения, к ним прибегают порядка 4% занятого населения, что на 3,3 п.п. ниже уровня 2000 года. Отсюда и сильные различия в продолжительности рабочего времени, которые при сравнении максимума (1965 часов в год на одного работника в РФ) и минимума (1382 часа — в Германии) превышают 40%⁶.

Схожим образом обстоят дела и с временной занятостью, которая отмечается

⁵ Non-standard employment around the world: Understanding challenges, shaping prospects // ILO: [сайт]. — URL: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/@dgreports/@dcomm/@publ/documents/publication/wcms_534326.pdf (дата обращения: 10.09.2022).

⁶ Данные за 2019 г., поскольку последствия пандемии COVID-19 повлекли за собой стремительное сокращение рабочих часов. Уровень неполной занятости при этом не изменился. Источник: Hours worked // OECD: [сайт]. — URL: <https://data.oecd.org/emp/hours-worked.htm> (дата обращения: 10.09.2022).

⁴ Устойчивая трансформация сельского хозяйства в Северной и Центральной Азии // ESCAP: [сайт]. — URL: https://www.unescap.org/sites/default/d8files/0.%20Sustainable%20agriculture%20transformation%20in%20NCA_RUS.pdf (дата обращения: 10.09.2022).

Таблица 3

Распространение отдельных форм занятости в России и странах G7,%

Table 3

Distribution of certain forms of employment in Russia and the G7 countries,%

Страна*	Неполная занятость			Временная занятость			Самозанятость		
	2000 г.	2021 г.	+/-, п.п.	2000 г.	2021 г.	+/-, п.п.	2000 г.	2019 г.	+/-, п.п.
Италия	11,2	17,0	+5,8	10,1	16,4	+6,3	28,7	22,7	-6,0
Великобритания	23,3	21,7	-1,6	7,0	5,6	-1,4	12,3	15,6	+3,3
Канада	18,1	18,4	+0,3	12,5	12,1	-0,4	16,1	15,2	-0,9
Франция	14,3	13,8	-0,5	15,4	15,1	-0,3	11,4	12,1	+0,7
Япония	16,0	25,6	+9,6	14,5	15,0	+0,5	16,9	10,1	-6,8
Германия	17,6	22,2	+4,6	12,7	11,4	-1,3	10,9	9,6	-1,3
Россия	7,4	4,1**	-3,3	5,5	7,5*	+2,0	11,0	8,1	-2,9
США	25,9	25,3	-0,6	4,0	4,0	0,0	7,6	6,1	-1,5

*страны ранжированы по предпоследнему столбцу; **2020 год.

Источник: OECD.Stat // OECD: [сайт].— URL: <http://stats.oecd.org>; World Bank Open Data // World Bank [сайт].— URL: <https://data.worldbank.org> (дата обращения: 10.09.2022).

более чем у каждого десятого работника стран «большой семёрки». Исключение составляют Великобритания и США, где значения показателя значительно ниже (6 и 4% соответственно) и напоминают ситуацию в России (7%). За рассматриваемый период частота заключения срочных трудовых договоров в основном сохранилась на прежнем уровне во всех странах, кроме Италии (увеличение на 6,3 п.п.). Такая динамика может объясняться тем, что временная занятость заняла свою нишу в системе трудовых отношений и отвечает интересам определённого сегмента субъектов рынка труда. Стимулы к дальнейшему росту/падению в настоящий момент отсутствуют.

Менее однозначным видится развитие самозанятости, масштабы распространения которой сопоставимы с предыдущими формами занятости, однако имеют тенденцию к снижению. Обозначенный тренд характерен для всех стран G7 кроме Великобритании (+3,3 п.п.) и Франции (+0,7 п.п.). Стремительный рост самозанятости в России произошёл в конце XX в., когда реализация рыночных реформ в стране сопровождалась серьёзными социально-экономическими потрясениями [16]. В результате к 2000 г. значения по-

казателя достигли 11%, после чего стабилизировались на уровне 8%. С введением специального налогового режима «Налог на профессиональный доход» можно ожидать дальнейшее увеличение числа самозанятых граждан, чему могут также способствовать цифровые технологии, расширяющие возможности для занятости. Вместе с тем в глобальной перспективе существует немало сдерживающих факторов, обусловленных преимущественно качеством таких рабочих мест.

Институциональная среда. Вопросы трансформации занятости нередко раскрываются посредством анализа динамики институтов рынка труда, поскольку они не только оказывают влияние на трудовые стратегии населения, но и могут служить маркером общественного развития. Для первого случая характерным примером является минимальная заработная плата, которая может рассматриваться в качестве инструмента регулирования занятости. Сами по себе абсолютные значения этого показателя не играют определяющей роли при междустрановом сравнении, поэтому для этих целей используют индекс Кейтца как отношение минимальной заработной платы к медианной. Как правило, в разви-

тых странах данное отношение устанавливается на уровне 50–65%. В то же время, обращаясь к опыту G7, можно увидеть ещё большую вариативность: от 29% в США до 61% во Франции (табл. 4). Благодаря заметному увеличению минимального размера оплаты труда в России в последние годы, индекс Кейтца возрос до 37% (с 9% в 2000 г.).

С точки зрения трансформационных преобразований в занятости населения гораздо более показательным является охват работников профсоюзным членством. Согласно статистике, он имеет устойчивую тенденцию к сокращению как в странах G7 (от -1,8 п.п. в Канаде до -8,3 п.п. в Германии), так и в России, демонстрирующей самое сильное падение

Таблица 4
Отдельные показатели развития институтов рынка труда в России и странах G7

Table 4
Selected indicators of the development of labor market institutions in Russia and the G7 countries

Страна****	Индекс Кейтца,%			Степень юнионизации работников,%		
	2000 г.	2020 г.	+/-, п.п.	2000 г.	2019 г.	+/-, п.п.
Италия	-	-	-	35,0	32,5	-2,5
Канада	41,4	49,0	+7,6	30,1	28,3	-1,8
Россия	8,8	37,4	+28,6	43,5*	27,4**	-16,1
Великобритания	40,9	57,6	+16,7	29,8	23,4	-6,4
Япония	32,2	45,2	+13,0	21,5	16,8	-4,7
Германия	-	44,9	-	24,5	16,2	-8,3
США	35,8	29,5	-6,3	12,9	9,8	-3,1
Франция	61,7	61,2	-0,5	12,6	8,9***	-3,7

****страны ранжированы по предпоследнему столбцу.

*2006 г.; **2017 г.; ***2018 год.

Источники: ILOSTAT. — URL: <https://www.ilo.org/ilostat/>; OECD.stat. — URL: <https://stats.oecd.org> (дата обращения: 10.09.2022); а также данные Росстата.

(-16,1 п.п.). В результате в 2019 г. уровень юнионизации составил всего 27%, хотя в СССР профсоюзное движение носило массовый характер. В связи с этим можно сделать вывод о сужении возможностей для социального диалога, что вероятнее всего является следствием индивидуализации труда, когда вопросы организации трудового процесса все чаще решаются работниками самостоятельно. Например, на российском рынке труда не только активно развивается занятость в неформальном секторе⁸, но и широко распространены её теньевые практики (неофици-

альное трудоустройство, получение зарплаты «в конверте» и другое) [17].

Человеческий капитал. Изменение требований экономики к качественным характеристикам работников косвенным образом может свидетельствовать о глубоких сдвигах в занятости. Такой ракурс имеет много общего с изучением межсекторального перераспределения рабочей силы, однако в данном случае акцент делается на значимости навыков или качеств, используемых в труде. К сожалению, оценить их динамику сложно, в особенности, когда речь идёт о необходимости проведения анализа на страновом уровне. В этом отношении особая роль отводится инициативным социологическим опросам, которые позволяют сделать соответствующие замеры. Для подтверждения этого обратимся к результа-

⁷ Global Wage Report 2020–21: Wages and minimum wages in the time of COVID-19 // ILO: [сайт]. — URL: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/@dgreports/@dcomm/@publ/documents/publication/wcms_762534.pdf (дата обращения: 10.09.2022).

⁸ Индикаторы достойного труда // Росстат [сайт]. — URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/ind_dtr_07-2022.xlsx (дата обращения: 10.09.2022).

там исследования, проведённого специалистами глобального института McKinsey. Как видно из рис. 1, в ближайшее десятилетие ожидается увеличение спроса на технологические (+55%), высокие когни-

тивные (+8%), социальные и эмоциональные (+24%) навыки, которые активно применяются и сейчас, хотя и уступают навыкам физической и ручной работы по количеству отработанных часов.

Рис. 1. Прогноз изменения значимости навыков в экономике*

Fig. 1. Forecast of changes in the importance of skills in economy

*агрегированные данные по странам G7 (без Японии и Канады), а также Австрии, Бельгии, Дании, Финляндии, Греции, Нидерландов, Норвегии, Испании, Швеции и Швейцарии.

Источник: Skill shift: Automation and the future of the workforce. — URL: <https://www.mckinsey.com/featured-insights/future-of-work/skill-shift-automation-and-the-future-of-the-workforce> (дата обращения: 10.09.2022).

Что касается России, то провести прямые параллели с обозначенным выше примером не представляется возможным. Это, в частности, касается и вопросов трудовой мотивации, которые мы оставили за рамками настоящей статьи в силу отсутствия длинных рядов показателей в межстрановом разрезе, и сложности интерпретации самого предмета исследования для получения прогнозных оценок. В случае же с изучением динамики требований рабочих мест к качественным характеристикам населения мы можем воспользоваться материалами отечественных исследований, которые хотя и построены на иной методологии, могут помочь сформировать общее представление об изменении значимости навыков.

Так, в период 2000–2019 гг. индексы⁹ не-

⁹ Показывают, какую долю в общем числе задач, выполняемых в рамках той или иной профессии, составляют задачи данного типа.

рутинных физических и рутинных физических задач сократились на 16 и 10% соответственно [10, с. 80–81]. В свою очередь позитивный тренд продемонстрировали индексы интерактивных (+20%) и аналитических (+10%) задач. О росте востребованности интеллектуального потенциала также свидетельствуют и данные региональных опросов [7, с. 14–15]. В конечном итоге это приводит к тому, что занятость населения адаптируется под выполнение работ, связанных с решением когнитивных и технологических задач, а также межличностным взаимодействием. Одним из проявлений такой трансформации может служить развитие удалённой занятости, потенциал которой особенно сильно проявил себя в период пандемии COVID-19.

Заклучение

Проведённый анализ показал многогранность глобального процесса трансформации занятости, который может быть представлен в разных контекстах: от межсекторального перераспределения рабочей силы до особенностей взаимодействия работников с институциональной средой. При этом если в одном случае изменения могут практически отсутствовать, то в другом — приобретает ярко выраженный характер. В этой связи важно не только принимать во внимание вариативность проявлений изучаемого феномена, но и продолжить поиск новых возможностей для его исследования.

Как показали межстрановые сопоставления, трансформация занятости в РФ имеет много общего с западным миром, но несколько «запаздывает» по ряду направлений. Так, доля сферы услуг в структуре занятого населения ниже, чем в странах «большой семёрки», хотя и демонстрирует наибольший рост как в абсолютном, так и в относительном выражении. Схожая ситуация наблюдается и в первичном секторе экономики, который со временем аккумулирует все меньшее число работников. В этой связи в ближайшей перспективе можно ожидать сохранение паритета между отраслями, либо последующее сокращение занятых в промышленности. Нестандартные формы занятости (временная, неполная и самозанятость) также получили своё развитие, как и за рубежом, однако масштабы их распространения скромны и варьируются от 4 до 8%, в результате чего средняя продолжительность отработанного времени в стране находится на относительно высоком уровне. Иным образом обстоят дела со степенью юнионизации работников, а также изменением значимости тех или иных навыков в трудовой деятельности (несмотря на методо-

логические сложности), где Россия мало чем отличается от «группы семи». С одной стороны, занятость населения, стремясь к индивидуализации, предоставляет всё меньше возможностей для социального диалога, с другой — адаптируется под выполнение новых задач, которые могут быть реализованы, например, посредством цифровых платформ.

Учитывая нестабильность геополитической обстановки и общую тенденцию деглобализации, процесс трансформации занятости в России может принимать более специфический характер, реагируя на вызовы внешней среды. Рост неопределённости и тренды на импортозамещение, реиндустриализацию, диверсификацию каналов поставок вероятно затронут и сферу занятости, в частности, её отраслевую структуру, масштабы трудовой мобильности, предложение труда. Однако, представляется, что это не будет препятствовать дальнейшему становлению постиндустриальной парадигмы занятости, которая уже сейчас находит своё широкое отражение в условиях российской действительности. В этом плане открытым остаётся вопрос относительно действий органов власти, чья позиция по данному вопросу может вносить коррективы в развитие системы социально-трудовых отношений в стране. Представляется, что основное внимание должно быть направлено на обеспечение оптимального баланса между гибкостью занятости и достойным трудом, что потребует усилий не только государства как гаранта социальной стабильности, но и других субъектов рынка труда (прежде всего, профсоюзов). В противном случае реакция на возможные негативные проявления трансформационного процесса, среди которых прекаризация занятости, поляризация рабочих мест и другое может быть слишком запоздалой.

Литература и Интернет-источники

1. **Попов, А. В.** Концептуальные основы изучения процесса трансформации занятости / А. В. Попов // Теоретическая экономика. — 2019. — № 6(54). — С. 18–26. EDN: ROGV DV
2. **Одегов, Ю. Г.** Трансформация труда: 6-й технологический уклад, цифровая экономика и тренды изменения занятости / Ю. Г. Одегов, В. В. Павлова // Уровень жизни населения регионов России. — 2017. — № 4(206). — С. 19–25. EDN: YTIJLF
3. **Узякова, Е. С.** Ограничения по трудовым ресурсам и возможности роста в экономике / Е. С. Узякова // Народонаселение. — 2017. — Т. 20. — № 1. — С. 22–34. EDN: YRJNHZ
4. **Sigelman, M.** Shifting Skills, Moving Targets, and Remaking the Workforce / M. Sigelman, B. Taska, L. O’Kane [и др.]. — Boston : BCG, 2022. — 44 p.
5. **Edgell, S.** The Sociology of Work: Continuity and Change in Paid and Unpaid Work / S. Edgell. — London : SAGE Publications Ltd, 2012. — 264 p.
6. **D’Agostino, A.** Sectoral Explanations of Employment in Europe: the Role of Services / A. D’Agostino, R. Serafini, M. Ward. — Bonn : IZA, 2006. — 54 p. DOI: 10.2139/ssrn.900396
7. **Попов, А. В.** Прекаризация занятости: угрозы дестабилизации положения работников для развития России / А. В. Попов, Т. С. Соловьева. — Вологда : ВолНЦ РАН, 2021. — 131 с. EDN: XINJUV
8. **Frey, C. B.** The future of employment: How susceptible are jobs to computerisation? / C. B. Frey, M. A. Osborne // Technological Forecasting & Social Change. — 2017. — Vol. 114. — P. 254–280. DOI: 10.1016/j.techfore.2016.08.019
9. **Susskind, D.** A World without Work: Technology, Automation and How We Should Respond / D. Susskind. — New York : Metropolitan Books, 2020. — 305 p.
10. **Гимпельсон, В. Е.** Рутинность и риски автоматизации на российском рынке труда / В. Е. Гимпельсон, Р. И. Капелюшников // Вопросы экономики. — 2022. — № 8. — С. 68–94. DOI: 10.32609/0042-8736-2022-8-68-94; EDN: HSIVVK
11. **Бобков, В. Н.** Неустойчивая занятость в Российской Федерации: теория и методология выявления, оценивание и вектор сокращения / В. Н. Бобков, В. Г. Квачев, И. Б. Колмаков [и др.]. — Москва : КНОРУС, 2019. — 342 с. EDN: VWFVIO
12. **Логинов, Д. М.** Дистанционная занятость в период коронакризиса: масштабы распространения и результативность внедрения / Д. М. Логинов, М. В. Лопатина // Народонаселение. — 2021. — Т. 24. — № 4. — С. 107–121. DOI: 10.19181/population.2021.24.4.9; EDN: IIRGXC
13. **Беляев, В. И.** Занятость, безработица, рынок труда в институциональной структуре социально-трудовых отношений / В. И. Беляев, О. В. Кузнецова // Экономика. Профессия. Бизнес. — 2021. — № 1. — С. 21–29. DOI: 10.14258/epb202103; EDN: JJZRTT
14. **Лашук, И. В.** Трансформация ценностей белорусского общества / И. В. Лашук // Вестник Белорусского государственного экономического университета. — 2022. — № 1(150). — С. 103–112. EDN: DDOABU
15. **Шпилов, А. В.** Труд и отношение к нему: до и после модерна / А. В. Шпилов // Общественные науки и современность. — 2021. — № 6. — С. 61–72. DOI: 10.31857/S086904990017880-0; EDN: XVMJIE
16. **Попов, А. В.** Особенности и закономерности трансформации занятости в России и странах мира / А. В. Попов // Human Progress. — 2019. — Т. 5. — № 7. — URL: http://progresshuman.com/images/2019/Том5_7/Popov.pdf (дата обращения: 10.09.2022). DOI: 10.34709/IM.157.10; EDN: EJAHQС
17. **Покида, А.** Динамика теневого занятости российского населения / А. Покида, Н. Зыбуновская // Экономическая политика. — 2021. — Т. 16. — № 2. — С. 60–87. DOI: 10.18288/1994-5124-2021-2-60-87; EDN: RIGILL

Информация об авторах:

Попов Андрей Васильевич, к.э.н., старший научный сотрудник, Вологодский научный центр Российской академии наук, Вологда, Россия.

Контактная информация: e-mail: ai.popov@yahoo.com; ORCID: 0000-0002-4803-1354; РИНЦ AuthorID: 633023.

Соловьева Татьяна Сергеевна, научный сотрудник, Вологодский научный центр Российской академии наук, Вологда, Россия.

Контактная информация: e-mail: solo_86@list.ru; ORCID: 0000-0003-1770-7566; РИНЦ AuthorID: 621475.

DOI: 10.19181/population.2023.26.1.9

EMPLOYMENT TRANSFORMATION IN RUSSIA FROM THE PERSPECTIVE OF CROSS-COUNTRY COMPARISONS

Andrei V. Popov*, Tatiana S. Soloveva

Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences
(56A Gorky str., Vologda, Russia, 160014)

*E-mail: ai.popov@yahoo.com

Funding:

The study was funded by the RSF grant No. 22-28-01986. URL: <https://rscf.ru/project/22-28-01986/>.

For citation:

Popov A.V., Soloveva T.S. Employment transformation in Russia from the perspective of cross-country comparisons. *Narodonaselenie [Population]*. 2023. Vol. 26. No. 1. P. 110-122. DOI: 10.19181/population.2023.26.1.9 (in Russ.)

Abstract. *The transition of mankind to a post-industrial society marked a profound transformation in various areas of activity. The subject of our attention is employment, which not only has undergone significant changes recently, but is also seriously affected by global challenges. The purpose of the article is to analyze the features and patterns of the employment transformation in Russia on the basis of cross-country comparisons. The chosen research perspective allowed us to observe the situation in the world's leading economies (G7 countries) and identify typical trends for industrialized countries. The paper is based on the data from the International Labor Organization, the Organization for Economic Cooperation and Development, the World Bank, as well as public Internet sources. The analysis clearly demonstrated versatility of the studied phenomenon that we examined within the frames of the sectoral structure and forms of employment, the institutional environment and the development of human capital. In general, the employment transformation in Russia has much in common with that in the G7 countries, which is expressed primarily in redistribution of the labor force to services, spread of non-standard employment, reduction of trade union density rate and adaptation of labor practices to performing works related to solution of cognitive and technological tasks, as well as interpersonal interaction. At the same time, some "delay" is observed in a number of areas, that may be due to the later onset of the changes. In conclusion, we emphasize the importance of finding new opportunities to analyze the various facets of employment transformation and the need to achieve an optimal balance between employment flexibility and decent work.*

Keywords: *employment, labor market, employment transformation, global challenges, cross-country analysis, non-standard employment.*

References and Internet sources

1. Popov A. V. Kontseptual'nyye osnovy izucheniya protsessa transformatsii zanyatosti [Conceptual framework of studying the process of employment transformation]. *Teoreticheskaya ekonomika [Theoretical Economy]*. 2019. Vol. 6. No. 54. P. 18–26. (in Russ.)
2. Odegov Yu. G., Pavlova V. V. Transformatsiya truda: 6-oi tekhnologicheskii uklad, tsifrovaya ekonomika i trendy izmeneniya zanyatosti [The transformation of work: sixth technological way, digital economy and trends in changing employment]. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii [Living Standards of the Population in the Regions of Russia]*. 2017. Vol. 4. No. 206. P. 19–25. (in Russ.)
3. Uzyakova E. S. Ogranicheniya po trudovym resursam i vozmozhnosti rosta v ekonomike [Labour resource constraints and growth opportunities in economy]. *Narodonaselenie [Population]*. 2017. Vol. 20. No. 1. P. 22–34. (in Russ.)
4. Sigelman M., Taska B., O'Kane L. et al. *Shifting Skills, Moving Targets, and Remaking the Workforce*. Boston. BCG. 2022. 44 p.
5. Edgell S. *The Sociology of Work: Continuity and Change in Paid and Unpaid Work*. London. SAGE Publications Ltd. 2012. 264 p.
6. D'Agostino A., Serafini R., Ward M. *Sectoral Explanations of Employment in Europe: the Role of Services*. Bonn. IZA. 2006. 54 p. DOI: 10.2139/ssrn.900396
7. Popov A. V., Soloveva T. S. Prekarizatsiya zanyatosti: ugrozy destabilizatsii polozheniya rabotnikov dlya razvitiya Rossii [Employment Precarization: Threats of Destabilization of the Position of Workers for Development of Russia]. *Vologda. VolNTs RAS [Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences]*. 2021. 131 p. (in Russ.)
8. Frey C.B., Osborne M.A. The future of employment: How susceptible are jobs to computerisation? *Technological Forecasting & Social Change*. 2017. Vol. 114. P. 254–280. DOI: 10.1016/j.techfore.2016.08.019.
9. Susskind D. *A World without Work: Technology, Automation and How We Should Respond*. New York. Metropolitan Books. 2020. 305 p.
10. Gimpelson V. E., Kapeliushnikov R. I. Rutinnost' i riski avtomatizatsii na rossiyskom rynke truda [Work routines and risks of automation in the Russian labor market]. *Voprosy Ekonomiki [Economic Issues]*. 2022. Vol. 8. P. 68–94. DOI: 10.52609/0042-8736-2022-8-68-94 (in Russ.)
11. Bobkov V. N., Kvachev V. G., Kolmakov I. B., et al. Neustojchivaya zanjatost' v Rossijskoj Federatsii: teorija i metodologija vyjavlenija, otsenivaniye i vektor sokrashhenija [Precarious Employment in the Russian Federation: Theory and Methodology of Identification, Assessment and Vector of Reduction]. Moscow. KNORUS. 2019. 342 p. (in Russ.)
12. Loginov D. M., Lopatina M. V. Dstantsionnaya zanyatost' v period koronakrizisa: masshtaby rasprostraneniya i rezul'tativnost' vnedreniya [Remote employment in the corona-crisis period: the extent of spread and effectiveness of introduction]. *Narodonaselenie [Population]*. 2021. Vol. 24. No. 4. P. 107–121. DOI: 10.19181/population.2021.24.4.9 (in Russ.)
13. Belyaev V. I., Kuznetsova O. V. Zanjatost', bezrobotitsa, rynek truda v institutsional'noj strukture sotsial'no-trudovyh otnoshenij [Employment, unemployment, labor market in the institutional structure of social and labor relations]. *Ekonomika. Professija. Biznes [Economics Profession Business]*. 2021. Vol. 1. P. 21–29. DOI: 10.14258/epb202103 (in Russ.)
14. Lashuk I. V. Transformatsiya tsennostey belorusskogo obshchestva [Transformation of the values of the Belarusian society]. *Vestnik Belorusskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta [Belarus State Economic University Bulletin]*. 2022. Vol. No. 1(150). P. 103–112. (in Russ.)
15. Shipilov A. V. Trud i otnosheniye k nemu: do i posle moderna [Labor and attitude to it: before and after modernity]. *Obshchestvennyye nauki i sovremennost' [Social Sciences and Contemporary World]*. 2021. No. 6. P. 61–72. (in Russ.)

16. Popov A.V. Osobennosti i zakonomernosti transformatsii zanyatosti v Rossii i stranakh mira [Features and patterns of employment transformation in Russia and countries worldwide]. *Human Progress*. 2019. Vol. 5(7). Available at: http://progresshuman.com/images/2019/Tom5_7/Popov.pdf (Accessed: 10 September 2022). (in Russ.)
17. Pokida A., Zybunovskaya N. Dinamika tenevoy zanyatosti rossiiskogo naseleniya [Dynamics of shadow employment of the Russian population]. *Ekonomicheskaya Politika [Economic Policy]*. 2021. Vol. 16. No. 2. P. 60–87. DOI: 10.18288/1994–5124–2021–2–60–87 (in Russ.)

Information about the authors:

Popov Andrei Vasilevich, Candidate of Economics, Senior Researcher, Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences, Vologda, Russia.

Contact information: e-mail: ai.popov@yahoo.com; ORCID: 0000–0002–4803–1354; Elibrary AuthorID: 633023.

Soloveva Tatiana Sergeevna, Researcher, Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences, Vologda, Russia.

Contact information: e-mail: solo_86@list.ru; ORCID: 0000–0003–1770–7566; Elibrary AuthorID: 621475.

Статья поступила в редакцию 12.10.2022, одобрена в печать 15.02.2023, опубликована 30.03.2023.

DOI: 10.19181/population.2023.26.1.10
EDN: PWJWQK

БАЛАНС РАБОТЫ И СЕМЬИ: ОЦЕНКИ УСПЕШНЫХ РАБОТАЮЩИХ РОДИТЕЛЕЙ

Шабунова А. А.*, Леонидова Г. В.

Вологодский научный центр РАН
(160014, Россия, Вологда, ул. Горького, 56А)

*E-mail: aas@volnc.ru

Для цитирования:

Шабунова А. А., Леонидова Г. В. Баланс работы и семьи: оценки успешных работающих родителей // Народонаселение. – 2023. – Т. 26. – № 1. – С. 123-134. DOI: 10.19181/population.2023.26.1.10; EDN: PWJWQK

Аннотация. В условиях интенсификации трудовой деятельности, распространения неустойчивых форм занятости, роста информатизации и цифровизации общественного развития, нестабильной экономической ситуации актуализируются вопросы обеспечения баланса между трудовой и личной жизнью работающего населения. Это особенно важно для работников, имеющих семью и, главное, детей, поскольку в современных реалиях (депопуляция, высокий уровень смертности в трудоспособном возрасте, низкая рождаемость) существенно возрастает значимость детерминант семейного благополучия. А в ситуации, когда родители являются успешными работниками, строящими карьеру или развивающими свой бизнес, проблема баланса между трудовым и жизненным пространством ещё более актуализируется. Целью статьи является анализ баланса личной жизни и работы успешных работающих родителей. Контекст успешности работающих родителей в анализе баланса между трудовой и личной жизнью является научной новизной исследования, практическая значимость связана с возможностью использования данных в управленческой деятельности хозяйствующих субъектов при разработке мер социальной поддержки работников. Информационную базу исследования составили данные социологических исследований: поискового пилотного социологического исследования «Современный успешный человек», проведённого в 2018 г. (N=492) международной научной группой (психологов, экономистов, социологов) в городах Вологде, Череповце, Петрозаводске и Коломне (Россия), Минске (Беларусь), Люблине (Польша), а также мониторинга качества трудового потенциала (N=1500), проводимого в Вологодской области сотрудниками Вологодского научного центра РАН (ВолНЦ РАН). Среди работающих родителей Вологодской области 100% согласились с утверждением, что «работа является способом достижения успеха». Выявлено, что работающие родители, считающие себя успешными людьми, показывают более высокую удовлетворённость жизнью и работой в целом, в том числе и непосредственно балансом личной и трудовой жизни. Обосновано, что наличие семьи не только не мешает карьере супругов, но даже ей способствует.

Ключевые слова: баланс, работа, личная жизнь, родители, удовлетворённость трудом.

Введение

Обсуждение в научном сообществе проблемы соотношения трудовой деятельности и личной жизни работников связано, в том числе, с ростом напряжённости труда, увеличением информационной нагрузки, технологическим развитием, увеличением скорости обработки информации, распространением нестандартных форм занятости и дистанционного формата трудовых отношений, активным участием женщин в рабочей силе. «Возрастающая скорость, с которой ситуации протекают мимо нас, значительно осложняет всю структуру восприятия жизни, и выбор, который мы вынуждены делать» [1, с. 72]. В 2019 г., на обсуждение в российском обществе была предложена идея введения четырёхдневной рабочей недели и гипотеза о том, что такой график рабочего времени наилучшим образом обеспечит равновесие между работой и личной жизнью людей, будет способствовать более полному удовлетворению потребностей работников в отдыхе и восстановлении сил. Согласно мнению экспертов, «сложившееся сочетание семейной и профессиональной занятости далеко не всегда позволяет родителям достаточно общаться со своими детьми. В основном нехватка времени на воспитание связана с переработками и сверхзанятостью родителей»¹. Сторонники сокращения рабочей недели, как показали результаты инициативного всероссийского опроса «ВЦИОМ–Спутник» в 2019 г., считали, что высвободившееся время можно будет использовать более продуктивно и «благодаря ему улучшить баланс между работой, отдыхом и личной жизнью»².

Высокая значимость этой проблемы послужила в своё время поводом для расширения Международной организацией труда (МОТ) концепции достойного труда, в которую было внесено понятие «достойного рабочего времени», в блок кото-

рого входит баланс «работа—семья» [2]. Кроме того, в современном мире многие родители связывают свои жизненные установки с достижением успешности, продуктивной самореализацией в трудовой деятельности. Вместе с тем, сегодня чрезвычайно актуальна задача повышения уровня рождаемости в стране. Для совмещения родительских функций с занятостью, сохранения высокой экономической активности женщин, возможности их самореализации, служат различные меры демографической политики [3]. Среди них: обеспечение доступности детских садов; предоставление отпуска по беременности и родам и уходу за ребёнком до 3-х лет; профессиональное обучение женщин, воспитывающих детей в возрасте до 3-х лет; выплаты «материнского капитала» и так далее. Многие из этих направлений реализуются в рамках национального проекта «Демография».

Сопоставляя масштабность этих, на первый взгляд, разнонаправленных задач (самореализация, достижение успеха и семейное благополучие, активная занятость, рост рождаемости), можно предположить, что как такового баланса личной жизни и работы у успешных работающих родителей не наблюдается. Однако в научной литературе не имеется исследований, подтверждающих или опровергающих данную гипотезу. Данное исследование позволит нам устранить имеющиеся лакуны в этом направлении. Таким образом, целью статьи является анализ баланса работающих успешных родителей на основе их самооценок.

Теоретические аспекты баланса личной жизни и работы

Тема баланса рабочего и личного времени не является новой: она находится в фокусе внимания у российских [4–7] и зарубежных [8–15] демографов, экономистов, социологов, психологов и других специалистов как в теоретическом, так и прикладном планах. Зарубежные авторы оценивают соответствие затрат време-

¹ Экспертное мнение Оксаны Кучмаевой в газете «Известия». – URL: <https://www.rea.ru/ru/experts/Pages/kuchmaeva-izvestia1.aspx> (дата обращения: 01.09.2022).

² Четырёхдневка: мечта или риск?: пресс-выпуск ВЦИОМ № 3990 от 24 июня 2019 года. – URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9770> (дата обращения: 22.05.2022).

ни на рабочем месте установленным ролевым ожиданиям в социуме [13; 14]. Большое место среди исследований баланса семья-работа занимают вопросы здоровья и такие аспекты функционирования семьи как удовлетворённость браком или поведение родителей. Причём в этих работах демонстрируется устойчивая связь между негативным /конфликтным балансом работы-семьи и ухудшением физического и психологического здоровья индивидов. Достижение баланса возможно, по мнению учёных, в том случае, если «индивид в состоянии регулировать, когда и как вкладывать время и энергию в работу и семью, чтобы получать положительные результаты в обеих сферах» [15]. При этом наличие нескольких ведущих социальных ролей психологически обогащает человека, если эти роли интересны индивидам и с которыми им легко себя идентифицировать.

Отечественные учёные отмечают, что работник-семьянин заинтересован в стабильной занятости, «проявляет трудолюбие, дисциплинированность и ответственность по отношению к работе» [16]. В этом случае он становится привлекательным для работодателей, которые создают для лиц с семейными обязанностями повышенный уровень качества трудовой жизни (условия для семейного отдыха, вопросы жилья). В стратегиях совмещения профессиональной занятости и семьи субъектами поиска баланса являются, прежде всего, женщины, «поскольку именно на них лежит большая часть обязанностей по осуществлению ухода за ребёнком» [17]. В рамках нашего исследования интересен подход российских учёных к понятию «родительское благополучие», как «успешное функционирование родителя, выражающееся в наличии здоровья, в переживании счастья и удовлетворённости жизнью на основе обладания положительного опыта выполнения социально-воспитательных, медицинских и экономических функций». При этом важным маркером благополучия является «гармоничное совмещение карьеры с воспитанием детей» [18].

Общепринятого определения сбалансированности работы и личной жизни сегодня нет [7], хотя понятийный конструкт сам по себе содержит определённое указание на необходимость некоторого равновесия между рабочим временем и временем отдыха. Разработчики трёхкомпонентной модели баланса между личной жизнью и трудовой деятельностью [12] включают в это понятие три вида равновесий: время, затраченное на рабочую и семейную жизнь; психологическая вовлечённость человека в каждую из выполняемых им ролей; удовлетворённость от рабочей и семейной жизни. Согласно психодиагностической методике А. Н. Моспан [4], исследуются четыре индикатора: субъективная оценка способности балансировать между требованиями работы и семьи; субъективная характеристика благополучия; оценка психологического климата и оценка уровня вовлечённости в трудовую деятельность. Непременным условием «хорошего функционирования на работе и дома» является «минимальный ролевой конфликт» [9].

Мы выделяем два индикатора оценки баланса личной жизни и работы: 1) удовлетворённость трудом (работой, условиями труда, материальным благополучием и тому подобным); 2) удовлетворённость личной жизнью (условиями отдыха и возможностями восстановления трудоспособности, общением с семьёй/детьми, возможностями для занятий своим хобби и саморазвитием и так далее). Все остальные компоненты (психологический климат, вовлечённость в трудовую деятельность, продолжительность рабочего времени и так далее), встречающиеся в работах исследователей, так или иначе раскрывают и дополняют эти два крупных параметра. Кроме того, все перечисленные индикаторы имеют ярко выраженный субъективный окрас и могут быть получены только путём социологических наблюдений. Это усложняет информационную сторону проблематики исследовательского вопроса.

Отдельным аспектом обозначенной проблемы является баланс трудовой занятости и личной жизни успешных людей. Рассматривая успешность человека в труде, имеем в виду совокупность позитивных результатов, накопленных в течение карьеры (трудовой деятельности), некие количественные и качественные показатели деятельности, психофизиологические затраты, удовлетворённость трудом, оценку человеком своего труда и его оплаты, взаимоотношения с коллегами и руководством и так далее [14, с. 302]. Следует отметить, что если проблематика, связанная с совмещением профессионального развития человека с семейными обязанностями, все же находится в центре внимания исследователей, то акцент на балансе «работа-личная жизнь» успешных работающих родителей отсутствует.

Методология

Теоретико-методологической основой исследования послужили работы отечественных и зарубежных авторов по проблемам баланса личной жизни и работы (Моспан А. Н. [5], Штроо В. А. [7], Greenhaus J. H., Collins K. M. [12]), успешности человека (Теплинских М. В. [19], Шухатович В. Р. [20]), мотивации к труду (Херцберг Ф. [21], Маслоу А. [22]). Эмпирическое исследование баланса работы и личной жизни успешных работающих родителей осуществлено на основе данных пилотного межстранового социологического опроса населения³, выборка которого со-

³ Опрос проведён в городах: в России – региональные центры (Вологда, Петрозаводск); промышленные города – Коломна Московской области и Череповец Вологодской области, в Беларуси – столица Минск, в Польше – центр воеводства с развитым машиностроением Люблин. Города имеют разную численность населения (от 140 тыс. человек в Коломне до примерно 2 млн человек в Минске), разное социально-экономическое развитие (бюджетная обеспеченность, уровень и формы занятости населения, уровень развития социальной инфраструктуры и другое), что позволило на этапе поискового исследования представить в выборке максимальное разнообразие городского населения. Выборка составляла 100 человек от 18 до 70 лет для каждой территории, пропорционально представляющих население по полу и возрасту. Исследование носило пилотный характер для проверки валидности методики и проверки ряда гипотез, в том числе связанных с оценкой баланса «работа-личная жизнь» успешных работающих родителей.

ставляла 492 респондента (от 18 до 70 лет). Для анализа баланса «личная жизнь – работа» были рассмотрены оценки группы «успешные работающие родители», выделенной на основе утвердительных ответов на вопросы анкеты: считаете ли себя успешным человеком; имеете ли детей и на каком предприятии работаете (группа представлена 172 респондентами, что составило 34% от всех опрошенных и 54% от группы работающих родителей). Баланс оценивался положительными ответами на вопросы об удовлетворённости: 1) трудом/работой в ракурсе ответов о профессиональной деятельности, карьерных перспективах и влияния семьи на удовлетворённость трудом; 2) личной жизнью согласно ответам респондентов на вопросы о жизненном благополучии, жизненных перспективах и влиянии семьи на удовлетворённость жизнью.

Информационной базой исследования также выступили результаты мониторинга качества трудового потенциала населения⁴, проводимого ВолНИЦ РАН на территории Вологодской области с 1997 г. (использованы данные за 2020 г.). Анализ удовлетворённости различными сторонами работы и личной жизни проведён с помощью выделения группы «работающие родители, считающие работу основным способом достижения успеха». Группировка проведена на основе вопросов анкеты: «Насколько Вы удовлетворены разными аспектами вашей трудовой жизни?» (перечислено 25 позиций; использованы утвердительные ответы «вполне удовлетворён(а)» и «скорее удовлетворён(а), чем нет»); «Охарактеризуйте вашу трудовую занятость (выбраны ответы: работаю только на основной работе и имею основную и дополнительную работу)»; и «Работа для Вас – это, прежде всего,

Результаты данного пилотного опроса в суммированном виде по всем исследуемым территориям дают основание для предварительного анализа.

⁴ Опросы проводятся в городах Вологда, Череповец и 8 районах Вологодской области с периодичностью 1 раз в 2 года. Объем ежегодной выборки – 1500 респондентов. Метод выборки: районирование с пропорциональным размещением единиц наблюдения. Тип выборки: квотная по полу и возрасту. Метод опроса – анкетирование по месту жительства респондентов.

способ ... (использован вариант ответа «достичь успеха» с утверждениями «согласен» и «совершенно согласен»). В результате мы имеем объёмную группу «работающих родителей, считающих работу основным способом достижения успеха» — 1086 респондентов, что составляет 77% от опрошенных.

Результаты исследования

Согласно данным исследования [23, с. 38], практически две трети респондентов (57%) охарактеризовали себя как успешных людей. При этом респонденты, считающие себя успешными людьми, «успех в трудовой деятельности» ассоциируют в первую очередь с признанием в профессии («быть высококлассным специалистом, с которым считаются коллеги» — 75%), во вторую очередь — с высокой оценкой результатов труда («высокая заработная плата» — 58%). И тройку замыкают две позиции, относящиеся по теории А. Маслоу к верхней части мотивационной пирамиды, самореализации — творческой (41%)

и карьерной (41%) [22]. Социально-демографические характеристики «успешного» человека выглядят в исследовании таким образом: люди с высшим образованием (в группе «успешных» таких в 1,4 раза больше, чем среди «неуспешных»), среднего достатка, в основном молодые (30–34 года), преимущественно женщины [23]. Характерной особенностью занятости успешных работающих родителей является работа преимущественно только на основном рабочем месте (такую форму отметили 68%). Четверть группы имеет и дополнительную занятость.

Успешные люди более удовлетворены жизнью (положительных ответов — 58%). Оценки удовлетворённости жизнью в группе успешных работающих родителей также имеют позитивную окраску — таких 74%. В вопросе о влиянии семьи на удовлетворённость жизнью большинство опрошиваемых единодушно — семья влияет положительно (табл. 1). Среди успешных работающих родителей эти оценки выше, чем в среднем по всей выборке.

Таблица 1
Оценка влияния семейных отношений на удовлетворённость жизнью, %

Table 1

Assessment of the impact of family relationships on life satisfaction, %

Варианты ответов	Среднее значение по успешным работающим родителям	Среднее по всему опросу
Да, повышают удовлетворённость и скорее всего повышают	94,8	87
Не повышают и скорее всего не повышают	2,3	4,0
Затрудняюсь ответить	2,9	8,9

Источник: данные пилотного межстранового опроса населения 2018 года.

Результаты исследования показывают, что выделенная группа успешных работающих родителей существенно выше

(более чем в 2 раза) оценивает удовлетворённость от своей профессиональной деятельности (табл. 2).

Таблица 2
Удовлетворённость профессиональной деятельностью, %

Table 2

Satisfaction with professional activity, %

Варианты ответов	Среднее значение по успешным работающим родителям	Среднее по всему опросу
Удовлетворён(а)	78,5	33,6
Не удовлетворён(а)	2,4	26,2
Затрудняюсь ответить	16,9	11,5

Источник: данные пилотного межстранового опроса населения, 2018 г.

Исследуя проблему совместимости профессиональной карьеры с семейными обязанностями, мы отталкивались от ответов респондентов на вопрос: приходилось ли Вам отказываться от семейных отношений для достижения своих карьерных планов. Не секрет, что выбор жизненных целей, будь то деловая активность, характеризующаяся профессиональным статусом, независимостью или семейный быт, ограниченный, прежде всего, заботами о доме, семье, детях, становится в современном мире всё сложнее [25], особенно для женщины. Проведённое исследование показало, что отказ от семейных отношений ради карьерных устремлений выбирает десятая часть респондентов (мужчины — 11%).

Для ответа на вопрос о сбалансированности характеристик жизни и работы смоделируем «колесо жизненного баланса»⁵, в котором учитываются такие грани⁶ как удовлетворённость семейной жизнью, духовным развитием, карьерой, материальным благополучием, здоровьем, возможностью отдыха, обучения и так далее. По замыслу разработчиков, «колесо баланса» в идеале должно представлять собой ровный круг. Но на практике получилась ломаная геометрическая фигура (рис. 1). Наиболее низкая удовлетворённость отмечена в таких сферах как творчество (2 балла из 10 возможных), свобода (3 балла) и материальное благополучие (3 балла). Большую удовлетворённость респондентов вызывает семья (у мужчин — 9, у женщин — 8 баллов) и работа (6 и 7 баллов соответственно). Сектор «колеса жизненного баланса» успешных работающих родителей, касающийся удовлетворённости состоянием здоровья, условиями для отдыха, работой и семейной жизнью, имеет достаточно ровную линию (особен-

но у женщин), что даёт основание говорить о сбалансированности этих сторон жизнедеятельности.

Обращаясь к данным мониторинга качества трудового потенциала, наблюдаем по выделенной группе работающих родителей, нацеленных на достижение успеха в работе, существенное превышение по отношению к остальным работникам удовлетворённости по таким аспектам, как «жизнь в целом», «работа в целом», «возможность сочетать трудовые и семейные/личные обязанности», «размер заработной платы», «возможности для карьерного роста» (табл. 3). Например, жизнью в целом удовлетворены 81% выделенной группы (на 12 процентных пунктов (п.п.) больше, чем у остальных респондентов). Работой в целом удовлетворены 79% опрошенных работающих родителей, нацеленных на успех (превышение составляет 14 п.п.). В целом 66% респондентов имеют возможность, судя по их ответам, сочетать трудовые и семейные/личные обязанности (1/4 воздержалась от оценки данного баланса).

Подводя итог анализу баланса работы и личной жизнью, следует сказать, что успешные работающие родители показывают существенно более высокую удовлетворённость обоими факторами. Свои перспективы, как в жизни, так и в карьере, выделенная группа респондентов также оценивает более оптимистично, чем все опрошенные. Результаты опроса показывают, что семья способствует удовлетворённости жизнью у большинства опрошенных (в родительской группе больше 76%), и не мешает работе и карьере.

Заключение

Анализ показал определённую сбалансированность между работой и личной жизнью успешных работающих родителей в таких аспектах как удовлетворённость состоянием здоровья, условиями для отдыха, работой и семейной жизнью. Особенно это просматривается в оценках женской части респондентов. Можно заклю-

⁵ Минирт Ф.Б. и др. Будни и праздники трудового года: как не разрушить свою семью. — Тверь: Триада, 2010. — 208 с.

⁶ Методика составления колеса жизненного баланса заключается в оценке удовлетворённости человека каждым из направлений в баллах от 1 до 10, показывающая насколько устраивает человека данная сфера жизни. Чем ближе оценка к 1, тем меньше человек удовлетворён сферой жизни и, соответственно, чем ближе к 10 баллам — тем больше.

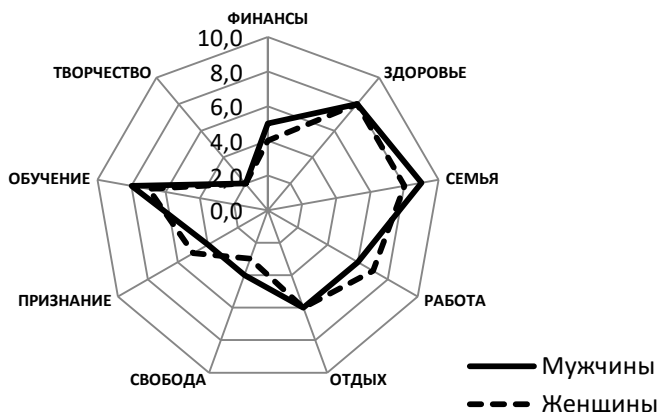

Рисунок 1. Колесо жизненного баланса успешных работающих родителей, баллы

Figure 1. Wheel of life balance of successful working parents, points

Источник: данные пилотного межстранового опроса населения 2018 года.

Таблица 3
Удовлетворённость различными аспектами жизни и работы в оценках населения, %

Table 3
Satisfaction with various aspects of life and work in the estimates of the population, %

Категории работающих	Вполне удовлетворён(а) и скорее удовлетворён(а), чем нет	Не могу сказать, удовлетворён(а) или нет	Скорее не удовлетворён(а), и совершенно не удовлетворён(а)
Жизнь в целом			
Работающие родители, нацеленные на успех в работе (N = 1068)	80,9	12,1	7,1
Все работающие (N = 1500)	68,5	22,2	9,3
Работа в целом			
Работающие родители, нацеленные на успех в работе	78,8	14,2	5,1
Все работающие	64,8	22,2	9,3
Возможность сочетать трудовые и семейные/личные обязанности			
Работающие родители, нацеленные на успех в работе	66,2	25,4	8,4
Все работающие	58,0	29,8	12,1
Размер заработной платы			
Работающие родители, нацеленные на успех в работе	51,2	25,0	23,8
Все работающие	44,8	25,9	29,3
Возможности для карьерного роста			
Работающие родители, нацеленные на успех в работе	45,0	35,4	19,6
Все работающие	38,5	39,4	22,1

Источник: данные мониторинга качества трудового потенциала населения Вологодской области ВолНЦ РАН 2020 года.

чить, что предположение об отсутствии баланса между работой и личной жизнью среди успешных работающих родителей опровергнуто. Данный результат имеет позитивный посыл в плане динамики общественного развития, поскольку, исходя из анализа эмпирических данных, в семьях, где детей воспитывают родители, нацеленные на успех или уже имеющие свою успешную траекторию в жизни и трудовой деятельности, создаётся атмосфера успешности, базисное чувство, которое

даёт детям возможность раскрыть свой потенциал, возможности и задатки. Хотя приведённые выводы требуют дополнительного обоснования, поскольку в анализе мы использовали результаты пилотного исследования. Однако, исследование баланса трудовой и личной жизнью жизни с точки зрения успешности современного человека открывает возможность для изучения родительского труда, и получить полезные результаты, востребованные не только наукой, но и практикой.

Литература и Интернет-источники

1. **Жеребин, В. М.** Современное восприятие времени и ускорение темпа жизни / В. М. Жеребин, О. Н. Вершинская, О. Н. Махрова // *Народонаселение*. — 2014. — № 2. — С. 72–82. EDN: SJFYRV
2. **Баймурзина, Г. Р.** Возможности и проблемы индикации показателей достойного труда в регионах России / Г. Р. Баймурзина // *Уровень жизни населения регионов России*. — 2010. — № 8. — С. 51–64. EDN: NEJLTX
3. **Тонких, Н. В.** Дистанционная занятость и родительство: мнения женщин / Н. В. Тонких // *Народонаселение*. — 2021. — Т. 24. — № 3. — С. 92–104. DOI: 10.19181/population.2021.24.3.84; EDN: TLQUKB
4. **Моспан, А. Н.** Взаимосвязь баланса между работой и личной жизнью с демографическими и трудовыми характеристиками личности и её субъективным благополучием / А. Н. Моспан // *Организационная психология*. — 2014. — Т. 4. — № 3. — С. 95–107. EDN: TOPUJH
5. **Моспан, А. Н.** Баланс работы и личной жизни у сотрудников российского производственного предприятия / А. Н. Моспан, Е. Н. Осин, Т. Ю. Иванова, Е. И. Рассказова, В. В. Боборов // *Организационная психология*. — 2016. — Т. 6. — № 2. — С. 8–29. EDN: XCHDQD
6. **Штроо, В. А.** Личностный смысл баланса между работой и личной жизнью / В. А. Штроо, А. А. Козьяк // *Мир психологии*. — 2015. — № 3(83). — С. 253–267. EDN: UYAVJZ
7. **Штроо, В. А.** Work Life Balance, или есть ли жизнь после работы? / В. А. Штроо, Е. А. Кольцова // *Психология в экономике и управлении*. — 2012. — № 2. — С. 30–37. EDN: SFBUZZ
8. **Buelens, M.** An Analysis of Differences in Work Motivation Between Public and Private Sector Organizations / M. Buelens, H. Broeck // *Public Administration Review*. — 2007. — Vol. 67. — P. 65–74.
9. **Clark, S. C.** Work/Family Border Theory: A New Theory of Work/Family Balance / S. C. Clark // *Human Relations*. — 2000. — No. 53(6). — P. 747–777.
10. **David, E.** Guest Perspectives on the Study of Work-life Balance / E. David // *Social Science Information*. — 2002. — Vol. 41(2). — P. 255–279.
11. **Dex, S.** The Nature and Pattern of Family-Friendly Employment in Britain, Joseph Rowntree Foundation / S. Dex, C. Smith. — Bristol : The Policy Press, 2002. — 49 p.
12. **Greenhaus, J. H.** The relation between work-family balance and quality of life / J. H. Greenhaus, K. M. Collins, J. D. Shaw // *Journal of Vocational Behavior*. — 2003. — Vol. 63. — P. 510–531.
13. **Lewis, S.** The constraints of a 'work-life balance' approach: An international perspective. / S. Lewis, R. Gambles, R. Rapoport // *The International Journal of Human Resource Management*. — 2007. — Vol. 18(3). — P. 360–373.
14. **Glass, J. L.** The family responsive workplace / J. L. Glass, S. B. Estes // *Annual review of sociology*. — 1997. — Vol. 23(1). — P. 289–313.
15. **Spreitzer E.** Multiple roles and psychological well-being / E. Spreitzer, E. E. Snyder, D. L. Larson // *Sociological Focus*. — 1979. — Vol. 12(2). — P. 141–148.

16. **Разумова, Т. О.** Баланс семья-работа в условиях изменений качества трудовой жизни / Т. О. Разумова, А. Б. Алёшина, М. А. Серпухова // Уровень жизни населения регионов России. — 2020. — Т. 16. — № 3. — С. 24–37. DOI: 10.19181/lspr.2020.16.3.2; EDN: PFGKMO
17. **Чернова, Ж. В.** Баланс семьи и работы: политика и индивидуальные стратегии матерей / Ж. В. Чернова // Журнал исследований социальной политики. — 2012. — Т. 10. — № 3. — С. 295–308. EDN: PFEWNP
18. **Тонких, Н. В.** Родительское благополучие глазами российских женщин / Н. В. Тонких // Народонаселение. — 2022. — Т. 25. — № 4. — С. 42–54. DOI: 10.19181/population.2022.25.4.4; EDN: KXNET
19. **Теплинских, М. В.** Успешность профессиональной деятельности специалиста социальной сферы / М. В. Теплинских // Ползуновский вестник. — 2006. — № 3. — С. 252–257. EDN: KZCIGN
20. **Шухатович, В. Р.** Мотивация достижения: личностные качества и эмоциональный профиль «успешного человека» / В. Р. Шухатович // Вестник Государственного социально-гуманитарного университета. — 2019. — № 2(34). — С. 76–83. EDN: KMSWGX
21. **Херцберг, Ф.** Мотивация к работе / Ф. Херцберг, Б. Моснер, Б. Блох Снидерман; пер. с англ. Д. А. Куликов. — Москва : Вершина, 2007. — 240 с.
22. **Маслоу, А.** Мотивация и личность / А. Маслоу. — Санкт-Петербург : Питер, 2013. — 352 с.
23. **Шабунова, А. А.** Успешность современного человека: теоретико-методологические аспекты исследования / А. А. Шабунова, В. Г. Доброхлеб, Е. И. Медведева [и др.] // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. — 2019. — Т. 12. — № 6. — С. 27–50. DOI: 10.15838/esc.2019.6.66.2; EDN: GRDOTW
24. **Леонидова, Г. В.** Социально-демографический портрет успешного работника (на материалах социологического опроса) / Г. В. Леонидова // Социальное пространство. — 2022. — Т. 8. — № 2. DOI: 10.15838/sa.2022.2.34.4; EDN: LMMHKR
25. **Ромашова, Л. О.** Семья и карьера в жизни современной российской женщины / Л. О. Ромашова, Е. М. Середа // Научные труды Московского гуманитарного университета. — 2017. — № 5. — С. 23–28. DOI: 10.17805/trudy.2017.5.3; EDN: ZRNBCL

Сведения об авторах:

Шабунова Александра Анатольевна, д.э.н., доцент, директор Вологодского научного центра Российской академии наук, Вологда, Россия.

Контактная информация: e-mail: aas@volnc.ru; ORCID: 0000-0002-3467-0921; РИНЦ AuthorID: 77411.

Леонидова Галина Валентиновна, к.э.н., доцент, зав. лабораторией Вологодского научного центра Российской академии наук, Вологда, Россия.

Контактная информация: e-mail: galinaleonidova@mail.ru; ORCID: 0000-0003-0361-2099; РИНЦ AuthorID: 77412.

DOI: 10.19181/population.2023.26.1.10

WORK-FAMILY BALANCE: ASSESSMENTS OF SUCCESSFUL WORKING PARENTS

Alexandra A. Shabunova*, Galina V. Leonidova

*Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences
(160014, Russia, Vologda, Gor`kogo street, 56A)*

*E-mail: aas@volnc.ru

For citation:

Shabunova A.A., Leonidova G.V. Work-family balance: assessments of successful working parents. *Narodonaselenie [Population]*. 2023. Vol. 26. No. 1. P. 123-134. DOI: 10.19181/population.2023.26.1.10 (in Russ.)

Abstract. *In the context of the intensification of labor activity, the spread of unstable forms of employment, the growth of informatization and digitalization of social development, the unstable economic situation, the issues of ensuring a balance between the work and personal life of the working population are being actualized. This is especially important for workers with families and, most importantly, children, because in the modern realities (depopulation, high mortality rate in working age, low birth rate), the importance of determinants of family well-being increases significantly. And in a situation where parents are successful workers building a career or developing their business, the problem of the balance between work and living space is even more relevant. The purpose of the article is to analyze the balance of personal life and work of successful working parents. The context of the success of working parents in the analysis of the work-life balance is the scientific novelty of the study, the practical significance is connected with the possibility of using data in the management activities of economic entities in development of social support measures for employees. The information base of the study was made up of data from sociological studies: the pilot sociological study “Modern Successful Man” conducted in 2018 (no.=492 people) by an international scientific group (psychologists, economists, sociologists) in the cities of Vologda, Cherepovets, Petrozavodsk and Kolomna (Russia), Minsk (Belarus), Lublin (Poland), as well as monitoring the quality of labor potential (no.=1500 people) conducted in Vologda oblast by employees of the Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences. 57% of the cross-country study participants identify themselves with successful people. 100% of working parents in Vologda oblast agree with the statement that “work is a way to achieve success.” It was found out that working parents who consider themselves successful people show significantly higher satisfaction with life and work in general, including directly with the balance of personal and work life. It is shown that having a family not only does not interfere with the career aspirations of spouses, but even contributes to them.*

Keywords: *balance, work, personal life, working parents, work satisfaction.*

References and Internet sources

1. Zherebin V.M., Vershinskaya O.N., Makhrova O.N. Sovremennoye vospriyatiye vremeni i uskoreniye tempa zhizni [Modern perception of time and accelerating pace of life]. *Narodonaselenie [Population]*. 2014. No. 2. P. 72–82. (in Russ.)
2. Bajmurzina G.R. Vozmozhnosti i problemy indikatsii pokazatelej dostojnogo truda v regionah Rossii [Opportunities and problems of indication of indicators of decent work in the regions of Russia]. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii [Living Standards of the Population in the Regions of Russia]*. 2010. No. 8. P. 51–64. (in Russ.)
3. Tonkikh N. V. Distsionnaya zanyatost' i roditel'stvo: mneniya zhenshchin [Distance employment and parenthood: women's opinions]. *Narodonaselenie. [Population]*. 2021. Vol. 24. No. 3. P. 92–104. DOI: 10.19181/population.2021.24.3.8 (in Russ.)
4. Mospan A.N. Vzaimosvyaz' balansa mezhdurabotoj i lichnoj zhiznyu s demograficheskimi i trudovymi harakteristikami lichnosti i yeyo sub"ektivnym blagopoluchiyem [Interrelation of work-life balance with demographic and labor characteristics of personality and its subjective well-being]. *Organizatsionnaya psihologiya [Organizational Psychology]*. 2014. Vol. 4. No. 3. P. 95–107. (in Russ.)
5. Mospan A.N., Osin E.N., Ivanova T. Yu., Rasskazova E.I., Boborov V.V. Balans raboty i lichnoj zhizni u sotrudnikov rossijskogo proizvodstvennogo predpriyatiya [Work-life balance in Russian production enterprise employees]. *Organizatsionnaya psihologiya [Organizational Psychology]*. 2016. Vol. 6. No. 2. P. 8–29. (in Russ.)

6. Shtroo V.A., Kozyak A.A. Lichnostnyj smysl balansa mezhdou rabotoj i lichnoj zhizn'yu [Personal meaning of work-life balance]. *Mir psihologii* [*The World of Psychology*]. 2015. No. 3(83). P. 253–267. (in Russ.)
7. Shtroo V.A., Koltsova E.A. Work-life balance, ili est' li zhizn' posle raboty? [Work-life balance, or is there life after work?]. *Psihologiya v ekonomike i upravlenii* [*Psychology in Economy and Management*]. 2012. No. 2. P. 30–37. (in Russ.)
8. Buelens M., Broeck H. An analysis of differences in work motivation between public and private sector organizations. *Public Administration Review*. 2007. Vol. 67. P. 65–74.
9. Clark S. C. Work/family border theory: A new theory of work/family balance. *Human Relations*. 2000. No. 53(6). P. 747–777.
10. David E. Guest perspectives on the study of work-life balance. *Social Science Information*. No. 41(2). 2002. P. 255–279.
11. Dex S., Smith C. *The Nature and Pattern of Family-Friendly Employment in Britain*. Joseph Rowntree Foundation. 2002. Bristol: The Policy Press. 2002. 49 p.
12. Greenhaus J.H., Collins K.M., Shaw J.D. The relation between work-family balance and quality of life. *Journal of Vocational Behavior*. 2003. Vol. 63. P. 510–531.
13. Lewis S., Gambles R., Rapoport R. The constraints of a 'work-life balance' approach: An international perspective. *The International Journal of Human Resource Management*. 2007. Vol. 18(3). P. 360–373.
14. Glass J.L., Estes S.B. The family responsive workplace. *Annual Review of Sociology*. 1997. Vol. 23(1). P. 289–313.
15. Spreitzer E., Snyder E.E., Larson D.L. Multiple roles and psychological well-being. *Sociological Focus*. 1979. Vol. 12(2). P. 141–148.
16. Razumova T.O., Alyoshina A.B., Serpukhova M.A. Balans sem'ya-rabota v usloviyah izmenenij kachestva trudovoj zhizni [Work-life balance under conditions of changes in the quality of working life]. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii* [*Living Standard of the Population in the Regions of Russia*]. 2020. Vol. 16. No. 3. P. 24–37. DOI: 10.19181/lsprr.2020.16.3.2 (in Russ.)
17. Chernova Zh. V. Balans sem'i i raboty: politika i individual'nyye strategii materej [The work-family balance: policy and individual mothers' strategies]. *Zhurnal issledovaniy sotsial'noj politiki* [*The Journal of Social Policy Studies*]. 2012. Vol. 10. No. 3. P. 295–308. (in Russ.)
18. Tonkikh N. V. Roditel'skoye blagopoluchiye glazami rossijskih zhenshchin [Parental well-being: Russian women's view]. *Narodonaselenie* [*Population*]. 2022. Vol. 25. No. 4. P. 42–54. (in Russ.)
19. Teplinskikh M. V. Uspeshnost' professional'noj deyatel'nosti spetsialista sotsial'noj sfery [The success of professional activity of a social sphere specialist]. *Polzunovskij vestnik* [*Polzunovsky Vestnik*]. 2006. No. 3. P. 252–257. (in Russ.)
20. Shukhatovich V.R. Motivatsiya dostizheniya: lichnostnyye kachestva i emotsional'nyj profil' «uspeshnogo cheloveka» [Achievement motivation: personal qualities and emotional profile of a "successful person"]. *Vestnik GSGU* [*Herald of State University of Humanities and Social Studies*]. 2019. No. 2(34). P. 76–83. (in Russ.)
21. Herzberg F., Mausner B., Bloch B., Snyderman B. Motivatsiya k rabote [The Motivation to Work]. Transl. from English by D. A. Kulikov. Moscow. Vershina [Peak]. 2007. 240 p. (in Russ.)
22. Maslow A. Motivatsiya i lichnost' [Motivation and Personality]. 3rd edition. Saint Petersburg. Piter. 2013. 352 p. (in Russ.)
23. Shabunova A.A., Dobrokhleb V.G., Medvedeva E.I., Kroshilin S.V., Suchocka L., Shukhatovich V.R., Leonidova G.V., Molchanova E.V. Uspeshnost' sovremennoogo cheloveka: teoretiko-metodologicheskiye aspekty issledovaniya [The successfulness of a modern individual: theoretical and methodological aspects of the study]. *Ekonomicheskiye i sotsial'nyye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz* [*Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*]. 2019. Vol. 12. No. 6. P. 27–50. DOI: 10.15838/esc.2019.6.66.2 (in Russ.)

24. Leonidova G. V. Sotsial'no–demograficheskij portret uspehnogo rabotnika (na materialah sotsiologicheskogo oprosa) [Socio–demographic portrait of a successful employee (case study of sociological survey)]. Sotsial'noye prostranstvo [*Social Area*]. Vol. 8. No. 2. DOI: 10.15838/sa.2022.2.34.4 (in Russ.)
25. Romashova L. O., Sereda E. M. Sem'ya i kar'era v zhizni sovremennoj rossijskoj zhenshchiny [Family and career in the life of modern Russian women]. Nauchnyye trudy Moskovskogo gumanitarnogo universiteta [*Scientific Works of Moscow Humanitarian University*]. 2017. No. 5. P. 23–28. DOI: 10.17805/trudy.2017.5.3 (in Russ.)

Information about the authors:

Shabunova Alexandra Anatolyevna, Doctor of Economics, Associate Professor, Director of the Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences, Vologda, Russia.

Contact information: e–mail: aas@volnc.ru; ORCID: 0000–0002–3467–0921; Elibrary AuthorID: 77411.

Leonidova Galina Valentinovna, Candidate of Economics, Associate Professor, Head of laboratory, Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences, Vologda, Russia.

Contact information: e–mail: galinaleonidova@mail.ru; ORCID: 0000–0003–0361–2099; Elibrary AuthorID: 77412.

Статья поступила в редакцию 03.10.2022, одобрена в печать 15.02.2023, опубликована 30.03.2023.

DOI: 10.19181/population.2023.26.1.11
EDN: QKLQBO

СОЦИАЛЬНЫЕ И ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ ТРУДОВОГО ПОТЕНЦИАЛА СЕВЕРНОГО КАВКАЗА

Гимбатов Ш. М.*, Кутаев Ш. К., Хаджалова Х. М.,
Абдулаева З. З., Абдулманапов П. Г.

Институт социально-экономических исследований
Дагестанского федерального исследовательского центра РАН
(367030, Россия, Махачкала, проспект М. Ярагского, 75)

*E-mail: gimba@list.ru

Для цитирования:

Гимбатов Ш. М., Кутаев Ш. К., Хаджалова Х. М., Абдулаева З. З., Абдулманапов П. Г. Социальные и демографические проблемы формирования трудового потенциала Северного Кавказа // Народонаселение. – 2023. – Т. 26. – № 1. – С. 135-146. DOI: 10.19181/population.2023.26.1.11; EDN: QKLQBO

Аннотация. Целью исследования является изучение соотношения формирования и использования трудового потенциала Северного Кавказа и его экономического отставания. Определены основные направления развития трудовых ресурсов в Северо-Кавказском федеральном округе. Проведён комплексный анализ социально-экономической и демографической ситуации в контексте трёх основных факторов, определяющих формирование трудового потенциала в регион: динамики воспроизводства населения, особенностей формирования рынка труда и образовательной среды. Анализируется демографическая и социально-экономическая ситуация, её влияние на проблемы формирования трудового потенциала с различных позиций: социо-демографические аспекты, причины оттока населения за пределы региона и их связь с ситуацией на рынке труда; проблемы гендерной асимметрии на рынке труда и в системе высшего образования; проблемы занятости и безработицы в аспекте развития образования населения. Предложен комплекс мер по совершенствованию системы воспроизводства трудовых ресурсов в Северо-Кавказском федеральном округе, обозначены основные направления и мероприятия для улучшения ситуации в области развития трудового потенциала. Необходимо активизация работы по профориентации молодого населения, и вместе с тем перепрофилирование учебных заведений для подготовки специалистов, квалификация которых соответствовала бы существующим потребностям экономики. Наряду с этим необходима модернизация институтов образования и усиление взаимодействия вузов с работодателями. Сделан вывод о том, что сложившиеся проблемы в области воспроизводства трудовых ресурсов формируют на Северном Кавказе социальные ограничения для перехода на новый качественный уровень развития человеческого капитала.

Ключевые слова: трудовые ресурсы, трудовой потенциал, демография, высшее образование, профориентация, Северо-Кавказский федеральный округ.

Введение

Фактор трудовых ресурсов, значение которого неотделимо от их воздействия на развитие экономического потенциала страны, обосновывается в работе академика С.Г. Струмилина [1], по мнению которого, трудовые ресурсы определяются физическими и интеллектуальными способностями населения в трудоспособном возрасте. С середины прошлого столетия активно развивается теория человеческого капитала [2–4] существенным вкладом которой становится вывод о том, что темпы экономического роста не могут служить главным мерилom общественного развития, гарантировать снижение неравенства и уровня бедности. Данный подход стал базовым для определения качественной составляющей трудовых ресурсов. При этом традиционным для описания роли человеческого фактора в экономическом развитии становится использование близких по значению терминов «человеческий» и «трудовой» потенциал. В этой связи наличие квалифицированной рабочей силы в достаточном количестве и качественной структуре — важнейшее условие формирования человеческого потенциала [5], а воздействие трудовых ресурсов и трудового потенциала на социально-экономическое развитие носит «сквозной» характер.

В данном исследовании проводится сравнительный анализ развития трудового потенциала как части человеческого потенциала региона населения в динамике и на уровне трёх факторов, определяющих количественную и качественную структуру населения, а именно: демографический потенциал и тенденции воспроизводства населения как определяющий фактор формирования структуры трудовых ресурсов (миграционные процессы в том числе); особенности формирования рынка труда как совокупность условий реализации трудового потенциала населения региона; образовательная среда как система воспроизводства трудовых ресурсов и формирования их качества.

Воспроизводство трудовых ресурсов рассматривается нами как процесс постоянного воссоздания занятого населения в трудоспособном возрасте, а также незанятой части населения, но имеющей физические, духовные и интеллектуальные возможности для участия в трудовой деятельности [6]. В тоже время трудовой потенциал региона рассматривается не просто как часть производственного процесса, а как неотъемлемый элемент региональной социально-экономической системы, институциональных и инфраструктурных условий, позволяющих или, наоборот, формирующих препятствия для эффективного использования человеческих ресурсов.

Уровень развития трудового потенциала, по нашему мнению, выражается через оценку возможностей региона в обеспечении потребности отраслей экономики в качественной рабочей силе. В контексте существующих исследований трудовой потенциал такой подход является комплексным в понимании роли и значения трудовых ресурсов в региональном развитии и как условие уровня экономического роста региона. Степень эффективности развития трудового потенциала определяет уровень регионального развития в целом. Данный подход не противоречит используемому в аналогичных исследованиях принципу, когда трудовой потенциал рассматривается в единстве количественных и качественных характеристик трудовых ресурсов и является «обобщающей характеристикой меры и качества совокупности способностей к общественно полезной деятельности» [7]. Вместе с тем, мы считаем, что необходимо также учитывать динамический характер воздействия, которое оказывают трудовые ресурсы на региональное развитие. Трудовой потенциал «важнейший элемент региональной социально-экономической системы, приводит в действие другие составляющие экономического потенциала через конкретную систему форм и отношений занятости» [8].

Добавим также, что трудовой потенциал является неотъемлемым элементом системы воспроизводства трудовых ресурсов региона, и в этом аспекте мы согласны с позицией П. О. Косякова [8], выделяющим в составе трудовых ресурсов всё трудоспособное население, в том числе и то, которое не участвует в трудовой деятельности. В связи с необходимостью определения роли трудового потенциала в экономическом развитии, нами также анализируется профессионально-образовательный уровень трудоспособного населения как ключевая качественная характеристика потенциала трудовых ресурсов [9].

Демографический потенциал Северо-Кавказского федерального округа (СКФО)

По итогам Всероссийской переписи 2021 г. численность населения СКФО выросла на 7,9% за последние 11 лет. В то же время, при фактическом увеличении численности населения территорий СКФО наблюдается ежегодное замедление прироста населения при расчёте темпов изменения общего коэффициента рождаемости

(табл. 1)¹. А отмечаемый абсолютный рост показателя естественного воспроизводства населения в количестве 31 тыс. человек с 2015 г., при пересчёте темпов роста — это только 79% от уровня предыдущей «пяtilетки». В среднем, ежегодные темпы роста воспроизводства населения стабильно сокращаются во всех регионах СКФО на протяжении последних 10–20 лет. Исключение — республики Чеченская и Ингушетия (рост на 20 и 7 процентных пунктов (п.п.) соответственно в период с 2015 г.). Репродуктивные показатели населения в городах республик Северного Кавказа почти не отличаются от среднероссийского уровня рождаемости (суммарный коэффициент рождаемости — 1,7, по РФ в среднем — 1,6).

Соответственно, рост численности населения в регионах СКФО уже в среднесрочной перспективе может прекратиться. Причиной является наблюдаемое изменение в структуре воспроизводства населения и трудовых ресурсов вследствие активизации процессов урбанизации и миграции

¹ В обработке статистических данных участвовала Абасова Х.У., младший научный сотрудник Института социально-экономических исследований Дагестанского федерального исследовательского центра РАН.

Темпы роста населения Северо-Кавказского федерального округа, %

Таблица 1

Table 1

Population growth rates in the North Caucasus Federal District, %

Территория	2005 / 2000	2010 / 2005	2015 (y1) / 2010 (y0)	2021 (y2) / 2015 (y1)	$\left(\frac{y_2}{y_1} - \frac{y_1}{y_0}\right) * 100$
Российская Федерация	117	123	106	72	- 34 п.п.
СКФО	115	124	96	79	- 17 п.п.
Республика Дагестан	99	118	102	76	- 26 п.п.
Республика Ингушетия	74	170	68	89	+ 20 п.п.
Кабардино-Балкарская Республика	99	142	100	83	- 17 п.п.
Карачаево-Черкесская Республика	108	112	95	78	- 17 п.п.
Республика Северная Осетия-Алания	109	129	101	79	- 21 п.п.
Чеченская Республика	-	119	77	84	+ 7 п.п.
Ставропольский край	110	120	109	74	- 35 п.п.

Источник: составлено по приложению к сборнику «Регионы России. Социально-экономические показатели» (таблица 1.9). — URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/47652> (дата обращения: 01.09.2022).

населения. На фоне снижения показателей естественного прироста населения, на территориях СКФО меняется структура трудовых ресурсов, снижается количество населения в трудоспособном возрасте, растёт доля пожилых лиц [10]. Более того, за последние двадцать лет, количество населения старше трудоспособного возраста на территориях СКФО растёт более высокими темпами, чем в среднем по России [11].

Социо-демографические аспекты формирования рабочей силы

Анализируя сферу занятости в СКФО необходимо отметить, что наибольшее число занятых в абсолютном выражении в 2021 г. было в Ставропольском крае и Республике Дагестан — соответственно 1247,9 и 1022,9 тыс. человек. Наиболее высокий уровень безработицы в республи-

ках Ингушетия — 30,9%, Дагестан — 15,1% и Чеченская — 14,5%, что в разы больше, чем в среднем по России (4,8%). Регионы СКФО по представленным показателям находятся на последних местах среди всех остальных субъектов РФ (рис. 1). Низкий уровень инвестиций, сокращение темпов развития малого предпринимательства, неиндустриальный тип экономики сформировали в регионе высокий уровень напряжённости на рынке труда в последние десятилетия [12]. Безработица на Северном Кавказе имеет затяжной характер. Так, например, время поиска работы в Дагестане, Карачаево-Черкессии и Ингушетии превышает в среднем 10 месяцев. Доля среди безработных, находившихся в поиске работы сроком более одного года — 35%, но в Республике Ингушетия — 63,2%, в Карачаево-Черкессии — 67,2%.

Рис. 1. Уровень безработицы в некоторых регионах РФ в 2021 году, %

Fig. 1. Unemployment rate in regions of the Russian Federation in 2021, %

Источник: составлено по приложению к сборнику «Регионы России. Социально-экономические показатели» (таблица 2.10.1.).— URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/47652> (дата обращения: 01.09.2022).

В 2020 г. почти 22% безработных приходилось на молодёжь в возрасте до 25 лет, то есть более 1 млн молодых людей испытывали трудности с поиском работы (в 2019 г. в этой категории насчитывалось менее 800 тыс. человек). Возросло количество безработных старше 50 лет. Доля дан-

ной категории населения в общей структуре составляла 15,9%, (немногим более 760 тыс. человек против неполных 600 тыс. человек в августе 2020 г.) [10]. Средний возраст безработных в республиках Дагестан и Ингушетии, в Ставропольском крае ниже среднероссийского показателя, но

в республиках Северная Осетия-Алания и Карачаево-Черкесской — выше. Отметим высокий уровень гендерной асимметрии в сфере занятости в СКФО, в котором наблюдается хронический рост женской безработицы и низкий уровень участия женщин на рынке труда. Уровень женской безработицы в регионе по-прежнему выше, чем мужской (12,7% против 9,3% в 2020 г.).

Самая напряжённая ситуация в сфере занятости наблюдалась в Республике Ингушетия (средний уровень женской безработицы составил 33,1%, против 24,8% у мужчин), Чеченской Республике (среди женщин — 17,6%, против 16,2% у мужчин) и Дагестане (14,0% и 9,8% соответственно). Данные комплексного наблюдения условий жизни населения показывают, что в 2020 г. в СКФО женщины составляли треть (32,1%) всех ненаёмных работников (предпринимателей и собственников предприятий). Среди собственников предприятий женщины составляют 22,6%. Численность индивидуальных предпринимателей среди женщин почти в 2 раза меньше, чем мужчин. Преимущественно женщины работают в сферах здравоохра-

нения (80,3%), образования (76,8%), обслуживания (гостинично-ресторанный бизнес — 85,1%), а также культуры и организации досуга (55,3%).

Влияние развития образовательной среды на формирование рынка труда

Структурный дисбаланс спроса и предложения рабочей силы остаётся одной из основных проблем рынка труда в СКФО. Уровень образования населения Северо-Кавказского федерального округа ниже, чем в среднем по стране: в округе меньше доля лиц с профессиональным образованием и больше доля лиц с общим образованием и без образования. В РФ из 72 млн занятого населения 35% — лица с высшим образованием, 45% — получили среднее профессиональное образование, а 19% — квалифицированные рабочие. В СКФО прошли подготовку квалифицированных рабочих 12% (что определяет дефицит квалифицированных специалистов рабочих профессий), а доля занятых, со средним профессиональным образованием — 34% (табл. 2.).

Таблица 2

Уровень занятости и безработицы в зависимости от уровня образования, %

Table 2

The level of employment and unemployment depending on the level of education, %

Уровень образования	2000		2010		2021	
	РФ	СКФО	РФ	СКФО	РФ	СКФО
Состав занятого населения по уровню образования						
Высшее	22,7	26,3	28,7	28,9	34,7	36,0
Среднее профессиональное (подготовка среднего звена)	31,4	26,7	27,1	22,3	45,2	33,9
Среднее профессиональное (подготовка рабочих)	12	8,5	19,7	9,5	19,2	12,1
Среднее общее	23,3	25,5	20,0	32,3	15,9	23,3
Основное общее	7,3	7,3	4,0	5,7	4,0	6,3
Начальное общее, не имеют начального общего	1,0	1,9	0,3	0,9	0,2	0,4
Состав безработных по уровню образования						
Высшее	9,9	12,2	14,8	16,5	21,9	27,9
Среднее профессиональное (подготовка среднего звена)	25,3	20,3	20,7	15,4	39,4	29,9
Среднее профессиональное (подготовка рабочих)	13,6	8,9	20,8	6,8	18,3	11,2
Среднее общее	33,5	41,4	32,5	51,9	28,0	30,6
Основное общее	13,7	11,8	10,1	8,3	9,9	10,9
Начальное общее, не имеют начального общего	1,2	-	1,1	1,1	0,8	0,7

Источник: составлено по данным «Регионы России. Социально-экономические показатели. 2022: Стат. сб.» / Росстат. — Москва, 2022. — С. 140–158 (таблицы 3.9. и 3.19)

В 2020 г. ПТУ, профессиональных лицеев, техникумов и колледжей в нашей стране имелось 3,6 тыс. заведений, а по регионам СКФО – 316, при этом обучалось в них в среднем по России 2902,3 тыс. студентов и 204,1 тыс. студентов в СКФО. Отмечается значительный рост численности студентов начального и среднего профессионального образования по сравнению с 2010 г.: если по России количество обучающихся увеличилось на 29%, то на Северном Кавказе – на 96%. Почти на 80% увеличилось и число организаций, предоставляющих начальное и среднее профессиональное образование в СКФО (рост по стране на 16,2%). Объяснением такого «взрывного» роста числа обучающихся по программам среднего профессионального образования является увеличение количества школьников, не желающих сдавать ЕГЭ в 11-х классах общеобразовательных учреждений. В связи с этим подростки завершают своё обучение в 9-м классе, а затем уже продолжают его в средних профессиональных учреждениях образования. Затем после их окончания поступают в ВУЗы, но уже без необходимости сдавать ЕГЭ.

В субъектах СКФО показатели образованности женского населения выше, чем мужского [13]. Девушки чаще продолжают обучение после 9-го класса средней школы. Начиная с 1995 г. планомерно росла доля женщин, проходивших обучение в вузах по традиционно мужским направлениям обучения, связанных с математическим, физическим и информационно-техническим специальностям. Получение высшего образования женщины рассматривают не только из соображений необходимости последующего устройства на работу, но и как элемент самореализации плюс как своеобразную форму «брачного капитала», который способствует заключению брака [14]. Выбор в отношении образования женщин определяется чаще всего родителями и ограничивается преимущественно педагогической и медицинской ориентацией [13]. При этом несмотря на высокие показатели уровня образования кавказских женщин, они остаются более уязвимой категорией специали-

стов на рынке труда – среди них доля безработных выше.

Миграционные процессы в регионе

Для миграционных обменов в субъектах СКФО характерно значительное преобладание числа выбывающего населения над числом прибывших. Данный дисбаланс в миграциях на протяжении многих лет приводит к потере человеческого и трудового потенциала на территориях Северного Кавказа. Наиболее интенсивный процесс выезда за пределы регионов по причине смены места жительства наблюдается в республиках Северная Осетия-Алания и Дагестан. В основном за счёт планомерного оттока населения из этих республик коэффициент миграционного прироста в СКФО был отрицательным. В среднем ежегодно в период 2010-2020 гг. население за счёт миграций сокращалось на 21 человек из расчёта на 10 тыс. проживающих в округе. В абсолютном выражении Республика Дагестан за этот период теряла в среднем 12 тыс. человек ежегодно. Основная причина миграций – поиск работы. Судя по данным в табл. 3, практически во всех регионах СКФО наблюдается преобладание доли населения, выезжающего за пределы регионов в поисках работы в другие регионы страны, по сравнению с количеством прибывающих в регион².

Среди безработных из числа молодёжи большое количество тех, кто не имеет ни среднего профессионального, ни высшего образования. Они становятся основной группой трудовых мигрантов, выезжающих за пределы регионов постоянного проживания. В основном это граждане, также, как и среди безработного населения, получившие только «школьное» образование. В результате учебной миграции округ теряет значительный трудовой потенциал, так как по завершении учёбы большая часть молодёжи предпочитает не возвращаться в родной регион.

² Для того, чтобы нивелировать влияние ограничений из-за распространения COVID-19 на миграционную активность, в табл. 3 приводятся данные за 2019 г., то есть за год до пандемии.

Таблица 3

Межрегиональная трудовая миграция в возрасте 15 лет и старше в 2019 году,‰

Table 3

Interregional labor migration at the age of 15 years and older in 2019,‰

Регион	Численность трудовых мигрантов	
	въезжающих в регион	выезжающих из региона
СКФО	0,6	2,9
Республика Дагестан	0,1	4,4
Республика Ингушетия	2,0	0,2
Кабардино-Балкарская Республика	0,2	6,6
Карачаево-Черкесская Республика	0,1	2,7
Республика Северная Осетия-Алания	0,4	2,9
Чеченская Республика	1,3	0,5
Ставропольский край	0,8	2,0

Источник: Росстат. — URL: https://gks.ru/storage/mediabank/Z9fQU9tI/tab3_2019.xls (дата обращения: 01.09.2022).

Направления совершенствования системы воспроизводства трудовых ресурсов

Структура рабочей силы, система воспроизводства трудовых ресурсов, сфера высшего и дополнительного образования, управление качеством труда и рынком труда, по-нашему мнению, являются основной причиной низкого уровня социально-экономического развития территорий СКФО. Ситуация усугубляется избытком специалистов по невостребованным на рынке труда профессиям, миграционным оттоком перспективных научных и технических кадров.

Перечислим ряд важных проблемных областей развития системы воспроизводства трудовых ресурсов в регионах СКФО: 1) отсутствие баланса при подготовке специалистов различного профиля и реальных потребностей работодателей в профессиональных кадрах; 2) повышенная сложность заданий ЕГЭ по естественным и точным наукам, препятствующая поступлению в ведущие вузы страны на инженерно-технические, химико-биологические и медицинские направления; 3) выбор направления обучения будущей профессии, часто под давлением родителей и близкого окружения; 4) отсутствие

достаточной информации о вакансиях на рынке труда и прогноза изменений ситуации на рынке труда на уровне субъектов РФ и муниципалитетов; 5) отсутствие технической базы и материальных возможностей для проведения модернизации процесса образования.

Важной составляющей этапа предварительной подготовки профессиональных кадров и специалистов является улучшение и систематизация профориентационной работы. Необходима активизация работы по профориентации молодого населения, и вместе с тем перепрофилирование учебных заведений для подготовки специалистов, квалификация которых соответствовала бы существующим потребностям экономики. Наряду с этим необходима модернизация институтов образования и усиление взаимодействия вузов с работодателями. Отсюда следует и необходимость обновления учебной материально-технической базы, а также применение новых технологий моделирования реальных ситуаций с помощью, в том числе программных средств при обучении [15]. Необходимо существенное обновление технологий образования, развитие вариативности программ и изменение принципов финансирования образовательных учреждений.

Представляется важным обеспечить развитие социальной инфраструктуры; проводить активную политику на рынке труда; поощрять развитие гибких форм занятости для различных категорий населения, в том числе в связи с высоким уровнем социальных обязательств у членов многодетных семей, используя систему экономических стимулов для работодателей [16].

* * *

На наш взгляд, уровень развития трудового потенциала в регионе создаёт дополнительные препятствия для экономического развития региона. С учётом отмеченных выше проблем, выделим четыре направления совершенствования системы подготовки кадров, реализация которых способна привести к улучшению системы трудовых ресурсов СКФО: 1) формирование на региональном и муниципальном уровне системы прогнозирования и мониторинга потребностей рынка труда, 2) ак-

тивизировать работу по сетевому взаимодействию с хозяйствующими субъектами с целью их включения в процесс разработки и реализации учебных планов, их постоянной корректировке; 3) организация квалифицированного проведения процедуры профессиональной ориентации школьников, создание специализированных центров помощи в профессиональном самоопределении и проведение профориентационных мероприятий с применением передовых технологий в обязательном порядке и на постоянной основе; 4) проведение мониторинга трудоустройства получивших образование граждан в сферах их фактической деятельности. В условиях разворачивающегося кризиса проблемы воспроизводства трудовых ресурсов накладываются на стратегические проблемы экономического развития регионов. Совершенствование данной сферы — одно из важнейших условий, которому должно быть уделено особое место в системе регионального управления.

Литература и Интернет-источники

1. **Струмилин, С. Г.** Наши трудовые ресурсы и перспективы / С. Г. Струмилин // Хозяйственное строительство. — 1922. — Вып. 2. — С. 32–46.
2. **Shultz, T.** Investment in Human Capital. / T. Shultz. — N.Y., London, 1971. — P. 26–28.
3. **Беккер, Г. С.** Человеческое поведение: экономический подход. / Г. С. Беккер; сост., науч. ред. пер., авт. послесл. Р. И. Капелюшникова. — Москва : ГУ ВШЭ, 2003. — 670 с.
4. **Фишер, С.** Экономика. / С. Фишер, Р. Дорнбуш, Р. Шмалензи; общ. ред. и предисл. Г. Г. Сапова; Акад. нар. хоз-ва при Правительстве РФ. — Москва : Дело, 2002. — 829 с.
5. **Соболева, И. В.** Человеческий капитал в условиях кризиса / И. В. Соболева // Народонаселение. — 2009. — № 3(45). — С. 35–39. EDN: OBLQGL
6. **Дегтярева, Т. Д.** Воспроизводство и использование трудовых ресурсов в агропромышленном комплексе региона / Т. Д. Дегтярева, Е. А. Чулкова, М. М. Мурсалимов, Л. И. Рахматуллина // Вестник УрФУ. Серия экономика и управление. — 2015. — № 4. — С. 642–664. EDN: ULZFKD
7. **Маслова, И. С.** Трудовой потенциал советского общества / И. С. Маслова // Вопросы теории и методологии исследования. — Москва, 1987. — С. 2–10.
8. **Магомедов, М. М.** Трудовой потенциал в стратегии социально-экономического развития (региональный аспект) / Магомедов Магомедсалам Магомедалиевич; автореф. дис. ... д.э. н. по специальностям 08.00.01 и 08.00.05. — Москва, 2001. — 65 с.
9. **Косяков, П. О.** Трудовые ресурсы — экономическая категория / П. О. Косяков. — Свердловск : Уральский филиал АН СССР, 1970. — 56 с.

10. **Горшенина, Е. В.** Оценка трудового потенциала Краснодарского края / Е. В. Горшенина, Е. М. Автайкина // Экономические исследования. — 2017. — № 4. — С. 4. EDN: ZXQUFF
11. **Гимбатов, Ш. М.** Формирование проблемы старения населения в Республике Дагестан / Ш. М. Гимбатов // Региональные проблемы преобразования экономики. — 2020. — № 7(117). — С. 83–87. EDN: AOKUUA
12. **Абдулманапов, П. Г.** Особенности репродуктивного поведения населения Республики Дагестан / П. Г. Абдулманапов // Региональные проблемы преобразования экономики. — 2021. — № 9(131). — С. 78–84. EDN: VZTLZF
13. **Хаджалова, Х. М.** Кадровые перспективы: проблемы высшей школы в формировании человеческого капитала / Х. М. Хаджалова // Экономика и предпринимательство. — 2021. — № 5(130). — С. 1387–1391. EDN: NCKKNP
14. **Абдулаева, З. З.** Основные направления повышения уровня конкурентоспособности и востребованности женского труда в регионах СКФО / З. З. Абдулаева // Экономика и предпринимательство. — 2020. — № 8(121). — С. 456–460. EDN: XFCOMT
15. **Шатрова, Л. А.** Гендерные стереотипы на рынке труда Республики Татарстан / Л. А. Шатрова // Социологические исследования. — 2003. — № 3. — С. 124–126. EDN: OOOSTF
16. **Кутаев, Ш. К.** Актуализация подготовки кадров как фактор нормализации ситуации в экономике и на рынке труда региона / Ш. К. Кутаев, Р. А. Кутаева // Вестник Университета Российской академии образования. — 2020. — № 1. — С. 4–11. EDN: PZJOMJ

Сведения об авторах:

Гимбатов Шамиль Магомедович, к.э.н., ведущий научный сотрудник, Институт социально-экономических исследований Дагестанского федерального исследовательского центра Российской академии наук, Махачкала, Россия.

Контактная информация: e-mail: gimba@list.ru; ORCID:0000-0002-8302-3544; РИНЦ AuthorID: 297415.

Кутаев Шихрагим Кутаевич, д.э.н., руководитель, Институт социально-экономических исследований Дагестанского федерального исследовательского центра Российской академии наук, Махачкала, Россия.

Контактная информация: e-mail: sh.kutaev@mail.ru; ORCID: 0000-0003-2645-0897; РИНЦ AuthorID: 362644.

Хаджалова Хадиджат Магомедовна, д.э.н., доцент, ведущий научный сотрудник, Институт социально-экономических исследований Дагестанского федерального исследовательского центра Российской академии наук, Махачкала, Россия.

Контактная информация: e-mail: chaha@mail.ru; ORCID: 0000-0002-4466-324X; РИНЦ AuthorID: 175693.

Абдулаева Заира Запировна, к.э.н., доцент, старший научный сотрудник, Институт социально-экономических исследований Дагестанского федерального исследовательского центра Российской академии наук, Махачкала, Россия.

Контактная информация: e-mail: zaira-76@mail.ru; ORCID: 0000-0002-4466-324X; РИНЦ AuthorID: 252746.

Абдулманапов Пирмагомед Габидулаевич, к.э.н., старший научный сотрудник, Институт социально-экономических исследований Дагестанского федерального исследовательского центра Российской академии наук, Махачкала, Россия.

Контактная информация: e-mail: raha77@mail.ru; ORCID: 0000-0003-2645-0897; РИНЦ AuthorID: 595929.

SOCIAL AND DEMOGRAPHIC PROBLEMS OF LABOR POTENTIAL FORMATION IN THE NORTH CAUCASUS

Shamil M. Gimbatov*, Shihragim K. Kutaev, Khadijat M. Khadzhalova,
Zaira Z. Abdulaeva, Pirmagomed G. Abdulmanapov

*Institute for Social and Economic Research of the Dagestan
Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences
(75 prospect M. Yaragsky, Makhachkala, Russia, 367030)*

*E-mail: gimba@list.ru

For citation:

Gimbatov Sh. M., Kutaev Sh. K., Khadzhalova Kh. M., Abdulaeva Z.Z., Abdulmanapov P.G. Social and demographic problems of labor potential formation in the North Caucasus. *Narodonaselenie [Population]*. 2023. Vol. 26. No. 1. P. 135-146. DOI: 10.19181/population.2023.26.1.11 (in Russ.)

Abstract. *The purpose of the article is to study the problems of the economic backwardness of the region from the standpoint of the features of the system of reproduction, formation, distribution and use of labor resources in the North Caucasus. The main directions for improving the system of reproduction of labor resources in the North Caucasus Federal District were identified and a comprehensive analysis of the socio-economic and demographic situation was carried out in the context of the three main factors that determine the formation of labor potential in the region. The determining factors of the formation of labor resources considered in the article are the dynamics of population reproduction, the features of the formation of the labor market and the educational environment. The authors present analysis of the demographic and socio-economic situation and their impact on the problems of reproduction of labor resources from various research positions: socio-demographic aspects of formation of the labor force and problems of population aging, the reasons for outflow of the population from the region and their connection with the situation in the labor market, problems of gender asymmetry in the labor market and in the system of higher education, problems of employment and unemployment in the aspect of the development of education of the population. A set of measures is proposed to improve the system of labor resources reproduction in the North Caucasus Federal District (NCFD), the main directions and necessary measures to improve the situation in the development of labor resources and labor potential are outlined. It is concluded that the present problems in the sphere of labor resource reproduction become a barrier to economic development of the North Caucasus and constrain raising the human capital development to a quality level.*

Keywords: *labor resources, labor potential, demography, higher education, career guidance, North Caucasus, North Caucasian Federal District.*

References and Internet sources

1. Strumilin S. G. Nashi trudovye resursy i perspektivy [Our workforce and outlook]. *Hozjajstvennoje stroitel'stvo [Economic Construction]*. 1992. No. 2. P. 32–46. (in Russ.)
2. Shultz T. *Investment in Human Capital*. New York, London. 1971. P. 26–28.
3. Bekker G. S. Chelovecheskoje povedenije: ekonomicheskij podkhod [*Human Behavior: An Economic Approach*]. Composed, translated, edited by R. I. Kapelyushnikov. Moscow. GU VShE [Higher School of Economics]. 2003. 670 p. (in Russ.)

4. Fisher S., Dornbusch R., Shmalenzy R. *Ekonomika [Economics]*: Ed. G. G. Sapov. Moscow. Delo. 2002. 829 p. (in Russ.)
5. Soboleva I. V. Chelovecheskij kapital v usloviyakh krizisa [Human capital under the conditions of crisis]. *Narodonaselenie [Population]*. 2009. No. 3(45). P. 35–59. (in Russ.)
6. Degtyareva T. D., Chulkova E. A., Mursalimov M. M., Rakhmatullina L. I. Vosproizvodstvo i ispol'zovanie trudovykh resursov v agropromyshlennom komplekse regiona [Reproduction and use of labor resources in agricultural region]. *Vestnik UrFU. Seriya: Ekonomika i upravleniye [Bulletin of Ural Federal University. Series: Economics and Management]*. 2015. 14. No. 4. P. 642–664. (in Russ.)
7. Maslova I. S. Trudovoj potentsial sovetskogo obshchestva. *Voprosy teorii i metodologii issledovaniya [Labor Potential of the Soviet Society. Issues of Theory and Methodology of Research]*. Report preprint. Moscow. 1987. P. 2–10. (in Russ.)
8. Magomedov M. M. Trudovoj potentsial v strategii sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya (regional'nyy aspekt) [Labor Potential in the Strategy of Socio-Economic Development (regional aspect)]. Abstract of Doctoral diss. Moscow. 2001. 65 p. (in Russ.)
9. Kosyakov P. O. Trudovyye resursy – ekonomicheskaya kategoriya [Labor Resources – Economic Category]. Sverdlovsk. 1970. 56 p. (in Russ.)
10. Gorshenina E. V., Avtaykina E. M. Ekonomicheskaya otsenka trudovogo potentsiala Krasnodarskogo kraia [Economic assessment of the labor potential of Krasnodar krai]. *Ekonomicheskiye issledovaniya [Economic Research]*. 2017. No. 4. P. 4. (in Russ.)
11. Gimbatov Sh. M. Formirovaniye problemy stareniya naseleniya v Respublike Dagestan [Formation of the problem of population aging in the Republic of Dagestan]. *Regional'nyye problemy preobrazovaniya ekonomiki [Regional Problems of Economic Transformation]*. 2020. No. 7(117). P. 83–87. (in Russ.)
12. Abdulmanapov P. G. Osobennosti reproduktivnogo povedeniya naseleniya Respubliki Dagestan [Features of reproductive behavior of the population of the Republic of Dagestan]. *Regional'nyye problemy preobrazovaniya ekonomiki [Regional Problems of Economic Transformation]*. 2021. No. 9(131). P. 78–84. (in Russ.)
13. Khadzhalova Kh. M. Kadrovyye perspektivy: problemy vyssheyshkoly v formirovanii chelovecheskogo kapitala [Personnel prospects: problems of higher education in the formation of human capital]. *Ekonomika i predprinimatel'stvo [Economy and Entrepreneurship]*. 2021. No. 5(130). P. 1387–1391. (in Russ.)
14. Abdulaeva Z. Z. Osnovnyye napravleniya povysheniya urovnya konkurentosposobnosti i vostrebovannosti zhenskogo truda v regionah SKFO [The main directions of improving competitiveness and the demand for female labor in the regions of the North Caucasus Federal District]. *Ekonomika i predprinimatel'stvo [Economy and Entrepreneurship]*. 2020. No. 8(121). P. 456–460. (in Russ.)
15. Shatrova L. A. Gendernyye stereotypy na rynke truda Respubliki Tatarstan [Gender stereotypes in the labor market of the Republic of Tatarstan]. *Sotsiologicheskiye issledovaniya [Sociological Studies]*. 2003. No. 3. P. 124–126. (in Russ.)
16. Kutaev Sh. K., Kutaeva R. A. Aktualizatsiya podgotovki kadrov kak faktor normalizatsii situatsii v ekonomike i na rynke truda regiona [Actualization of personnel training as a factor of normalizing the situation in the economy and in the regional labor market]. *Vestnik Universiteta Rossijskoj akademii obrazovaniya [Herald of the University of the Russian Academy of Education]*. 2020. No. 1. P. 4–11. (in Russ.)

Information about the authors:

Gimbatov Shamil Magomedovich, Candidate of Economics, Leading Researcher, Institute for Socio-Economic Research of the Dagestan Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences, Makhachkala, Russia.

Contact information: e-mail: gimba@list.ru; ORCID: 0000–0003–2645–0897; Elibrary AuthorID: 297415.

Kutaev Shikhragim Kutaevich, Doctor of Economics, Head, Institute for Socio-Economic Research of the Dagestan Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences, Makhachkala, Russia.

Contact information: e-mail: sh.kutaev@mail.ru; ORCID: 0000-0001-6032-7935; Elibrary AuthorID: 362644.

Khadzhalova Khadizhat Magomedovna, Doctor of Economics, Associate Professor, Leading Researcher, Institute for Socio-Economic Research of the Dagestan Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences, Makhachkala, Russia

Contact information: e-mail: chaha@mail.ru; ORCID: 0000-0002-4466-324X; Elibrary AuthorID: 175693.

Abdulaeva Zaira Zapirovnna, Candidate of Economics, Associate Professor, Senior Researcher, Institute for Socio-Economic Research of the Dagestan Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences, Makhachkala, Russia.

Contact information: e-mail: zaira-76@mail.ru; ORCID: 0000-0002-1060-7901; Elibrary AuthorID: 252746.

Abdulmanapov Pirmagomed Gabibullaevich, Candidate of Economics, Associate Professor, Senior Researcher, Institute for Socio-Economic Research of the Dagestan Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences, Makhachkala, Russia.

Contact information: e-mail: raha77@mail.ru; ORCID: 0000-0003-2645-0897; Elibrary AuthorID: 595929.

Статья поступила в редакцию 24.10.2022, одобрена в печать 15.02.2023, опубликована 30.03.2023.

DOI: 10.19181/population.2023.26.1.12
EDN: SZILDL

МОДЕРНИЗАЦИЯ СИСТЕМЫ ВОДОСНАБЖЕНИЯ И ВОДООТВЕДЕНИЯ В СЕЛЬСКОЙ МЕСТНОСТИ КАК ФАКТОР ПОВЫШЕНИЯ КАЧЕСТВА ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ РОССИИ

Шнейдерман И. М.*, Пилипенко И. В.

*Институт социально-экономических проблем народонаселения
имени Н. М. Римашевской ФНИСЦ РАН
(117218, Россия, Москва, Нахимовский проспект, 32)*

*E-mail: schneiderman@isesp-ras.ru

Для цитирования:

Шнейдерман И. М., Пилипенко И. В. Модернизация системы водоснабжения и водоотведения в сельской местности как фактор повышения качества жизни населения России // Народонаселение. — 2023. — Т. 26. — № 1. — С. 147–159. DOI: 10.19181/population.2023.26.1.12; EDN: SZILDL

Аннотация. В статье авторами поднимается проблема отсутствия современного водопровода и канализации в жилых помещениях около 22–24 млн жителей России, проживающих в сельской местности. В качестве статистической базы исследования авторы используют результаты опросов «Комплексного наблюдения условий жизни населения» Росстата 2011 и 2020 годов. Проводится анализ динамики данных по обеспеченности жилых помещений домохозяйств системами холодного и горячего водоснабжения, водоотведения и современным туалетом в целом по стране, в сельской местности и в индивидуальных домах (в частном секторе). Показано, что современная канализация отсутствует почти у 2/3, современный туалет — у 1/3, горячее водоснабжения — у 26%, а всякий водопровод — у 11% домохозяйств в сельской местности. Для частного сектора в сельских поселениях показатели ещё хуже — соответственно, 81%, 42%, 30% и 13% домохозяйств. В статье выделены шесть групп субъектов Российской Федерации по доле домохозяйств, не имеющих водопроводной системы в своих жилых помещениях в сельской местности. Определены четыре причины отставания сельских поселений от городов в развитии инженерной инфраструктуры, включая закрытие в 1990-х гг. большинства сельскохозяйственных производств (колхозов и совхозов) на местах, невысокую приоритетность тематики развития сельских территорий в деятельности федеральных органов государственной власти, фокус государственной политики в сфере жилищно-коммунального хозяйства и строительства жилья преимущественно на городских территориях, недостаточную совместимость текущей модели предоставления государственных и муниципальных услуг в условиях дефицита финансовых ресурсов и необходимости развивать инженерную инфраструктуру на территориях с частными домовладениями. В заключение авторами предлагается ряд мероприятий с целью ускорения решения проблемы водоснабжения и водоотведения в сельской местности Российской Федерации.

Ключевые слова: водоснабжение, водопровод, водоотведение, канализация, сельская местность, сельское поселение, качество жизни, индивидуальные дома, Российская Федерация.

Введение

Водоснабжение и водоотведение являются одним из основных компонентов жилищно-коммунального хозяйства (ЖКХ) страны, определяющим комфортность проживания и санитарно-эпидемиологическое благополучие населения как в многоэтажных домах, так и в малоэтажном жилье и индивидуальной застройке. При этом для сельской местности с превалированием индивидуальных жилых домов [1; 2] наличие устойчивого холодного водоснабжения определяет возможность обустройства в доме и автономной водяной отопительной системы.

Согласно статье 3 Федерального закона от 07.12.2011 № 416-ФЗ «О водоснабжении и водоотведении» первой целью государственной политики в этой сфере является «охрана здоровья населения и улучшение качества жизни населения путём обеспечения бесперебойного и качественного водоснабжения и водоотведения», а первым общим принципом такой государственной политики указана «приоритетность обеспечения населения питьевой водой, горячей водой и услугами по водоотведению». Вместе с тем, согласно данным «Комплексного наблюдения условий жизни населения – 2020» (КОУЖ-2020)¹, проведённого Росстатом, в сельской местности РФ почти 30% домохозяйств не имеют централизованного водопровода, а среди домохозяйств, проживающих в индивидуальных домах, эта цифра достигает 38%. Горячее водоснабжение полностью отсутствует у 26% опрошенных домохозяйств в целом и у 30% домохозяйств из частного сектора. Как следствие, исключительно печное отопление сохраняется у 21% домохозяйств на селе в целом и у 26% домохозяйств, живущих в частных домах. Более того, 75% российских домохозяйств в сельской местности не имеют центральной канализации, а канализация любого типа отсутствует в жилых по-

мещениях 15% домохозяйств. Из-за этого 31% домохозяйств в сельских поселениях, включая двух-трёхэтажных жилых строения, не имеют туалета внутри жилых помещений, а в частном секторе этот показатель достигает почти 40%.

По состоянию на 2020 г. в сельской местности в общей сложности только 38% жилищного фонда было полностью благоустроено, то есть в жилых помещениях имелись одновременно водопровод, канализация, отопление, горячее водоснабжение, газоснабжение или напольные электроплиты². При этом необходимо иметь в виду, что в последние десятилетия значительная часть городских жителей приобрела и обустроила (или построила с нуля) в сельских поселениях индивидуальные дома для круглогодичного проживания со всеми удобствами, в связи с чем картина благоустройства жилья именно для сельских жителей может быть несколько приукрашенной. С учётом численности сельского населения РФ в 36,9 млн человек в 2021 г. проблема отсутствия современного водоснабжения и/или водоотведения в настоящее время касается в той или иной мере 22–24 млн сельских жителей страны.

В результате жители сельских территорий России, многие из которых были поставлены в течение последних десятилетий в неравные условия по сравнению с городскими жителями из-за серьёзного сокращения рабочих мест на селе [3; 4], оказываются ущемлёнными и в части комфортности условий проживания³. Такая ситуация ведёт к углублению территориальных диспропорций в уровне и качестве жизни между городской и сельской местностью [5], может вносить определённый вклад в социальную напряжённость в обществе и мало соответствует установкам федеральных органов

² Социальное положение и уровень жизни населения России. 2021: Стат. сб. – Москва: Росстат, 2021. – С. 261.

³ Следует отметить, что затраты домохозяйств на обустройство индивидуальной скважины могут достигать в настоящее время 100–300 тыс. рублей в зависимости от глубины скважины, качества и комплекта оборудования (кессон, насос, трубы, гидроаккумулятор и другое). При этом нецентрализованные системы водоснабжения обычно характеризуются отсутствием контроля за качеством питьевой воды.

¹ Комплексное наблюдение условий жизни населения – 2020 // Росстат: [сайт]. – URL: https://gks.ru/free_doc/new_site/GKS_KOUZH-2020/index.html (дата обращения: 23.08.2022).

власти на создание равных условий жизни для населения страны.

Обеспеченность жилых помещений водопроводом и горячим водоснабжением

Данные КОУЖ-2011⁴ и КОУЖ-2020⁵ Росстата показывают, что за период 2011–

⁴ Комплексное наблюдение условий жизни населения 2011 // Росстат: [сайт]. – URL: https://gks.ru/free_doc/new_site/KOUZ/survey0/index.html (дата обращения: 23.08.2022).

⁵ Мы также использовали данные КОУЖ-2014, КОУЖ-2016 и КОУЖ-2018, которые не вошли в статью из-за ограничений по объёму.

2020 гг. обеспеченность российских домохозяйств в целом централизованным водопроводом увеличилась почти на 6 процентных пунктов (п.п.) — с 83,9% до 89,7%, водопроводом из индивидуальной артезианской скважины — осталась неизменной на уровне 4%, а доля жилых помещений, где вода поступает из колодца сократилась почти на 2 п.п. (табл. 1). В сельской местности доля домохозяйств с центральным водопроводом увеличилась на 11,5 п.п. (с 59,1% до 70,6%), доля домохозяйств, обеспеченных водопроводом из индивидуальной артезианской скважины, осталась почти на том же уровне (10–11%), а во-

Таблица 1

Обеспеченность водопроводом жилых помещений всех домохозяйств и домохозяйств в индивидуальных домах, в % от общего количества по каждой категории

Table 1

Types of domestic water supply by location of all households and households in individual houses, percentage in each category

Все домохозяйства в стране			Домохозяйства в индивидуальных домах		
	2011	2020		2011	2020
Обеспечены централизованным водопроводом					
Все домохозяйства	83,9	89,7	Все домохозяйства	55,9	66,4
В городской местности	92,4	95,5	В городской местности	63,2	72,9
В сельской местности	59,1	70,6	В сельской местности	50,6	62,1
Обеспечены водопроводом из индивидуальной артезианской скважины					
Все домохозяйства	3,7	4,0	Все домохозяйства	10,8	13,5
В городской местности	1,5	1,9	В городской местности	7,5	12,1
В сельской местности	10,0	10,9	В сельской местности	13,1	14,5
Обеспечены водопроводом из колодца					
Все домохозяйства	4,5	2,7	Все домохозяйства	13,0	8,8
В городской местности	2,4	1,2	В городской местности	12,2	6,9
В сельской местности	10,6	7,5	В сельской местности	13,7	10,0
Водопровод отсутствует					
Все домохозяйства	7,9	3,7	Все домохозяйства	20,3	11,3
В городской местности	3,6	1,4	В городской местности	17,1	8,1
В сельской местности	20,4	10,9	В сельской местности	22,6	13,4
Всего					
Все домохозяйства	100,0	100,0	Все домохозяйства	100,0	100,0
В городской местности	100,0	100,0	В городской местности	100,0	100,0
В сельской местности	100,0	100,0	В сельской местности	100,0	100,0

Источник: составлено авторами по данным КОУЖ-2011, КОУЖ-2020.

допроводом из колодца стали пользоваться на 3 п.п. меньше домохозяйств.

Основной вклад в указанные изменения внесла реализация федеральных целевых программ «Социальное развитие села до 2013 г.» и «Устойчивое развитие сельских территорий на 2014–2017 гг. и на период до 2020 г.», в том числе благодаря которым произошло сокращение доли домохозяйств без водопровода с 7,9% до 3,7%, а в частном секторе — с 20,3% до 11,3%. Вместе с тем, в сельской местности жилые помещения 10,9% домохозяйств по-прежнему не оборудованы никакой водопроводной системой, а среди домохозяйств, проживающих в индивидуальных домах, этот показатель ещё выше и составляет 13,4%.

Вторым фактором улучшения ситуации с водоснабжением в последнее десятилетие стало развитие технологий и рынка услуг по обустройству индивидуальных скважин, а также расширение производства и импор-

та насосных станций и другого оборудования для установки в частных домах. Однако, качество поступающей воды пока оставляет желать лучшего [6; 7], так как, согласно КОУЖ-2020, только 37% сельских домохозяйств оценили качество воды как «хорошее», 14% оценили качество как «плохое», а 49% дали «удовлетворительную» оценку.

Вывод на российский рынок в последнее десятилетие широкого ассортимента зарубежных настенных и напольных газовых котлов по приемлемым ценам внёс значительный вклад в решение проблемы горячего водоснабжения домохозяйств. Так, в целом по стране доля домохозяйств с горячим водоснабжением от местных (индивидуальных) водонагревателей возросла с 23,8% до 34,1%, а в сельской местности этот рост был ещё более заметным — с 31,5% до 62,7% (табл. 2). В результате доля всех домохозяйств без горячего водоснабжения сократилась на 16 п.п.

Таблица 2

Обеспеченность горячим водоснабжением жилых помещений всех домохозяйств и домохозяйств в индивидуальных домах, в % от общего количества по каждой категории

Table 2

Types of domestic hot water supply systems by location of all households and households in individual houses, percentage in each category

Все домохозяйства в стране			Домохозяйства в индивидуальных домах		
	2011	2020		2011	2020
Центральное горячее водоснабжение					
Все домохозяйства	50,8	56,6	Все домохозяйства	1,1	1,1
В городской местности	65,0	70,6	В городской местности	1,9	1,4
В сельской местности	9,5	10,9	В сельской местности	0,5	0,9
Горячее водоснабжение от местных (индивидуальных) водонагревателей					
Все домохозяйства	23,8	34,1	Все домохозяйства	38,5	73,2
В городской местности	21,2	25,4	В городской местности	44,5	80,0
В сельской местности	31,5	62,7	В сельской местности	34,2	68,8
Горячее водоснабжение отсутствует					
Все домохозяйства	25,4	9,3	Все домохозяйства	60,4	25,7
В городской местности	13,9	4,0	В городской местности	53,7	18,7
В сельской местности	59,0	26,4	В сельской местности	65,3	30,3
Всего					
Все домохозяйства	100,0	100,0	Все домохозяйства	100,0	100,0
В городской местности	100,0	100,0	В городской местности	100,0	100,0
В сельской местности	100,0	100,0	В сельской местности	100,0	100,0

Источник: составлено авторами по данным КОУЖ-2011, КОУЖ-2020.

(с 25,4% до 9,3%), а в сельской местности — на 32,6 п.п. (с 59% до 26,4%).

В частном секторе, где домохозяйства с центральным горячим водоснабжением составляют около 1% как в городской, так и в сельской местности, доля домохозяйств с водоснабжением от индивидуальных водонагревателей синхронно выросла на 35 п.п. по стране в целом (с 38,5% до 73,2%), в городских (с 44,5% до 80,0%) и в сельских поселениях (с 34,2% до 68,8%). Как представляется, дальнейшее оснащение жилых помещений индивидуальными системами горячего водоснабжения будет осложнено ввиду ужесточения антироссийских санкций со стороны западных государств в 2022 г., в результате чего сократится предложение и ассортимент водонагревательных приборов, и возрастёт

их цена. Это тем более важно, что по результатам опроса КОУЖ-2020, 59% домохозяйств в целом и 62% в сельской местности, жилище которых не было обеспечено горячим водоснабжением, уже тогда не имели достаточно средств для приобретения и установки дома оборудования для горячего водоснабжения.

Обеспеченность жилых помещений системами водоотведения и современным туалетом

Как видно из табл. 3, несмотря на определённое улучшение ситуации в период 2011–2020 гг., в целом по стране менее 73% домохозяйств имеют центральную канализацию, в том числе 87,2% — в городской и 24,9% — в сельской местности.

Таблица 3

Обеспеченность водоотведением жилых помещений всех домохозяйств и домохозяйств в индивидуальных домах, в % от общего количества по каждой категории

Table 3

Types of wastewater collection systems by location of all households and households in individual houses, percentage in each category

Все домохозяйства в стране			Домохозяйства в индивидуальных домах		
	2011	2020		2011	2020
Центральная канализация					
Все домохозяйства	64,6	72,6	Все домохозяйства	9,0	11,3
В городской местности	81,3	87,2	В городской местности	11,8	19,8
В сельской местности	22,7	24,9	В сельской местности	7,2	5,8
Индивидуальная канализационная система (включая септик)					
Все домохозяйства	4,9	4,4	Все домохозяйства	12,0	13,2
В городской местности	3,4	2,3	В городской местности	14,4	13,7
В сельской местности	8,7	11,3	В сельской местности	10,4	12,8
Удаление сточных вод через систему труб в выгребные ямы и тому подобное					
Все домохозяйства	20,0	18,1	Все домохозяйства	52,4	59,5
В городской местности	10,2	8,7	В городской местности	50,2	55,5
В сельской местности	44,7	48,6	В сельской местности	53,8	62,1
Система канализации отсутствует					
Все домохозяйства	10,4	4,9	Все домохозяйства	26,7	15,9
В городской местности	5,1	1,8	В городской местности	23,6	11,0
В сельской местности	23,9	15,2	В сельской местности	28,6	19,2
Всего					
Все домохозяйства	100,0	100,0	Все домохозяйства	100,0	100,0
В городской местности	100,0	100,0	В городской местности	100,0	100,0
В сельской местности	100,0	100,0	В сельской местности	100,0	100,0

Источник: составлено авторами по данным КОУЖ-2011, КОУЖ-2020.

При этом адекватная альтернатива централизованной системе водоотведения — септик, имелся только у 4,4% домохозяйств (2,3% в городах и 11,3% на селе). В то же время почти 1/2 домохозяйств на селе и 18,1% от всех домохозяйств использовали устаревшую и потенциально более опасную с точки зрения санитарно-эпидемиологической обстановки систему отведения сточных вод с выгребными ямами. В частном секторе ситуация ещё хуже, так как система канализации полностью отсутствует у 15,9% домохозяйств по стране

в целом и у 19,2% домохозяйств в сельской местности, а водоотведение с выгребными ямами используют 59,5% всех домохозяйств в индивидуальных домах и 62,1% семей в сельских поселениях, причём доля такого вида канализации за 2011–2020 гг. увеличилась.

Аналогичным образом современный туалет отсутствует в жилищах 11,3% домохозяйств в целом по стране и 35,9% домохозяйств, проживающих в индивидуальных домах (табл. 4).

Таблица 4

Обеспеченность туалетом жилых помещений всех домохозяйств и домохозяйств в индивидуальных домах, в % от общего количества по каждой категории

Table 4

Types of toilets by location of all households and households in individual houses, percentage in each category

Все домохозяйства в стране			Домохозяйства в индивидуальных домах		
	2011	2020		2011	2020
Туалет в квартире/доме					
Все домохозяйства	75,9	88,8	Все домохозяйства	35,5	64,1
В городской местности	88,0	95,4	В городской местности	41,2	73,6
В сельской местности	45,3	67,0	В сельской местности	31,8	57,9
Туалет в местах общего пользования/в отдельном строении/в дворовой постройке					
Все домохозяйства	23,2	10,5	Все домохозяйства	62,3	33,6
В городской местности	11,5	4,1	В городской местности	57,1	24,2
В сельской местности	52,8	31,1	В сельской местности	65,6	39,8
Туалет отсутствует					
Все домохозяйства	0,9	0,8	Все домохозяйства	2,2	2,3
В городской местности	0,5	0,4	В городской местности	1,7	2,2
В сельской местности	1,9	1,9	В сельской местности	2,6	2,4
Всего					
Все домохозяйства	100,0	100,0	Все домохозяйства	100,0	100,0
В городской местности	100,0	100,0	В городской местности	100,0	100,0
В сельской местности	100,0	100,0	В сельской местности	100,0	100,0

Источник: составлено авторами по данным: КОУЖ-2011, КОУЖ-2020.

Данные за период 2011–2020 гг. позволяют сделать вывод о наличии положительной тенденции по увеличению доли сельских домохозяйств с туалетом внутри жилого помещения с 45,3% до 67% по всей стране и с 31,8% до 57,9% среди домохозяйств в частном секторе. Однако окончательное решение данной проблемы непосредственно связано с наличием канализации и водопровода, поэтому замедление темпов устройства современных систем водоснабжения и водоотведения будет задерживать и обустройство жилых

помещений современными туалетами (пока 2/5 домохозяйств в индивидуальных домах на селе лишены таких удобств).

Обеспеченность водопроводом на региональном уровне

В результате наших расчётов на основе данных КОУЖ-2020 доли домохозяйств, не обеспеченных водопроводом в российских регионах в сельской местности, можно выделить шесть основных групп субъектов РФ (табл. 5).

Таблица 5

Распределение регионов Российской Федерации по доле домохозяйств в сельской местности без водопровода, 2020 г.

Table 5

The distribution of regions of the Russian Federation by share of households in rural areas with no water supply systems in 2020

Доля домохозяйств без водопровода, %	Субъекты РФ в группе*	Отношение к среднему по регионам
12,59	В среднем по регионам РФ (без городов федерального значения)	1,0
0,00 11 регионов	Астраханская, Магаданская, Московская, Мурманская области, Камчатский край, Республика Ингушетия, Кабардино-Балкарская Республика, Республика Северная Осетия – Алания, Чеченская Республика, Ханты-Мансийский АО – Югра, Ямало-Ненецкий АО	0,0
0,46–5,98 24 региона	Кемеровская область, Краснодарский край, Республика Крым, Тамбовская, Калининградская, Владимирская области, Алтайский край, Сахалинская область, Ставропольский край, Пензенская, Ульяновская области, Республика Адыгея, Самарская, Рязанская области, Республика Татарстан, Калужская, Липецкая, Тульская области, Республика Марий Эл, Карачаево-Черкесская Республика, Белгородская, Кировская, Костромская, Свердловская области	0,004–0,50
7,40–13,00 18 регионов	Курская область, Пермский край, Оренбургская, Ростовская области, Республика Мордовия, Челябинская, Псковская, Новосибирская области, Удмуртская Республика, Воронежская, Нижегородская области, Республика Дагестан, Ярославская область, Республика Тыва, Брянская, Тверская, Орловская области, Республика Башкортостан	0,60–1,00
13,47–24,15 14 регионов	Волгоградская, Омская, Томская, Новгородская области, Республика Алтай, Вологодская область, Республика Хакасия, Чувашская Республика, Смоленская, Ивановская области, Ненецкий АО, Ленинградская область, Республика Коми, Красноярский край	1,1–1,95
25,46–48,68 10 регионов	Тюменская, Саратовская области, Республика Калмыкия, Приморский край, Чукотский АО, Амурская, Иркутская, Курганская области, Еврейская автономная область, Республика Бурятия	2,00–3,90
51,11–80,95 5 регионов	Архангельская область, Республика Карелия, Хабаровский край, Республика Саха (Якутия), Забайкальский край	4,00–6,43

* субъекты РФ расположены в таблице в порядке увеличения доли домохозяйств без водопровода.

Источник: рассчитано и составлено авторами по данным: КОУЖ-2020.

В первую группу входят 11 регионов, где среди участвовавших в опросе домохозяйств все были подключения к водопроводной системе. Вторую и третью группу образуют 24 и 18 регионов с низкими и средними показателями отсутствия в жилых помещениях водоснабжения (соответственно, до 6,0% домохозяйств и от 7,4% до 13,0%). Таким образом, в общей сложности в 42 регионах (больше половины, не считая Москву, Санкт-Петербург и Севастополь) доля домохозяйств без водопровода находится на уровне ниже среднего по стране и на сопоставимом со среднероссийским уровне (12,6%). Вместе с регионами со 100-процентным подключением домохозяйств к водопроводу, доля «благополучных» регионов составляет 65% от числа субъектов РФ с сельским населением.

В четвёртой группе субъектов РФ, где доля домохозяйств без водопровода в 1,1–2,0 раза выше среднего по России уровня, выделяется группа регионов Нечерноземья — Вологодская, Ивановская, Ленинградская, Новгородская и Смоленская области, Республика Коми и Чувашская Республика, а также Сибирского федерального округа — Омская и Томская области, Красноярский край, Республики Алтай и Хакасия. В пятой группе с долей домохозяйств без водопровода в 2–4 раза выше среднероссийского уровня преобладают сибирские и дальневосточные субъекты РФ — Амурская, Иркутская и Тюменская области, Еврейская автономная область, Приморский край, Республика Бурятия и Чукотский АО. Наконец, шестую группу, где доля домохозяйств без водопровода достигает 51–81%, формируют Архангельский край, Республика Карелия и Республика Саха (Якутия), края Забайкальский и Хабаровский. Данные три группы регионов можно рассматривать как адресаты третьей, второй и первой очереди программ по решению проблемы с водоснабжением и водоотведением местных домохозяйств.

Причины отставания сельских поселений в развитии водоснабжения и водоотведения

Можно выделить, как минимум, четыре причины недостаточного внима-

ния в РФ к инфраструктурным и другим социально-экономическим проблемам сельских территорий. Во-первых, это обусловлено тем, что в советское время государство уделяло первостепенное внимание благоустройству и выработке технологий для повышения эффективности ЖКХ в городах и посёлках городского типа [8; 9]. В сельской местности государство в первую очередь занималось созданием равных условий для населения в части здравоохранения, получения образования и обеспечения населения рабочими местами, тогда как вопросы по строительству жилья решались и финансировались большей частью местными жителями [2], а инфраструктурным обеспечением поселений занимались преимущественно совхозы и колхозы, причём последние имели значительную автономность из-за своей особой (колхозно-кооперативной) формы собственности. Соответственно, после закрытия большинства совхозов и колхозов в начале 1990-х гг. [3], ЖКХ на селе оказалось в определённой степени законсервированным на многие годы вперёд в состоянии на момент распада СССР. И только во второй половине 2000-х гг. и особенно в 2010-е гг. государство начало реализовывать в сельской местности масштабные инфраструктурные программы⁶.

Во-вторых, с нашей точки зрения, немалое влияние оказывает сложившаяся институциональная система управления, в рамках которой сельская тематика по факту не является приоритетной. Долгое время в структуре федеральных органов исполнительной власти (ФОИВ) РФ отсутствует профильное министерство или ведомство, ответственное за развитие инженерной инфраструктуры сельских территорий. Используя метод [10], можно оце-

⁶ Концепция устойчивого развития сельских территорий Российской Федерации на период до 2020 г. (утверждена распоряжением Правительства РФ от 30.11.2010 № 2136-р); Стратегия устойчивого развития сельских территорий Российской Федерации на период до 2030 г. (утверждена распоряжением Правительства РФ от 02.02.2015 № 151-р); Государственная программа Российской Федерации «Комплексное развитие сельских территорий» (утверждена постановлением Правительства РФ от 31.05.2019 № 696).

нить степень внимания Правительства РФ к проблематике сельских поселений. Так, тематика «Развитие сельских территорий» указана в качестве одной из 12-ти функций деятельности Правительства РФ по направлению (отрасли деятельности) «Сельское хозяйство. Продовольственный рынок», которое, в свою очередь, является одним из 22-х основных направлений работы ФОИВ России⁷. Таким образом, по оценке самого Правительства РФ тема развития сельских территорий занимает примерно 0,4% его внимания и является одной из 177 функций Правительства РФ. В качестве ответственных ФОИВ по данной функции указаны три министерства — Министерство сельского хозяйства, Министерство культуры и Министерство транспорта РФ, при этом, в положениях о Министерстве культуры и Министерстве транспорта РФ ответственность за развитие сельских территорий в пределах компетенции этих министерств прямо не прописана. В результате фактически за всю сельскую местность России отвечает одно структурное подразделение Министерства сельского хозяйства РФ — департамент развития сельских территорий⁸.

В-третьих, почти вся терминология по ЖКХ, жилищному строительству и жилищной политике, используемая в официальных документах, относится, прежде всего, к городам/городской местности. Это видно, например, по направлению работы Правительства РФ «Жильё и городская среда. Строительство»⁹. В свою очередь, «Стратегия развития ЖКХ в Российской Федерации на период до 2020 года» не включала каких-либо мероприятий по модернизации ЖКХ в сельских поселениях. Аналогичным образом в «Стратегии раз-

вития жилищной сферы Российской Федерации на период до 2025 года» и в «Национальном проекте «Жильё и городская среда», реализуемом с 2018 г. Министерством строительства и жилищно-коммунального хозяйства РФ и финансовым институтом развития в жилищной сфере «ДОМ.РФ», сельские территории вообще не упоминаются¹⁰. Также и в уставе «ДОМ.РФ» сельские территории отдельно не прописаны в качестве одной из задач деятельности этого общества, хотя «ДОМ.РФ» и принимает участие в программе «сельской ипотеки»¹¹.

В-четвёртых, на недостаточное внимание к вопросам ЖКХ на селе влияет и тот факт, что в сельской местности более 72% домохозяйств живут в индивидуальных домах, построенных как правило на участках, находящихся в частной собственности. Поэтому вопросы развития ЖКХ на селе в рамках перевода работы российских государственных и муниципальных органов власти в формат оказания услуг населению и в условиях дефицита финансовых ресурсов вполне логично не являлись приоритетными (ответственность за водоснабжение и водоотведение на частных земельных участках формально перекладывалась на их владельцев). На это также повлияло увеличение количества и удлинение бюрократических процедур внутри самого госаппарата¹².

⁷ Сельское хозяйство. Продовольственный рынок // Правительство РФ: [сайт]. — URL: <http://government.ru/rugovclassifier/section/2213/> (дата обращения: 30.09.2022).

⁸ Положение о Департаменте развития сельских территорий (Приложение к Приказу Минсельхоза России от 3 мая 2018 г. № 191). — URL: <https://mcx.gov.ru/upload/iblock/fb3/fb3964178fe63ca89979ef7788551f59.pdf> (дата обращения: 04.10.2022).

⁹ Жильё и городская среда. Строительство // Правительство РФ: [сайт]. — URL: <http://government.ru/rugovclassifier/section/2439/> (дата обращения: 30.09.2022).

¹⁰ Стратегия развития жилищной сферы Российской Федерации на период до 2025 года // Минстрой России, ДОМ.РФ, 2017: [сайт]. — URL: <https://www.minstroyrf.gov.ru/upload/iblock/ec7/Strategiya-zhilishchnoi-sfery.pdf> (дата обращения: 23.08.2022); Паспорт национального проекта «Жильё и городская среда» (утверждён Президиумом Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и национальным проектам (протокол от 24 декабря 2018 г. № 16)).

¹¹ Устав акционерного общества «ДОМ.РФ» (редакция 12) (утверждён распоряжением Росимущества о решениях внеочередного общего собрания акционеров АО «ДОМ.РФ» от 9 сентября 2019 г. № 575-р).

¹² Например, в Омской области в постсоветское время (1992–2019 гг.) количество пробуренных ежегодно водяных скважин для водоснабжения сельских поселений уменьшилось в 12–14 раз в сравнении с 1991 г., когда этим вопросом централизованно занималось государство. Чтобы в настоящее время пробурить водяную скважину с соблюдением всех положений действующих нормативных актов муниципальным образованиям необходимо пройти процедуры, занимающие по времени 1–2 года [11, с. 2–5].

Предложения по развитию систем водоснабжения и водоотведения в сельской местности

Для ускорения решения рассмотренных в работе проблем можно предложить следующее.

1. Необходимо поднять статус сельских территорий в институциональной структуре органов государственной власти РФ и определить орган федеральной власти, который будет отвечать за развитие инфраструктуры сельских поселений.

2. Желательно пересмотреть практику отделения понятий «жилищно-коммунальное хозяйство», «жилищное строительство», «жилищная политика» от сельских территорий, и включить сельские поселения в стратегические документы по данным направлениям.

3. Имеет смысл запустить программу оказания адресной помощи домохозяйствам, у которых нет достаточно средств для установления дома водонагревательного прибора, но имеются технические возможности для этого, с целью скорей-

шего обеспечения этих домохозяйств горячим водоснабжением.

4. При осуществлении новой застройки в сельской местности (большой частью индивидуальными застройщиками) следует заранее предусматривать создание систем централизованного (группового, поселкового) водоснабжения и водоотведения в соответствии с документами территориального планирования и с учётом схем энергоснабжения и газоснабжения.

5. Необходимо провести инвентаризацию сельских поселений, где отсутствует централизованное водоснабжение и водоотведение, и разработать программу по созданию централизованных локальных или групповых систем водоснабжения из местных скважин или других источников воды и, при возможности, централизованных канализационных систем. В качестве приоритетов реализации программы на региональном уровне можно использовать группировку регионов РФ, представленную в табл. 5, начав с группы из пяти регионов с максимальной долей домохозяйств без водопровода в настоящее время.

Литература и Интернет-источники

1. **Шнейдерман, И. М.** Развитие малоэтажного жилья и его роль в повышении качества жизни населения / И. М. Шнейдерман // Народонаселение. — 2013. — № 3(61). — С. 59–67. EDN: RCOFVФ
2. **Пилипенко, И. В.** Динамика жилищного строительства в республиках СССР в 1920–1980-е гг. / И. В. Пилипенко // Историко-экономические исследования. — 2021. — № 4. — Т. 22. — С. 567–595. DOI: 10.17150/2308-2488.2021.22(4).567-595; EDN: RFTOSC
3. **Шутьков, А. А.** Структурные преобразования в аграрном секторе экономики: этапы, результаты, проблемы / А. А. Шутьков, А. Б. Ярлыкапов, С. А. Шутьков // Экономика и управление: проблемы: решения. — 2017. — № 8. — Т. 1. — С. 26–33. EDN: ZTEAWT
4. **Локосов, В. В.** Социология радикальных изменений: трансформация российского общества в 1987–2020 годах / В. В. Локосов. — Москва : ФНИСЦ РАН, 2022. — 552 с. EDN: WMPHWZ
5. **Шнейдерман, И. М.** Проблема обезлюдивания сельских территорий / И. М. Шнейдерман, А. К. Гузанова // Сбережение населения России: здоровье, занятость, уровень и качество жизни. Материалы IV Римашевских чтений (Москва, 30 марта 2021 г.) / отв. ред. В. В. Локосов, В. Г. Доброхлеб, М. В. Беликова. — Москва : ФНИСЦ РАН, 2021. — С. 43–46. EDN: OLFQFK
6. **Дротовозова, Т. И.** Научные основы повышения качества воды и экологической безопасности систем водоснабжения сельских поселений: дис. ... д.тех.н. по специальности 25.00.36 / Дротовозова Татьяна Ильинична. — Санкт-Петербург, 2009. — 322 с. EDN: QEEMUN
7. **Кулакова, Е. С.** Технологические основы экологизации и рационализации систем водоснабжения малых сельских поселений: дис. ... к.тех.н. по специальности 05.23.04 / Кулакова Екатерина Сергеевна. — Новочеркасск, 2010. — 192 с. EDN: QBFBIJ
8. **Абрамов, Н. Н.** Водоснабжение. Изд. 2-е, перераб. и доп. / Н. Н. Абрамов. — Москва : Стройиздат, 1974. — 480 с.

9. **Конюшков, А. М.** Водоснабжение и канализация. 2-е изд., испр. / А. М. Конюшков, С. В. Яковлев. — Москва : Госстройиздат, 1960. — 535 с.
10. **Пилипенко, И. В.** Влияние Евразийской интеграции на институциональную структуру экономики России / И. В. Пилипенко // Экономика и управление: проблемы, решения. — 2019. — Т. 11(86). — № 2. — С. 3–45. EDN: XDGHKN
11. **Кондратьева, Т. Л.** Сохранение фонда водяных скважин как один из способов качественного водоснабжения сельских населённых пунктов и сельскохозяйственных предприятий / Т. Л. Кондратьева, В. В. Попова // Научный журнал Российского НИИ проблем мелиорации. — 2020. — № 3(39). — С. 207–223. EDN: GAEDOY

Сведения об авторах:

Шнейдерман Инна Моисеевна, к.э.н., зав. лабораторией, Институт социально-экономических проблем народонаселения имени Н. М. Римашевской Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: schneiderman@isesp-ras.ru, ORCID: 0000-0002-4507-8464; Researcher ID Web of Science: B-1978-2017; РИНЦ AuthorID: 653903.

Пилипенко Игорь Валерьевич, к.геогр.н., ведущий научный сотрудник, Институт социально-экономических проблем народонаселения имени Н. М. Римашевской Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: i-pilipenko@yandex.ru, ORCID: 0000-0002-8108-7253; РИНЦ AuthorID: 133285.

DOI: 10.19181/population.2023.26.1.12

UPGRADING WATER SUPPLY AND WASTEWATER COLLECTION SYSTEMS IN RURAL AREAS AS A WAY TO IMPROVE QUALITY OF LIFE OF THE POPULATION OF RUSSIA

Inna M. Schneiderman*, Igor V. Pilipenko

*Institute of Socio-Economic Studies of Population of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences
(32 Nakhimovsky prospect, Moscow, Russian Federation, 117218)*

*E-mail: schneiderman@isesp-ras.ru

For citation:

Schneiderman I. M., Pilipenko I. V. Upgrading water supply and wastewater collection systems in rural areas as a way to improve quality of life of the population of Russia. *Narodonaselenie [Population]*. 2022. Vol. 26. No. 1. P. 147-159. DOI: 10.19181/population.2023.26.1.12 (in Russ.)

Abstract. *This article pinpoints the problem of no modern water supply and sewage systems in homes of ca. 22–24 million people in the Russian Federation residing in the countryside nowadays. As a statistical database, the authors use the results of the Rosstat surveys entitled “The Comprehensive monitoring of the living conditions of the population” that were conducted in 2011 and 2020. We analyze the data on cold and hot water supply systems, sewage systems and toilets in homes of households across the country in general, in rural areas and in individual houses (the private sector). The article reveals that there are no modern types of sewage systems in homes of almost two-thirds of households, whereas modern toilet is not installed in one-third, hot water supply—in 26 per cent, and cold water supply system—in homes of 11 per cent of households in rural areas. When considering individual houses in rural settlements the situation is even worse, and the numbers reach 81 per cent, 42 per cent, 30 per cent and 13 per cent respectively. Six groups of regions of the*

Russian Federation are distinguished by the share of households that do not have access to any water supply system in their homes. Subsequently, we define four reasons why rural areas have been consistently lagging behind cities and towns in terms of infrastructural development, including the decline of local Soviet-era agricultural enterprises (kolkhozes and sovkhozes) in the beginning of the 1990s and the development of rural territories as a generally low priority topic for the Federal executive bodies. The other two reasons are the virtual disconnection of rural territories from the state policies in the area of housing construction and utilities and the insufficient compatibility of the current model of providing state and municipal services to the population living mostly in individual houses on private land under the conditions of shortage of financial resources. In conclusion, we propose a set of measures aimed at boosting resolution of the ongoing problems with universal access to modern water supply and sewage systems in rural areas of the Russian Federation.

Keywords: water supply, water pipeline, wastewater collection, sewage system, rural area, rural settlement, quality of life, individual house, Russian Federation.

References and Internet sources

1. Schneiderman I.M. Razvitiye maloetazhnogo zhil'ya i yego rol' v povyshenii kachestva zhizni naseleniya [Development of low-rise housing and its role in raising the quality of life of population]. *Narodonaselenie [Population]*. 2013. No. 3(61). P. 59–67. (in Russ.)
2. Pilipenko I.V. Dinamika zhilishchnogo stroitel'stva v respublikakh SSSR v 1920–1980-e gg. [The dynamics of the housing construction in the republics of the USSR in the 1920s-1980s]. *Istoriko-ekonomicheskiye issledovaniya [Journal of Economic History & History of Economics]*. 2021. No. 4. Vol. 22. P. 567–595. DOI: 10.17150/2308–2488.2021.22(4).567–595 (in Russ.)
3. Shutkov A.A., Yarlykapov A.B., Shutkov S.A. Strukturnyye preobrazovaniya v agrarnom sektore ekonomiki: etapy, rezul'taty, problemy [Structural transformation in the agricultural sector of the economy: stages, results and problems]. *Ekonomika i upravleniye: problemy: resheniya [Economics and Management: Problems, Solutions]*. 2017. No. 8. Vol. 1. P. 26–35. (in Russ.)
4. Lokosov V.V. Sotsiologiya radikal'nykh izmeneniy: transformatsiya rossiyskogo obshchestva v 1987–2020 godakh [Sociology of Radical changes: Transformation of the Russian Society in 1987–2020]. Moscow. FNISTS RAN [Federal Center of Theoretical and Practical Sociology RAS]. 2022. 552 p. (in Russ.)
5. Schneiderman I.M., Guzanova A.K. Problema obezlyudivaniya sel'skikh territoriy [The problem of depopulation of rural areas]. *Sberezheniye naseleniya Rossii: zdorov'ye, zanyatost', uroven' i kachestvo zhizni [Saving Russia's Population: Health, Employment, Standard and Quality of Life]*. Proceedings of the IV Rimashevskaya Readings. Ed. by V.V. Lokosov, V.G. Dobrokhleb, M.V. Belikova. Moscow. FNISTS RAN [Federal Center of Theoretical and Practical Sociology RAS]. 2021. P. 43–46. (in Russ.)
6. Drovovozova T.I. Nauchnyye osnovy povysheniya kachestva vody i ekologicheskoy bezopasnosti sistem vodosnabzheniya sel'skikh poseleniy [Scientific Foundations of Improving the Quality of Water and Ecological safety of water Supply systems in Rural Settlements]. Diss. for Doctor of Technical Sciences. Saint-Petersburg. 2009. 322 p. (in Russ.)
7. Kulakova E.S. Tekhnologicheskkiye osnovy ekologizatsii i ratsionalizatsii sistem vodosnabzheniya malykh sel'skikh poseleniy [Technological Foundations of Ecologisation and Rationalisation of Water Supply Systems in Small Rural Settlements]. Diss. for Candidate of Technical Sciences. Novocherkassk. 2010. 192 p. (in Russ.)
8. Abramov N.N. *Vodosnabzheniye [Water Supply]*. 2nd edition, revised and expanded. Moscow. Stroyizdat. 1974. 480 p. (in Russ.)
9. Konyushkov A.M., Yakovlev S.V. *Vodosnabzheniye i kanalizatsiya [Water Supply and Sewage System]*. 2nd edition, revised. Moscow. Gosstroyizdat. 1960. 535 p. (in Russ.)

10. Pilipenko I. V. Vliyaniye Evraziyskoy integratsii na institutsional'nyu strukturu ekonomiki Rossii [The impact of Eurasian integration on the institutional structure of the economy of Russia]. *Ekonomika i upravleniye: problemy: resheniya* [Economics and Management: Problems, Solutions]. 2019. No. 2. Vol. 11 (86). P. 3–45.
11. Kondratyeva T. L., Popova V. V. Sokhraneniye fonda vodyanykh skvazhin kak odin iz sposobov kachestvennogo vodosnabzheniya sel'skikh naselennykh punktov i sel'skokhozyaystvennykh predpriyatiy [Water well fund preservation as one of the ways of qualitative water supply of rural communities and agricultural enterprises]. *Nauchnyy zhurnal Rossiyskogo NII problem melioratsii* [Scientific Journal of Russian Scientific Research Institute of Land Improvement Problems]. 2020. No. 3 (39). P. 207–223.

Information about the authors:

Schneiderman Inna Moiseevna, Candidate of Economics, Head of Laboratory, Institute of Socio-Economic Studies of Population of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: schneiderman@isesp-ras.ru, ORCID: 0000–0002–4507–8464; Researcher ID Web of Science: B-1978–2017; Elibrary AuthorID: 653903.

Pilipenko Igor Valeryevich, Candidate of Geography, Leading Researcher, Institute of Socio-Economic Studies of Population of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: i-pilipenko@yandex.ru, ORCID: 0000–0002–8108–7253; Elibrary AuthorID: 133285.

Статья поступила в редакцию 05.11.2022, одобрена 15.02.2023, опубликована 30.03.2023.

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ПАНДЕМИИ

DOI: 10.19181/population.2023.26.1.13
EDN: TDROFW

ГОТОВНОСТЬ РЕГИОНОВ РОССИИ К ПАНДЕМИИ COVID-19 НА ОСНОВЕ ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ УСТОЙЧИВОСТИ И РАЗВИТИЯ СИСТЕМЫ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ

Руднева О. С.*, Соколов А. А.

Институт степи Уральского отделения РАН
(460000, Россия, Оренбург, ул. Пионерская, 11)

*E-mail: Ksen1909@mail.ru

Финансирование:

Исследование выполнено при финансовой поддержке РАН в рамках проекта АААА-А21-121011190016-1.

Для цитирования:

Руднева О. С., Соколов А. А. Готовность регионов России к пандемии COVID-19 на основе демографической устойчивости и развития системы здравоохранения // Народонаселение. – 2023. – Т. 26. – № 1. – С. 160-171. DOI: 10.19181/population.2023.26.1.13; EDN: TDROFW

Аннотация. Оценка готовности регионов к возникновению критических ситуаций в современных условиях является актуальным направлением исследований. Цель исследования — выделение основных факторов, определяющих современное состояние социально-демографической системы населения и предпосылки его изменения под влиянием негативных процессов. Для формирования объективной картины сложившейся ситуации выделено два направления: потенциал (состояние системы здравоохранения региона) и демографическая устойчивость (риски снижения численности населения), на основании которых рассчитаны комплексные интегральные индексы и проведено ранжирование регионов. Специфика авторского подхода к анализу состоит в комплексном использовании демографических индикаторов, показателей заболеваемости и функционировании системы здравоохранения. В результате анализа выявлено, что в регионах сложилась неоднозначная ситуация. По оценке демографической устойчивости, лучшими стали республики Северного Кавказа, но также здесь отмечается самый низкий уровень развития системы здравоохранения. Противоположная ситуация наблюдается в регионах Дальнего Востока (Сахалинская область, Еврейская АО и Чукотский АО) — при высоких показателях потенциала системы здравоохранения отмечаются высокие демографические риски. Глубина последствий пандемии отразилась в виде избыточной смертности. В первый год регионы Северного Кавказа стали лидерами по темпам роста смертности — республики Чеченская (на 44%), Дагестан (на 32%) и Ингушетия (на 27%). Наиболее устойчивыми оказались республики Адыгея и Бурятия, город Севастополь — избыточная смертность не превышала 6%. На второй год активное увеличение смертности коснулось уже всех регионов, за исключением Республики Тыва и Чукотского АО, где самые низкие доли населения старше трудоспособного возраста. Предложенная концепция двухстороннего исследования регионов позволит проследить в динамике основные проблемные места и даст возможность предотвратить последствия других возможных форс-мажоров.

Ключевые слова: пандемия, демографическая устойчивость, потенциал системы здравоохранения, избыточная смертность, российские регионы, COVID-19.

© Руднева О. С., Соколов А. А., 2023.

Введение

В 2020 г. Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ) объявила о пандемии COVID-19¹. Ещё в 2019 г. Университет Джона Хопкинса в журнале «The Economist» опубликовал рейтинг стран по устойчивости к воздействию эпидемий по группам направлений — предотвращение, выявление, быстрота реакции государства, состояние здравоохранения, соответствие международным нормам, экономические, социальные и другие риски². Лидерами стали США, Великобритания и Нидерланды. Средняя оценка по миру составила 40,2 балла (при максимальных 100), в развитых странах — 51,9 балла. Россия в этом рейтинге заняла 63 место из 195 (44,3 балла) между Коста-Рикой и Сальвадором. Но после начала пандемии COVID-19 активное развитие заболевания и увеличение летальности показали, что национальные системы здравоохранения даже экономически развитых стран оказались не готовы к пандемии [1].

Пандемия COVID-19 вызвала мировой демографический кризис, последствия которого прервали естественный процесс роста продолжительности жизни и снижения смертности в большинстве стран, в том числе и в России [2]. Предотвращение активного распространения заболевания и минимизация последствий пандемии возможна не только функционированием системы обеспечения здравоохранения населения страны, но и способностью её трансформации в самом процессе течения заболевания. Также важным аспектом является признание серьёзности угрозы со стороны ведущих политических и социальных акторов для обеспечения своевременного принятия мер в необходимом объёме.

Актуальной является проблема выявление слабых мест в системе здравоохранения и оценка предрасположенности

к повышенной летальности в состоянии общественного здоровья населения. Учёными ведётся изучение факторов, влияющих на здоровье населения, распространение заболеваний и устойчивость систем здравоохранения [3;4]. ВОЗ установлено, что «все основные детерминанты здоровья связаны с социально-экономическими факторами. Связь между состоянием здоровья и занятостью, социальной защитой, жилищными условиями, уровнем доходов и образованием чётко прослеживается во всех европейских странах»³. Готовность государств и регионов к форс-мажорам и преодоление возникших проблем определяет уровень устойчивости общественного здоровья населения территорий и способность экономики для поддержки этого в период повышенной нагрузки [5;6].

Демографическая ситуация в России в пандемию COVID-19

В условиях России динамика численности населения служит косвенным маркером состояния страны — экономики и социального благополучия. Большие опасения вызывали цифры 1990-х гг. — шло активное снижение численности населения в связи с резко возросшей смертностью. Минимальная ожидаемая продолжительность жизни (общая) в 1994 г. достигла 63,9 лет (мужская — 57,5 лет). С 1995 по 2006 г. естественная убыль варьировала от 950 тыс. до 680 тыс. человек ежегодно. В 2013–2015 гг. наблюдался небольшой естественный прирост населения. Относительная стабилизация демографической ситуации в связи с переходом российских семей на малодетность, увеличения возраста вступления в брак и рождения первого ребёнка при снижении уровня смертности наблюдалась в виде отсутствия резкой депопуляции. Но в связи с пандемией уже за 2020 г. естественная убыль достигла 702 тыс. человек, что пре-

¹ WHO Director-General's opening remarks at the media briefing on COVID-19—11 March 2020—URL: <https://www.who.int/ru/director-general/speeches/detail/who-director-general-s-opening-remarks-at-the-media-briefing-on-covid-19--11-march-2020> (дата обращения: 19.05.2022).

² Global Health Security Index.—URL: <https://www.ghsindex.org/wp-content/uploads/2019/10/2019-Global-Health-Security-Index.pdf> (дата обращения: 24.05.2022).

³ Доклад о состоянии здравоохранения в Европе в 2002 году на 52 сессии Европейского регионального комитета ВОЗ, сентябрь 2002 года.—URL: <http://www.euro.who.int/document/e87325r.pdf> (дата обращения: 07.06.2022).

вышло аналогичный показатель 2019 г. в 2,27 раза. Численность населения сократилась на 0,4% (577 тыс. человек) относительно 2019 г., в котором этот показатель составил 0,02% (32 тыс. человек). Смертность в 2020 г. увеличилась на 18% (323 тыс. человек) относительно показателя 2019 г. и 14,8% (274 тыс. человек) относительно среднего за пятилетний период. По данным Росстата, в 2020 г. зарегистрировали 116,9 тыс. человек умерших с основным диагнозом COVID-19 (5,5% от общей смертности), в 2021 г. этот показатель увеличился до 446,9 тыс. человек (18,3% от общей смертности). Также возросла доля смертности от заболеваний сердечно-сосудистых, пневмонии, эндокринной системы и хронических.

Прямо или косвенно избыточная смертность 2020 и 2021 гг. определяется пандемией COVID-19. Это не только непосредственно заболевшие, когда COVID-19 стал основной причиной смерти, а также обострил хронические заболевания, повлёкшие смерть. В виду резко возросшей нагрузкой на лечебные учреждения была ограничена плановая медпомощь по прочим заболеваниям. Массовое преобразование стационаров и медицинских центров в инфекционные больницы и ограничение оказания плановой медпомощи привели к резкому сокращению доступности медицинской помощи, по крайней мере, в начале пандемии [7]. Население из-за пандемических ограничений сокращало посещение лечебных учреждений из-за опасения заразиться. Помимо этого, COVID-19 влияет на течение других заболеваний, ухудшает здоровье и качество жизни переболевших в дальнейшем, что скажется на смертности в последующие годы. Согласно социологическим исследованиям IPSOS в 2020 г. 34% россиян считали, что состояние медицины в стране не удовлетворительное и вызывает опасение, в то время как COVID-19 беспокоил только 20% опрошенных⁴. Фонд «Обществен-

ное мнение» провёл аналогичное исследование и выявил, что для 49% опрошенных уровень системы здравоохранения не отвечает их нуждам, полностью удовлетворены только 10%⁵.

Готовность регионов России к пандемии

В регионах России распространение пандемии происходило по-разному. Согласно исследованиям, наиболее значимыми факторами для распространения стали показатели плотности населения, наличие крупных городов, активный миграционный поток [8]. Выявлено активное распространение заболеваемости из экономически развитых регионов, таких как Москва и Московская область, в периферийные менее развитые территории [9; 10]. Также выделено ещё два очага распространения вируса — Сибирь (с высокой плотностью вахтовых поселений и активной трудовой миграцией) и Северный Кавказ (с высоким уровнем семейно-общинных контактов и разреженной сетью учреждений здравоохранения) [11].

Пандемия COVID-19 оказала значительное влияние на рост смертности в стране, нарушив продолжительный процесс её снижения в предыдущие годы. Проблематика высокой смертности в России определяет важность изучения факторов, формирующих современное состояние социально-демографической системы населения и предпосылки его изменения в будущем под влиянием негативных процессов, в том числе текущей пандемией. В виду большой протяжённости страны, различиями в плотности заселения территорий и степени контактности регионов с другими государствами распространение COVID-19 происходило неравномерно. В тоже время сами регионы различаются по уровню экономического развития и составу населения.

Определение готовности регионов к пандемии и глубины последствий про-

⁴ What Worries the World?: COVID-19 is the biggest concern for the sixth successive month. — URL: <https://www.ipsos.com/en/what-worries-world-september-2020> (дата обращения: 08.06.2022).

⁵ Работа системы здравоохранения во время эпидемии коронавируса. — URL: <https://fom.ru/Zdorove-i-medsina/14425> (дата обращения: 08.06.2022).

ведено на основе исследования уровня общественного здоровья и системы здравоохранения. Для формирования объективной картины сложившейся ситуации в регионах выделено два направления: потенциал (состояние системы здравоохранения региона) и демографическая устойчивость (уровень угрозы снижения численности населения). Для блока «демографическая устойчивость» отобраны следующие показатели: общий коэффициент смертности (общий, мужчин и женщин), коэффициент младенческой смертности, смертность от внешних причин, ожидаемая продолжительность жизни (общий, мужчин и женщин), первичная и общая заболеваемость, заболеваемость социально-значимыми диагнозами (активный туберкулёз, алкоголизм, наркомания), инвалидность. Для блока «потенциал» — обеспеченность врачами, густота распространения ФАПов на селе (число ФАПов на 1 тыс. сельских жителей), мощность амбулаторно-поликлинических организаций (число посещений на 10 тыс. человек) и коечный фонд

(число коек на 10 тыс. человек). Специфика авторского подхода к анализу состоит в комплексном использовании демографических индикаторов, показателей заболеваемости и функционировании системы здравоохранения. Это способствует равноуровневой оценке состояния населения и выявлению «слабых» точек. Расчёты проводились по средним показателям за 5 лет (2015–2019 гг.). Эмпирической базой стали данные Росстата⁶. Для компонентов каждого блока показателей рассчитываются частные индексы по формуле:

$$I_i = \frac{X_i - X_{min}}{X_{max} - X_{min}}, \quad (1)$$

⁶ Демографический ежегодник России. 2021. Стат. сб. / Росстат. — Москва, 2021. — 256 с.; Здравоохранение в России. 2021. Стат. сб. / Росстат. — Москва, 2021. — 171 с.; Регионы России. Социально-экономические показатели. 2020. Стат. сб. / Росстат. Москва, 2020. — 1242 с.; Социальное положение и уровень жизни населения России. 2021. Стат. сб. / Росстат. — Москва, 2021. — 373 с.

Рис. 1. Распределение регионов по уровню демографической устойчивости: 1 — очень высокий риск; 2 — высокий риск; 3 — средний риск; 4 — низкий риск

Fig. 1. Distribution of regions according to the level of demographic sustainability: 1 — very high risk; 2 — high risk; 3 — medium risk; 4 — low risk

Источник: рассчитано авторами на основе данных Росстата.

Итоговые индексы «устойчивости» и «потенциала» рассчитываются как среднеарифметическая сумма значений всех входящих в блок компонентов. Далее было проведено ранжирование регионов. Согласно расчётам, наиболее высокий уровень демографической устойчивости сло-

жился в кавказских республиках, Москве и Краснодарском крае (рис. 1). Высоким потенциалом системы здравоохранения обладают Чукотский АО, Сахалинская область, Санкт-Петербург, Магаданская область и Республика Коми (рис. 2).

Рис. 2. Распределение регионов по уровню потенциала системы здравоохранения: 1 — очень низкий; 2 — низкий; 3 — средний; 4 — высокий

Fig. 2. Distribution of regions by the level of the health system potential: 1 — pts. low; 2 — low; 3 — medium; 4 — high

Источник: рассчитано авторами на основе данных Росстата.

В результате анализа выявлено, что в регионах сложилась неоднозначная ситуация. По оценке устойчивости лучшими стали кавказские республики: низкая смертность, высокая продолжительность жизни, невысокий уровень заболеваемости алкоголизмом и наркоманией. Но также здесь отмечается самый слабый уровень распространения учреждений здравоохранения и медицинского персонала. Противоположная ситуация наблюдается в отдалённых и слабозаселённых регионах Дальнего Востока (Сахалинская область, Еврейская АО, Чукотский АО): при высоких показателях потенциала системы здравоохранения устойчивость общественного здоровья низкая. Основу ра-

боты по предотвращению тяжёлых последствий пандемии в регионах составляют системы учреждений здравоохранения. Но их охват и оснащённость зависят от экономического потенциала, размеров территории и локализации населения. Также регионы различаются по уровню технической оснащённости, квалификации кадров и обустроенностью медицинских учреждений, что в свою очередь определяется экономическими возможностями субъектов [12].

В среднем по России расходы консолидированного бюджета на здравоохранение в 2019 г. составили 7,95 тыс. рублей на человека, но только в 10 регионах этот показатель превышал среднероссий-

ский. Лидером стали Сахалинская область (23,2 тыс. рублей), Москва (20,7 тыс. рублей) и Санкт-Петербург (18,2 тыс. рублей). Эти регионы располагают значительными объёмами бюджетов и доли бюджетов, выделяемой на социальное обеспечение

выше среднероссийского уровня. Менее 3 тыс. рублей на жителя обеспечено здравоохранение в Республике Саха (Якутия), Кировской области, Республиках Ингушетия и Марий Эл (рис. 3).

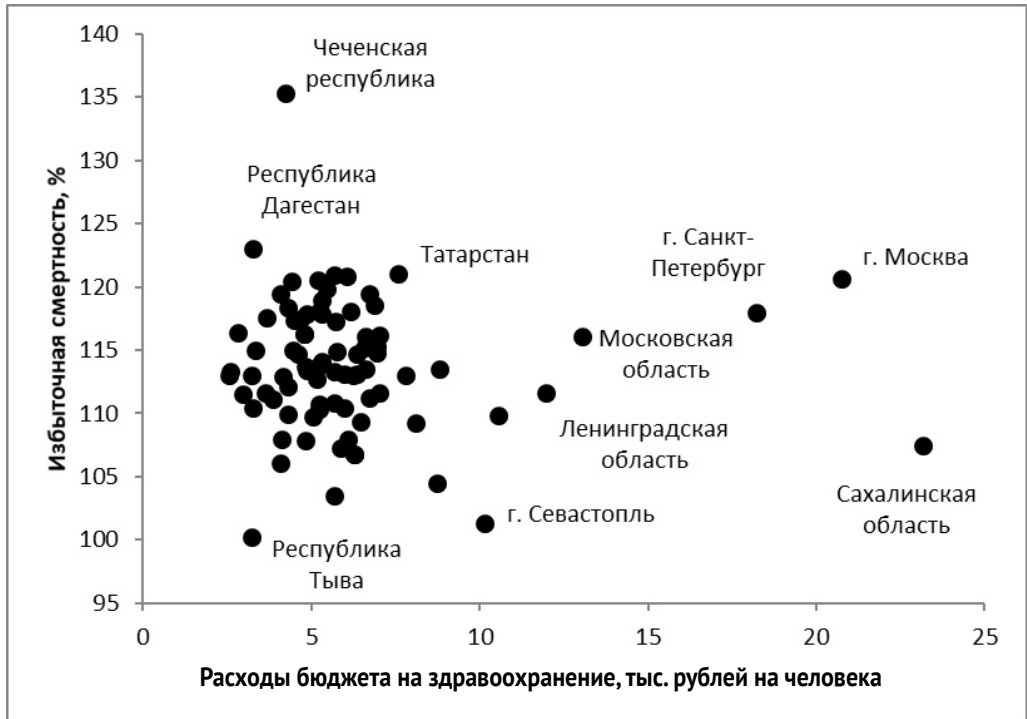

Рис. 3. Распределение регионов по уровню избыточной смертности и обеспеченности здравоохранения средствами бюджета

Fig. 3. Distribution of regions by the level of excess mortality and provision of healthcare with budget funds

Источник: составлено авторами на основе расчётов по данным Росстата.

По регионам также варьирует и эффективность использования средств. В Сахалинской области, несмотря на высокие расходы на здравоохранение, высоки и риски для общественного здоровья (низкая продолжительность жизни мужчин (63,9 лет при российской 67,1 лет) и высокий уровень смертности от внешних причин (206 случаев на 1000 жителей при российском показателе 127). В большинстве регионов с низким уровнем демографи-

ческой устойчивости расходы на здравоохранение не превышают 7 тыс. рублей на человека.

Лидерами по уровню потенциала системы здравоохранения стали Чукотский АО, Сахалинская область, город Санкт-Петербург, Магаданская область и Республика Коми. Но в тоже время это не способствовало повышенной демографической устойчивости. Чукотский АО оказался последним в ранжировании, в регионе самая

высокая младенческая смертность, уровень заболеваемости, в том числе и алкоголизмом, и самая низкая ожидаемая продолжительность жизни. Такой дисбаланс характеризует низкое качество медицинской помощи при относительно высоком охвате населения учреждениями и наличию кадров. Система здравоохранения испытывает напряжение по основным позициям — износ зданий, недостаток кадров, отсутствие узких специалистов и высокотехнологического оборудования.

Одна из проблем современной системы здравоохранения в регионах России — экстенсивный подход, приводящий к наличию большого числа невысоко квалифицированных медицинских кадров при ограниченном применении высокотехнологического оборудования и препаратов. Для более эффективного лечения и предотвращения заболеваний необходимо технологическое и кадровое переоснащение [13].

Избыточная смертность в российских регионах

Устойчивость социо-демографических систем в пандемию можно оценить по уровню избыточной смертности. В 2020 г. общая смертность в России составила 2,1 млн человек (14,5‰), на второй год пандемии — 2,4 млн человек (16,7‰). В сравнении с 2019 г. (12,3‰) смертность увеличилась на 17,8% в 2020 г. и на 35,8% в 2021 году. Аналогичная картина сложилась и на региональном уровне. Если в 2020 г. в большинстве регионов избыточная смертность не превышала 25% от показателя 2019 г., то в 2021 г. в 47-ми субъектах РФ смертность превысила показатель 2019 г. на 35% и более. При анализе избыточной смертности относительно среднегодового значения за пятилетний период также выявлено ухудшение показателя на второй год пандемии — в 55 регионах превышение составило более 30%. В исследовании используется показатель смертности от всех причин без выделения летальности от COVID-19, так как в начале пандемии были сложности в определении при-

чин смертности именно от коронавируса.

В первый год пандемии кавказские регионы стали лидерами по темпам роста смертности относительно показателя прошлого года — республики Чеченская (на 44%), Дагестан (на 32%) и Ингушетия (на 27%). Эти территории оказались наименее устойчивы для возросшей нагрузки на систему здравоохранения. Пандемия привела к наиболее резкому скачку показателя, осложнившись дефицитом мест в лечебных учреждениях и недостатком врачей. Наиболее устойчивыми оказались Адыгея (5,6%), Севастополь (6,1%) и Бурятия (6,3%). На второй год пандемии активное увеличение смертности коснулось уже всех регионов, за исключением Тывы и Чукотского АО, где самые низкие доли населения старше трудоспособного возраста, так как особенностью вируса COVID-19 является то, что он в большей степени поражает пожилых и людей с хроническими заболеваниями⁷. Определенно, не вся избыточная смертность напрямую связана с вирусом COVID-19, но пандемия обострила существующие проблемы в отрасли здравоохранения. В среднем по стране 24,4% избыточной смертности не было связано с COVID-19, на региональном уровне разброс значительный — в Ивановской области около 2%, а в Брянской области — 88% избыточных смертей вызваны не COVID-19 [14].

Одна из причин высокой избыточной смертности — активное распространение вируса началось с крупных городов, где наиболее высок уровень контакта с внешним миром, и плотно заселённых регионов, что не дало возможность быстро трансформировать систему здравоохранения на обеспечение помощи резко возрастающему числу пациентов, особенно в первые месяцы пандемии. Периферийные территории уже в силу своей ограниченности в уровне здравоохранения так-

⁷ Excess mortality: measuring the direct and indirect impact of COVID-19. Organisation for Economic Co-operation and Development. Health Working Paper No. 122. Director social affairs health committee. — URL: https://www.oecd-ilibrary.org/social-issues-migration-health/excess-mortality_c5dc0c50-en (дата обращения: 24.05.2022).

же не в полной мере смогли подготовиться к резкому скачку заболеваемости. Значительная часть лечебных учреждений была переведена в инфекционные госпитали, сократились объёмы медицинской помощи по прочим заболеваниям, что привело к увеличению летальности от них. Также большое влияние имел недостаток врачей. На увеличение показателей смертности в регионах оказывали влияние уровень здравоохранения, социально-экономические и демографические особенности, географическое положение, которые в разной степени являлись определяющими в зависимости от волн распространения пандемии. Также значительное влияние имели внутри региональные ограничения населения — изоляция, удалённый режим работы, карантины и пр., что также выделяло на местах различную эффективность предотвращения распространения негативных последствий [15].

Заключение

Пандемия обострила важнейшие демографические вызовы для России — высокая смертность и низкая продолжительность жизни. Демографические риски, вызванные депопуляционными процессами, особенно в слабозаселённых регионах, несут значительные отрицательные последствия для экономики, возрастает нагрузка на социальные статьи бюджетов разных уровней, увеличивается угроза социальной напряжённости.

В ходе исследования проведена кластеризация регионов по индексам демографической устойчивости и потенциала здравоохранения за пятилетний период, предшествующий пандемии. Определено, что в большинстве регионов (50) сложились высокие и очень высокие риски возникновения препятствий для демографического роста или сохранения народонаселения. В то же время только 21 регион характеризуется низким и очень низким потенциалом системы здравоохранения. В большинстве регионов (49) наблюдается средний уровень развития инфра-

структуры здравоохранения. Современная российская система здравоохранения не сталкивалась в сфере инфекционных заболеваний с вызовом такого масштаба, срочности и неопределённости. И в первый год отмечалась высокая избыточная смертность в регионах, где уровень развития инфраструктуры здравоохранения был слабее.

Данное исследование выявило точки напряжённости, сложившиеся как в силу многолетней региональной политики, так и в результате недоучёта региональной специфики. Если снижение демографического риска требует продолжительных комплексных реформ общественных институтов различных сфер, то увеличение потенциала системы здравоохранения возможно уже в течение нескольких лет. Необходимо усовершенствовать организацию и функционирование систем здравоохранения в регионах, где при высоком потенциале наблюдалась и высокая избыточная смертность. Основной критерий — доступность высокотехнологичной и специализированной помощи, это важно как для жителей сельской местности и слабозаселённых территорий, так и для крупных городов.

Проведённый анализ позволяет определить, какие именно последствия будут у принимаемых в период эпидемии решений в регионах в зависимости от их особенностей, чтобы направить необходимые ресурсы для снижения смертности населения. Результаты исследования готовности регионов к пандемии подчёркивают важность формирования предпосылок демографической устойчивости, снижения предотвратимых причин смертности и совершенствованию стратегий обеспечения систем общественного здравоохранения с целью предотвращения избыточной смертности населения в условиях обострения эпидемиологической ситуации. В приоритете развитие новых направлений исследований демографических процессов в условиях пандемии в контексте региональных особенностей. Принятие мер по предотвращению

последствий пандемии должно учитывать возрастную состав населения, этническую и религиозную специфику, миграционные процессы.

COVID-19 стал серьёзной проблемой для систем здравоохранения, выявив множество слабых мест — обеспеченность врачами и средним медицинским персоналом, отсутствие широкой сети лечебных учреждений в сельской местности и их пропускная способность в городах, а также и для региональной экономики — строгий локдаун, простой предприятий, сокра-

щение доходов. В тоже время пандемия способствовала выделению приоритета региональных и локальных институтов управления и принятия решений по снижению негативных последствий. С окончанием пандемии будет наблюдаться эффект снижения смертности за счет высокой преждевременной смертности в период острых фаз заболеваемости, особенно в старшем возврате. Но это не исправит низкий уровень демографической устойчивости и высокого риска депопуляции в большинстве российских регионов.

Литература и Интернет-источники

1. **Bouckaert, G.** European Coronationalism? A Hot Spot Governing a Pandemic Crisis/ G. Bouckaert, D. Galli, S. Kuhlmann // *Public Administration Review*. — 2020. — Vol. 80. — No. 5. — P. 765–773. DOI: 10.1111/puar.13242
2. **Кашенов, А. В.** Факторы и экономические последствия пандемии коронавируса / А. В. Кашенов // *Вестник Алтайской академии экономики и права*. — 2021. — № 2. — С. 38–45. DOI: 10.17513/vaael.1595; EDN: SBCMAP
3. **Crtmieux, P.** — Y. Health care spending as determinants of health outcomes / P.-Y. Crtmieux, P. Ouellette, C. Pilon // *Health Economics*. — 1999. — Vol. 8. — P. 627–639.
4. **Evans, R. G.** Producing health, consuming health care / R. G. Evans, G. L. Stoddart // *Social Science & Medicine*. — 1990. — No. 31(12). — P. 47–63. DOI: 10.1016/0277-9536(90)90074-3
5. **Морозова, Е. А.** Качество жизни населения: теория и практика социологического изучения / Е. А. Морозова, Е. Я Пастухова, Б. Г Прошкин, А. В Мухачева. — Кемерово : Кемеровский государственный университет, 2011. — 261 с. EDN: QOOKFZ
6. **Кислицына, О. А.** Влияние социально-экономических факторов на состояние здоровья: роль абсолютных или относительных лишений / О. А. Кислицына // *Журнал исследований социальной политики*. — 2015. — Т. 13. — № 2. — С. 289–302. EDN: UMAZNT
7. **Общество и пандемия: опыт и уроки борьбы с COVID-19 в России / под ред. В. А. Мау.** — Москва : РАНХиГС, 2020. — 744 с. EDN: ZUMGOZ
8. **Sinitsyn, E. V.** Socio-economic factors of the spread of SARS-COV-2 across the regions of Russia / E. V. Sinitsyn, A. V. Tolmachev, A. S. Ovchinnikov // *R-economy*. — 2020. — No. 6(3). — P. 129–145. DOI: 10.15826/recon.2020.6.3.011; EDN: CDHUOA
9. **Кокоулина, М. В.** Анализ динамики распространения коронавируса с помощью обобщённой логистической модели / М. В. Кокоулина, А. С. Епифанова, Е. Н. Пелиновский [и др.] // *Труды НГТУ им. Р. Е. Алексеева*. — 2020. — № 3(130). — С. 28–41. DOI: 10.46960/1816–210Kh_2020_3_28; EDN: AQWGQH
10. **Макаров, В. Л.** Моделирование эпидемии COVID-19 — преимущества агент-ориентированного подхода / В. Л. Макаров, А. Р. Бахтизин, Е. Д. Сушко, А. Ф. Агеева // *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*. — 2020. — Т. 13. — № 4. — С. 58–73. DOI: 10.15838/esc.2020.4.70.3; EDN: DQCUPT
11. **Панин, А. Н.** Пространственные закономерности распространения пандемии COVID-19 в России и мире: картографический анализ / А. Н. Панин, И. А. Рьльский, В. С. Тикуннов // *Вестник Московского университета. Сер. 5. География*. — 2021. — № 1. — С. 62–77. EDN: ZRMTMM
12. **Больницкая, А. Н.** Здоровье и здравоохранение в регионе в условиях социальных изменений / А. Н. Больницкая // *Russian Journal of Education and Psychology*. — 2015. — № 2(46). — С. 403–418. EDN: TTMMWP

13. **Бариева, А. А.** Пути укрепления общественного здоровья региона / А. А. Бариева // Вестник экономики, права и социологии. — 2014. — № 4. — С. 218–220. EDN: TETLZB
14. **Смирнов, А. Ю.** Анализ смертности от коронавирусной инфекции в России / А. Ю. Смирнов // Народонаселение. — 2021. — Т. 24. — № 2. — С. 76–86. DOI: 10.19181/population.2021.24.2.7; EDN: HMLAZV
15. **Дружинин, П. В.** Первая и вторая волны пандемии COVID-19 в российских регионах: сравнение изменения уровня смертности / П. В. Дружинин, Е. В. Молчанова // Журнал Сибирского федерального университета. Гуманитарные науки. — 2021. — Т. 14. — № 7. — С. 1028–1038. EDN: HNRPZU

Сведения об авторах:

Руднева Оксана Сергеевна, к.геогр.н., старший научный сотрудник отдела социально-экономической географии, Институт степи Уральского отделения Российской академии наук, Оренбург, Россия

Контактная информация: e-mail: ksen1909@mail.ru; ORCID: 0000–0001–8425–3301; Research ID: Q-7434–2016; PИНЦ AuthorID: 178631.

Соколов Александр Андреевич, к.геогр.н., старший научный сотрудник отдела социально-экономической географии, Институт степи Уральского отделения Российской академии наук, Оренбург, Россия.

Контактная информация: e-mail: SokolovAA@rambler.ru; ORCID: 0000–0002–0093–3420; Research ID: Q-8019–2016; PИНЦ AuthorID: 178270.

DOI:10.19181/population.2023.26.1.13

ANALYSIS OF THE READINESS OF RUSSIAN REGIONS FOR THE COVID-19 PANDEMIC BASED ON DEMOGRAPHIC SUSTAINABILITY AND DEVELOPMENT OF THE HEALTHCARE SYSTEM

Oksana S. Rudneva*, Alexander A. Sokolov

*Institute of the Steppe of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences
(11 Pionerskaya str., Orenburg, Russia, 460000)*

E-mail: Ksen1909@mail.ru

Funding:

The study was carried out with the financial support of the RAS within the framework of the projectAAAA-A21–121011190016–1.

For citation:

Rudneva O.S., Sokolov A.A. Analysis of the readiness of Russian regions for the COVID-19 pandemic based on demographic sustainability and development of the healthcare system. *Narodonaselenie [Population]*. 2023. Vol. 26. No. 1. P. 160–171. DOI:10.19181/population.2023.26.1.13 (in Russ.)

Abstract. *Assessment of the readiness of regions for the occurrence of critical situations is atypical area of research in modern conditions. The problem of high mortality in Russia determines the importance of studying the factors that shape the current state of the socio-demographic system of the population and the prerequisites for its change in the future or in the present under the influence of negative processes. To form an objective picture of the current situation, two areas are identified: potential (the state of the region's healthcare system) and demographic stability (risks of population decline), on the basis of which complex integral indices are calculated and regions are ranked. The specificity of the author's approach to the analysis consists in the complex use of demographic*

indicators, morbidity indicators and the functioning of the healthcare system. As a result of the analysis, it was found out that an ambiguous situation has developed in the regions. According to the assessment of demographic sustainability, the republics of the North Caucasus have become the best, but there is also the lowest level of development of the healthcare system. The opposite situation is observed in remote and sparsely populated regions of the Far East — Sakhalin Oblast, the Jewish Autonomous Oblast and Chukotka Autonomous Okrug — with high indicators of the potential of the healthcare system there are high demographic risks. The depth of the consequences of the pandemic was reflected in the form of excess mortality. In the first year, the regions of the North Caucasus became leaders in terms of mortality growth — Chechnya (by 44%), Dagestan (by 32%) and Ingushetia (by 27%). The most stable were Adygea, Sevastopol and Buryatia — excess mortality did not exceed 6%. In the second year, actively increasing mortality has already affected all regions, with the exception of the Republic of Tyva and Chukotka Autonomous Okrug having the lowest proportion of the population over working age. The proposed concept of a two-way study of regions will make it possible to trace the main problem areas in dynamics and give an opportunity to prevent the consequences of other possible force majeure.

Keywords: pandemic, demographic sustainability, potential of the healthcare system, excess mortality, Russian regions, COVID-19.

References and Internet sources

1. Bouckaert G., Galli D., Kuhlmann S., Reiter R., Van Hecke S. European coronationalism? A hot spot governing a pandemic crisis. *Public Administration Review*. 2020. Vol. 80. No. 5. P. 765–773 DOI: 10.1111/puar.13242
2. Kashepov A. V. Faktory i ekonomicheskije posledstviya pandemii koronavirusa [Factors and economic consequences of the coronavirus pandemic]. *Vestnik Altajskoj akademii ekonomiki i prava [Bulletin of the Altai Academy of Economics and Law]*. 2021. No. 2. P. 38–45. DOI: 10.17513/vaael.1595 (in Russ.)
3. Crtmieux P. — Y., Ouellette P., Pilon C. Health care spending as determinants of health outcomes. *Health Economics*. 1999. Vol. 8. P. 627–639.
4. Evans R. G., Stoddart G. L. Producing health, consuming health care. *Social Science & Medicine*. 1990. No. 31(12). P. 47–63. DOI: 10.1016/0277-9536(90)90074-3.
5. Morozova E. A., Pastukhova E. Ya., Proshkin B. G., Mukhacheva A. V. Kachestvo zhizni naselenija: teorija i praktika sotsiologicheskogo izuchenija [Quality of Population Life: Theory and Practice of Sociological Study]. Kemerovo. KGU. [Kemerovo State University]. 2011. 261 p. (in Russ.)
6. Kislitsyna O. A. Vlijanije sotsial'no-ekonomicheskikh faktorov na sostojanije zdorov'ja: rol' absoljutnyh ili otnositel'nyh lishenij [The influence of socio-economic factors on health: the role of absolute or relative deprivation]. *Zhurnal issledovanij sotsial'noj politiki [Journal of Social Policy Studies]*. 2015. Vol. 13. No. 2. P. 289–302. (in Russ.)
7. Obshhestvo i pandemija: opyt i uroki bor'by s COVID-19 v Rossii. [Society and the Pandemic: Experience and Lessons of Fighting COVID-19 in Russia]. Moscow. RANHiGS [RANEPa]. 2020. 744 p. (in Russ.)
8. Sinitsyn E. V., Tolmachev A. V., Ovchinnikov A. S. Socio-economic factors of the spread of SARS-COV-2 across the regions of Russia. *R-economy*. 2020. Vol. 6. No. 3. P. 129–145. DOI: 10.15826/recon.2020.6.3.011
9. Kokoulina M. V., Epifanova A. S., Pelinovsky E. N., Kurkina O. E., Kurkin A. A. Analiz dinamiki rasprostraneniya koronavirusa s pomoshchyu obobshchonnoy logisticheskoy modeli [Analysis of coronavirus dynamics using the generalized logistic model]. *Trudy NGTU im. R. E. Alekseeva [Proceedings of Nizhny Novgorod State Technical University]*. 2020. No. 3(130). P. 28–41. (in Russ.)
10. Makarov V. L., Bakhtizin A. R., Sushko E. D., Ageyeva A. F. Modelirovaniye epidemii COVID-19 — preimushchestva agent-orijentirovannogo podkhoda [COVID-19 epidemic modeling — advantages of an agent-based approach]. *Ekonomicheskije i sotsialnyye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz [Economic and Social Changes: Facts. Trends. Forecast]*. 2020. Vol. 13. No 4. P. 58–73. DOI: 10.15838/esc.2020.4.70.3. (in Russ.)

11. Panin A. N., Rylsky I. A., Tikunov V. S. Prostranstvennyye zakonomemosti rasprostraneniya pandemii COVID-19 v Rossii i mire: kartograficheskiy analiz [Spatial patterns of the spread of the pandemic COVID-19 in Russia and the world: cartographic analysis]. Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 5: Geografiya [Moscow University Bulletin. Series 5: Geography]. 2021. No. 1. P. 62–77.
12. Bolnitskaya A. N. Zdorov'je i zdavoohraneniye v regione v usloviyah sotsial'nyh izmeneniy [Health and healthcare in region in context of social changes]. Russian Journal of Education and Psychology. 2015. No. 2(46). P. 403–418. (in Russ.)
13. Barieva A. A. Puti ukrepleniya obshchestvennogo zdorov'ya regiona [Strengthen the public health of the region]. Vestnik ekonomiki, prava i sotsiologii [The Review of Economy, the Law and Sociology]. 2014. No. 4. P. 218–220. (in Russ.)
14. Smirnov A. Yu. Analiz smertnosti ot koronavirusnoj infektsii v Rossii [Analysis of mortality from the coronavirus infection in Russia]. Narodonaselenie [Population]. 2021. Vol. 24. No. 2. P. 76–86. DOI: 10.19181/population.2021.24.2.7. (in Russ.)
15. Druzhinin P. V., Molchanova E. V. Pervaya i vtoraya volny pandemii COVID-19 v rossijskih regionah: sravneniye izmeneniya urovnja smertnosti [The first and second waves of the COVID-19 pandemic in Russian regions: comparison of the changes in the mortality rate]. Zhurnal Sibirskogo federal'nogo universiteta. Gumanitarnye nauki [Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences]. 2021. Vol. 14. No. 7. P. 1028–1038 (in Russ.)

Information about the authors:

Rudneva Oksana Sergeevna, Candidate of Geography, Senior Researcher, Institute of Steppe of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Orenburg, Russia.

Contact information: e-mail: ksen1909@mail.ru; ORCID: 0000-0001-8425-3301; Research ID Web of Science: Q-7434-2016; Elibrary AuthorID: 178631.

Sokolov Alexander Andreevich, Candidate of Geography, Senior Researcher, Institute of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Orenburg, Russia.

Contact information: e-mail: SokolovAA@rambler.ru; ORCID: 0000-0002-0093-3420; Research ID Web of Science: Q-8019-2016; Elibrary AuthorID: 178270.

Статья поступила в редакцию 02.10.2022, одобрена в печать 15.02.2023, опубликована 30.03.2023.

DOI: 10.19181/population.2023.26.1.14

EDN: ADEKRRK

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ РАСПРОСТРАНЕНИЯ COVID-19 В АРКТИЧЕСКОМ РЕГИОНЕ

Логинов В.Г.

*Институт экономики Уральского отделения РАН
(620014, Россия, Екатеринбург, ул. Московская, 29)*

E-mail: log-wg@rambler.ru

Финансирование:

Статья подготовлена на основе исследований, финансируемых в соответствии с планом НИР Института экономики Уральского отделения Российской академии наук на 2021–2023 годы.

Для цитирования:

Логинов В.Г. Демографические особенности распространения COVID-19 в арктическом регионе // Народонаселение. – 2023. – Т. 26. – № 1. – С. 172–186. DOI: 10.19181/population.2023.26.1.14; EDN: ADEKRRK

Аннотация. В статье рассмотрены особенности воспроизводства населения арктического региона в постсоветский период и в условиях пандемии COVID-19. Выполнен ретроспективный анализ динамики населения и определены факторы изменения его численности в постсоветский период. Отмечено существенное влияние уровня социального благополучия территории на изменение демографических показателей, определяющих положительный вектор и размер как естественного, так и, в отдельные годы, механического прироста населения. Выявлены факторы, влияющие на распространение COVID-19, на уровень смертности и заболеваемости от коронавируса. Показано их влияние на воспроизводство населения за два года пандемии в условиях арктического субъекта РФ — Ямало-Ненецкого автономного округа, исходя из особенностей социально-экономического и демографического развития, и географического положения этого региона. Определена роль пандемии коронавируса, как основного источника сверхсмертности в 2020–2021 гг., и зависимость заболеваемости и смертности населения от его возрастной структуры, особенностей распространения заражения коронавирусом, влияния уровня заселённости и географического положения. Выделены внутрирегиональные различия и определены локальные районы, имеющие свою специфику как в социально-экономическом, так и в демографическом плане, и особенности распространения пандемии. Эмпирически подтверждена гипотеза о роли старших возрастов 60+ как основной группы риска в определении темпов распространения и количества летальных случаев при заболевании коронавирусом. Анализ статистических данных о динамике заболеваемости и смертности в рассматриваемый период позволил выявить цикличность волн первого и второго показателя во времени от самого низкого уровня до пика, длительность которого составила восьмимесячный срок.

Ключевые слова: арктический регион, муниципальное образование, демографические процессы, воспроизводство населения, коронавирус, сверхсмертность, цикличность.

© Логинов В.Г., 2023.

Введение

Целью представленного исследования является выявление факторов, определяющих распространение COVID-19 в арктическом регионе — Ямало-Ненецком автономном округе (ЯНАО/YaNAO), и их влияние на уровень смертности и заболеваемости от коронавируса и на воспроизводство населения за два года действия пандемии, исходя из особенностей демографического развития региона и его муниципальных образований. Реализация цели потребовала решения ряда задач: ретроспективного анализа демографического развития арктического региона; оценки его демографического потенциала; выявления факторов, влияющих на распространение пандемии COVID-19 и на процесс естественного воспроизводства населения.

Появление и быстрое распространение как в мире, так и в России и её отдельных регионах коронавируса привлекло к изучению этого заболевания и оценки его последствий исследователей различной специализации, в первую очередь, медицинских работников, а также представителей экономической, биологической, географической и других направлений науки. Таким образом, исследование этого феномена приобрело междисциплинарный характер. Вал публикаций по данному вопросу, появившихся в два последних года, отражает различные стороны этого процесса. Они касаются, прежде всего, скорости распространения заболевания, воздействия его на социально-демографическую ситуацию в мире, стране, регионах и муниципальных образованиях. Широко представлен спектр социально-экономических публикаций: социальные и демографические процессы [1–3], влияние пандемии коронавируса на рынок труда [4; 5]. В сборниках научных трудов рассмотрены вопросы анализа влияния пандемии COVID-19 на различные стороны жизни, вызовы и последствия [6], оценки избыточной смертности от пандемии [7], исследования пространственно-временной динамики пандемии COVID-19 в России и за рубежом [8; 9] и другое.

Представленное исследование проводилось в рамках пространственной концепции распространения (диффузии) вирусной инфекции COVID-19 в условиях арктического региона. Было осуществлено обобщение и анализ информации, касающейся демографического развития ЯНАО и его муниципальных образований, выявлены факторы, влияющие на распространение пандемии и динамику летальных исходов от COVID-19. В качестве основных методов использовались: ретроспективный анализ, агрегирование, группировки, усреднения, аналогий. Информационной базой исследования явились Интернет-ресурсы, статистические данные (Росстат и Ямалстат — информация о воспроизводстве населения). В качестве главного показателя влияния пандемии на воспроизводство населения был выбран показатель избыточной смертности, обладающий, по мнению большинства экспертов, существенно большей надёжностью и доказательностью, чем показатели заболеваемости коронавирусом [8; 10], представляющий абсолютное и относительное превышение смертности в 2020–2021 гг. над средним уровнем предыдущего пятилетия (2015–2019 гг.). В качестве дополнительного показателя учитывался уровень заболеваемости COVID-19. Величина избыточной смертности была определена на основе данных региональной и муниципальной статистики.

Результаты

ЯНАО является наиболее благополучной в социально-экономическом плане территорией не только Арктической зоны Российской Федерации (АЗРФ), но и страны в целом. Сформировавшийся здесь ещё в советский период демографический потенциал сохранил свои высокие воспроизводственные функции, обеспечив на протяжении постсоветского времени положительный естественный прирост населения, который в последние годы, несмотря на некоторый спад, сохранял положительное значение (рис. 1).

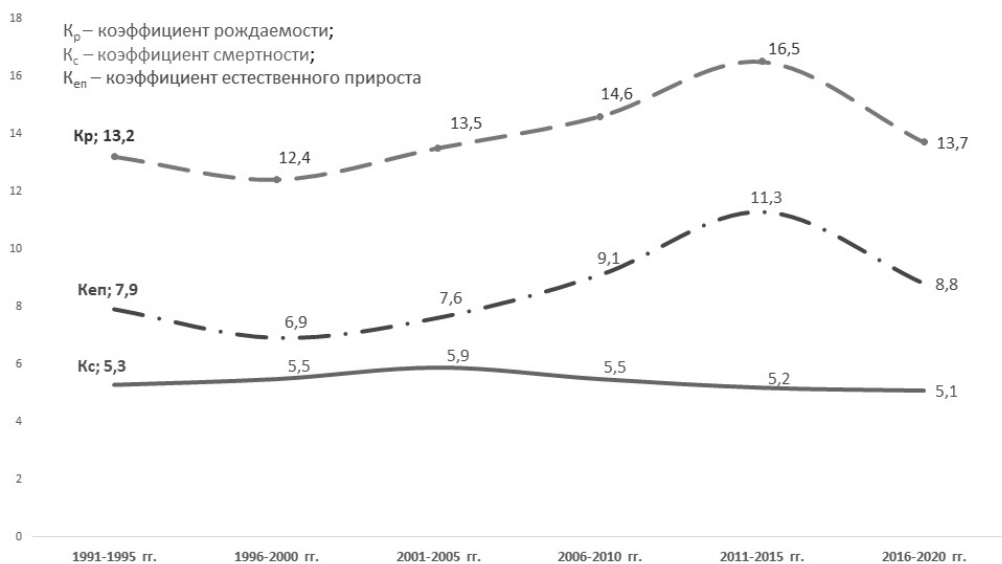

Рис. 1. Динамика среднегодовых коэффициентов естественного прироста населения ЯНАО, ‰

Fig. 1. Dynamics of the average annual rates of natural reproduction of the YaNAO population, ‰

Источник: рассчитано по данным Ямалстата: Демографический ежегодник (2003–2007): стат. сборник в 4-х частях. Ч. IV. Ямало-Ненецкий автономный округ.— Тюмень, 2007; Демографический ежегодник (2007–2011): стат. сборник в 4-х частях. Ч. III. Ямало-Ненецкий автономный округ.— Тюмень, 2011; Демографический ежегодник (2012–2016): стат. сборник в 3-х частях.— Тюмень, 2016; Демографический ежегодник (2015–2019): стат. сборник в 4-х частях. Ч. 3.— Тюмень, 2019.— 259 с.; Демографический ежегодник (2017–2021): стат. сборник.— Тюмень, 2022.— 250 с.

После резкого спада показателей естественного прироста в начальном периоде рыночных реформ со второй половины 1990-х гг. идёт постепенный рост рождаемости и естественного прироста при незначительной степени повышения или стабилизации смертности, обеспечившие увеличение численности населения несмотря на отрицательное сальдо миграции в последние три пятилетки¹ (рис. 2). Самые высокие показатели рождаемости (16,9‰) и естественного прироста (11,8‰) были достигнуты в 2014 г., при этом суммарный коэффициент рождаемости населения превысил 2, то есть был почти на уровне простого воспроизводства, а у сельского населения Ямала составил 3,2, что соответствовало расширенному воспроизводству населения.

Наиболее устойчивым фактором естественного воспроизводства населения оставался уровень смертности, который в отличие от уровня рождаемости, сохранял статус-кво, испытывая незначительные колебания как в среднем по пятилетним периодам, так и по отдельным годам. О стабильности этого показателя свидетельствует динамика коэффициента смертности в период 2015–2019 гг. (рис. 3). При этом с 2015 по 2019 гг. на фоне значительного снижения коэффициента рождаемости (в 1,32 раза) наблюдался также процесс снижения коэффициента смертности (в 1,13 раза). Вследствие этого основной причиной сокращения естественного прироста в 1,43 раза к 2020 г. являлось снижение рождаемости.

¹ В 2021 гг. в условиях пандемии сальдо миграции в ЯНАО имело положительное значение в 1721 человек.

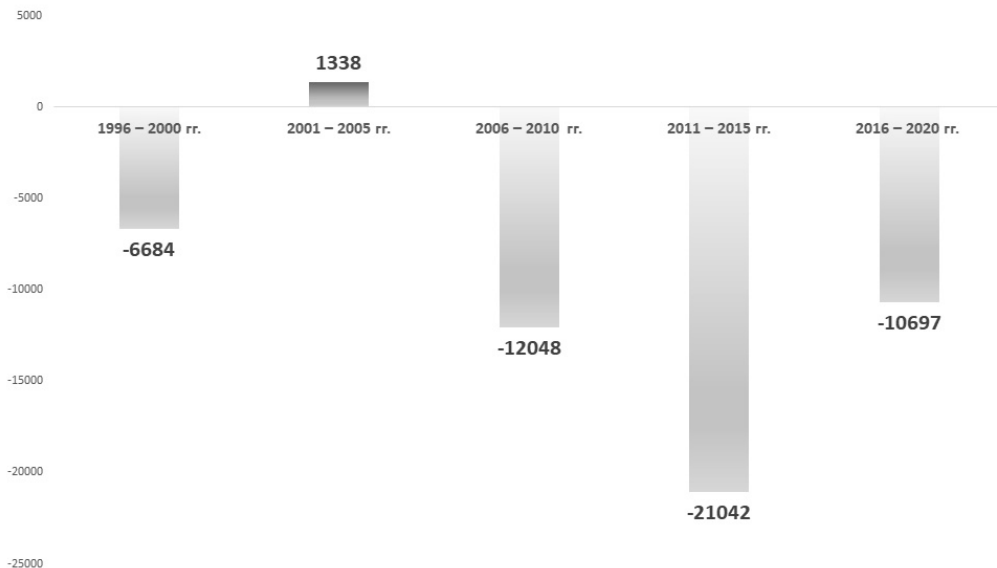

Рис. 2. Среднегодовые показатели сальдо миграции населения ЯНАО, человек

Fig. 2. Average annual net migration rate in YaNAO, persons

Источник: рассчитано по данным Ямалстата.

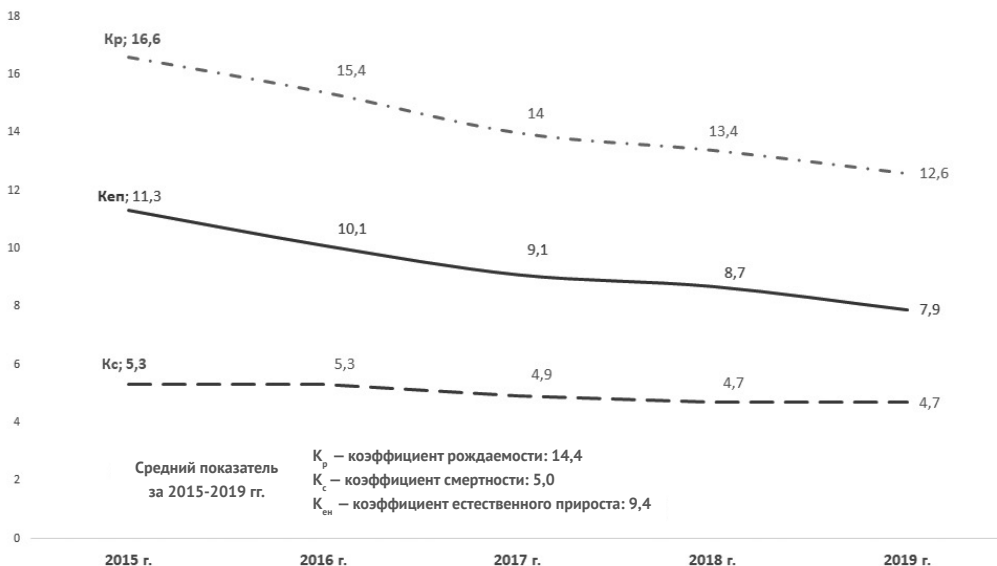

Рис. 3. Динамика коэффициентов естественного прироста в ЯНАО, %

Fig. 3. Dynamics of natural increase rate in YaNAO, %

Источник: рассчитано по данным Ямалстата: Демографический ежегодник (2015–2019): стат. сборник в 4-х частях. Ч. 3.— Тюмень, 2019.— 259 с.; Демографический ежегодник (2017–2021): стат. сборник.— Тюмень, 2022.— 250 с.

Влияние пандемии COVID-19 на процесс естественного воспроизводства населения

Свои коррективы в процесс естественного воспроизводства населения внесла пандемия. Несмотря на общие черты COVID-19 имел некоторые отличия как в отдельных регионах, так и внутри них, связанные с особенностями половозрастной структуры населения — долей старших возрастов, особенно лиц 60+, в наибольшей степени подверженных этому заболеванию; пространственным размещением и плотностью населения; природно-климатическими и социально-экономическими условиями. ЯНАО, являясь наиболее благополучной в социально-экономическом плане территорией имел преимущество в возрастной структуре, обладая низким удельным весом возраста 60+ в общей численности населения — 11,1% (на конец 2021 г.).

Ещё одним фактором, повлиявшим на уровень заболеваемости от коронавируса, явилось наличие вахтового персонала, подавляющая часть которого привлекается из других регионов России. Периодическая смена вахт, проживание в вахтовых посёлках с высокой скученностью людей и постоянными контактами друг с другом стало одним из рисков вспышки коронавируса даже при условии одного заболевшего по этой причине. Тем более, что в период пандемии число работающих по вахте, в том числе из-за рубежа, увеличилось (табл. 1). Так, в 2019 г. число работающих по межрегиональной вахте составило 72,9 тыс. человек, в I квартале 2020 г. — 72,7 тыс., начиная со II квартала число их стало увеличиваться, достигнув 88,1 тыс. человек в IV квартале. В I квартале 2021 г. вахтовый контингент увеличился до 99,8 тыс., а в IV — до 103,3 тыс. человек.

Таблица 1

Динамика числа работающих по межрегиональной вахте

Table 1

Dynamics of the interregional shift employees

Показатель	2019 г.	1 кв. 2020 г.	4 кв. 2020 г.	1 кв. 2021 г.	4 кв. 2021 г.
Число вахтовиков, тыс. человек	72,9	72,7	88,1	99,8	103,3
Удельный вес, %*	75,7	74,9	80,7	78,9	81,5

* доля численности работающих по межрегиональной вахте к общей численности вахтового персонала ЯНАО.

Источник: рассчитано по данным Ямалстата.

Таким образом, в условиях действия пандемии вахтовый персонал увеличивался, составляя в ЯНАО около трети работающих, оказывая при этом определённое влияние на заболеваемость и смертность от коронавируса из-за ротации вахтовиков на 20 крупных нефтегазовых месторождениях. Для снижения риска заболеваемости коронавирусом были внесены коррективы к требованиям работы по вахтовому методу (Письмо Управления Роспотребнадзора по ЯНАО от 17 мая 2020 г.²). С 3 июля 2021 г.

в связи с ростом заболеваемости внесены дополнительные изменения, ужесточившие условия допуска вахтовиков к работе³.

менного пребывания; размещение в местах временного пребывания до 4-х человек в помещении; запрет выхода; ежедневная уборка с дезинфектантами; обработка посуды и кухонного инвентаря; инструктаж для работников о мерах профилактики новой коронавирусной инфекции COVID-19; лабораторное обследование рабочих на COVID-19 за 2 суток до отправки на вахту; запрет выезда работников и контактных лиц с организацией комплекса противозидемических мероприятий при наличии положительного теста на COVID-19; допуск к работе при отсутствии признаков заболевания и наличии отрицательного теста на COVID-19.

² К общим требованиям относятся: осмотр работников врачом по месту пребывания перед отправкой на вахту; не рекомендуется отправка на вахту лиц старше 65 лет; одномоментная доставка персонала для заполнения мест вре-

³ О внесении изменений в некоторые постановления Губернатора Ямало-Ненецкого АО. Постановление № 95-ПГ от 30 июня 2021 года.

Таблица 2

Динамика смертности в ЯНАО

Table 2

Dynamics of mortality in YaNAO

Показатель	2016 г.	2017 г.	2018 г.	2019 г.	2020 г.	2021 г.	2020 г.	2021 г.
							к 2019 г. в %	
Количество умерших, человек	2815	2614	2547	2553	3284	3474	128,6	136,1
В% к 2016 г.	100,0	92,9	90,5	90,7	116,7	123,4	-	-

Источник: рассчитано по данным Ямалстата и по сборнику «Экономические и социальные показатели районов Крайнего Севера и приравненных к ним местностей в 2000–2019 гг.». — URL: rosstat.gov.ru (дата обращения: 19.05.2021).

Таблица 3

Общая численность населения и группы в возрасте 60+ в ЯНАО

Table 3

Total population of age 60+ in YaNAO

Муниципальные образования	На 01.01.2020	В том числе 60+.	Доля 60+,%	Смертность в 2019 г.	
				Человек	%
Все	544444	51009	9,4	2553	4,7
Городские округа	363224	33460	9,2	1547	4,3
Муниципальные районы	181220	17549	9,7	1006	5,6

Источник: рассчитано по данным Ямалстата.

Как и в других регионах, пандемия привела в ЯНАО к избыточной смертности (табл. 2).

Так, число смертей на Ямале увеличилось в 2020 г. по отношению к 2019 г. на 28,6%, а к 2021 г. — на 36,1%. Более низкие показатели коэффициента общей смертности были характерны для городских округов (ГО), в структуре населения которых сохранился самый низкий удельный вес лиц как старше трудоспособного возраста, так и в возрасте 60+, наиболее восприимчивых к заболеванию COVID-19. Среди муниципальных районов (МР) подобные коэффициенты имели нефтегазодобывающие районы, освоение которых началось в 1970-е годы. В МР со значительной долей коренных малочисленных народов Севера эти показатели были в 1,5 раза выше, чем в ГО. При этом обнаруживается тесная прямая связь коэффициента уровня смертности с долей лиц возраста 60+: чем выше удельный вес первого показателя, тем выше и второй показатель (табл. 3). Это касается и смертности от коронавируса, что под-

тверждается данными по России о высоком уровне смертности старших возрастов при заболевании COVID-19⁴.

По расчётам автора, уровень смертности в ЯНАО в когорте 60+ составил 30‰ (2020 г.), что обусловило дополнительное число летальных исходов среди лиц 60+ в 162 человека. На эту когорту приходится половина летальных случаев в общей смертности населения. Предварительная оценка числа смертельных случаев в 2020–2021 гг. без учёта влияния летальных исходов от коронавируса и сопутствующих ему заболеваний свидетельствуют об устойчивости тренда снижения показателя смертности в эти годы в сравнении с предыдущим периодом (2016–2019 гг.).

Расчётные данные о смертности от COVID-19 в когортах 60+ представлены в табл. 4. Динамика помесечных данных

⁴ В России подавляющее большинство умерших в результате заражения коронавирусом — люди старше 70 лет (57%) // Что стало известно про пандемию из годовых данных Росстата по демографии. — URL: <https://www.rbc.ru/economics/15/06/2021/60c4f6c19a794732b5523fa4> (дата обращения: 26.12.2022).

о количестве и доле смертей от COVID-19 за 2020–2021 гг. в ЯНАО представлены в табл. 5. Статистическая информация о COVID-19 в ЯНАО противоречива, так как её источником являются различные организации: Ямалстат, Роспотребнадзор, органы власти. Сравнивая данные показатели Роспотребнадзора с региональной и муниципальной статистикой, следует

отметить, что первые являются неполными, так, в 2020 г. по данным муниципальной статистики они были выше на 13,5%. Следует отметить, что смертность от COVID-19 занимала сравнительно небольшой удельный вес от общего количества летальных исходов — 11,8% (2020 г.) и даже в 2021 г., когда число их увеличилось в 1,65 раз, их доля была 19,5%.

Таблица 4

Оценка смертельных случаев от COVID-19, всего и в возрасте 60+

Table 4

Estimated deaths from COVID-19, total and aged 60+

Показатель	2020 г.	2021 г.
Всего умерших, человек	3284	3474
в том числе от COVID-19	386	678
прочие причины	2898	2798
Доля COVID-19, %	11,8	19,5
Всего умерших в возрасте 60+, человек	1664	1806*
Доля, %	50,7	52,0
Умершие от COVID-19 в возрасте 60+, человек	309*	549*
Доля, %	18,6	28,2
Доля, %**	80,1	81,0

*оценка.

**% умерших в возрасте 60+ от COVID-19 по отношению к общей численности умерших от коронавируса.

Источник: рассчитано по данным Ямалстата и текущего мониторинга и оперативных данных ЯНАО.

В качестве объекта исследования рассматривалась динамика COVID-19 за два года (2020–2021 гг.). В результате было выявлено, что количество заражённых и умерших по причине коронавируса изменялось волнообразно и циклично. Волна коронавируса во времени от начала до пика её роста составила 8 месяцев (апрель–ноябрь 2020 г.), затем, начиная с декабря 2020 г. по июль 2021 г., шёл спад смертности. Новая волна подъёма заражения и роста смертности, связанная с видоизменной коронавирусной инфекцией, началась в июле 2021 г. на фоне возвращающихся из отпусков и продолжилась в последующие месяцы со спадом в сентябре — времени окончания летнего отдыха.

Пока не совсем понятно, чем вызван такой временной интервал каждого цикла. Наиболее вероятными причинами окончания цикла являются как рост вакцинации населения, так и накопленного коллективного иммунитета к инфекции, связанные с увеличением заболеваемости и смертности, достигших определённого порога (предела) её распространения, величина которого имеет региональные, локальные и временные особенности. Так, в ЯНАО такой порог в 2020 г. был достигнут, когда удельный вес умерших от коронавируса составил 11,8% от общей смертности, в 2021 г. — 19,5%. При этом вакцинация являлась не главным фактором, так как более широкий охват ею население

Таблица 5

Количество умерших в ЯНАО, за 2020–2021 гг., человек

Table 5

The number of deaths in YaNAO in 2020–2021, persons

Месяц	2020 г.			2021 г.		
	Всего	COVID-19	Доля, %	Всего	COVID-19	Доля, %
Январь	250	-	-	302	36	11,9
Февраль	231	-	-	269	23	8,6
Март	217	-	-	235	9	3,8
Апрель	225	1	0,4	219	6	2,7
Май	256	8	3,1	223	6	2,7
Июнь	289	28	9,7	236	10	4,2
1 полугодие	770	37	4,8	1484	90	6,1
Июль	301	40	13,3	279	91	32,6
Август	232	13	5,6	394	140	35,5
Сентябрь	233	9	3,9	313	74	23,6
Октябрь	282	52	18,4	329	84	25,5
Ноябрь	424	112	26,4	367	106	28,9
Декабрь	344	80	22,4	308	93	30,2
2 полугодие	1816	349	19,2	1990	588	29,5
Год	3284	386	11,8	3474	678	19,5

Источник: рассчитано по данным: Ямалстата и текущего мониторинга и оперативных данных ЯНАО.

ния шёл на фоне роста числа заражённых и летальных исходов. При этом в 2021 г. темп роста летальных случаев был выше роста заболеваний в 1,4 раза. Свою роль сыграл климатический фактор — некоторые исследователи отмечают [9], что предварительный анализ имеющихся данных по COVID-19 в Арктике на региональном уровне показывает, что инфекции и смертность от COVID-19 были сильно изменчивы, но оставались ниже соответствующих общефедеральных уровней.

Роль пандемии в трудоспособных когортах определяется воздействием заболеваний, доля которых составляет до двух третей от подтверждённых случаев. При этом, по оценке автора, доля летальных случаев в самых репродуктивных когортах 20–29 и 30–39 лет составила соответственно 0,7 и 1,8% от умерших от COVID-19, а их удельный вес в общей смертности в ЯНАО — 0,3% (10 человек, 2020 г.). Несколько выше этот показатель был в 2021 г. — 0,45% (16 человек) в общей

смертности, что свидетельствует о значительном влиянии коронавируса на величину смертности в этих когортах.

Снижение репродуктивной способности в большей мере было связано со снижением количества рождений, обусловленное, в первую очередь, уменьшением общей численности женского населения в возрасте 20–29 лет, а также изменений его внутренней структуры в сторону повышения доли менее продуктивной когорты 30–39 лет. Этот момент подтверждён данными статистики. Численность женского населения в когорте 20–29 лет снизилась с 2014 по 2021 гг. на 24,7%, что коррелирует со снижением уровня рождаемости в эти годы. При сравнении 2020 г. с 2019 г. он даже вырос на 2,4%, а в 2021 г. был равен показателю 2019 года. На основании чего можно сделать вывод: пандемия на воспроизводство населения репродуктивных когорт в ЯНАО как в отношении уровня смертности, так и рождаемости не повлияла.

Здесь были задействованы вышеназванные и другие факторы.

Имеющаяся информация по причинам заболеваний, приведших к смертности в ЯНАО, позволила сравнить структуру летальных исходов по основным группам смертности как в целом, так и в отдельных муниципальных образованиях региона

за 2019–2021 гг. (табл. 6). Во всех основных группах (исключение — болезни органов пищеварения) наблюдался абсолютный рост числа смертельных случаев, однако относительные показатели в структуре причин смертности были выше только по 2 группам: органы дыхания и прочие заболевания, что обусловлено влиянием пандемии.

Таблица 6

Локализация умерших в ЯНАО

Table 6

Localization of deaths in YaNAO

Муниципальное образование	Всего, человек			Основные заболевания*, %			Умершие от COVID-19, человек		
	2019	2020	2021	2019	2020	2021	2020	2021	Рост**
ГО Салехард	279	367	398	87,5	76,6	69,6	43	89	2,1
ГО Губкинский	79	132	127	82,3	78,0	63,8	13	33	2,5
ГО Лабитнанги	185	202	246	88,6	82,7	69,5	17	56	3,3
ГО Муравленко	136	154	204	85,3	75,3	73,5	17	40	2,4
ГО Новый Уренгой	353	525	618	87,8	73,0	69,7	103	157	1,5
ГО Ноябрьск	512	647	660	82,8	72,5	67,0	96	128	1,3
Итого ГО	1544	2027	2253	85,7	74,9	68,5	289	503	1,74
МР Красноселькупский	52	39	53	92,3	82,1	80,1	1	9	9,0
МР Надымский	255	364	327	80,4	76,6	76,5	34	37	1,1
МР Приуральский	124	152	146	79,0	71,1	66,2	20	16	0,8
МР Пуровский	245	311	296	85,7	80,4	79,0	22	69	3,1
МР Тазовский	122	147	157	88,5	76,2	67,2	17	20	1,2
МР Шурышкарский	79	94	116	89,9	79,8	79,4	3	16	5,3
МР Ямальский	129	150	126	85,3	74,0	73,7	0	8	8,0
Итого МР	1006	1257	1221	84,5	76,9	70,4	97	175	1,8
Всего	2553	3284	3474	85,2	75,4	66,0	386	678	1,75

*суммарная доля в % основных заболеваний: болезни системы органов кровообращения, дыхания и пищеварения, новообразования, внешние причины.

**рост умерших от COVID-19 в 2021 г. относительно 2020 г., количество раз.

Источник: рассчитано по данным Ямалстата.

Более высокие показатели смертности от COVID-19 зарегистрированы в самых крупных ГО — абсолютные в Новом Уренгое (103 и 157 человек в 2020 и 2021 гг.), относительные — в Ноябрьске (0,89% в 2020 г.) и в Лабитнанги (2,13% в 2021 г.). В целом по МР относительные показатели были в 1,4 и 1,5 раза ниже, чем в ГО, а в быстро осваиваю-

щемся Ямальском МР не было зарегистрировано ни одного случая смерти по причине этого заболевания в течении 2020 г. и первой половины 2021 года. Вследствие чего можно предположить наличие корреляции между численностью населения и количеством смертельных исходов от пандемии (табл. 7).

Таблица 7
Количество умерших и коэффициент смертности от COVID-19 в 2020–2021 гг.

Table 7

The number of deaths and mortality rates from COVID19 in 2020–2021

Муниципальное образование	Всего умерло, человек		В том числе от COVID-19, человек		Доля умерших от COVID-19, %		Умерло от COVID-19, ‰	
	2020	2021	2020	2021	2020	2021	2020	2021
ГО Салехард	367	398	43	89	11,7	22,4	0,84	1,73
ГО Новый Уренгой	525	618	103	157	19,6	25,4	0,87	1,33
ГО Ноябрьск	647	660	96	128	14,8	19,4	0,89	1,18
Итого 6 ГО	2027	2253	289	503	14,3	22,3	0,79	1,38
МР Надымский	364	327	34	37	9,0	11,3	0,52	0,56
МР Пуровский	311	296	22	69	7,1	23,3	0,43	13,3
Итого 7 МР	1257	1221	97	175	7,7	14,3	0,53	0,96
Всего	3284	3474	386	678	11,8	19,5	0,70	1,24

Источник: рассчитано по данным Ямалстата.

В общем приросте избыточной смертности в ЯНАО в 2020 г. (в сравнении с 2019 г., 731 человек) на долю умерших от COVID-19 пришлось 53% (386 человек), в 2021 г. — 75% (678 человек). Остальные летальные исходы также в значительной степени связаны с влиянием пандемии и процессом естественного старения населения. С 2014 по 2019 гг. доля лиц старше 60 лет увеличилась на 3 процентных пункта (п.п.), составив на 1 января 2019 г. 8,5%, а на конец 2021 г. — 11,1% от общей численности населения, то есть увеличилась в 2 раза по сравнению с 2014 годом.

Распространение пандемии коронавируса помимо региональных имеет также локальные особенности, связанные с социально-экономическими, демографическими, природными и другими условиями территории. На локальном уровне, по мнению А. Н. Пилясова и его коллег [8, с. 1083], действуют факторы, обуславливающие интенсивность контактов между людьми в месте проживания или работы и скорость распространения вируса внутри региона: плотность населения, уровень развития сферы услуг, местного транспорта, занятость. Вторая группа факторов — это уровень сопротивляемости местной среды: возрастная структура населения,

уровень обеспеченности медицинскими услугами на момент начала пандемии и другие (факторы сопротивления).

Это характерно и для локальных сообществ ЯНАО, где эти факторы проявляются в условиях экстремальной среды. По мнению автора, распространение пандемии в регионе шло как в результате диффузии расширения, так и контактной, которая давала вспышки заболеваемости в вахтовых поселениях, а также при перемещении значительного контингента отдыхающих в летние отпуска. Основными факторами сопротивления являлись возрастной состав населения с низким уровнем лиц в возрасте 60+, наиболее подверженных этому заболеванию с высокой долей летальных исходов; высокий уровень отраслевой и региональной медицины; низкая плотность постоянного населения; существенная удалённость сельских поселений от городов, являющихся основным источником распространения заболевания; кочевой образ жизни значительной части коренного населения, которые исключают скученность населения, обеспечивают меньшее количество контактов.

Комплекс вышеперечисленных факторов повлиял на ситуацию с коронавирусом как в целом по ЯНАО, так и имел некото-

рые внутрирегиональные (локальные) отличия, что позволило выделить в пределах автономного округа несколько локальных районов (ЛР). Основой выделения ЛР, имеющих свои особенности в географическом положении, хозяйственной и демографической структуре и в распространении вируса и летальных исходов, послужили данные региональной и муниципальной демографической статистики, которые при

анализе и обобщении позволили выделить 6 ЛР, различных по площади, времени освоения, количеству муниципальных образований, численности и плотности населения, его воспроизводству и половозрастной структуре. Основные демографические показатели, используемые для оценки распространения пандемии и летальных исходов от COVID-19 и география ЛР, представлены в табл. 8.

Таблица 8
Внутрирегиональная дифференциация распространения COVID-19 в ЯНАО в 2021 году

Table 8

Intra-regional differentiation of the COVID-19 spread in the YaNAO in 2021

Локальный район	Численность населения		Умершие	В том числе от COVID-19	Доля COVID-19**, %
	Всего, человек/%*	60+, человек/%	Человек/%о	Человек/%о	
1. Приуральский	93260/90,5	10018/10,7	790/8,5	161/1,7	20,2
2. Западный периферийный	9477/0,0	1288/13,6	116/12,2	16/1,7	13,7
3. Центральный	205605/96,1	23257/11,3	1191/5,8	205/1,0	17,2
4. Восточный	198130/89,8	18221/9,2	1041/5,3	259/1,3	24,9
5. Восточный периферийный	5682/0,0	735/12,9	53/9,3	9/1,6	16,9
6. Заполярный	34856/0,0	3015/8,6	283/8,1	28/0,8	9,9
Итого 6 ГО	364042/99,9	37244/10,2	2253/6,2	503/1,4	22,3
Итого 7 МР	182968/52,1	19290/10,5	1221/6,7	175/1,0	14,2
Всего	547010/83,9	56534/10,3	3474/6,35	678/1,24	19,5

*доля городского населения в %.

**доля умерших от COVID-19 в общей численности умерших.

Источник: Рассчитано по данным Ямалстата.

В административном отношении в 1-й локальный транспортно-логистический район вошли два ГО (Салехард и Лабитнанги) и Приуральский МР; 2-й — представлен депрессивным Шурышкарским МР; 3-й нефтегазовый включает 2 ГО (Ноябрьск и Муравленко) и Надымский МР; 4-й — газово-нефтяной: 2 ГО (Новый Уренгой и Губкинский) и Пуровский МР; 5-й — развивающийся Красноселькупский МР и 6-й — новые заполярные газо-нефтедобывающие с высоким удельным весом кочующего коренного населения и товарным оленеводством МР Тазовский и Ямальский. Каждый из выделенных ЛР имел определённые отличия от других, прежде всего, в количественных и отно-

сительных показателях как общей смертности, так и от коронавируса, связанные с воздействием комплекса факторов. Данные процессы обусловили дифференциацию ЛР по развитию и распространению пандемии. В большей части ЛР обнаружена тесная связь между численностью и долей лиц 60+, общей и «ковидной» смертностью, что является подтверждением авторской гипотезы.

Несколько выпадают из этого два самых крупных ЛР — Центральный и Восточный. При их сравнении бросается в глаза доля летальных исходов от COVID-19 — соответственно 17% и 25% от общего числа умерших при более высоком абсолютном показателе смертельных случаев, несмотря

на более низкий удельный вес лиц в возрасте 60+ и коэффициента общей смертности. Данный пример можно объяснить большей долей контактной диффузии в Восточном районе. Главный город этого ЛР Новый Уренгой является не только самым крупным по численности в ЯНАО (118,1 тыс. человек на 01.01.2021), но и важнейшим транспортным пунктом, связанным с «Большой землёй» воздушным, железнодорожным и автомобильным сообщением, принимающим самый большой контингент вахтовиков из-за пределов ЯНАО (17,5 тыс. за IV квартал 2021 г.), являясь самым крупным перевалочным пунктом, что способствует росту межличностных контактов и более быстрому распространению инфекции.

В отличие от него Ноябрьск — самый крупный город Центрального ЛР, имеющий такую же транспортную структуру, но принимающий гораздо меньшее количество вахтовиков (2 тыс. человек) значительно меньше подвержен контактной диффузии, распространение инфекции было связано преимущественно с диффузией расширения. Эти цифры подтверждены количеством пассажирооборота, который при перевозке воздушным транспортом был в Новом Уренгое в 4,8 раза выше, чем в Ноябрьске, по железной дороге — в 1,4 раза. Эмпирические данные подтверждают закономерную тесную связь численности и доли лиц 60+ с общей смертностью, в отношении смертности от COVID-19 в отдельных случаях она неочевидна, но объяснима.

Заключение

В демографическом отношении ЯНАО, несмотря на наблюдаемый в последние годы общий тренд снижения естественного прироста населения в результате падения рождаемости остаётся одной из наиболее благополучных территорий в России. В 2020–2021 гг. на процесс естественного воспроизводства населения региона, с одной стороны, оказала влияние пандемия, повысив уровень смертности, с другой стороны, свой вклад внесло снижение

уровня рождаемости, обусловленное сокращением доли женского населения в детородном возрасте. Однако, в отличие от многих субъектов РФ, ЯНАО сохраняет положительный прирост населения, а после 2025 г. можно ожидать его увеличения на фоне вступления в детородный возраст относительно многочисленных поколений, родившихся после 2005 года.

Основные выводы проведённого исследования: 1) выявлена зависимость формирования демографического потенциала ЯНАО от времени заселения и освоения территории, а также основные тенденции и факторы, определяющие темпы его воспроизводства; 2) регион с советских времён сохранил значительный репродуктивный потенциал, позволяющий обеспечить положительный прирост населения в последующие периоды даже при отрицательном сальдо миграции; 3) проведённое исследование позволило выявить факторы, влияющие на развитие и распространение COVID-19, как основного источника сверхсмертности при заболеваемости коронавирусом в условиях арктического региона за два года действия пандемии (2020–2021 гг.), и зависимость уровня смертности населения от его возрастной структуры; 4) эмпирически подтверждена гипотеза о роли старших возрастов 60+, как основных групп риска, определяющих темпы и количество летальных случаев при заболевании коронавирусом как на региональном, так и на локальном уровне; 5) выявлено незначительное влияние COVID-19 на уровень смертности и рождаемости в наиболее репродуктивных когортах населения (20–29 и 30–39 лет); 6) на основе анализа статистических данных динамики заболеваемости и смертности в пандемийный период выявлена восьмимесячная цикличность волн COVID-19 во времени от их самого низкого уровня до пика, позволяющая прогнозировать развитие пандемии при аналогичных видах вируса. Полученные результаты могут стать основой дальнейших исследований: оценки последствий пандемии для населения как на региональном, так и муниципальном уровне в арктическом регионе.

Литература и Интернет-источники

1. **Кулькова, И. А.** Влияние пандемии коронавируса на демографические процессы в России / И. А. Кулькова // Human Progress.— 2020.— Т. 6.— Вып. 1.— URL: [http:// progress-human.com/images/2020Tom6_1/Kulkova.pdf](http://progress-human.com/images/2020Tom6_1/Kulkova.pdf). DOI: 10.34709/IM.161.5; EDN: FYXRMX
2. **Смирнов, А. В.** Влияние пандемии на демографические процессы в Российской Арктике / А. В. Смирнов // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз.— 2021.— Т. 14.— № 6.— С. 258–274. DOI: 10.15838/esc.2021.6.78.15; EDN: NEYOH8
3. **Смирнов, А. Ю.** Анализ смертности от коронавирусной инфекции в России / А. Ю. Смирнов // Народонаселение.— 2021.— Т. 24.— № 2.— С. 76–86. DOI: 10.19181/population.2021.24.2.7; EDN: HMLAZV
4. **Корчак, Е. А.** Влияние пандемии COVID-19 на рынки труда арктических территорий циркумполярных стран / Е. А. Корчак // Север и рынок: формирование экономического порядка.— 2022.— № 1.— С. 72–83. DOI:10.37614/2220–802X.1.2022.75.006; EDN: BEUGEA
5. **Лайкам, К. Э.** Влияние пандемии коронавируса на рынок труда / К. Э. Лайкам, А. Р. Бикбаева, Е. К. Павлова // Федерализм.— 2021.— Т. 26.— № 4(104).— С. 5–19. DOI: 10.21686/2073–1051–2021–4–5–19; EDN: WZKWYQ
6. Пандемия COVID-19: Вызовы, последствия, противодействие / ред. А. В. Торкунов, С. В. Рязанцев, В. К. Левашов [и др.]—Москва : Аспект Пресс, 2021.— 248 с. DOI: 10.19181/monogr.978–5–7567–1139–4.2021; EDN: HWMFZB
7. Estimating excess mortality due to the COVID-19 pandemic: a systematic analysis of COVID-19-related mortality, 2020–21 // The Lancet. DOI: 10.1016/SO140–6736(21)02796–3 (дата обращения: 25.03.2022).
8. **Пилясов, А. Н.** Распространение пандемии Covid-19 в регионах России в 2020 году: модели и реальность / А. Н. Пилясов, Н. Ю. Замятина, Е. А. Котов // Экономика региона.— 2021.— Т. 17.— Вып. 4.— С. 1079–1095. DOI: 10.17059/ekon.reg.2021–4–3; EDN: VFSNZT
9. **Petrov, A. N.** Spatiotemporal dynamics of the COVID-19 pandemic in the arctic: early data and emerging trends / A. N., Petrov, M. Welford, N. Golosov [и др.] // International Journal of Circumpolar Health.— 2021.— Vol. 80(1).— P. 1–9. DOI: 10.1080/22423982.2020.1835251; EDN: MMIWXZ
10. **Kobak, D.** Excess mortality reveals Covid's true toll in Russia / D. Kobak. // Significance.— 2021.— February.— P. 16–19. DOI: 10.1111/1740–9713.01486

Информация об авторе:

Логинов Владимир Григорьевич, д.э.н., доцент, зав. сектором регионального природопользования и геоэкологии Института экономики Уральского отделения Российской академии наук, Екатеринбург, Россия.

Контактная информация: e-mail: log-wg@rambler.ru; ORCID: 0000-0002-2466-5686; Scopus Author ID: 55764668900; PИHЦ AuthorID: 77473.

DOI: 10.19181/population.2023.26.1.14

DEMOGRAPHIC FEATURES OF THE COVID-19 SPREADING IN THE ARCTIC REGION

Vladimir G. Loginov

*Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences
(29 Moscovskaya str., Ekaterinburg, Russia, 620014)*

E-mail: log-wg@rambler.ru

Funding:

The article was prepared on the basis of studies funded according to the research plan of the Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences for 2021–2023.

For citation:

Loginov V.G. Demographic features of the COVID-19 spreading in the Arctic region. *Narodonaselenie [Population]*. 2023. Vol. 26. No. 1. P. 172-186. DOI: 10.19181/population.2023.26.1.14 (in Russ.)

Abstract. *The article discusses the features of the reproduction of the population in the Arctic region in the post-Soviet period and in the context of the COVID-19 pandemic. A retrospective analysis of the population dynamics is carried out and the factors of the population change in the post-Soviet period are identified. There is noted a significant impact of the economic development and social well-being level of the territory on the change in demographic indicators that determine the positive vector and scales of both natural and, in some years, mechanical population growth. The factors affecting the spread of COVID-19 in the Arctic subject of the Russian Federation — Yamalo-Nenets Autonomous Okrug, and the level of mortality and morbidity from coronavirus, their impact on the population reproduction over two years of the pandemic has been identified, based on the characteristics of the socio-economic and demographic development, the geographical location of the region and its municipalities. The role of the coronavirus pandemic as the main source of excess mortality in 2020–2021, and the dependence of the morbidity and mortality of the population on the age structure, the characteristics of the spread of coronavirus infection, the impact of the population level and geographic location are examined. There are identified intra-regional differences and local areas having their own specifics, both in socio-economic and demographic terms, and features of the pandemic spread. The hypothesis about the role of older ages of 60+ as the main risk group in determining the rate of spread and the number of deaths due to the coronavirus has been empirically confirmed. Analysis of the statistical data on the dynamics of morbidity and mortality in the period under review made it possible to identify the cyclicity of the waves of the first and second indicators in time from the lowest level to the peak, the duration of which was eight months.*

Keywords: *Arctic region, municipality, demographic processes, population reproduction, coronavirus, excess mortality, cyclicity.*

References and Internet sources

1. Kulkova I. A. Vliyaniye pandemii koronavirusa na demograficheskiye protsessy v Rossii [The impact of the Coronavirus pandemic on the demographic processes in Russia]. *Human Progress*. 2020. Vol. 6. No. 1. Available at: [http:// progress-human.com/images/2020Tom6_1./Kulkova.pdf](http://progress-human.com/images/2020Tom6_1./Kulkova.pdf). DOI 10.34709/IM.161.5 (in Russ.)
2. Smirnov A. V. Vliyaniye pandemii na demograficheskiye protsessy v Rossiyskoy Arktike [The impact of the pandemic on demographic processes in the Russian Arctic]. *Ekonomicheskiye i sotsial'nyye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz [Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast]*. 2021. Vol. 14. No. 6. P. 258–274. DOI: 10.15838/esc.2021.6.78.15 (in Russ.)
3. Smirnov A. Yu. Analiz smertnosti ot koronavirusnoj infektsii v Rossii [Analysis of mortality from the coronavirus infection in Russia]. *Narodonaselenie [Population]*. 2021. Vol. 24. No. 2. P. 76–86. DOI: 10.19181/population.2021.24.2.7 (in Russ.)
4. Korchak E. A. Vliyaniye pandemii COVID-19 na rynki truda arkticheskikh territoriy tsirkumpolyarnykh stran [Impact of the COVID-19 pandemic on labor markets of Arctic territories of Circumpolar countries]. *Sever i rynek: formirovaniye ekonomicheskogo poryadka [The North and the Market: Forming the Economic Order]*. 2022. No. 1. P. 72–83. DOI:10.37614/2220–802X.1.2022.75.006 (in Russ.)
5. Laikam K. E., Bikbaeva A. R., Pavlova E. K. Vliyaniye pandemii koronavirusa na rynek truda [Impact of the coronavirus pandemic on labor market]. *Federalizm [Federalism]*. 2021. Vol. 26. No. 4(104). P. 5–19. DOI: 10.21686/2073–1051–2021–4–5–19 (in Russ.)
6. Pandemiya COVID-19: Vyzovy, posledstviya, protivodejstviye. [The COVID-19 Pandemic: Challenges, Consequences, Counteraction]. Eds. A. V. Torkunov, S. V. Ryazantsev, V. K. Levashov at al. Moscow. Aspekt Press. 2021. 248 p. DOI: 10.19181/monogr.978–5–7567–1139–4.2021 (in Russ.)

7. Estimating excess mortality due to the COVID-19 pandemic: a systematic analysis of COVID-19-related mortality, 2020–21. *The Lancet*. DOI: 10.1016/S0140–6736(21)02796–3 (Accessed: 25 March 2022).
8. Pilyasov A. N., Zamyatina N. Yu., Kotov E. A. Rasprostraneniye pandemii COVID-19 v regionakh Rossii v 2020 godu: modeli i real'nost' [The spread of the COVID-19 pandemic in Russian Regions in 2020: Models and reality]. *Ekonomika regiona [Economy of Regions]*. 2021. Vol. 17. No. 4. P. 1079–1095. DOI: 10.17059/ekon.reg.2021–4–3 (in Russ.)
9. Petrov A. N., Welford M., Golosov N. at al. The “second wave” of the COVID-19 pandemic in the Arctic: regional and temporal dynamics. *International Journal of Circumpolar Health*. 2021. Vol. 80 (1). DOI: 10.1080/22423982.2021.1925446
10. Kobak D. Excess mortality reveals COVID's true toll in Russia. *Significance*. 2021. February. P. 16–19. DOI: 10.1111/1740–9713.01486

Information about the author:

Loginov Vladimir Grigorievich, Doctor of Economics, Head of Sector, Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia.

Contact information: e-mail: log-wg@rambler.ru; ORCID: 0000–0002–2466–5686; Scopus Author ID: 55764668900; Elibrary AuthorID: 77473.

Статья поступила в редакцию 05.09.2022, одобрена 15.02.2023, опубликована 30.03.2023.

DOI: 10.19181/population.2023.26.1.15
EDN: VADNJA

ПЕРВОЕ СТОЛКНОВЕНИЕ С «ЧЁРНЫМ ЛЕБЕДЕМ»: КАК ПАНДЕМИЯ ВЛИЯЛА НА НАСТРОЕНИЕ ВЫПУСКНИКОВ ВУЗОВ

Александрова О. А.^{1,2}, Проскурина А. С.², Марков Д. И.^{2,3*}

¹Институт социально-экономических проблем народонаселения
имени Н. М. Римашевской ФНИСЦ РАН
(117218, Россия, Москва, Нахимовский проспект, 32)

²Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации
(125993, Россия, Москва, Ленинградский проспект, 49)

³Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ)
(119034, Россия, Москва, ул. Пречистенка, 38)

*E-mail: dimarkov1998@yandex.ru

Для цитирования:

Александрова О. А., Проскурина А. С., Марков Д. И. Первое столкновение с «чёрным лебедем»: как пандемия влияла на настроения выпускников вузов // Народонаселение. – 2023. – Т. 26. – № 1. – С. 187-200. DOI: 10.19181/population.2023.26.1.15; EDN: VADNJA

Аннотация. В первом на фоне пандемии COVID-19 докладе МОТ молодёжь названа одной из наиболее растравоженных групп. Об этом же говорили и российские социологи, связывая такую реакцию с тепличными условиями, создаваемыми детям российскими семьями. Окончание вуза – серьёзный жизненный рубеж, тем более в условиях пандемии, потребовавшей длительных периодов дистанционного обучения и резко ускорившей цифровизацию экономики. Согласно проведённым авторами исследованиям, более двух третей студентов полагают, что пандемия навсегда изменила нашу жизнь, а также, что в современном мире невозможно всю жизнь иметь одну профессию. Среднесрочные и отдалённые перспективы специалистов с получаемым или образованием представляются студентам не слишком оптимистичными, но и в ближайшей перспективе свою конкурентоспособность на рынке труда большинство выпускников оценивают как среднюю и предвидят высокую конкуренцию за вакансии (или их дефицит) и предложение низкой зарплаты. У многих проблемы будущего трудоустройства закладываются на этапе выбора профессии: заметная часть идет учиться туда, где есть доступные бюджетные места, но плохо понимая суть профессии и ее востребованность. Сегодня половина выпускников выбрала бы другую профессию или не планирует работать по специальности. Высокая до пандемии доля ожидавших успешного трудоустройства на её фоне заметно снизилась. Применительно к проблемам трудоустройства у почти половины респондентов внутренний локус контроля, остальные в равных пропорциях разделились на тех, у кого преобладает внешний локус контроля, или выражены, либо не выражены оба локуса контроля. Старшекурсникам проблемы с трудоустройством чаще видятся сочетанием внешних факторов и собственных изъянов. Среди ищущих проблемы в себе либо в себе и во внешней среде довольно много ожидающих трудностей при трудоустройстве. Действуя в рамках «онтологической безопасности», молодёжь реализует практики, позволяющие адаптироваться, но не снижающие неопределённость.

Ключевые слова: молодёжь, пандемия, изменения в сфере труда, высшее образование, качество образования, трудоустройство, профессиональная самореализация.

© Александрова О. А., Проскурина А. С., Марков Д. И., 2023.

Введение

Международная организация труда (МОТ) назвала молодёжь одной из наиболее растревоженных пандемией групп, опасаящейся ее влияния на качество образования и трудоустройство¹. Российские социологи также обнаружили резкий рост тревожности у молодежи, связав его с привычкой к тепличным условиям. Окончание вуза – серьезный жизненный рубеж, тем более, в ситуации, когда «чёрный лебедь» пандемии потребовал дистанционного обучения, а ускоренная цифровизация усилила неопределенность в сфере труда. Вопросы работы и карьеры, влияя на брачно-семейные и репродуктивные установки, становятся для молодежи экзистенциальными.

Одним из методов познания жизненных стратегий является подход социологической герменевтики З. Баумана: смысл социального института и коллективно реализуемых паттернов поведения можно обнаружить через элементы набора заранее выбранных и реалистично-доступных типичных стратегий. Для этого требуется проследивание изменчивых и последовательных аспектов жизненных стратегий до их источника в социальных практиках и структурах (так как они взаимно определяют друг друга), а также в обратном направлении – от жизненных стратегий к практикам повседневности [1]. Именно такой метод полезен при исследовании наполненной неопределённостью современности: взаимное структурирование и укоренение реалий позволяет нивелировать имеющую массовый характер хаосогенность повседневности. В качестве примера можно привести исследование смысложизненных стратегий [2], в котором раскрывается и обосновывается связь между различными уровнями установок человека и планированием, принятием решений, оценением перспектив.

Проблематичность применения исключительно исследовательского взгляда «здорового смысла» и востребованность укоренения установок в практике (и практик в установках) подтверждают австралийские исследователи [3]. Высокая цитируемость их работ позволяет уловить общий тон в этом дискурсе.

В упомянутом выше докладе МОТ с целью предотвращения риска формирования «потерянного поколения» предлагаются такие меры как стимулирование и точечная помощь предшественникам наиболее пострадавших отраслей, формирование социально-ориентированного диалога вокруг экономического восстановления. Однако такой подход недоучитывает двойное структурирование общественных отношений: подобные стимулирование и поддержка ориентированы на прежние паттерны практик, но в условиях их разрушения эффективность таких мер значительно снижается. Об этом говорит динамика восстановления экономики в 2021 г.: индекс потребительских цен, отражающий степень окупаемости производства, вырос², а безработица осталась на уровне 2019–2020 годов³.

Существует подход, согласно которому молодёжь – это особая группа, формирующая свои жизненные стратегии в особых условиях: условиях семейной поддержки. И если в 24 года это влияние может быть не столь очевидным, то в период от 15 лет, когда ребёнок находится в юридической, материальной и психологической зависимости от родителей, те стратегии, которые он предполагает в качестве возможных, определённо могут носить отпечаток семьи. Пользуясь терминологией М. Мид, российскую культуру в части познания социального мира и его принципов можно отнести к постфигуративной: несмотря на увеличение степени доступности любой

¹ COVID-19: ILO Monitor – 7th edition: ILO: Uncertain and uneven recovery expected following unprecedented labour market crisis // International Labour Organization (ILO): [сайт]. – URL: https://www.ilo.org/global/about-the-ilo/newsroom/news/WCMS_766949/lang-en/index.htm (дата обращения: 08.04.2022).

² Об индексе потребительских цен в декабре 2021 года // Росстат: [сайт]. – URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/1_12-01-2022.html (дата обращения: 09.04.2022).

³ Уровень безработицы среди молодежи // Европейская экономическая комиссия ООН: [сайт]. – URL: <https://w3.unece.org/PXWeb/ru/Charts?IndicatorCode=35> (дата обращения: 09.04.2022).

информации и рост числа новых технологий, ведущих к кофигуративности или префигуративности культуры, информация, полученная от родителей, остаётся наиболее востребованной и вызывает наибольшее доверие⁴. Во время пандемии вовлечённость родителей в жизнь детей неизбежно увеличилась, особенно в части образовательной деятельности: по данным опроса МГУ, 73% опрошенных родителей отметили, что дистанционное образование определённо потребовало от них быть более включёнными в образовательный процесс детей [4]. Герменевтический подход позволяет увидеть в этой во-

влечённости (практике) триггер для изменения установок молодых людей. Большая вовлечённость родителей на фоне семьи как одной из безусловных ценностей российской молодёжи может порождать меньшую самостоятельность ребёнка, и, как следствие, меньшую его готовность к столкновению с неизвестным. Стоит отметить, что характеристика меньшей готовности в данном случае не трактуется как недостаток: стремление к независимости и индивидуализм – черты европейских и американских культур, следствием индустриализации и капитализма, но не коренная ценность россиян. В подтверждение этого можно обратиться к классическому сравнению стран по переменным, сформулированным Г. Хофстеде (рис. 1).

⁴ ВЦИОМ. Новости: Круги доверия // ВЦИОМ: [сайт]. — URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/krugi-doverija> (дата обращения: 09.04.2022).

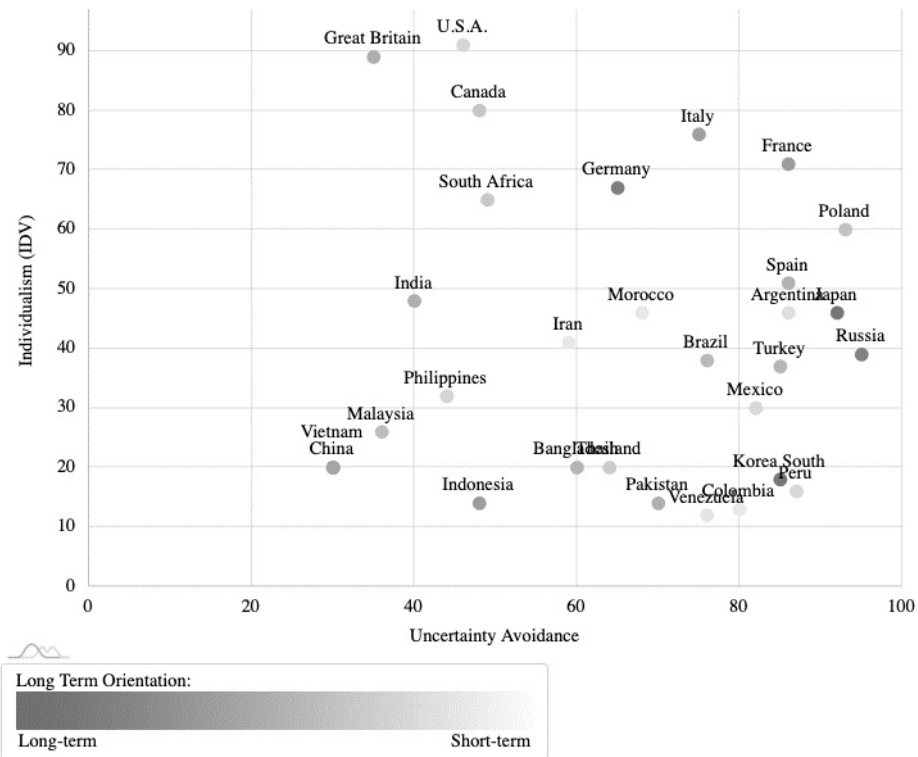

Рис. 1. 50 самых населённых стран мира, их степень индивидуализма, степень избегания неопределённости и долгосрочной ориентации (по Г. Хофстеде)

Fig. 1. 50 most populated countries and their scores on G. Hofstede scale – individualism, uncertainty avoidance, long-term orientation

Источник: Г. Хофстеде: [сайт]. — URL: <http://www.geerthofstede.nl/> (дата обращения: 09.04.2022).

Согласно приведённым данным, россияне склонны стремиться избегать неопределённости больше, чем жители западных стран (95/100 баллов), а также имеют более низкую степень индивидуализма (39/100 баллов). Высокая оценка показателя ориентации на будущее (81/100 баллов) соединяет эти показатели в единую канву и выступает подтверждением тезиса: реакция молодёжи на пандемию, выраженная в меньшей самостоятельности – логичная для жителя России, демонстрирующая культурно–обусловленную опору на семейную группу как способ избегания неопределённости. Такая опора логична и при обращении к термину «онтологическая безопасность», вводимому Э. Гидденсом для описания современных стратегий работы с неопределённостью. Онтологическая безопасность – структурирование жизни вокруг знакомых рутинных практик, и обращение к родителям за поддержкой и советом – выполняет задачу такого структурирования через объяснение неопределённости отсутствием опыта, который есть у старшего поколения [5].

Тем не менее, академическая нормализация реакции на неопределённость не снимает напряжённости, которую испытывают молодые люди. Изменения в обстоятельствах, как кажется школьникам и студентам, требуют от них новых навыков, умений, методов работы и новых областей знания. Изменения носят как объективный, так и субъективный характер, и соотношение этих категорий в принципах оценивания реальности может влиять на степень тревожности перед лицом «чёрного лебедя».

В стремлении к объективному анализу влияния изменений многие исследователи выбирают начинать поиски причинно–следственных связей в наблюдаемых измеряемых изменениях, прежде всего в экономике. Пандемия вынудила глобализированный мир задуматься о двух направлениях развития: цифровизации и локализации, то есть уменьшения зависимости от межстрановых производ-

ственных и логистических обменов. Оба эти изменения влияют на субъективные установки молодых людей, которые могут в этих условиях задумываться о том, как выстраивать свою жизненную стратегию – возможна ли сегодня работа по выбранной профессии? Необходимо ли высшее образование для того, чтобы обеспечить своё будущее? Стоит ли рассматривать возможность межстрановой трудовой мобильности, или же новые ограничения оставят лишь дистанционный вариант работы? Как в этих условиях обеспечить себя условиями для долгосрочного «домашнего офиса»? И даёт ли образование, которое молодой человек планирует получать или уже получает, достаточное количество навыков, чтобы ориентироваться в изменяющихся условиях?

Попытка укоренения неопределённости в экономике и сфере труда приводит к тому, что именно вопросы трудовой занятости встают в один ряд с более «традиционными» ценностями современных молодых людей. Уже упомянутый тренд на индивидуализацию и самостоятельность накладывается на высокую конкуренцию не только в сфере труда, но и в сфере образа жизни, социальных и личных достижений, признания, стиля и ценностей. Авторы разделяют точку зрения, что все формы конкуренции сегодня, так или иначе, упираются в степень материальной стабильности – образ жизни требует регулярных инвестиций, возможность заниматься волонтерством и хобби требует свободного времени, которое становится доступным только в том случае, если закрыт вопрос жилья и заработка на обеспечение базовых потребностей. Семейно–брачное поведение также завязывается на материальном – создание семьи и рождение детей молодые люди видят более вероятным в условиях наличия отдельного жилья⁵. Социологическое исследование стратегий решения проблемы материального са-

⁵ Россияне назвали главные события 2021 г. в жилищной сфере // ДОМ.РФ: [сайт]. – URL: <https://дом.рф/media/news/dom-rf-za-schet-tsifrovoy-transformatsii-dannykh-sokratil-trudozatraty-it-sotrudnikov-na-25/> (дата обращения: 10.04.2022).

мообеспечения через трудовую занятость после окончания вуза, в итоге становится в том числе исследованием стратегии решения целого ряда проблем.

Методология

Эмпирическую базу данной статьи составили, во-первых, результаты мониторингового исследования учебно-научной социологической лаборатории Департамента социологии Финансового университета при Правительстве РФ (далее – Финуниверситет); во-вторых, данные, полученные в рамках выпускной квалификационной работы по направлению «Экономическая социология», в-третьих, информация, собранная в ходе совпавших с пандемией COVID-19 авторских инициативных проектов, посвящённых вопросам развития карьерного потенциала студентов, перспективам их успешного трудоустройства после выпуска, реализации в профессии. Мониторинговое социологическое исследование «Удовлетворённость качеством обучения в Финуниверситете» (далее – Исследование № 1) проводится с 2017 г. на регулярной основе каждые 6 месяцев; размер выборки массового (анкетного) опроса московского филиала варьируется от 3 до 6 тыс. студентов и репрезентирует генеральную совокупность по признаку пола, курса обучения и направлению подготовки. В рамках реализованной в 2021 г. выпускной квалификационной работы на тему «Профессиональная самореализация выпускников Финансового университета при Правительстве Российской Федерации: установки и ожидания в условиях усиливающейся неопределённости»⁶ (далее – Исследование № 2) методом анкетирования было опрошено 377 студентов 3 и 4 курсов (соответственно, 30% и 70%), обучающихся в Москве на всех факультетах Финуниверситета. Логика исследования предполагала выяснение оснований выбора получае-

мой профессии, влияния процесса обучения на отношение к будущей профессии и установок на профессиональную реализацию по окончании вуза. В авторском исследовании «Карьерный ЗОЖ московских студентов» (далее – Исследование № 3) весной 2021 г. методом анкетирования были опрошены студенты факультета социальных наук и массовых коммуникаций Финуниверситета (n = 320), кроме того, со студентами были проведены фокусированные групповые интервью (n = 3) пропорционально их курсу обучения. Проект преследовал своей целью выявить установки студентов, обучающихся социально-гуманитарным профессиям, в отношении будущей занятости и практик обеспечения карьерного успеха после окончания университета [6].

Хотя выборку в каждом из трёх исследований составили студенты московского филиала Финуниверситета, тем не менее, в силу специфики данного вуза, полученные результаты показательны и позволили выявить представления и установки активных и амбициозных молодых людей, заинтересованных в своём будущем. Помимо этого, в виду того, что выборка исследования представлена учащимися разных направлений подготовки (в том числе и информационно-технических), из которых 63% – выходцы из других регионов (в том числе 26% – из Московской области), а вопросы в исследовательском инструментарии носили общий характер (не были нацелены на студентов только технических, гуманитарных или социально-экономических направлений), экстраполяция результатов исследования на значительную часть выпускников и студентов российских вузов представляется во многом допустимой.

Результаты

Большинство опрошенных старшекурсников⁷ уже имеют тот или иной опыт работы (никогда не работали лишь 16%):

⁶ Исследование проведено студенткой факультета социальных наук и массовых коммуникаций Финансового университета при Правительстве РФ Агаповой Э.В. под научным руководством Александровой О.А.

⁷ В этом и следующем абзаце речь идёт о результатах, полученных в Исследовании № 2.

почти 60% респондентов работают на постоянной основе, из них чуть более половины сочетают постоянную работу и временные приработки, у 28% – только временные приработки. Это коррелирует с местом, занимаемым работой в системе ценностей студенческой молодёжи. Если первое место занимает «дружная семья», то следующие позиции – то, что, так или иначе, связано с работой: это «материальный достаток», «возможность самореализации» и в буквальном смысле «хорошая работа». Под последней респонденты понимают работу, в первую очередь, соответствующую способностям, призванию, а также обеспечивающую карьерный рост и, в конечном счёте, материальный достаток. При этом, по мнению 71% респондентов, современный мир слишком изменчив, чтобы можно было всю жизнь иметь одну профессию. Что касается представлений о будущем тех, чья специальность связана с экономикой (профиль Финуниверситета), то, по мнению респондентов, в перспективе востребованность специалистов с экономическим образованием будет снижаться – в отличие, как они полагают, от IT-специалистов. В части же ближайшего будущего завтрашних выпускников было важно понять, планируют ли они работать по специальности, и если нет, то почему.

Поскольку будущее место на рынке труда начинается с выбора профессии, выяснились основания этого выбора. Оказалось, что лишь 25% респондентов поступили именно на то направление профессиональной подготовки, на которое хотели (ещё 31% говорят об этом с меньшей уверенностью). Большинству из тех, кто вынужденно обучается своей профессии, баллов хватило для занятия бюджетных мест только на этом направлении подготовки. Решение поступить на него ½ респондентов приняла самостоятельно, на остальных воздействовали родители. При этом выясняется, что почти половина респондентов на момент поступления не представляла ни сути будущей профессии; ни того, насколько она соответству-

ет их способностям, характеру; ни того, легко ли найти работу людям с этой профессией; ни того, где ещё могут найти себе применение соответствующие специалисты. И если бы сегодня им снова пришлось выбирать профессию, то почти половина выбрала бы другую, а 6% вообще не пошли бы учиться в вуз.

Что касается второго этапа профессионального становления (обучения в вузе, когда можно убедиться в верности своего выбора либо разочароваться в нём), то 37% респондентов в выборе засомневались, а 21% – полностью разочаровались (15% неожиданно для себя почувствовал интерес). При этом ощущение верности выбора связано, прежде всего, с представлением о наличии у людей этой профессией широких возможностей для трудоустройства, а сомнения или разочарование в профессии – с претензиями к качеству образования. В результате, оценивая свою конкурентоспособность на рынке труда, большинство выпускников выбирает середину 10-балльной шкалы. Из ожидаемых ими трудностей названы высокая конкуренция за вакансии, нехватка опыта работы, предложение низкой зарплаты, высокие требования к знаниям и навыкам со стороны работодателей. Опрос показал, что уже сейчас ½ выпускников не планирует работать по специальности в связи с отсутствием интереса к профессии или из-за неподходящего размера зарплаты.

Сопоставление (в рамках Исследования № 1) динамики индекса ожидаемого трудоустройства студентов Финуниверситета⁸, обучающихся в столице, с динамикой сред-

⁸ Индекс ожидаемого трудоустройства студентов рассчитывается по пятичленной шкале как сумма долей ответов респондентов, помноженных на соответствующие коэффициенты: «У меня не будет проблем с трудоустройством» ($k=1$), «Возникнут незначительные сложности, но я трудоустроюсь» ($k=0,75$), «Я смогу трудоустроиться с большим трудом» ($k=0,25$), «Не могу определиться / затрудняюсь ответить» ($k=0,1$) и «Я не смогу трудоустроиться» ($k=0$). Индекс варьируется от 0 до 1, где «1» означает, что студент полностью уверен в своем трудоустройстве по специальности после окончания университета, а «0» – что у него совсем не получится трудоустроиться. Сам же вопрос сформулирован следующим образом: «Как Вы оцениваете перспективы собственного трудоустройства по специальности после окончания Университета?».

ней численности безработных в Москве⁹, обнаружило высокую обратную корреляционную связь ($r_{\text{Спирмена}} = -0,76, p = 0,002$). С резким ростом численности безработных на фоне пандемии COVID-19 ожидания студентов относительно будущего трудоустройства также резко опустились вниз

⁹ Ввиду того, что мониторинговые опросы проводятся с временным лагом, для сопоставления был выбран показатель средней численности безработных за предыдущие 6 месяцев. Помимо этого, представляется, что студенты реагируют на изменения на рынке труда не моментально, а с определённой задержкой по времени.

(рис. 2). Распространение пандемии и обусловленные ею ограничительные меры внесли высокую степень неопределённости даже в краткосрочные планы почти каждого студента. Так, если с 2016 по 2019 гг. доля респондентов, неопределившихся в отношении своих возможностей в ходе будущего трудоустройства, варьировалась в пределах 4–6%, то в первом полугодии 2020 г. она составила 7%, во втором — 9%, а в 2021 г. достигла 13,5%.

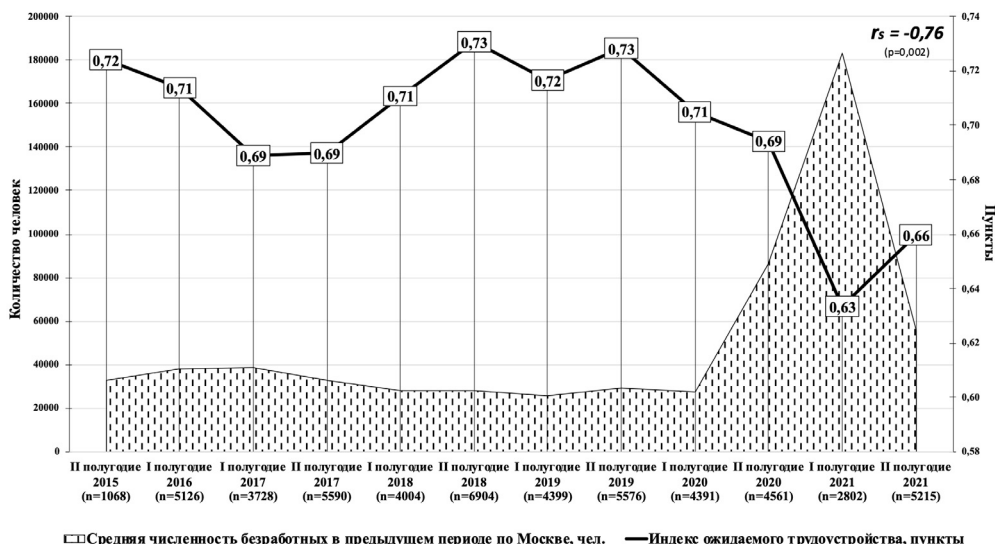

Рис. 2. Взаимосвязь индекса ожидаемого трудоустройства студентов московского филиала Финуниверситета и средней численности безработных по Москве

Fig. 2. The relationship between the expected employment index of students of the Moscow branch of the Financial University and the average number of unemployed in Moscow

Источник: составлено авторами на основе результатов исследований учебно-научной социологической Департамента социологии Финансового университета при Правительстве РФ и данных Портала открытых данных Правительства Москвы.—URL: <https://data.mos.ru/opendata/7704253064-chislennost-grajdan-imeyushchih-status-bezrabotnyh?pageNumber=9&versionNumber=2&releaseNumber=30> (дата обращения: 20.06.2022).

При этом на зарплатных притязаниях опрошенных студентов пандемия слабо сказалась: если во втором полугодии 2015 г. рассчитывали на заработную плату намного выше среднего уровня по стране 33% респондентов, то со второго полугодия 2018 г. по первое полугодие 2021 г. доля таких студентов стабильно состав-

ляла 43%. Помимо этого, уточнённый инструментарий показал, что во втором полугодии 2021 г. 21% студентов согласились бы выйти на работу на полный рабочий день по специальности не меньше, чем за 91 тыс. рублей в месяц, ещё для 24% диапазон приемлемого минимума зарплаты составил от 71 до 90 тыс. рублей.

Согласно результатам опроса весной 2021 г. студентов факультета социальных наук и массовых коммуникаций Финуниверситета¹⁰, большинство респондентов полагает, что после пандемии COVID-19 мир уже не будет прежним (27% уверены и ещё 44% скорее уверены). Причинами изменений (использовался открытый вопрос) называлось вызванное требованиями самоизоляции бурное развитие и внедрение онлайн-технологий в сферы образования, труда и коммуникаций в целом¹¹ («Многие офлайн-профессии перешли в онлайн и вряд ли уже вернуться», «Произошло быстрое развитие информационных технологий, автоматизация многих процессов...»). Согласно данным опроса, 25% респондентов полагали, что дистанционный формат обучения «определённо скажется» на перспективах трудоустройства по окончании вуза и ещё 30% — «скорее скажется», причём больше беспокоило это студентов младших курсов (на 1 курсе 33% студентов уверены в том, что такой формат обучения скажется, и 33% скорее уверены; на 4 курсе — 28% уверены и 22% скорее уверены).

К негативным эффектам дистанционного образования опрошенные относили плохое усвоение учебных дисциплин (22%), отсутствие практики и прямой коммуникации с преподавателями и одногруппниками («Студенты при таком обучении усваивают меньше информации»; «Дистанционный формат не даёт уровень квалификации, который нужен на работе»). В то же время, 31% респондентов отмечали, что «если человек заинтересован в учёбе, дистанционный формат никак не отразится на его карьерных перспективах» и даже пойдёт на пользу, поскольку «получение навыков подобной коммуникации позволит легче адаптироваться и к дистанционной работе». Тем более, что специфика получаемой респондентами профессии позволяет работать дистан-

ционно полностью (35%) или несколько дней в неделю (51%). По-видимому, с последним связана неготовность большинства респондентов удалённо работать за несколько меньшую заработную плату: 22% «точно не готовы» и ещё 39% «скорее не готовы». Любопытно, что юноши чаще соглашались пойти на уступки (20% готовы и 33% скорее готовы), чем девушки, из которых выразила согласие лишь каждая восьмая, и скорее согласна — каждая четвёртая. При этом фактор наличия работы практически никак не отразился: и уже работающие, и пока не занятые студенты в основном не готовы соглашаться на более низкую зарплату в случае работы в дистанционном формате.

Как и в описанном выше Исследовании № 2, в рамках данного проекта препятствиями получения желаемой работы в первый год после окончания вуза назывались (от большего к меньшему): 1) недостаточный опыт работы, 2) большое количество конкурентов, 3) высокие требования работодателя, которым может не соответствовать выпускник, 4) отсутствие необходимых связей и знакомств, 5) дискриминация со стороны работодателя по полу и возрасту, 6) невостребованность получаемой профессии на рынке труда и 7) не очень хорошая репутация вуза на рынке труда (более подробно [6]). Престиж Финуниверситета опрошенные студенты считают, скорее, своим преимуществом: «Главное, чтобы на дипломе было написано «Финансовый университет», а цвет диплома не так уж и важен».

Факторный анализ представлений студентов об основных препятствиях успешного трудоустройства методом главных компонент с последующим вращением Варимакс позволил выявить 2 фактора¹², имеющих отношение к локусу контроля. Так, основу первого фактора (29% объяснённой дисперсии), обозначенного как «внутренний локус контроля», составили оценки с положительными факторны-

¹⁰ В этом и последующих абзацах представлены результаты Исследования № 3.

¹¹ Здесь и далее курсивом в кавычках выделены комментарии участников групповых интервью.

¹² Мера адекватности выборки Кайзера-Майера-Олкина (КМО) = 0,667, что свидетельствует об удовлетворённой адекватности выборочной совокупности к применению процедуры факторного анализа.

ми нагрузками в отношении недостаточного опыта работы (факторная нагрузка = 0,74), высоких требований работодателя (0,74), большого количества конкурентов (0,71), а также отсутствия необходимых связей (0,64). Содержание второго фактора (19% объяснённой дисперсии), обозначенного как «внешний локус контроля», составили положительные факторные нагрузки в отношении не востребоваемости получаемой профессии на рынке труда (0,75), дискриминации со стороны работодателя по полу и возрасту (0,63) и недостаточно хорошей репутации вуза на рынке труда (0,58).

Проведённый на основе выявленных факторов кластерный анализ методом К-средних¹⁵ позволил сформировать 4 группы студентов. Соотнесение выделенных кластеров с представлениями входящих в них респондентов о ключевых препятствиях успешного трудоустройства на интересующие вакансии, подсчитанных в индексных пунктах, подтвердило адекватность полученной кластерной модели с точки зрения интерпретации (рис. 3). В частности, у студентов с низким уровнем выраженности как внешнего, так и внутреннего локусов контроля (таких оказалось 20%) обнаружилось отрицательные индексные значения в отношении каждого из препятствий.

Студенты с преобладанием внешнего локуса контроля (таких 18%) в качестве главных препятствий выделяли недостаточный опыт работы (Index = 0,44); невостребованность получаемой профессии на рынке труда (0,41); дискриминацию по полу и возрасту со стороны работодателя (0,26, «...консервативный уклад российского общества... у нас очень много пожилых людей, которые не в состоянии размышлять по-новому. Они остаются на работе и составляют вот эту стабильность. А каких-то новых идей они не ви-

дят и не берут молодых специалистов на работу, потому что думают, что молодые специалисты без какого-то стажа и опыта ни на что неспособны»; большое количество конкурентов (0,17). Респонденты с преобладанием внутреннего локуса контроля (таких 44%) главным препятствием на пути к успешному трудоустройству посчитали недостаточный опыт работы (0,79), большое количество конкурентов (0,65) и высокие требования работодателя (0,52). Что касается четвертой группы — с двумя выраженными локусами контроля (таких 18%), то они считают ключевыми все препятствия за исключением (менее выраженной) дискриминации со стороны работодателя (0,15) и не считают препятствием репутацию вуза (–0,35). При этом по ходу обучения численность студентов в разных кластерах изменяется: если среди студентов младших курсов в первый кластер входит 23%, то среди старшекурсников — уже 15%; для четвёртого кластера характерно обратное. К тем, кто твёрдо уверен в своих представлениях о ключевых препятствиях успешного трудоустройства, преимущественно относятся студенты, уже имеющие занятость на полный (25%) или не полный (34%) рабочий день, к менее уверенным — респонденты с нерегулярной занятостью (22%) или без опыта работы (19%).

В итоге более 2/3 опрошенных студентов полагают, что новые технологические возможности и ускорившая их широкомасштабное применение пандемия COVID-19 навсегда изменили нашу жизнь. И почти столько же считают, что в современном мире невозможно выбрать профессию раз и навсегда. Среднесрочные и отдалённые перспективы специалистов с экономическим образованием представляются опрошенным студентам не очень оптимистичными. Но и в ближайшей перспективе свою конкурентоспособность на рынке труда большинство выпускников оценивает как среднюю и предвидит высокую конкуренцию за вакансии и предложение низкой зарплаты. У многих проблемы будущего трудоустройства и профес-

¹⁵ Для повышения надёжности перед процедурой кластерного анализа факторы были умножены на квадратный корень соответствующих им собственных значений. Более подробно см.: Галицкая Е. Г., Галицкий Е. Б. Кластеры на факторах: как избежать распространённых ошибок? // Социология: методология, методы, математическое моделирование (Социология: 4М). — 2006. — Т. 0. — № 22. — С. 145–161.

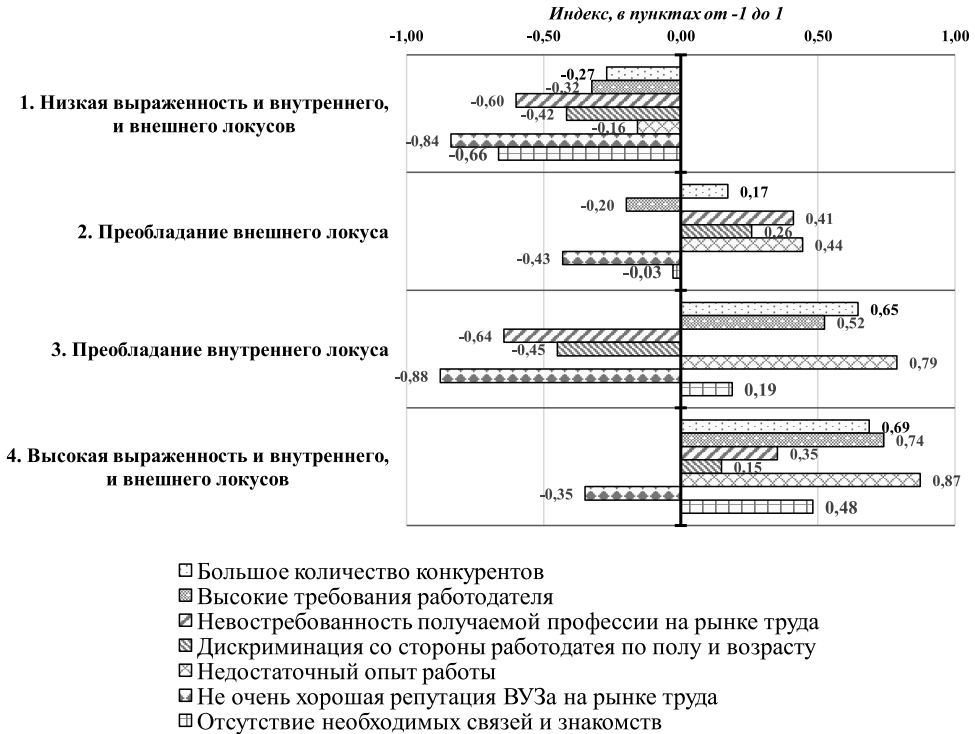

Рис. 3. Взаимосвязь выраженности локусов контроля и опасений студентов в отношении препятствий для успешного трудоустройства, в индексах от -1 до +1*

Fig. 3. Correlation between loci of control and students' concerns regarding successful employment, indexed -1 to +1*

Источник: результаты авторского исследования.

* Индексы рассчитывались по четырёхчленным шкалам с использованием формулы, согласно которой из суммы положительных («Да» или «Согласен», коэффициент = 1) и полуположительных («Скорее да» или «Скорее согласен», коэффициент = 0,5) ответов вычитается сумма отрицательных («Нет» или «Не согласен», коэффициент = 1) и полуотрицательных («Скорее нет» или «Скорее не согласен», коэффициент = 0,5) ответов; полученная таким образом величина делится на общее количество ответов. Такой индекс позволяет отразить общую тенденцию по тому или иному показателю, где: «+1» означает положительную установку, «-1» — отрицательную установку, а «0» свидетельствует о балансе положительных и отрицательных установок.

сиональной самореализации закладываются еще на этапе выбора профессии: заметная часть идёт учиться не тому, что интересно или представляется перспективным, а выбирает такие направления профессиональной подготовки, где проходной балл позволяет поступить на бюджетные места. Нередко этот выбор, при том, что в половине случаев он делается с подачи родителей, не является достаточно осмы-

ленным с точки зрения соответствия получаемой профессии собственным способностям и интересам, а также перспектив и эффективности будущего трудоустройства в случае работы по профессии. Не случайно сегодня половина выпускников выбрала бы другую профессию, и не планирует работать по специальности, то есть, вступает на рынок труда без соответствующего багажа знаний и навыков.

О серьёзном воздействии информации о негативных явлениях на рынке труда на фоне пандемии COVID-19 говорит обратная зависимость между численностью безработных и рассчитанным индексом ожидаемого трудоустройства. Высокая до пандемии доля ожидавших успешного трудоустройства после выпуска из вуза на её фоне заметно снизилась. Разделение представлений о препятствиях успешному трудоустройству на имеющие отношение к внутреннему локусу контроля (связанные с собственными несовершенствами в части профессиональной подготовки, соответствия требованиям рынка труда) и внешнему локусу контроля (связанные с независящими от индивида обстоятельствами, в данном случае — изменениями рыночного спроса и предложения, установок работодателей), а затем кластерный анализ позволили выделить 4 группы респондентов. Почти половина респондентов имеет выраженный внутренний локус контроля, остальные группы разделились в примерно равных пропорциях. Среди ищущих проблемы, в первую очередь, в себе довольно много тех, кто ожидает трудностей при попытке трудоустроиться на желаемую или даже просто хорошую работу; то же касается тех, у кого выражены оба локуса контроля: здесь каждый шестой вообще не уверен, что найдёт приемлемую работу. При этом доля респондентов с внутренним локусом контроля практически не зависит от курса, на котором обучаются студенты, разве что среди студентов выпускного курса наблюда-

ется некоторый рост. В то же время, если среди студентов младших курсов заметно больше тех, у кого отсутствует выраженный тип локуса контроля, то есть, ещё не сформировались представления о природе проблем с будущим трудоустройством и, как следствие, они более уверены в себе, то среди старшекурсников, напротив, больше тех, у кого довольно сильно выражены оба локуса контроля, то есть проблемы с будущим трудоустройством видятся сочетанием неподконтрольных внешних факторов и собственных изъянов. Аналогичная связь с курсами прослеживается и в части представлений о негативном влиянии дистанционного обучения на будущее трудоустройство в силу снижения качества образования: если среди первокурсников в той или иной степени в этом уверены две трети респондентов, то среди студентов выпускного курса — половина.

Таким образом, будущее, в том числе и в силу радикальных сдвигов, произошедших на фоне пандемии COVID-19, видится существенной части опрошенной студенческой молодёжи весьма неопределённым. При этом, в рамках описанной Э. Гидденсом парадигмы онтологической безопасности, молодёжь во многом действует так, как это делали взрослые поколения в прошедшие 30 лет рыночной трансформации — получает формальное доступное образование, работает не по полученной в вузе специальности и так далее, то есть реализует практики, позволяющие адаптироваться, но не ведущие к снижению уровня неопределённости.

Литература и Интернет-источники

1. **Bauman, Z.** Mortality, immortality and other life strategies / Z. Bauman.— Stanford: Stanford University Press, 1992.— P. 10–11.
2. **Kruteleva, L. J.** Life-sense Strategies as a Motivational-dynamic Characteristic of a Person / L. J. Kruteleva, I. V. Abakumova // Procedia-Social and Behavioral Sciences.— 2013.— Vol. 86.— P. 37.
3. **Kenway, J.** Life chances, lifestyle and everyday aspirational strategies and tactics / J. Kenway, A. Hickey-Moody // Critical studies in education.— 2011.— Vol. 52.— No. 2.— P. 152.
4. **Ляликова, С. В.** Преимущества и недостатки альтернативных форм обучения на примере дистанционного образования / С. В. Ляликова // Современное общество в условиях социально-экономической неопределённости: XV Международная научная конференция «Сорокинские чтения-2021» (Москва, 4 марта 2021 г.).— Москва : МАКС Пресс, 2021.— С. 812–813. EDN: WJFAAY

5. **Hiscock R., Kearns A., Macintyre S., Ellaway A.** Ontological security and psycho-social benefits from the home: Qualitative evidence on issues of tenure / R. Hiscock, A. Kearns, S. Macintyre, A. Ellaway // *Housing, theory and society*.— 2001.— Vol. 18.— No. 1–2.— P. 50.
6. **Марков, Д. И.** Что такое идеальная работа и как на нее устроиться: карьера как форма успеха в представлениях студентов / Д. И. Марков // *Социальное пространство*.— 2021.— Т. 7.— № 5.— URL: <http://sa.isert-ran.ru/issue/32>. (дата обращения: 10.01.2022). DOI: 10.15838/sa.2021.5.32.3; EDN: RFZKTP

Сведения об авторах

Александрова Ольга Аркадьевна, д.э.н., зам. директора по научной работе, Институт социально-экономических проблем народонаселения имени Н. М. Римашевской Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук; проф. департамента социологии Финансового университета при Правительстве РФ, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: a762rab@mail.ru; ORCID: 0000-0002-9243-9242; Researcher ID Web of Science: B-1306-2017; РИНЦ AuthorID: 257224.

Проскурина Александра Сергеевна, к.социол.н., доцент Департамента социологии Финансового университета при Правительстве РФ, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: asproskurina@fa.ru; ORCID: 0000-0002-2108-1415, РИНЦ AuthorID: 975677.

Марков Дмитрий Игоревич, исследовательский менеджер Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ); ассистент Департамента социологии Финансового университета при Правительстве РФ, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: dimarkov1998@yandex.ru; ORCID:0000-0001-9380-0506; Researcher ID Web of Science: AAU-9797-2021; Scopus Author ID: 57219125459; РИНЦ AuthorID: 1076893.

DOI: 10.19181/population.2023.26.1.15

THE FIRST ENCOUNTER WITH THE “BLACK SWAN”: HOW THE PANDEMIC AFFECTS THE MOOD OF GRADUATES

Olga A. Aleksandrova^{1,2}, Alexandra S. Proskurina², Dmitry I. Markov^{2,3*}

¹*Institute of Socio–Economic Studies of Population of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (32 Nakhimovsky prospect, Moscow, Russia, 117218)*

²*Financial University under the Government of the Russian Federation (49 Leningradsky prospect, Moscow, Russia, 125993)*

³*Russian Public Opinion Research Center (VCIOM) (38 Prechistenka str., Moscow, Russia, 119034)*

*E-mail: dimarkov1998@yandex.ru

For citation:

Aleksandrova O.A., Proskurina A.S., Markov D.I. The first encounter with “the black swan”: how the pandemic affects the mood of graduates. *Narodonaselenie [Population]*. 2023. Vol. 26. No. 1. P. 187-200. DOI: 10.19181/population.2023.26.1.15 (in Russ.)

Abstract. *The first ILO report against the background of the Covid-19 pandemic names youth among the most anxious groups. Russian sociologists also spoke about this, linking such a reaction with the greenhouse conditions created by Russian families for children. Graduation from a university is a serious life milestone, especially in the context of the pandemic that has required long periods of distance learning and dramatically accelerated the digitalization of the economy. According to the*

research conducted by the authors, more than two-thirds of students believe that the pandemic has changed our lives forever, and also that in the modern world it is impossible to have one profession for all your life. Medium-term and long-term prospects for specialists with their education do not seem very optimistic to students. But and in the short term, the majority of graduates assess their competitiveness in the labor market as average and foresee high competition for vacancies (or their shortage) and the offer of low wages. For many, the problems of future employment are laid down at the stage of choosing a profession: a significant part goes to study where there are affordable budget places, but poorly understand the essence of the profession and its relevance. Today, half of the graduates would choose another profession and do not plan to work in their specialty. High proportion of those who expected successful employment before the pandemic has noticeably decreased against its background. With regard to employment problems, almost half of the respondents have an internal locus of control, the rest are divided in equal proportions into those who have an external locus of control, or both loci of control are expressed or not expressed. For older students, problems with employment are more often seen as a combination of external factors and their own shortcomings. Among those looking for problems in themselves or both in themselves and in the external environment, there are quite a lot of expecting difficulties in finding a job. Acting within the framework of the “ontological security”, young people implement practices that allow them to adapt, but do not reduce uncertainty.

Key words: youth, pandemic, changes in the sphere of work, higher education, quality of education, employment, professional self-realization.

References and Internet sources

1. Bauman Z. *Mortality, Immortality and Other Life Strategies*. Stanford. Stanford University Press. 1992. P. 10–11.
2. Kruteleva L. J., Abakumova I. V. Life-sense strategies as a motivational-dynamic characteristic of a person. *Procedia-Social and Behavioral Sciences*. 2013. Vol. 86. P. 37.
3. Kenway J., Hickey-Moody A. Life chances, lifestyle and everyday aspirational strategies and tactics. *Critical Studies in Education*. 2011. Vol. 52. No. 2. P. 152.
4. Lyalikova S. V. Preimushchestva i nedostatki al'ternativnykh form obucheniya na primere distantsionnogo obrazovaniya [Advantages and disadvantages of alternative forms of education on the example of distance education]. *Sovremennoye obshchestvo v usloviyah sotsial'no-ekonomicheskoy neopredelennosti*. XV Mezhdunarodnaya nauchnaya konferentsiya «Sorokinskiye chteniya 2021». [Modern Society in the Conditions of Distance Education. Proceedings of the XV international scientific conference “Sorokin Readings 2021”] (Moscow, 4 March 2021). Moscow. MAK Press. 2021. P. 812–813. (in Russ.)
5. Hiscock R., Kearns A., Macintyre S., Ellaway A. Ontological security and psycho-social benefits from the home: Qualitative evidence on issues of tenure. *Housing, Theory and Society*. 2001. Vol. 18. № 1–2. P. 50.
6. Markov D. I. Chto takoye ideal'naya rabota i kak na neyo ustroit'sya: kar'era kak forma uspekha v predstavleniyah studentov [What is an ideal job and how to get it: career as a form of success in students' ideas]. *Sotsial'noye prostranstvo [Social Space]*. 2021. Vol. 7. No. 5. Available at: <http://sa.isert-ran.ru/issue/32>. (Accessed: 10 January 2022). (in Russ.)

Information about the authors:

Aleksandrova Olga Arkadievna, Doctor of Economics, Deputy Director for Research, Institute of Socio-Economic Studies of Population of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences; Professor, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: a762rab@mail.ru; ORCID: 0000-0002-9243-9242; Researcher ID Web of Science: B-1306-2017; Elibrary AuthorID: 257224.

Proskurina Alexandra Sergeevna, Candidate of Sociology, Associate Professor, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: asproskurina@fa.ru. ORCID: 0000-0002-2108-1415; Elibrary AuthorID: 975677.

Markov Dmitry Igorevich, Assistant, Financial University under the Government of the Russian Federation; Research Manager, Russian Public Opinion Research Center (VCIOM), Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: dimarkov1998@yandex.ru; ORCID:0000-0001-9380-0506; Researcher ID Web of Science: AAU-9797-2021; Scopus Author ID: 57219125459; Elibrary AuthorID: 1076893.

Статья поступила в редакцию 07.11.2022, одобрена 15.02.2023, опубликована 30.03.2023.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ ИСЭПН ФНИСЦ РАНDOI: 10.19181/population.2023.26.1.16
EDN: XBAHZR**VIII МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ
КОНФЕРЕНЦИЯ «ДОХОДЫ, РАСХОДЫ И СБЕРЕЖЕНИЯ
НАСЕЛЕНИЯ РОССИИ: ТЕНДЕНЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ»**

Конференция, проведенная 29 ноября 2022 г., была организована по инициативе ИСЭПН ФНИСЦ РАН и собрала для научной дискуссии ряд учёных, преподавателей и практиков из разных городов России, Беларуси, Армении. Опыт проведения предшествующих семи конференций доказал актуальность рассматриваемых проблем и наличие подлинного интереса к тематике мероприятия со стороны научного и педагогического сообщества. Доклады учёных, преподавателей высших учебных заведений, представителей предпринимательского сообщества, исследователей-практиков, аспирантов и докторантов вызвали оживленную реакцию слушателей. Модераторами выступили О.А. Александрова, д.э.н., зам. директора по научной работе ИСЭПН ФНИСЦ РАН, проф. Департамента социологии Финансового университета при Правительстве РФ; А.В. Ярашева, д.э.н., проф., проф. РАН, зав. Лабораторией исследования поведенческой экономики ИСЭПН ФНИСЦ РАН и Н.В. Аликперова, к.э.н., в.н.с. ИСЭПН ФНИСЦ РАН, доцент Департамента социологии Финансового университета при Правительстве РФ. С приветственным словом к участникам конференции обратился директор ИСЭПН ФНИСЦ РАН, член-корр. РАН, д.социол.н., проф. В.В. Локосов.

На конференции отдали дань памяти ушедшим из жизни известным российским экономистам — ежегодным участникам мероприятия: В.В. Пациорковскому, В.Д. Роику, О.Н. Вершинской, Л.С. Ржанициной, Д.Е. Сорокину, которые своими яркими запоминающимися выступлениями способствовали возникновению обсуждения поднимаемых острых для социально-экономи-

ческого развития нашей страны вопросов, повышали интерес и значение проводимых ежегодно конференций.

Современная экономическая и геополитическая ситуация, сложившаяся не только в результате влияния негативных последствий пандемии коронавируса, но и санкционных мер, оказывает непосредственное влияние на уровень и качество жизни населения, на выбор стратегий экономического поведения. Взаимосвязанные между собой формы активности: трудовой, потребительской, сберегательной, инвестиционной, кредитной, страховой, в том числе в сфере пенсионного страхования, претерпели изменения. Учёные-исследователи наблюдают трансформацию установок и моральных ценностей, а также в целом экономических ожиданий разных групп населения. Всем этим актуальным проблемам и поиску их решений были посвящены выступления спикеров и дискуссия участников конференции.

А.А. Шабунова, д.э.н., доцент, директор Вологодского научного центра РАН, в своём докладе «О неравенстве возможностей здоровьесбережения», подготовленном совместно с Л.Н. Нацун, к.э.н., н.с. Лаборатории исследования проблем управления в социальной сфере отдела исследования уровня и образа жизни населения Вологодского научного центра РАН отметила: на фоне превращения современной медицины в разряд услуг всё чаще на первый план выходит их недоступность для части населения. Результаты авторского социологического исследования показали, что ситуация вынуждает поликлиники переводить ряд своих медицинских услуг в разряд платных,

а дифференциация доходов населения продолжает оказывать негативное влияние на возможность использования услуг здравоохранения. Недоступность проявляется не только в отношении финансовых сложностей для пациентов (возрастающее неравенство доходов и вдвое увеличение объема платных услуг за 2020–2021 гг.), но и территориальной удалённости жителей в регионах от стационаров, поликлиник, диагностических центров, а также недостаточного наличия необходимого (в том числе высокотехнологичного) медицинского оборудования и квалифицированных кадров. Всё это, по словам докладчика, результат недофинансирования сферы здравоохранения в стране и в регионах, несмотря на наличие национальных проектов, призванных решать данную социальную проблему.

В докладе «Финансовое поведение домохозяйств в Армении после иммиграции россиян с марта 2022 г.», подготовленном А.Р. Макарян, к.э.н, н.с. Отдела макроэкономических проблем и финансов Института экономики имени М. Котаняна Национальной академии наук Республики Армения, показана динамика финансового поведения домохозяйств в Армении после начала иммиграции россиян с марта 2022 года. Докладчик рассказала о влиянии данных процессов на реальный рост экономики республики, а также о выявленных возможных рисках, с которыми может столкнуться Армения в среднесрочной перспективе. Несмотря на то, что за 9 месяцев 2022 г. по сравнению с декабрём 2021 г. общий объем депозитов (резидентов и нерезидентов), привлеченных коммерческими банками Армении, вырос на 457 млрд драмов, депозиты домашних хозяйств в национальной валюте сократились на 19,5 млрд драмов. По словам докладчика, рост депозитов в коммерческих банках и выданных ими кредитов может способствовать экономическому росту в краткосрочной перспективе, но в среднесрочной перспективе всё будет зависеть от новых миграционных потоков (их массовости) и/или других источников роста. Но в целом для Армении важен акцент на иных источниках экономическо-

го роста, основанных на увеличении реального экспорта товаров и услуг, привлечении прямых иностранных инвестиций и создании более привлекательного инвестиционного климата в республике.

Важная тема конференции, связанная с последствиями реформирования пенсионной системы в России, рассмотрена А.К. Соловьёвым, д.э.н., проф., заслуженным экономистом России, Директором Центра развития государственной пенсионной системы Финансового университета при Правительстве РФ в докладе «Эффективность государственной пенсионной системы России в условиях цифровизации и радикальной трансформации рынка труда». Во время выступления были представлены результаты исследования развития государственной пенсионной системы России в рамках реализации первых этапов правительственной «Стратегии долгосрочного развития государственной пенсионной системы». Анализ показал, что, несмотря на выполнение основных задач, целевые ориентиры пенсионной реформы по сокращению бедности пенсионеров и ликвидации финансового дефицита пенсионного бюджета не достигнуты. Причинами сохранения рисков увеличения бедности и финансовой необеспеченности государственных пенсионных обязательств являются макроэкономические и демографические факторы. Определены рискованные категории застрахованных лиц в пенсионной системе, которые наиболее подвержены влиянию этих факторов, и сформулированы предложения по их предупреждению. Спикером подчеркивалось, что наиболее застарелые проблемы, тормозящие развитие государственной пенсионной системы в условиях новых глобальных вызовов, вытекают из отставания темпов институциональной перестройки рыночных экономических отношений в секторе общественных финансов и всей государственной социальной политики.

С.В. Крошили, к.тех.н., доцент; в.н.с. ИСЭПН ФНИСЦ РАН; доцент кафедры математики, физики и медицинской информатики Рязанского государственного ме-

дицинского университета имени академика И.П. Павлова в докладе: «Современные тенденции рынка телемедицинских услуг в России» подчеркнул, что за последние полгода произошли существенные изменения в вопросах законодательной и практической поддержки телемедицинских технологий (ТМТ) со стороны Правительства РФ. Как показывают социологические исследования 2020–2022 гг., востребованность ТМТ достаточно высока: 61,1% опрошенных считает возможным использовать такой вид услуг только для предварительной консультации; более ½ респондентов допускают применение ТМТ при обращении к терапевту; 1/3 уверена, что можно применить ТМТ при взаимодействии с врачами узкой специализации. В докладе отмечалось, что жители средних, крупных городов чаще становятся пользователями ТМТ. Дистанционный биомониторинг востребован не только у старшего поколения, представители которого, как правило имеют несколько хронических заболеваний, но и у молодежи, применяющей электронные гаджеты для контроля здоровья и диагностики главных показателей жизнедеятельности. ТМТ чаще всего дешевле очных приёмов, что актуально для пациентов в условиях снижения их реальных доходов. Кроме того, исследователи полагают, что продолжится рост численности пациентов с хроническими заболеваниями, для которых важны постоянный дистанционный мониторинг состояния здоровья и электронное обновление рецептов.

Е.А. Акопян, к.э.н., учёный секретарь, н.с. Отдела макроэкономических проблем и финансов Института экономики имени М. Котаняна Национальной академии наук Республики Армения выступила с докладом «Потребительские расходы домохозяйств Армении и инфляционные ожидания после иммиграции россиян с марта 2022 г.», подготовленный совместно с А.Р. Макарян, к.э.н., н.с. Отдела макроэкономических проблем и финансов Института экономики имени М. Котаняна Национальной академии наук Республики Армения. Спикер отметила, что иммиграция россиян с мар-

та 2022 г. способствовала экономическому росту в Армении. Он связан с увеличением расходов домашних хозяйств на конечное потребление, так как это основной элемент потребления в структуре ВВП (65%). А рост реальных расходов обусловлен реальным повышением доходов домохозяйств Армении, особенно в разрезе заработных плат в период с февраля по сентябрь 2022 года. Подчёркивалось, можно ожидать, что при инфляционных шоках, домохозяйства в Армении будут корректировать свои расходы постепенно, что зависит от изменений в их доходах; более того, инфляционные ожидания домохозяйств будут стимулировать рост расходов. Реальные расходы домашних хозяйств в Армении на конечное потребление в трёх кварталах 2022 г. (в % к соответствующему кварталу предыдущего года) выросли при достаточно высоком уровне инфляции, что можно объяснить или ростом реальных доходов, или инфляционными ожиданиями, или комбинацией этих факторов.

Актуальную тему доходов населения, но уже на уровне трудовых мигрантов, развил Е.С. Красинец, к.э.н., зав. Лабораторией миграционных исследований ИСЭПН ФНИСЦ РАН в докладе, подготовленном совместно с Т.В. Шевцовой, к.э.н., в.н.с. ИСЭПН ФНИСЦ РАН на тему «Иностранная рабочая сила и денежные переводы мигрантов в развитии экономики современной России». В презентации было показано, какие изменения происходят сегодня в России на рынке иностранной рабочей силы, раскрыты перемены в динамике денежных переводов из России. В докладе был затронут ряд принципиальных вопросов о том, как может и должна меняться государственная политика в области привлечения и использования рабочей силы из-за рубежа. Подчёркивалось, что ухудшение экономической ситуации, снижение уровня оплаты труда и введенные ограничения закономерно привели к резкому сокращению легальных трудовых мигрантов. Как следствие спада трудовой иммиграции, заметно уменьшились и объемы трансграничных денежных переводов мигрантов. По данным Цен-

трального Банка России, объём денежных переводов из РФ лицами-нерезидентами через платёжные системы в 2020 г. в сравнении с предшествующим годом сократился более чем на 20%, в том числе в страны дальнего зарубежья — на 18,5% и в страны СНГ — на 21,7%. С начала 2021 г. спрос на рабочую силу на рынке труда стал расти высокими темпами, что привело к сильному дисбалансу между спросом на труд и его предложением. По мере адаптации трудовых мигрантов к структурным переменам в экономике увеличились и объёмы их денежных переводов за рубеж, так, согласно данным ЦБ, в 2021 г. в сравнении с 2020 г. общий объём трансграничных денежных переводов трудовых мигрантов из России через платёжные системы вырос на 17,6%. Ещё более значительно увеличились денежные переводы в страны СНГ — на 22,6%.

Г.В. Белехова, к.э.н., с.н.с. Отдела исследования уровня и образа жизни населения Вологодского научного центра РАН выступила с докладом «Потребительские практики и социальные настроения населения: трансформация в условиях нестабильности 2018–2022 гг. (региональный срез)». Спикером были представлены результаты оценки потребительских практик и социальных настроений населения Вологодской области. Было подчеркнуто, что, несмотря на трудности в экономической деятельности многих предприятий (из-за стагнации, особенностей сбыта энергоресурсов, последствий введения ограничений в период пандемии и проч.), на отсутствие роста доходов населения региона и закономерное ухудшение самооценок материальных возможностей, потребительские практики населения Вологодской области в 2018–2022 гг. не претерпели существенных изменений. Однако, как отметила Г.В. Белехова, на протяжении длительного периода времени не отмечается улучшения по рассматриваемым аспектам потребления. Как свидетельствуют данные опросов, уже несколько лет потребительские возможности населения практически не изменяются в количественном и качественном плане, а устойчивые потребительские практики, нормальное состояние, низ-

кая тревожность и надежда на отсутствие ухудшений в жизни выглядят парадоксальными на фоне потрясений последних лет. Всё это может рассматриваться как сигнал о неопределённости и противоречивости социального самочувствия населения региона, о наличии скрытых негативных процессов в плане притязаний и запросов к общественному устройству.

В своем выступлении на тему «Качество трудового потенциала и размер заработной платы: гендерные парадоксы взаимосвязи» З.А. Хоткина, к.э.н., в.н.с. ИСЭПН ФНИСЦ РАН констатировала: экономическое и инновационное развитие страны напрямую зависит от трудового потенциала населения — его количественных и качественных параметров, а также эффективности его использования. Особенности занятости женщин в России по сравнению с большинством развитых стран, по мнению спикера, состоят в том, что, во-первых, их доля в трудовом потенциале страны очень высока — 48,5%, т.е. практически половина всего занятого населения (данные Росстата за август 2022 г.). Во-вторых, уровень занятости россиянок, в том числе, имеющих детей, также очень высок, и для женщин в наиболее продуктивных возрастах от 30 до 49 лет находится в диапазоне 84,3–91,6%, что не принципиально ниже, чем у мужчин (93,6–95,7%). Учитывая, что женщины в этот период еще находятся в репродуктивном возрасте, а их загруженность домашним неплачиваемым трудом в 3–4 раза выше, чем у мужчин, можно говорить о том, что их трудовой потенциал используется интенсивно. Еще одной особенностью занятых россиянок является более высокий по сравнению с мужчинами уровень образования, а также индекс человеческого капитала (0,823 против 0,808). Несмотря на это, гендерный разрыв в заработках мужчин и женщин в России остается высоким (27,5%) — почти вдвое выше, чем в странах ЕС (14,1%). З.А. Хоткина отметила: если трудовой потенциал половины занятого населения страны используется нерационально, то это снижает качество жизни всего населения и эффективность экономики страны.

Ю.А. Симагин, к.геогр.н., доцент, зав. Лабораторией исследований социально-экономического и информационного развития территорий ИСЭПН ФНИСЦ РАН выступил с докладом «Региональный материнский капитал и рождаемость в регионах России», подготовленном совместно с И.Н. Ванькиной, м.н.с. ИСЭПН ФНИСЦ РАН и Д.Д. Муртузалиевой, к.э.н., н.с. ИСЭПН ФНИСЦ РАН. Докладчик отметил: естественная убыль населения стала одной из приоритетных для государственной власти проблем, требующих скорейшего решения. В последние годы в России основной акцент был сделан на мерах по материальному (финансовому) стимулированию рождаемости. На основе анализа соотношения регионального материнского капитала и общего коэффициента рождаемости в регионах России по данным 2020–2021 гг. выделены четыре группы (по размеру/наличию капитала) субъектов РФ по соотношению рождаемости и регионального материнского капитала. В завершении выступления был сделан вывод: введение адекватного по сумме регионального материнского капитала могло бы частично снизить остроту демографических проблем.

И.В. Пилипенко, к.геогр.н., в.н.с. ИСЭПН ФНИСЦ РАН в своём выступлении на тему «Подходы к оценке уровня доходов населения России в исторической перспективе» подчеркнул, что проблема определения уровня жизни и динамики благосостояния населения РФ за последние три десятилетия с момента распада СССР является одной из наиболее дискуссионных тем в работах российских и зарубежных исследователей. Поскольку менее исследованным вопросом остается проблема сравнения уровня жизни в России с ведущими западными странами, то спикер представил результаты своей оценки динамики доходов населения России в период с 1990 по 2021 гг., используя данные Росстата по среднемесячной номинальной начисленной заработной плате работников по полному кругу организаций в целом по экономике РФ. При этом были применены авторские наработки по межстрановому сопоставлению уровня жизни с учетом данных по паритету покупатель-

ной способности рубля РФ и доллара США, рассчитываемых Всемирным банком. Выявлена динамика отношения среднемесячной номинальной начисленной заработной платы в РФ к зарплатам 1990 г. и 2021 г., скорректированных с учетом уровня инфляции за соответствующий период. В докладе на основе данных Росстата и Всемирного банка показана динамика среднемесячной номинальной начисленной заработной платы в РФ, конвертированной в доллары США по обменным курсам, по паритету покупательной способности в текущих и постоянных ценах в 1990–2021 гг.

А.Р. Налбандян, экономист Института экономики имени М. Котаняна Национальной Академии Наук Республики Армения выступил с докладом «Влияние превращения ЖКХ в социальные предприятия на цены и качество». Спикером показана роль социальных предприятий, которые являются одной из форм предпринимательской деятельности. При этом подчеркивалось, что такие компании конечной целью своей работы имеют не столько увеличение своих доходов, сколько рост товаров и услуг, которые они предлагают клиентам. Такой подход к экономической деятельности делает социальные предприятия уникальными, особенно в сфере гражданских услуг, что дает им возможность действовать не только в частном секторе, но и государственном. Как отметил спикер, широкое распространение социальных предприятий может создать условия для развития настоящего рынка услуг ЖКХ и роста уровня качества этих услуг.

А.К. Гузанова, с.н.с. ИСЭПН ФНИСЦ РАН в своём докладе «Предпочтения российских домохозяйств по улучшению жилищных условий: территориальные и социальные аспекты» представила анализ поведения российских домохозяйств при решении жилищной проблемы. Как отметила спикер, такое поведение включает выбор места проживания, типа жилья (квартиры или собственного дома), практику улучшения жилищных условий, способы приобретения жилья, связь с доходами и демографическим составом домохозяйств. В выступ-

лении были продемонстрированы результаты исследования, состоящие из выявленных намерений российских домохозяйств по улучшению жилищных условий в 2011–2020 годах: 1) по типам поселений; 2) по социально-демографическим типам (структуре) домохозяйств; 3) по источникам для покупки (строительства) другого (второго и т.д.) жилья. Осуществленный анализ позволил выявить довольно высокую долю российских домохозяйств, имеющих намерения по улучшению своих жилищных условий. Это касается четверти домохозяйств с детьми и более трети многодетных и молодых семей. Однако, как отметила А.К. Гузанова, доля тех, кто может реализовать это на практике — в несколько раз меньше. Вместе с тем, выявлен большой вклад индивидуального жилищного строительства, который во многом обеспечивается за счет семей с детьми. Докладчик подчеркнула, что современное развитие малоэтажного жилищного строительства рассматривается в качестве не единственного, но ключевого инструмента улучшения жилищных условий населения, решения проблем аварийного жилья, преодоления скученности населения в больших городах и т.д.

Н.Е. Русанова, д.э.н., доцент, в.н.с. ИСЭПН ФНИСЦ РАН, представила доклад на тему «Беременность и роды: за что готовы заплатить женщины». Спикером подчеркивалось, что в России медицинская помощь женщинам в период беременности и родов оказывается бесплатно и в полном объеме, учитывающем все достижения современного акушерства и перинатологии. Вместе с тем, индивидуальные потребности не всегда совпадают с массовыми стандартами. В таких случаях «медицинская помощь» становится «медицинской услугой», для оплаты которой существует несколько источников: обязательное и добровольное медицинское страхование (ОМС и ДМС), личные средства пациентов, спонсорская помощь. По мнению докладчика, ответ на вопрос о том, какие медицинские услуги приоритетны на каждом этапе, от зачатия до родов, позволяет точнее определить инструменты пронатальной политики и специфи-

ку их реализации среди населения в возрасте активной репродуктивности. Авторское исследование показало, что роль основных источников финансирования репродуктивной медицинской помощи (медицинских услуг) различна на разных этапах процесса, связанного с принятием и реализацией решений о рождении детей. Новые стандарты «комфортной беременности» предполагают дополнение базового наблюдения по стандартам медицинской помощи, предоставляемым ОМС, индивидуальными консультациями и персоналом «немедицинской заботы», которые женщины готовы оплачивать по ДМС или из личных средств.

Все представленные на конференции доклады вызвали живой интерес участников форума, что выражалось в вопросах к докладчикам и оживленной научной дискуссии, несмотря на смешанный формат проведения — в виде онлайн-заседания и очного присутствия докладчиков. Участники и спикеры отметили традиционно высокий уровень выступлений, несомненную актуальность поднимаемых вопросов и высказали благодарность организаторам конференции за приверженность к продолжению обсуждения острых социальных вопросов данного ежегодного научного мероприятия.

Материал подготовили:

Александрова О. А., д.э.н., зам. директора по научной работе ИСЭПН ФНИСЦ РАН, проф. Департамента социологии Финансового университета при Правительстве РФ;

Ярашева А. В., д.э.н., проф., проф. РАН, зав. лабораторией ИСЭПН ФНИСЦ РАН.

АВТОРАМ ЖУРНАЛА «НАРОДОНАСЕЛЕНИЕ»

Материал пересылается в формате Word по электронной почте ответственному секретарю журнала – sesp-population@yandex.ru. Формат страницы – А4. Текст должен быть набран шрифтом Times New Roman, кегль 12, междустрочный интервал 1,5. Рисунки и схемы выполняются в черно-белом цвете и дополнительно предоставляются в отдельных файлах в форматах JPEG, PDF и в исходном формате. Названия таблиц и рисунков даются на русском и английском языках. Под таблицами и рисунками указывается источник информации. Список литературы формируется в порядке упоминания в тексте и приводится после текста статьи. Ссылки в тексте на источник в списке литературы даются в квадратных скобках (напр., [5, с. 8]), а на нормативно-правовые документы и статистические материалы – в виде подстрочной ссылки внизу страницы. Общий объем материала от 0,5 до 1,0 п.л. В соответствующих местах ставится буква «ё».

Для статей обязательны:

- наличие аннотации, ключевых слов, и пристатейного списка литературы, оформленного по ГОСТ Р 7.0.100–2018 «Библиографическая запись. Библиографическое описание: общие требования и правила составления»;
- сквозная нумерация таблиц, рисунков, схем, подстрочных ссылок, математических формул;
- в начале каждой статьи после её названия необходимо указывать фамилии автора(ов) статьи, место и почтовый адрес работы, электронный адрес автора-ответственного исполнителя;
- аннотация и ключевые слова на русском языке приводятся перед текстом статьи;
- список литературы на русском языке и другие источники информации приводятся после текста статьи;
- название статьи; имена и фамилии авторов/автора, аннотация, ключевые слова, список литературы на английском языке приводятся после списка литературы на русском языке;
- в конце статьи приводится подробная информация об авторе(ах) на русском и английском языках: фамилия, имя и отчество, учёная степень, должность и место работы с указанием города и страны, электронный адрес, ORCID, Researcher ID Web of Science, Scopus Author ID, РИНЦ Author ID.

Требования к написанию аннотаций

Аннотация на русском языке должна быть:

- информативной (не содержать общих слов)
- отражать основное содержание статьи и результаты исследований. Предмет, тема, цель работы указывается в том случае, если они не ясны из заглавия статьи;
- структурированной (следовать логике описания результатов в статье);
- объём текста должен включать от 200 (минимум) до 250 слов.

Аннотация на статью на английском языке по объёму может быть больше аннотации на русском, не быть калькой русскоязычной аннотации.

Требования к переводу на английский язык пристатейного списка литературы

В зарубежных стандартах в библиографических записях не используются разделительные знаки, применяемые в российском ГОСТе («//» и «-»). Название книги и журнала/газеты отделяются от Ф.И.О. авторов и заглавия статьи типом шрифта и точкой. Для изданий не на английском языке делаются и перевод, и транслитерация. При ссылке на книжные издания названия издательства, организации и города (места издания) приводятся полностью. Обязательно указание диапазона страниц при описании статей в журналах или сборниках и общего количества страниц – в книжных изданиях. В конце неанглоязычных публикаций в скобках указывается язык, для русскоязычных: (in Russ.). Статьи из электронных источников описываются аналогично печатным изданиям с дополнением данных об адресе и дате доступа.

Примеры:

1. Yarygina T. Bednost' v bogatoj Rossii [Poverty in rich Russia]. Obshchestvennye nauki i sovremennost' [Social Sciences and Modern World]. 1994. No. 2. P. 25–35. (in Russ.)
2. Sarkisyan G. S., Kuznetsova N. P. Potrebnosti i dohod sem'i [Family Needs and Income]. Moscow. Ekonomika [Economics]. 1967. 178 p. (in Russ.)
3. Slepukhina I. L. Formirovaniye regionalnoy sistemy upravleniya obnovleniyem gorodskoy zhiloy zastroyki. [Formation of the regional system of management of the city housing stock renovation]. Arkhangel'sk. 2009. 184 p. Available at: <https://dlib.rsl.ru/01004325199> (Accessed: 18 May 2019). (in Russ.)

Требования к формулам:

- формулы должны быть набраны в формульном редакторе Word;
- после формулы ставится запятая, со следующей строки с абзаца после слова «где» расшифровка символов формулы в том порядке, в котором они идут в формуле; единицы измерения обязательны. Расшифровка даётся в строчку;
- греческие буквы набирают прямым шрифтом, латинские – курсивом;
- перенос формул следует делать на знаках равенства и соотношения между левой и правой частями формулы, знаках сложения и вычитания, на знаке умножения применением косого креста (x) в конце одной строки и в начале следующей строки;
- знак умножения между буквенными символами не ставится ($A = be$), а между числами ставят точку по центру строки ($5 \cdot 30$);
- единицы измерения физических величин приводятся в системе СИ и отделяются от значения одним пробелом (12,87 мм, 58 Дж/моль), за исключением градусов и процентов (90° , 20°C , 50%);
- в качестве десятичного знака в формуле используется запятая (например: 14,67).

Все статьи проходят рецензирование и проверку в системе «Антиплагиат». Результаты рецензирования и решение редколлегии о принятии представленной статьи к публикации сообщаются авторам.

ПОДПИСНОЙ ИНДЕКС

журнала ***НАРОДОНАСЕЛЕНИЕ*** в «Урал-пресс»: 79183
ISSN 1561-7785